

Статья «Графа Чатамъ» переведена подъ редакціи К. Н. Бестужева-Рюмина; остальныя подъ редакцій Н. М. Латкиной.

МАКОЛЕЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ V.

КРИТИЧЕСКІЕ И ИСТОРИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

ИЗДАНІЕ

НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

Дозволено цензурой. С. Петербургъ, 12 августа 1863 г.

въ типографіи П. А. Кулиша.

M-ME Д'АРБЛЭ.

(Январь, 1843).

«Diary and Letters of Madame D'Arblay», Five vols. 8-vo. London, 1842.
«Дневникъ и Письма m-me Д'Арблэ». Пять томовъ. 8-vo Лондонъ. 1842.

Хотя свѣтъ мало слышалъ о m-me Д'Арблэ въ послѣднія сорокъ лѣтъ ея жизни, и хотя это малое не увеличило ея славы, но, мы думаемъ, многіе почувствовали странное волненіе, узнавши, что ея не стало среди нас. Вѣсть о ея смерти разомъ перенесла умы людей аа два поколѣнія назадъ, ко времени, когда пріобрѣтались ею первые литературные успѣхи. Всѣ тѣ, кого мы привыкли почитать какъ умственныхъ патріарховъ, казались дѣтьми въ сравненіи съ нею, потому что еще Боркъ просиживалъ ночи аа чтеніемъ ея сочиненій, а Джонсонъ ставилъ ее выше Фильдинга еще въ то время, какъ Роджерсъ былъ школьникомъ, а Соути ходилъ въ курточкѣ. Но еще страннѣе кажется, что мы только теперь потеряли ту, имя которой пользовалось обширной извѣстностью прежде, чѣмъ кто-либо слышалъ о знаменитыхъ людяхъ, лѣтъ 20 — 30 тому назадъ унесенныхъ въ могилу послѣ долгой и блестящей карьеры. Однако такъ было дѣло. Франсизъ Борни стояла на вершинѣ своей славы и популярности, прежде чѣмъ Коуперъ издалъ свой первый томъ, прежде чѣмъ Порсонъ поступилъ въ коллегію, прежде чѣмъ Питтъ занялъ свое мѣсто въ палатѣ общинъ, прежде чѣмъ голосъ Эрскина раздался въ Вестминстерской аалѣ. Со времени появленія ея первой книги прошло шестьдесятъ-два года, и этотъ промежутокъ былъ наполненъ не только политическими, но и умственными революціями. Въ продолженіе

этого періода возникли, расцвѣли, завяли и исчезли тысячи репутацій. Новые роды сочиненій вошли въ моду, вышли изъ моды, были осмѣяны, были забыты. Нелѣпыя произведенія Делла Круска и Коцебу очаровали на время толпу, но не оставили слѣдовъ за собою; ложно направленный творческій умъ не могъ спасти отъ паденія нѣкогда цвѣтущія школы Годвина, Дарвина и Радклиффъ. Многія книги, написанныя съ цѣлью произвести временный эффектъ выдержали шесть или семь изданій, и потомъ присоединились къ романамъ Афры Бэнъ, или къ эпическимъ поэмамъ сэра Ричарда Блакмора. Но первыя произведенія m-me Д'Арблэ, не смотря на время, на перемѣну вкусовъ и на популярность, достойно заслуженную нѣкоторыми изъ ея соперниковъ, продолжаютъ занимать высокое мѣсто во мнѣніи публики. Она дожила дотого, что сдѣлалась классикомъ. Еще при жизни ея, время положило на ея славу ту печать, которую оно рѣдко налагаетъ на кого-либо, кромѣ умершихъ. Подобно сэру Конди Ракренту въ сказкѣ, она пережила свою собственную тризну и слышала судъ потомства.

Чувствуя постоянно искреннее и теплое, хотя и не слѣпое уваженіе къ ея талантамъ, мы съ радостью узнали, что ея дневникъ скоро появится въ печати. Правда, надежды наши были не безъ примѣси страха. Мы не могли забыть участи *«Мемуаровъ д-ра Борни»*, изданныхъ десять лѣтъ тому назадъ. Эта несчастная книга заключала много интереснаго и любопытнаго. Но она была принята съ крикомъ отвращенія и быстро предана забвенію. Дѣло въ томъ, что она заслуживала свою участь. Она была написана позднѣйшимъ слогомъ m-me Д'Арблэ, самымъ худшимъ слогомъ когда-либо извѣстнымъ между людьми. Ни творческій умъ, ни познанія не могли спасти отъ паденія книгу, написанную подобнымъ слогомъ. Поэтому, мы съ немалымъ безпокойствомъ открыли *«Дневникъ»*, опасаясь наткнуться на ту особеннаго рода реторику, которая обезображиваетъ почти каждую страницу *«Мемуаровъ»* и которую нельзя читать безъ смѣси стыда, смѣха и отвращенія. Впрочемъ, мы, къ удовольствію нашему, скоро открыли, что *«Дневникъ»* писался прежде, чѣмъ m-me Д'Арблэ сдѣлалась краснорѣчивою. Онъ, по большей части, написанъ слогомъ ранней поры ея дѣятельности, истинно женскимъ, яснымъ, естественнымъ и оживленнымъ анг-

лійскимъ языкомъ. Обѣ книги лежатъ рядомъ передъ нами, и всякій разъ, когда мы обращаемся отъ *«Мемуаровъ»* къ *«Дневнику»*, мы испытываемъ чувство облегченія. Разница между ними такъ же велика, какъ разница между атмосферой лавки парфюмёра, пропитанной тяжелымъ запахомъ лавендовой воды и жасминнаго мыла, и воздухомъ покрытой верескомъ степи въ прекрасное майское утро. Всѣ, кто желаетъ познакомиться съ исторіею нашей литературы и нашихъ нравовъ, долженъ просмотрѣть обѣ книги. Но читать *«Дневникъ»*—удовольствіе, читать *«Мемуары»*—всегда будетъ тяжелымъ трудомъ.

Мы, можетъ быть, займемъ нашихъ читателей, если попытаемся, съ помощью этихъ двухъ книгъ, разсказать имъ о самыхъ важныхъ годахъ жизни m-me Д'Арблэ.

Она происходила изъ рода, который носилъ имя Макборни и хотя былъ, вѣроятно, ирландскаго происхожденія, но давно уже поселился въ Шропширѣ и владѣлъ значительными помѣстьями въ этомъ графствѣ. Къ несчастію, задолго до ея рожденія, Макборни начали какъ-будто умышленно рисковать и раззораться. Предполагаемый наслѣдникъ м-ръ Джемсъ Макборни оскорбилъ своего отца, тайно обвѣнчавшись съ актрисой изъ Goodman's Fields. Старый джентльменъ не могъ придумать болѣе разсудительнаго способа поразить мщеніемъ своего непокорнаго сына, какъ жениться на кухаркѣ. Кухарка родила сына, по имени Джозефа, который наслѣдовалъ всѣ родовыя земли, между тѣмъ какъ Джемсъ былъ оставленъ съ однимъ шиллингомъ. Любимый сынъ, однако, былъ до такой степени расточителенъ, что скоро сдѣлался такимъ же бѣднякомъ, какъ его лишенный наслѣдства братъ. Оба принуждены были трудами зарабатывать хлѣбъ. Джозефъ сдѣлался танцмейстеромъ и поселился въ Норфолькѣ. Джемсъ отбросилъ отъ своей фамиліи частичку Макъ и занялся портретной живописью въ Честерѣ. Здѣсь у него родился сынъ Чарльзъ, извѣстный авторъ *«Исторіи музыки»* и отецъ двухъ замѣчательныхъ дѣтей: сына, отличавшагося ученостью, и дочери, творческій умъ которой сообщилъ имени еще болѣе почетное отличіе.

Чарльзъ рано выказалъ склонность къ искусству, котораго позже онъ сдѣлался историкомъ. Его отдали въ ученье къ одному зна-

менитому лондонскому музыканту, и онъ съ успѣхомъ и энергіей предался музыкѣ. Скоро онъ нашелъ добраго и великодушнаго покровителя въ Фулькѣ Гревиллѣ, благородномъ и благовоспитанномъ человѣкѣ, который, кажется, обладалъ въ большихъ размѣрахъ всѣми дарованіями и сумасбродствами, всѣми добродѣтелями и пороками, считавшимися, сто лѣтъ тому назадъ, характеристичными чертами совершеннаго джентльмена. Съ подобнымъ покровителемъ, молодому человѣку предстояла блестящая карьера въ столицѣ. Но его здоровье ослабѣло. Ему стало необходимо удалиться отъ лондонскаго дыму и рѣчныхъ тумановъ на чистый воздухъ морскаго берега. Онъ принялъ мѣсто органиста въ Линнѣ и поселился въ этомъ городѣ съ молодой леди, недавно сдѣлавшейся его женой.

Въ Линнѣ, въ іюнѣ 1752 г., родилась Франсизъ Борни. Ничто въ ея дѣтствѣ не предсказывало, что, будучи еще молодой женщиной, она достигнетъ почетнаго мѣста между англійскими писателями. Она была застѣнчива и молчалива. Ея братья и сестры называли ее неучемъ и не безъ нѣкотораго видимаго основанія, потому что, восьми лѣтъ отъ-роду, она еще не знала азбуки.

Въ 1760 г. м-ръ Борни переѣхалъ изъ Линна въ Лондонъ и нанялъ домъ въ Поландъ-Стритѣ, улицѣ, бывшей въ модѣ во времена королевы Анны, но покинутой съ той поры большей частью ея богатыхъ и благородныхъ обитателей. Потомъ, онъ переѣхалъ въ Сентъ-Мартинзъ-Стритъ на южной сторонѣ Лестеръ-Сквэра. Его домъ тамъ былъ извѣстенъ и будетъ извѣстенъ, пока на нашемъ островѣ сохранятся какія-нибудь слѣды цивилизаціи, потому что въ немъ жилъ Ньютонъ, и четвероугольная башенка, отличающая его отъ всѣхъ окружающихъ зданій, была обсерваторіей Ньютона.

М-ръ Борни немедленно пріобрѣлъ столько учениковъ въ самыхъ почтенныхъ классахъ общества, сколько позволяло ему время, и такимъ образомъ былъ въ состояніи содержать свое семейство, правда, скромно и умѣренно, но съ комфортомъ и независимостью. Его заслуги, какъ профессора, доставили ему степень доктора музыки Оксфордскаго университета; а его сочиненія о предметахъ, связанныхъ съ его искусствомъ, пріобрѣли ему почтенное, хотя конечно не высокое, мѣсто между литераторами.

Развитіе ума Франсизъ Борни съ девятаго до двадцать-пятаго

года заслуживаетъ описанія. Ея воспитаніе не перешло за азбуку, когда она лишилась матери, и съ тѣхъ поръ она воспитывала себя сама. Ея отецъ былъ настолько дурнымъ отцомъ, насколько могъ имъ быть очень честный, любящій и мягкій человѣкъ. Онъ нѣжно любилъ свою дочь; но, кажется, ему никогда не приходило въ голову, что отецъ имѣетъ относительно дѣтей еще другія обязанности, кромѣ приголубливанья ихъ. Дѣйствительно, для него было бы невозможно самому наблюдать за ихъ воспитаніемъ. Учительскія занятія отнимали у него весь день. Съ семи часовъ утра, онъ начиналъ ѣздить по ученикамъ, и въ сезонъ, когда вся знать въ городѣ, онъ давалъ иногда уроки до одиннадцати часовъ вечера. Часто ему приходилось носить въ карманѣ жестяной ящикъ съ сандвичами и бутылку воды съ виномъ и обѣдать такимъ образомъ въ наемной каретѣ, спѣша отъ одного ученика къ другому. Двухъ изъ своихъ дочерей онъ отправилъ въ одинъ изъ парижскихъ пансіоновъ, но вообразилъ, что Франсизъ обратится изъ протестантской вѣры, если получитъ воспитаніе въ католической странѣ, и поэтому оставилъ ее дома. Ей не дали ни гувернантки, ни учителей для языковъ и искусствъ. Но одна изъ ея сестеръ научила ее писать; и, прежде чѣмъ ей минуло четырнадцать лѣтъ, она начала находить удовольствіе въ чтеніи.

Впрочемъ, не чтеніе образовало ея умъ. Когда вышли лучшія ея повѣсти, ея знакомство съ книгами было очень не велико. Находясь на вершинѣ славы, она не была знакома съ самыми знаменитыми твореніями Вольтера и Мольера, и—что́ кажется удивительнѣе—никогда не слыхала и не видала ни одной строки Чорчилля, который, во времена ея дѣтства, былъ самымъ популярнымъ изъ поэтовъ. Особенно достойно замѣчанія то, что она, кажется, вовсе не читала романовъ. Ея отецъ имѣлъ большую библіотеку и собралъ такъ много книгъ, которыя строгіе моралисты обыкновенно изгоняютъ, что по собственному признанію чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, когда Джонсонъ начиналъ осматривать полки. Но въ цѣлой коллекціи былъ только одинъ романъ—*«Амелія»* Фильдинга.

Впрочемъ, во время перехода къ возмужалости, Фанни пользовалась образованіемъ, которое, для большей части дѣвушекъ было бы безполезно, но подходило къ ея складу ума боль-

ше, чѣмъ утонченное воспитаніе. Великая книга человѣческой натуры была открыта передъ ней. Общественное положеніе ея отца было совсѣмъ особенное. По средствамъ и мѣсту, занимаемому имъ, онъ принадлежалъ къ среднему классу. Его дочерямъ, кажется, позволялось свободно сближаться съ тѣми, кого дворецкіе и горничныя называютъ мужиками. Говорятъ, что онѣ имѣли обыкновеніе играть съ дѣтьми парикмахера, жившаго въ сосѣднемъ домѣ. Однако, немногіе аристократы могли собрать въ самыхъ великолѣпныхъ отеляхъ Гросвеноръ-Сквара, или Сентъ-Джемсъ-Сквэра, общество столь разнообразное и блестящее, какое встрѣчалось иногда въ комнаткахъ доктора Борни. Его умъ, хотя не очень могучій или обширный, былъ неутомимо дѣятеленъ, и въ досужее отъ уроковъ время онъ съумѣлъ накопить много разнообразныхъ знаній. Его дарованія, кротость характера, и мягкая простота манеръ доставили ему легкій доступъ въ первые литературные кружки. Будучи еще въ Линнѣ, онъ расположилъ къ себѣ Джонсона, съ честнымъ усердіемъ разглашая похвалы англійскому словарю. Въ Лондонѣ оба пріятеля встрѣчались часто и вполнѣ сходились. Правда, въ ихъ взаимной привязанности не доставало одного звѣна. Борни страстно любилъ свое искусство; а Джонсонъ едва умѣлъ отличать колоколъ церкви св. Климента отъ органа. Впрочемъ, у нихъ было много общихъ темъ для разговоровъ, которые въ зимніе вечера продолжались иногда такъ долго, что каминъ потухалъ и свѣчи догорали до конца. Удивленіе Борни къ таланту, произведшему «*Rasselas*» и «*Rambler*», доходило до идолопоклонства. А сварливый Джонсонъ благосклонно бормоталъ, что Борни честный человѣкъ, котораго невозможно не любить.

Гаррикъ тоже былъ частымъ посѣтителемъ Поландъ-Стрита и Сентъ-Мартинзъ-Лэна. Этотъ удивительный актеръ любилъ общество дѣтей, частью изъ добродушія, частью изъ тщеславія. Взрывы веселости и страха, которые его жесты и игра лица всегда возбуждали въ дѣтской, льстили ему не менѣе рукоплесканій зрѣлыхъ критиковъ. Онъ часто выказывалъ всю силу мимики для забавы маленькихъ Борни, приводилъ ихъ въ ужасъ, содрогаясь и присѣдая, будто видя привидѣніе, пугалъ, бѣснуясь подобно сумасшедшему въ Сентъ-

Люкѣ, и вслѣдъ за этимъ являлся вдругъ аукціонистомъ, трубочистомъ или старухой, и заставлялъ ихъ хохотать до слезъ.

Но было бы скучно перечислять имена всѣхъ литераторовъ и артистовъ, которыхъ Франсизъ Борни имѣла возможность видѣть и слышать. Кольманъ, Твайнингъ, Гаррисъ, Баретти, Гоксвортъ, Рейнольдзъ, Барри были въ числѣ лицъ, сходившихся порой за чайнымъ столомъ и ужиномъ въ скромномъ жилищѣ ея отца. Это еще не все. Значеніе, которое м-ръ Борни пріобрѣлъ, какъ музыкантъ и какъ историкъ музыки, привлекало въ его домъ самые замѣчательные музыкальные таланты того вѣка. Величайшіе итальянскіе пѣвцы, посѣщавшіе Англію, смотрѣли на него, какъ на раздавателя славы въ ихъ искусствѣ и старались пріобрѣсти его одобреніе. Пакьеротти сдѣлался его короткимъ пріятелемъ. Алчная Агуджари, не пѣвшая ни для кого меньше пятидесяти фунтовъ стерлинговъ за арію, пѣла свои лучшія пьесы для д-ра Борни даромъ, и даже надменная и эксцентричная Габріелли въ обществѣ доктора Борни принуждала себя къ учтивости. Такимъ образомъ, онъ могъ, почти безъ издержекъ давать концерты, не хуже концертовъ, даваемыхъ аристократами. Въ подобныхъ случаяхъ, въ тихой улицѣ, въ которой онъ жилъ, тѣснились кареты съ гербами, а въ его маленькой гостинной толпились перы, супруги перовъ, министры и посланники. На одномъ вечерѣ, о которомъ мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія, присутствовали лордъ Мюльгревъ, лордъ Брюсъ, лордъ и леди Эджкомбъ, членъ военнаго министерства лордъ Баррингтонъ, членъ адмиралтейства лордъ Сандвичъ, лордъ Ашборнгамъ, съ своимъ золотымъ, болтавшимся изъ кармана, ключомъ, и французскій посланникъ м. де-Гинь, извѣстный своей красотой и успѣхами въ волокитствѣ. Но замѣчательнѣйшимъ явленіемъ этого вечера былъ русскій посланникъ графъ Орловъ, исполинская фигура котораго вся блистала драгоцѣнностями и въ обращеніи котораго, сквозь тонкій лоскъ французской вѣжливости, проглядывала неукротимая свирѣпость скиѳа. Когда онъ проходилъ по маленькой гостинной, касаясь потолка своимъ тупеемъ, дѣвушки шептали одна другой со смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и ужаса, что это счастливый любовникъ своей августѣйшей властительницы, принимавшій главное участіе въ переворотѣ, которому она обязана своимъ трономъ.

Съ этими знаменитостями смѣшивались всѣ замѣчательнѣйшие образцы львовъ — родъ дичи, за которой охотятся въ Лондонѣ каждой весной съ бóльшей энергіей и постоянствомъ, чѣмъ самъ Мельтонъ. Брюсъ, обмывавшій куски мяса, вырѣзанные изъ живыхъ быковъ, водою изъ Нильскихъ истоковъ, приходилъ хвастаться своими путешествіями. Омаи картавилъ на ломанномъ англійскомъ языкѣ и вылъ—заставляя всѣхъ собравшихся музыкантовъ закрывать уши—отаитскія любовныя пѣсни, подобныя тѣмъ, которыми Оберея очаровывала своего Опано.

Врядъ ли можно сказать, что Франсизъ вмѣшивалась въ литературное и фешьёнебельное общество, сходившееся порой подъ кровлей д-ра Борни. Она не была музыкантшей и потому не могла принимать участія въ концертахъ. Она была застѣнчива почти до неловкости, и врядъ ли когда вмѣшивалась въ разговоръ. Малѣйшее замѣчаніе посторонняго смущало ее, и даже старые друзья отца, пытавшіеся завлечь ее въ разговоръ, рѣдко могли добиться чего-нибудь, кромѣ «да» или «нѣтъ». Она была мала ростомъ, и не отличалась красотой. Поэтому ей позволяли спокойно удаляться на задній планъ и, не будучи вовсе замѣченной, наблюдать все, что происходило. Ея ближайшие родственники знали, что она обладаетъ здравымъ смысломъ, но, кажется, не подозрѣвали, что подъ ея степеннымъ и застѣнчивымъ видомъ таились плодовитая изобрѣтательность и острое чутье смѣшнаго. Правда, у нея не было способности замѣчать тонкіе оттѣнки характера; но всякая рѣзкая особенность немедленно обращала на себя ея вниманіе и запечатлѣвалась въ ея воображеніи. Такимъ образомъ, будучи еще дѣвочкой, она накопила такой богатый запасъ матеріяловъ для вымысла, какой немногіе изъ бывающихъ часто въ обществѣ способны собрать въ продолженіе всей жизни. Она наблюдала и слушала людей всѣхъ классовъ, начиная отъ принцевъ и важныхъ государственныхъ людей, до артистовъ, жившихъ на чердакахъ, и поэтовъ, коротко знакомыхъ съ подземными тавернами. Передъ ней проходили сотни замѣчательныхъ лицъ: англичане, французы, нѣмцы, итальянцы, лорды и скрипачи, деканы соборовъ и директоры театровъ, путешественники, водившіе съ собой вновь пойманныхъ дикарей, и пѣвицы, сопровождаемыя вице-мужьями.

Впечатлѣніе, сдѣланное на умъ Франсисъ обществомъ, которое она обыкновенно видѣла, было такъ сильно, что она начала писать маленькіе, вымышленные разсказы, лишь только стала свободно владѣть перомъ, что́, какъ мы уже говорили, случилось не очень рано. Эти исторіи доставляли удовольствіе ея сестрамъ, но докторъ Борни ничего не зналъ объ ихъ существованіи; а съ другой стороны ея литературныя стремленія встрѣтили серьёзный отпоръ. Когда ей минуло пятнадцать лѣтъ, ея отецъ женился вторично. Новая м-зъ Борни скоро открыла, что ея падчерица—охотница марать бумагу, и прочитала ей нѣсколько добродушныхъ проповѣдей на этотъ счетъ. Совѣтъ былъ, несомнѣнно, благонамѣренный, и могъ быть данъ самымъ разсудительнымъ другомъ, потому что, въ это время, по причинамъ, о которыхъ мы скажемъ потомъ, ничто не было такъ неблаговидно для молодой леди, какъ быть извѣстной за сочинительницу повѣстей. Франсисъ уступила, отказалась отъ своихъ любимыхъ занятій и сожгла всѣ рукописи. (a)

Теперь она усердно занималась шитьемъ съ завтрака до обѣда. Но обѣды тогда были ранніе; а все послѣобѣденное время принадлежало ей. Хотя она отказалась отъ писанія повѣстей, но все-таки любила работать перомъ. Она начала писать дневникъ, и завела обширную переписку съ человѣкомъ, который, кажется, принималъ главное участіе въ образованіи ея ума. Это былъ Самюэль Криспъ, старинный другъ ея отца. Его имя, назадъ тому почти сто лѣтъ, хорошо извѣстное въ самыхъ блестящихъ лондонскихъ кружкахъ, давно забыто. Но его исторія такъ интересна и поучительна, что соблазняетъ насъ сдѣлать маленькое отступленіе.

Задолго до рожденія Франсисъ Борни, м-ръ Криспъ вступилъ въ свѣтъ, при весьма выгодной обстановкѣ. Онъ имѣлъ хорошія связи и хорошее образованіе. Его лицо и фигура были замѣчательно красивы, манеры изящны, средства достаточны, репутація

(a) Здѣсь есть неточность относительно хронологіи. «Эта жертва, говоритъ издатель *«Дневника»*, сдѣлана была молодой писательницей на ея пятнадцатомъ году.» Этого не могло быть; потому что жертва была, по собственному показанію издателя, результатомъ убѣжденій второй м-зъ Борни, а Франсисъ былъ шестнадцатый годъ, когда совершился второй бракъ ея отца.

безукоризненна, онъ жилъ въ лучшемъ обществѣ, много читалъ, хорошо говорилъ, его вкусъ въ литературѣ, музыкѣ, живописи, архитектурѣ, скульптурѣ пользовался высокимъ уваженіемъ. Повидимому онъ имѣлъ все, что свѣтъ можетъ дать для счастія и почета человѣка, недоставало только, чтобы м-ръ Криспъ понималъ предѣлы своихъ силъ и не бросалъ бы то, что было въ его средствахъ, гоняясь за отличіями, недосягаемыми для него.

«Неоспоримая истина, говоритъ Свифтъ, что человѣкъ, вѣрно понимающій собственные таланты, всегда станетъ на мѣстѣ, а человѣкъ, ложно понимающій ихъ, всегда будетъ не на мѣстѣ.» Каждый день приноситъ намъ новыя подтвержденія вѣрности этой мысли; но мы не помнимъ лучшаго комментарія къ ней, какъ исторія Самюэля Криспа. Люди, подобные ему, имѣютъ свое собственное и чрезвычайно важное мѣсто въ литературномъ мірѣ. Сужденіемъ ихъ окончательно опредѣляется мѣсто авторовъ. Не въ толпѣ и не въ тѣхъ немногихъ, которые одарены великимъ творческимъ геніемъ, должны мы искать основательныхъ критическихъ рѣшеній. Толпа, не знакомая съ лучшими образцами, плѣняется тѣмъ, что оглушаетъ и ослѣпляетъ ее. Она покинула м-съ Сиддонсъ, чтобы бѣжать за мастеромъ Бетти, и теперь, безъ сомнѣнія, предпочитаетъ Джака Шеппарда фонъ Артевельду. Съ другой стороны, человѣку съ великимъ оригинальнымъ геніемъ, человѣку, достигшему превосходства въ какой-нибудь высшей отрасли искусства, далеко нельзя безусловно вѣрить въ сужденіи о чужихъ произведеніяхъ. Ошибочныя рѣшенія подобныхъ лицъ безчисленны. Обыкновенно предполагаютъ, что зависть дѣлаетъ ихъ несправедливыми. Но не трудно найти объясненіе, дѣлающее имъ болѣе чести. Самое превосходство творенія показываетъ, что нѣкоторыя изъ способностей автора развивались на счетъ остальныхъ, потому что человѣческому уму не дано широко развиваться вдругъ во всѣхъ направленіяхъ и быть въ одно и то же время исполинскимъ и соразмѣрнымъ во всѣхъ частяхъ. Тотъ, кто ищетъ преобладанія въ одномъ какомъ-нибудь искусствѣ, даже въ одной отрасли какого-нибудь искусства, обыкновенно предается съ напряженнымъ энтузіазмомъ достиженію исключительно этого рода совершенства. Поэтому, его пониманіе другихъ родовъ совершенства слишкомъ часто бываетъ

невѣрно. Внѣ своей сферы, онъ хвалитъ и осуждаетъ наобумъ, и его сужденія далеко не заслуживаютъ столько довѣрія, сколько сужденія простаго знатока, который ничего не создаетъ, и все дѣло котораго состоитъ только въ сужденіи и наслажденіи. Одинъ живописецъ отличается своей утонченной отдѣлкой. Онъ день-áа-день трудится надъ жилками капустнаго листка, складками кружевнаго вуаля, морщинами старушечьяго лица, усиливаясь довести ихъ до совершенства. Въ продолженіе того времени, которое онъ проводитъ надъ квадратнымъ футомъ холста, художникъ другаго рода покрываетъ стѣны дворца богами, погребающими гигантовъ подъ горами, или оживляетъ серафимами и мучениками куполъ церкви. Чѣмъ сильнѣе страсть каждаго изъ этихъ артистовъ къ своему искусству, чѣмъ выше достоинство каждаго изъ нихъ въ своемъ родѣ, тѣмъ менѣе вѣроятности, что они вѣрно оцѣнятъ другъ друга. Многіе люди, никогда не державшіе карандаша, безъ сомнѣнія, оцѣнятъ Микель Анджело лучше, чѣмъ оцѣнилъ бы его Жераръ Доу, и лучше оцѣнятъ Жерара Доу, чѣмъ оцѣнилъ бы его Микель Анджело.

То же самое и въ литературѣ. Тысячи людей, неимѣющихъ и искры генія Драйдена или Вордсворта отдаютъ Драйдену справедливость, какой никогда не отдавалъ ему Вордсвортъ, и Вордсворту, справедливость, какой, мы подозрѣваемъ, никогда не отдалъ бы ему Драйденъ. Грей, Джонсонъ, Ричардсонъ, Фильдингъ—всѣ высоко цѣнятся массою умныхъ и свѣдущихъ людей. Но Грей не видѣлъ достоинства въ «*Rassellas*», а Джонсонъ не видѣлъ достоинства въ «*The Bard*». Фильдингъ считалъ Ричардсона высокопарнымъ пустозвономъ, а Ричардсонъ постоянно выражалъ презрѣніе и отвращеніе къ простонародности Фильдинга.

М-ръ Криспъ, сколько мы можемъ судить, былъ, кажется, человѣкомъ, замѣчательно способнымъ для полезной роли цѣнителя. Его таланты и знанія давали ему возможность вѣрно цѣнить почти всѣ роды умственнаго превосходства. Какъ совѣтникъ, онъ былъ неоцѣнимъ. Мало того, онъ могъ бы, вѣроятно, занимать уважаемое мѣсто какъ писатель, еслибъ ограничился какою-нибудь отраслью литературы, въ которой требовались бы только умъ, вкусъ и начитанность. Къ несчастію, онъ захотѣлъ непремѣнно быть великимъ поэтомъ,

написалъ трагедію въ пяти актахъ на смерть Виргиніи, и предложилъ ее Гаррику, бывшему его личнымъ другомъ. Гаррикъ прочелъ ее, покачалъ головой и выразилъ сомнѣніе, благоразумно ли будетъ со стороны м-ра Криспа ставить высокую репутацію въ зависимость отъ успѣха подобной пьесы. Но авторъ, ослѣпленный тщеславіемъ, пустилъ въ ходъ такія пружины, какимъ никто не могъ долго противиться. Его ходатаями были самый краснорѣчивый мужчина и самая прелестная женщина того поколѣнія. Питта убѣдили прочесть *«Виргинію»* и провозгласить ее превосходной. Леди Ковентри, пальчиками, которыя могли бы служить моделью для скульптора, вложила рукопись въ руку директора—и въ 1754 г. пьеса была поставлена на сцену.

Ничто не было опущено изъ того, что могли сдѣлать дружба или искусство. Гаррикъ написалъ и прологъ и эпилогъ. Усердные друзья поэта наполняли всѣ ложи, и ихъ ревностными усиліями жизнь пьесы протянулась на десять вечеровъ. Но, хотя и не было шумныхъ осужденій, всѣ чувствовали, что попытка не удалась. Когда *«Виргинія»* была напечатана, общественное разочарованіе было еще сильнѣе, чѣмъ при ея представленіи. Критики, особенно рецензенты ежемѣсячныхъ обозрѣній напали безъ милосердія, но и не безъ справедливости на интригу, характеры и слогъ. Намъ никогда не попадался экземпляръ пьесы, но если можно судить по сценѣ, выписанной въ *«Gentleman's Magazine»*, въ выборѣ которой, кажется, не участвовало недоброжелательство, то мы сказали бы, что только игра Гаррика и пристрастіе слушателей могли спасти такую слабую и неестественную драму отъ немедленнаго осужденія.

Но честолюбіе поэта не было еще подавлено. Когда лондонскій сезонъ кончился, авторъ усердно принялся за исправленіе ошибокъ. Онъ, кажется, не подозрѣвалъ того, что́ мы очень склонны подозрѣвать: что вся пьеса была одной ошибкой, и что пассажи, долженствовавшіе быть прекрасными, были въ дѣйствительности только потоками того тупаго и нелѣпаго многословія, въ которое впадаютъ писатели, когда захотятъ непремѣнно быть величественными и патетическими, на зло природѣ. Онъ кое-что выпустилъ, прибавилъ, подправилъ и льстилъ себя надеждой на полный успѣхъ въ слѣдующемъ году; но Гаррикъ не выказалъ расположенія

поставить на сцену исправленную трагедію. Просьбы и убѣжденія были напрасны. Леди Ковентри, изнемогая подъ бременемъ той болѣзни, которая, кажется, всегда выбираетъ самыя прелестныя созданія для своей добычи, не могла помочь. Языкъ директора былъ вѣжливо уклончивъ, но рѣшеніе было непоколебимо.

Криспъ сдѣлалъ большую ошибку, но отдѣлался очень легкимъ наказаніемъ. Его пьеса не была освистана на сценѣ. Напротивъ, она была принята лучше, чѣмъ многія, очень почтенныя пьесы, напримѣръ *«Irene»* Джонсона, или *«Goodnatured Man»* Гольдсмита. Будь Криспъ благоразуменъ, онъ счелъ бы себя счастливымъ, что купилъ самопознаніе такой дешевой цѣной. Онъ бы отказался безъ пустыхъ сѣтованій, отъ надеждъ на поэтическую славу и обратился бы къ многочисленнымъ источникамъ счастія, которыми еще обладалъ. Будь онъ, напротивъ, безчувственнымъ и безстыднымъ глупцомъ, онъ продолжалъ бы писать десятками плохія трагедіи, на зло всѣмъ порицаніямъ и насмѣшкамъ. Но онъ имѣлъ слишкомъ много смыслу, чтобы рискнуть на второе пораженіе, и слишкомъ мало для того, чтобы мужественно перенести первое. Роковое заблужденіе, что онъ великій драматическій писатель, твердо овладѣло его умомъ. Онъ приписывалъ свою неудачу всѣмъ причинамъ, кромѣ истинной. Онъ жаловался на недоброжелательство Гаррика, который, повидимому, сдѣлалъ для его пьесы все, что могли сдѣлать дарованіе и усердіе, и который, изъ эгоистическихъ цѣлей, былъ бы, разумѣется, очень радъ если-бы *«Виргинія»* имѣла успѣхъ. Мало того, Криспъ жаловался на вялость друзей, доставившихъ ему своимъ пристрастіемъ три бенефиса, на которые онъ не имѣлъ права. Онъ жаловался на несправедливость слушателей, между тѣмъ какъ, на дѣлѣ, онъ долженъ былъ быть благодаренъ имъ за безпримѣрное терпѣніе. Онъ утратилъ свое хорошее расположеніе духа и веселость, сдѣлался брюзгою и ненавистникомъ человѣчества. Изъ Лондона онъ удалился въ Гамптонъ, изъ Гамптона въ уединенный и давно опустѣвшій домъ, въ одномъ изъ самыхъ безлюдныхъ округовъ Соррея. Къ одинокому жилищу вовсе не было дороги; оно строго скрывалось отъ старыхъ товарищей м-ра Криспа. Весной онъ иногда выѣзжалъ и его видѣли на выставкахъ и концертахъ въ Лондонѣ. Но онъ скоро исчезалъ, и

прятался въ своемъ уныломъ пустырѣ, не имѣя другаго общества, кромѣ книгъ. Онъ тридцатью годами нережилъ свою неудачу. Новое поколѣніе возникло вокругъ него. Никакого воспоминанія объ его плохихъ стихахъ не оставалось между людьми. Самое имя его было позабыто. Одно обстоятельство покажетъ, что свѣтъ совершенно потерялъ его изъ виду. Мы искали его имя въ пространномъ *«Лексиконѣ драматическихъ писателей»*, изданномъ еще при жизни Криспа, и нашли только, что м-ръ Генри Криспъ, членъ таможни, написалъ трагедію *«Виргинія»*, представленную въ 1754 г. Впрочемъ, несчастный человѣкъ продолжалъ до конца сѣтовать на несправедливость директора и партера, и старался убѣдить себя и другихъ, что онъ не достигъ высшихъ литературныхъ почестей только потому, что изъ угожденія Гаррику выпустилъ нѣсколько прекрасныхъ пассажей. Грустно за человѣческую природу, что раны тщеславія болятъ и обливаются кровью гораздо дольше, чѣмъ раны привязанностей! Мы думаемъ, что немного нашлось бы людей, которыхъ ближайшіе друзья и родственники, умерши въ 1754 г., мучительно бы дѣйствовали своей смертью еще въ 1782 г. Милыя сестры, и милыя дочери, молодые супруги, которыхъ смерть постигла до окончанія медоваго мѣсяца, были забыты, или вспоминались только съ спокойнымъ сожалѣніемъ. Но Самюэль Криспъ все сокрушался о своей трагедіи, подобно Рахили, оплакивавшей своихъ дѣтей, и не хотѣлъ, чтобы его утѣшали. «Никогда, писалъ онъ черезъ двадцать-восемь лѣтъ послѣ своей неудачи, никогда не отступайте и не перемѣняйте въ вашихъ произведеніяхъ даже бездѣлицы, если это не согласуется вполнѣ съ вашимъ внутреннимъ чувствомъ. Я могу говорить такъ: я заплатилъ за это горемъ и деньгами. Но молчанье!» Вскорѣ послѣ того, какъ эти слова были написаны, его жизнь, жизнь, которая могла бы быть чрезвычайно полезной и счастливой, окончилась въ томъ же мрачномъ расположеніи, въ какомъ она прошла болѣе четверти столѣтія. Намъ показалось, что стоитъ извлечь изъ забвенія этотъ любопытный отрывокъ исторіи литературы. Онъ кажется намъ въ одно и то же время смѣшнымъ, грустнымъ и полнымъ поученія.

Криспъ былъ старинный и очень близкій другъ семейства Борни. Имъ однимъ довѣрилъ онъ имя пустынной обители, въ которой прятался, подобно дикому звѣрю въ логовищѣ. Для нихъ

сберегались остатки человѣчности, пережившіе паденіе его пьесы. На Франсизъ Борни онъ смотрѣлъ какъ на свою дочь. Онъ называлъ ее своей Фанничкой; она, съ своей стороны, называла его своимъ дорогимъ папашей. Въ самомъ дѣлѣ, онъ, кажется, сдѣлалъ гораздо больше для развитія ея ума, чѣмъ ея родители, потому что, хотя плохой поэтъ, онъ былъ ученый мыслитель и превосходный совѣтникъ. Онъ особенно любилъ концерты въ Полэндъ-Стритѣ. Они, дѣйствительно, были начаты по его внушенію, и когда онъ пріѣзжалъ въ Лондонъ, то постоянно присутствовалъ на нихъ. Но когда онъ состарился, и подагра, причиненная отчасти умственнымъ раздраженіемъ, заставила его заключиться въ своемъ уединеніи, онъ захотѣлъ видѣть хоть мелькомъ веселый и блестящій свѣтъ, изъ котораго былъ изгнанъ и убѣждалъ Фанничку посылать ему подробные отчеты о вечернихъ собраніяхъ отца. Нѣсколько ея писемъ къ нему были изданы; и невозможно читать ихъ не замѣчая тѣхъ дарованій, которыя произвели потомъ *«Эвелину»* и *«Цецилію»*: способность быстро подхватывать всякую странную особенность характера и манеръ, искусство группировки, юморъ, часто роскошно комичный, иногда даже шутовской.

Склонность Фанни писать романы была на нѣсколько времени подавлена. Теперь она поднялась сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Герои и героини повѣстей, погибнувшихъ въ огнѣ, были постоянно у нея передъ глазами. Одна любимая исторія особенно преслѣдовала ея воображеніе. Это была исторія нѣкой Каролины Ивлинъ, прекрасной дѣвицы, которая вышла замужъ по любви, но несчастливо, и умерла, оставивши дочь. Франсизъ начала воображать себѣ разнообразныя сцены, трагическія и комическія, черезъ которыя должна была пройти бѣдная сиротка, имѣвшая родственниковъ высокаго происхожденія съ одной стороны и низкаго происхожденія съ другой. Толпа воображаемыхъ существъ, хорошихъ и дурныхъ, серьёзныхъ и смѣшныхъ, окружала хорошенькую, робкую молодую сиротку: грубый морякъ-капитанъ; некрасивый наглый франтъ, сіяющій въ пышной придворной одеждѣ; другой франтъ, столь же дурной и наглый, но живущій на Сноу-Гиллѣ и разодѣтый въ подержанный костюмъ для бала въ Гамистедѣ; старуха, вся въ морщинахъ и румянахъ, играющая своимъ

вѣеромъ съ видомъ семнадцатилѣтней миссъ и взвизгивающая на діалектѣ, составленномъ изъ вульгарнаго французскаго и вульгарнаго англійскаго языковъ; худощавый, оборванный поэтъ съ рѣзкимъ шотландскимъ акцентомъ. Эти тѣни постепенно становились существеннѣе и существеннѣе; влеченіе Францизъ писать сдѣлалось неодолимо; и результатомъ была исторія *«Эвелины»*.

Потомъ пришло, довольно естественно, смѣшанное со многими опасеніями, желаніе явиться передъ публикой; потому что, несмотря на робость Францизъ, на ея застѣнчивость и полнѣйшую непривычку слышать похвалы себѣ, ясно, что она не была лишена ни сильной страсти къ славѣ, ни справедливой увѣренности въ собственныхъ силахъ. Планъ ея былъ сдѣлаться, если возможно, кандидаткой на славу, не рискуя подвергнуться безславію. У ней не было денегъ, чтобы покрыть издержки изданія. Поэтому необходимо было убѣдить какого-нибудь книгопродавца взять на себя рискъ, а такого книгопродавца не легко было найти. Додсли отказался даже взглянуть на рукопись, если ему не объявятъ имени автора. Одинъ издатель на Флитъ-Стритѣ, по имени Лоундзъ, былъ сговорчивѣе. Небольшая переписка завелась между нимъ и м-съ Борни, которая назвалась Графтонъ, и хотѣла, чтобы письма къ ней оставляли въ Оранжевой кофейнѣ. Но, прежде окончательнаго заключенія торга, Фанни сочла своей обязанностью получить согласіе отца. Она сказала ему, что написала книгу, что желала имѣть его позволеніе напечатать ее подъ чужимъ именемъ, но что надѣется, что онъ не станетъ требовать эту книгу. Послѣдующее поможетъ намъ объяснить, что мы разумѣли, сказавши, что м-ръ Борни былъ настолько дурнымъ отцомъ, насколько можетъ имъ быть такой добросердечный человѣкъ. Кажется, ему никогда не приходило въ голову, что Фанни готовилась сдѣлать шагъ, отъ котораго могло зависѣть все счастіе ея жизни, шагъ, который могъ доставить ей почетное отличіе или сдѣлать ее предметомъ смѣха и презрѣнія. Тайна была уже довѣрена многимъ лицамъ и потому нельзя было разсчитывать на строгое соблюденіе ея. Въ такомъ важномъ случаѣ, его обязанностью было, конечно, дать самый обдуманный совѣтъ своей дочери, пріобрѣсти ея довѣренность, помѣшать выставляться, если книга дурна, а если она хороша, то позаботиться, чтобы условія,

заключенныя ею съ издателемъ, были-бы выгодны. Вмѣсто того, онъ только широко раскрылъ глаза, расхохотался, поцѣловалъ ее, далъ позволеніе дѣлать какъ хочетъ, и даже не спросилъ о заглавіи ея сочиненія. Контрактъ съ Лоундзомъ былъ быстро заключенъ. Онъ далъ за право изданія двадцать фунтовъ, которыя Фанни приняла съ восторгомъ. Непростительная небрежность отца не причинила, къ счастью, бо́льшаго зла, какъ потерю тысячи двухъ сотъ или тысячи пяти сотъ ф. ст.

Послѣ многочисленныхъ отсрочекъ, *«Эвелина»* появилась въ январѣ 1778 г. Бѣдная Фанни заболѣла отъ ужасу и едва смѣла показываться изъ дому. Нѣсколько дней прошло, о книгѣ ничего не было слышно. Дѣйствительно, кромѣ собственныхъ достоинствъ, она ничего не имѣла для пріобрѣтенія общественной благосклонности. Ея авторъ былъ неизвѣстенъ. Фирма, которою книга была издана, не пользовалась, кажется, высокимъ уваженіемъ. Не было партизановъ, нанятыхъ для апплодированія ей. Лучшій классъ читателей ожидалъ мало хорошаго отъ романа, разсказывающаго о вступленіи молодой дѣвушки въ свѣтъ. Между самыми почтенными людьми господствовало расположеніе осуждать повѣсти вообще и это расположеніе вовсе не было неизвинительнымъ, потому что почти всѣ сочиненія этого рода были тогда глупы и очень часто безнравственны.

Скоро, впрочемъ, начали раздаваться первые слабые отголоски похвалы. Содержатели библіотекъ для чтенія разсказывали, что всѣ спрашиваютъ *«Эвелину»*, и что кто-то счелъ ея авторомъ Анстн. Потомъ появился благопріятный отзывъ въ *«London Review»*; потомъ другой, еще болѣе благопріятный, въ *«Monthly Review»*. Теперь книга пробралась къ столамъ, которые рѣдко осквернялись томами, переплетенными въ простенькую мраморную бумажку. Ученые и государственные люди, презрительно предоставлявшіе чтеніе массы романовъ м-съ Лидіи Лангвишъ и м-съ Соки Соунтеръ, не стыдились признаться, что не могутъ оторваться отъ *«Эвелины»*. Прекрасныя кареты и нарядныя ливреи, не часто встрѣчавшіяся на востокъ отъ Темпль-Бара стремились къ лавкѣ издателя на Флитъ-Стритѣ. Лоундза ежедневно разспрашивали объ авторѣ, но онъ самъ находился въ такомъ же мракѣ относительно его, какъ и распрашивавшіе. Тайна, однако,

не могла долго оставаться тайной. Она была извѣстна братьямъ и сестрамъ, теткамъ и кузинамъ, а они были слишкомъ горды и счастливы, чтобы хранить молчаніе. Д-ръ Борни плакалъ отъ восторга надъ книгой. Папаша Криспъ грозилъ своей Фанничкѣ кулакомъ, дружески гнѣваясь за то, что она не довѣрилась ему. Истину шепнули м-съ Траль, и имя автора начало быстро распространяться.

Книгой восхищались, когда ее приписывали литераторамъ, давно знакомымъ съ свѣтомъ и привыкшимъ писать. Но когда узнали, что скромная, молчаливая молодая женщина произвела лучшую повѣсть, написанную со смерти Смоллета, восклицанія удвоились. То, что она сдѣлала, было, дѣйствительно, необыкновенно. Но, какъ и всегда, разнаго рода слухи такъ украсили исторію ея, что она сдѣлалась чудесною. Говорили, что *«Эвелина»* была твореніемъ семнадцатилѣтней дѣвушки. Какъ ни невѣроятна была эта сказка, но она повторялась до нашего времени. Франсизъ была слишкомъ честна, чтобъ подтверждать ее. Вѣроятно, она была слишкомъ женственна, чтобы противорѣчить ей, и прошло много времени, прежде чѣмъ кто-нибудь изъ ея клеветниковъ подумалъ объ этомъ способѣ дѣлать непріятности. Но въ поколѣніи, бывшемъ свидѣтелемъ ея перваго появленія, не было недостатка въ инакихъ душахъ и злыхъ сердцахъ. Тогда жили завистливый Кенрикъ, дикарь Волькотъ, аспидъ Джоржъ Стивенсъ и хорекъ Джонъ Вилльямзъ. Имъ, однако, не пришло въ голову разыскивать приходскіе списки въ *Линнѣ*, чтобы имѣть возможность корить даму за то, что она скрыла свои года. Этотъ истинно рыцарскій подвигъ сберегался для плохаго писателя нашего времени, досаду котораго она возбудила, не давши ему матеріяловъ для негоднаго изданія Босвеллевой *«Жизни Джонсона»*, нѣкоторые листы котораго, безъ сомнѣнія, попадались на глаза нашимъ читателямъ, въ видѣ обертки на связкахъ другихъ, лучшихъ книгъ.

Но мы должны вернуться къ нашему разсказу. Торжество было полное. Робкая и безвѣстная дѣвушка очутилась на высшихъ ступеняхъ славы. Великіе люди, на которыхъ она смиренно поглядывала издали, теперь разговаривали съ ней съ восхищеніемъ, умѣряемымъ нѣжностью, должною ея полу и лѣтамъ. Боркъ, Виндгамъ, Гиббонъ, Рейнольдзъ, Шериданъ находились въ числѣ ея пламеннѣйшихъ при-

верженцевъ. Кумберландъ признавалъ ея достоинство, но своему обыкновенію кусая губы и ворочаясь на стулѣ, всякій разъ какъ произносилось ея имя. Но въ Стретгамѣ она испытала всю сладость лести, смѣшанную съ сладостью дружбы. М-зъ Траль, стоявшая тогда на вершинѣ благоденствія и популярности, одаренная веселымъ расположеніемъ духа, быстрымъ умомъ, блистательными, хотя и поверхностными, познаніями, пріятными хотя и не утонченными манерами, удивительно любезнымъ характеромъ и любящимъ сердцемъ, полюбила Фанни какъ младшую сестру. У Тралей Джонсонъ былъ домашнимъ человѣкомъ. Онъ былъ старый пріятель доктора Борни, но, вѣроятно, обращалъ мало вниманія на его дочерей и Фанни, кажется, никогда не осмѣливалась заговорить съ нимъ иначе, какъ спрашивая, не хочетъ ли онъ девятнадцатой или двадцатой чашки чаю. Онъ былъ очарованъ ея повѣстью, и предпочиталъ ее романамъ Фильдинга, къ которымъ, онъ, дѣйствительно, былъ всегда грубо несправедливъ. Правда, онъ не доводилъ своего пристрастія до того, чтобы поставить *«Эвелину»* рядомъ съ Кларисой и сэромъ Чарльзомъ Грандисономъ; но говорилъ, что его маленькая любимица сдѣлала такъ много, что даже Ричардсонъ могъ бы встревожиться. Въ Джонсонѣ съ дружескимъ одобреніемъ книги смѣшивалась нѣжность къ автору, въ которой было на-половину чувствъ отца, а на-половину чувствъ влюбленнаго, а его года и характеръ давали ему право, не стѣсняясь, высказывать эту нѣжность. Онъ началъ съ того, что подносилъ ея руку къ своимъ губамъ. Но скоро онъ сталъ сжимать ее въ своихъ громадныхъ рукахъ и умолялъ быть доброй дѣвушкой. Онъ называлъ ее своей любимицей, своимъ дорогимъ другомъ, своей милой маленькой Борни, своимъ маленькимъ «мастеромъ характеровъ». Однажды, онъ высказалъ похвалу хорошему ея вкусу въ головномъ уборѣ. Другой разъ непремѣнно захотѣлъ учить ее по-латыни. Давно было признано, что, несмотря на всю свою грубость и раздражительность, онъ былъ истинно добродушный человѣкъ. Но пока не вышли въ свѣтъ воспоминанія м-мъ Д'Арблэ, никто не зналъ, какимъ кроткимъ и ласковымъ онъ могъ быть.

Мы упомянули о самыхъ замѣчательныхъ людяхъ, которые съ почтеніемъ относились къ автору *«Эвелины»*. Толпа низшихъ по-

клонниковъ потребовала бы списка, столь же длиннаго, какъ во второй книгѣ *«Иліады»*. Въ этомъ спискѣ находилась бы и м-съ Чомли, говорившая странныя вещи, и Сьюардъ, очень склонный къ зѣвотѣ, и Баретти, убившій человѣка въ Геймаркетѣ, и Паоли, говорившій на ломаномъ англійскомъ языкѣ, и громадный ростомъ Лангтонъ, и леди Милларъ, имѣвшая вазу, въ которую дураки привыкли опускать плохіе стихи, и Джернингамъ, писавшій стихи, годные для вазы леди Милларъ, и д-ръ Франклинъ,—не великій пенсильванскій докторъ Франклинъ— какъ иные вообразили, который не могъ тогда засвидѣтельствовать своего почтенія миссъ Борни, не рискуя быть повѣшеннымъ, колесованнымъ и четвертованнымъ,—но д-ръ Франклинъ поменьше.

Αἴας
μειων, οὔτι τόσος γε ὅσος Τελαμώνιος Αἴας,
ἀλλὰ πολὺ μείων (¹).

Не было бы ничего удивительнаго, еслибъ подобный успѣхъ вскружилъ и болѣе сильную голову и испортилъ даже великодушную и любящую натуру. Но въ *«Дневникѣ»* мы не находимъ и слѣдовъ чувства, несовмѣстнаго съ истинно скромнымъ и любезнымъ нравомъ. Дѣйствительно, есть много доказательствъ, что Францисъ съ глубокой, хотя безпокойной, радостью наслаждалась почестями, доставленными ей ея творческимъ талантомъ. Но ясно и то, что ея счастье явилось вслѣдствіе счастья отца, сестры и милаго папаши-Криспа. Въ то время, когда ей льстили великіе, богатые и ученые, когда взоръ восхищенной толпы слѣдилъ за ней вдоль Стина въ Брайтонѣ, или Пантайльза въ Тонбриджъ-Веллзъ, она, кажется, душой находилась въ маленькомъ, домашнемъ кружкѣ въ Сентъ-Мартинзъ-Стритѣ. Если она съ мелочнымъ прилежаніемъ записывала всѣ деликатные и грубые комплименты, слышанные ею со всѣхъ сторонъ, она записывала ихъ для двухъ или трехъ лицъ, которыя любили ее съ дѣтства, которыя любили ее въ безвѣстности и которымъ ея слава доставила чистѣйшее и благороднѣйшее наслажденіе. Ни что не можетъ быть несправедливѣе, какъ смѣшивать эти изліянія любя-

(¹) «Меньше ростомъ онъ былъ, чѣмъ Аяксъ Теламонидъ могучій,
Меньше далеко его.»

щаго сердца, увѣреннаго въ полнотѣ сочувствія, съ эготизмомъ синяго чулка, который тараторитъ всѣмъ встрѣчнымъ о своемъ собственномъ романѣ, или своемъ собственномъ томѣ сонетовъ.

Очень естественно, что блестящій исходъ первой попытки миссъ Борни соблазнялъ ее на вторую. «*Эвелина*», хотя составила ея славу, нисколько не увеличила ея средствъ. Нѣкоторые изъ друзей убѣждали ее писать для театра. Джонсонъ обѣщалъ помочь ей совѣтомъ относительно сочиненія. Морфи, который считался лучшимъ знатокомъ характера партера, взялся научить ее театральнымъ эффектамъ. Шериданъ объявилъ, что онъ приметъ отъ нея всякую пьесу, даже не читая ее. Ободренная такимъ образомъ, она написала комедію, подъ названіемъ «*The Witlings*». Къ счастью, пьеса никогда не была ни напечатана, ни поставлена на сцену. Мы полагаемъ, что можемъ легко усмотрѣть изъ немногаго, сказаннаго по этому поводу въ «*Дневникѣ*», что «*Witlings*» подверглись бы осужденію и что Морфи и Шериданъ были того же мнѣнія, но были слишкомъ вѣжливы, чтобы высказать его. Къ счастью, у Франсизъ былъ другъ, не боявшійся огорчить ее. Криспъ, будучи благоразумнѣе за нее, чѣмъ былъ за себя, прочиталъ ея рукопись въ своемъ уединеніи и мужественно сказалъ ей, что комедія не удалась, что исправлять погрѣшности тамъ и сямъ будетъ безполезно, что въ пьесѣ много остроумія, но нѣтъ интересу; что въ цѣломъ она плоха, что она напомнитъ каждому читателю «*Femmes savantes*», которыхъ Фанни—странно сказать—никогда не читала, и что она не можетъ выдержать такого близкаго сравненія съ Мольеромъ. Это мнѣніе, съ которымъ соглашался и докторъ Борни, было отправлено Франсизъ, въ видѣ такъ-называннаго ею «шипящаго, брюзжащаго, свистящаго посланія.» Но она была настолько умна, что знала, что для нея лучше быть ошиканной и освистанной ея папашей, чѣмъ цѣлымъ моремъ головъ въ партерѣ Друриленскаго театра, и настолько добра, что не могла не быть благодарной за такое рѣдкое доказательство дружбы. Она написала отвѣтъ, который показываетъ, какъ она заслуживала имѣть разсудительнаго, вѣрнаго и любящаго совѣтника. «Я надѣюсь, писала она, утѣшиться въ вашемъ порицаніи величайшимъ доказательствомъ искренности, чистосердечія, и—позвольте

прибавить — уваженія, когда-либо полученнымъ мною отъ милаго папаши; а такъ какъ я люблю себя больше, чѣмъ свою комедію, то это утѣшеніе не малое. Впрочемъ я серьёзно думаю, что когда мои папаши стакнулись о шипящемъ, брюзжащемъ, свистящемъ посланіи, отправленномъ ими мнѣ, они были столько же огорчены за бѣдненькую м-съ Бейзъ, сколько она сама могла огорчаться за себя. Вы видите, я не пытаюсь отплатить за вашу откровенность мнимой безпечностью. Хотя я и разстроена немного теперь, но обѣщаю, что мое огорченіе не переживетъ одного дня. Прощайте, мой милый папаша, я не буду обижаться *и падать духомъ*, но буду гордиться, что нашла, какъ въ семьѣ, такъ и внѣ ея, друга, который любитъ меня настолько, чтобы высказать мнѣ полную правду.»

Теперь Францисъ обратилась отъ своихъ драматическихъ плановъ къ предпріятію, гораздо болѣе свойственному ея талантамъ. Она рѣшилась написать новую повѣсть, по плану вполнѣ принаровленному къ тому, чтобы выказать дарованія, въ которыхъ заключалось ея превосходство передъ другими писателями. Въ самомъ дѣлѣ, это была большая и разнообразная картинная галлерея, представлявшая глазамъ длинный рядъ мущинъ и женщинъ, отмѣченныхъ какой-нибудь рѣзкой особенностью. Тутъ была скупость и расточительность, гордость происхожденія и гордость богатства, болѣзненная неугомонность и болѣзненная апатія, суетная болтливость и высокомѣрное молчаніе, Демокритъ, смѣявшійся надъ всѣмъ, и Гераклитъ, оплакивавшій все. Книга быстро подвигалась впередъ и въ двѣнадцать мѣсяцевъ была окончена. Въ ней недоставало отчасти простоты, составлявшей одну изъ наиболѣе привлекательныхъ красотъ въ *«Эвелинѣ»*, но она представляла обильныя доказательства, что четыре года, прошедшіе со времени появленія *«Эвелины»* проведены не безполезно. Видѣвшіе *«Цецилію»* въ рукописи, называли ее лучшимъ романомъ того времени. М-съ Траль смѣялась и плакала надъ ней. Криспъ былъ даже пылокъ въ своихъ похвалахъ и предложилъ гарантировать быстрый и полный успѣхъ книги полкроною. Въ *«Дневникѣ»* не упомянуто, что̀ получила м-съ Борни за рукопись; но мы замѣтили нѣкоторыя выраженія, изъ которыхъ заключаемъ, что сумма была значительная. Никто не могъ сомнѣваться, что продажа будетъ велика; и Фанни имѣла теперь ловкихъ и опытныхъ совѣтниковъ,

которые не позволили бы ей повредить себѣ. Говорятъ, что издатели давали ей двѣ тысячи фунт., и мы не сомнѣваемся, что они могли бы дать и бо́льшую сумму, не потерпѣвъ убытка.

«Цецилія» была издана лѣтомъ 1782 г. Любопытство города было чрезмѣрно. Намъ сообщали люди, помнившіе эти дни, что ни одинъ романъ сэръ Вальтеръ Скотта не ожидался нетерпѣливѣе и не расхватывался быстрѣе съ конторокъ книгопродавцевъ. Какъ ни велики были ожиданія публики, они были вполнѣ удовлетворены, и общій приговоръ поставилъ *«Цецилію»* между классическими романами Англіи.

М-съ Борни было теперь тридцать лѣтъ. Ея юность была удивительно счастлива; но облака скоро начали застилать ясный и лучезарный разсвѣтъ. Происшествія, глубоко скорбныя для любящаго сердца Франсизъ, быстро послѣдовали одно за другимъ. Сначала ее пригласили присутствовать при смертномъ одрѣ ея лучшаго друга, Самюэля Криспа. Когда, исполнивши эту грустную обязанность, она вернулась въ Сентъ-Мартинзъ-Стритъ, то была поражена, услышавъ, что Джонсона разбилъ параличъ; немного мѣсяцевъ спустя она навсегда простилась съ нимъ. Онъ желалъ еще разъ видѣть Франсизъ; и за день до его смерти, она долго стояла на ступеняхъ, ведшихъ къ его спальнѣ; она надѣялась, что ее позовутъ принять его благословеніе. Но онъ такъ быстро ослабѣвалъ, что хотя и послалъ ей дружескій привѣтъ, но не могъ видѣть ее. Это было еще не худшее. Есть разлуки гораздо болѣе жестокія, чѣмъ тѣ, которыя причиняетъ смерть. Она могла оплакивать съ гордой любовью Джонсона и Криспа. Ей пришлось, краснѣя, оплакивать м-зъ Траль.

Жизнь, впрочемъ, все-таки улыбалась Франсизъ. Семейное счастіе, дружба, независимость, досугъ, литература, все это принадлежало ей; но она отбросила все.

Между замѣчательными людьми, которымъ она была представлена, никто, кажется, не стоялъ такъ высоко въ ея мнѣніи, какъ м-зъ Делани. Эта дама была замѣчательнымъ и почтеннымъ останкомъ прошлаго вѣка. Она была племянница Джорджа Гранвилля, лорда Лансдоуна, который въ юности обмѣнивался стихами и комплиментами съ Эдмондомъ Воллеромъ и который былъ въ числѣ

первыхъ, рукоплескавшихъ расцвѣтавшему генію Попа. Она вышла замужъ за д-ра Делани, извѣстнаго своимъ современникамъ за глубокаго ученаго и краснорѣчиваго проповѣдника, но котораго въ наше время помнятъ, главнымъ образомъ, какъ члена того небольшаго кружка, гдѣ гнѣвный духъ Свифта, терзаемый оскорбленнымъ честолюбіемъ, раскаяніемъ и приближеніемъ сумасшествія, искалъ утѣшенія и покоя. Д-ръ Делани давно умеръ. Его вдова, благороднаго происхожденія, высоко образованная и сохранившая, не смотря на недуги старости, энергію способностей и ясное спокойствіе духа, пользовалась благосклонностью королевской фамиліи. Она получала пенсію въ триста ф. въ годъ и квартиру въ Виндзорѣ, отдѣланную для ея помѣщенія. Король и королева иногда бывали въ этомъ домѣ и находили очень естественное удовольствіе посмотрѣть такимъ образомъ на частную жизнь англійскихъ семействъ.

Въ декабрѣ 1785 года м-съ Борни была въ гостяхъ у м-съ Делани въ Виндзорѣ. Обѣдъ кончился. Старая леди дремала. Ея внучатная племянница, дѣвочка лѣтъ семи, играла съ гостями въ какую-то рождественскую игру, когда отворилась дверь и дюжій джентльменъ, со звѣздой на груди, постоянно приговаривавшій: «что? что? что?»—вошелъ безъ доклада въ комнату. Поднялся шумъ: «Король!» Общее бѣгство послѣдовало за шумомъ. М-съ Борни признается, что она не могла бы придти въ бо́льшій ужасъ, еслибъ увидѣла привидѣніе. Но м-съ Делани вышла отдать привѣтъ своему царственному другу, и тревога улеглась. Францизъ была представлена, и выдержала долгіе спросы и расспросы обо всемъ, что она написала, и обо всемъ, что предполагаетъ писать. Скоро явилась королева, и его величество передалъ своей супругѣ свѣдѣнія, полученныя имъ отъ м-съ Борни. Добродушіе королевской четы могло бы тронуть даже авторовъ испытательныхъ одъ и не могло не привести въ восхищеніе молодую леди, воспитанную въ торизмѣ. Черезъ нѣсколько дней визитъ повторился. М-съ Борни была непринужденнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Его величество, вмѣсто того, чтобы искать свѣдѣній, благоволилъ надѣлять ее ими и произнесъ приговоръ многимъ великимъ писателямъ, англійскимъ и иностраннымъ. Вольтера онъ провозгласилъ чудовищемъ. Руссо ему нравился нѣсколько больше. «Но есть ли гдѣ-нибудь такая дрянь, какъ бо́льшая часть Шекспира? вскричалъ онъ. Только этого

нельзя говорить. Что? Какъ вы думаете? Не жалкая ли это дрянь? что? что?»

Въ слѣдующій день Фанни имѣла честь слышать еще нѣсколько критическихъ замѣчаній, произнесенныхъ королевой относительно Гёте и Клопштока, и могла бы извлечь полезный урокъ экономіи изъ способа, какимъ ея величество составляла свою библіотеку. «Я купила эту книгу на лоткѣ, сказала королева. Удивительно, какія славныя книги попадаются на лоткахъ!» М-съ Делани, которая, кажется, изъ этихъ словъ поняла, что ея величество имѣетъ обыкновеніе лично посѣщать книжныя выставки въ Мурфильдзѣ и Голивелль-Стритѣ, не могла удержаться отъ восклицанія удивленія. «Да, вѣдь, я не сама ихъ покупаю, сказала королева. Но у меня есть очень опытный слуга; и если ихъ нельзя достать у книгопродавцевъ, то нельзя достать для меня, какъ и для другаго.» М-съ Борни называетъ этотъ разговоръ восхитительнымъ; и, въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ удивляться, что съ ея литературными вкусами, она приходила въ восторгъ слушая, какъ щедро первая леди въ странѣ поощряла литературу.

Дѣло въ томъ, что Франсисъ плѣнилась снисходительной ласковостью важныхъ лицъ, которымъ была представлена. Ея отецъ былъ еще болѣе ослѣпленъ, чѣмъ она. Результатомъ этого былъ шагъ, о которомъ мы не можемъ подумать равнодушно, но который, будучи переданъ намъ со всѣми своими послѣдствіями, заслуживаетъ по крайней мѣрѣ ту похвалу, что служить весьма внушительнымъ предостереженіемъ.

Около этого времени, нѣмецкая дама, по имени Гаггердорфъ, одна изъ смотрительницъ гардероба королевы, оставила дворъ; ея величество предложила вакантное мѣсто м-съ Борни. Когда мы подумаемъ, что м-съ Борни была рѣшительно самымъ популярнымъ изъ тогдашнихъ новелистовъ, что достатокъ, если не изобиліе, былъ ей обезпеченъ, и что она была больше нежели счастлива въ своемъ домашнемъ кругу,—и сравнимъ жертву, которую ее приглашали принести, съ вознагражденіемъ предложенымъ ей,—нами овладѣваетъ смѣхъ и негодованіе.

Отъ нея требовали, чтобы она согласилась почти такъ же вполнѣ отдѣлиться отъ своей семьи и друзей, какъ еслибъ она ѣхала въ

Калькутту, и сдѣлаться такой же замкнутой узницей, какъ еслибъ ее заключили въ тюрьму за пасквиль; чтобы съ талантами, поучавшими и восхищавшими самые развитые умы, она занялась растираніемъ нюхательнаго табаку и прикалываніемъ булавокъ; чтобы звонокъ призывалъ ее къ обязанностямъ горничной; чтобы она проводила свою жизнь подъ стѣсненіемъ жалкаго этикета; чтобы постилась въ извѣстное время дотого, что чуть не падала въ обморокъ отъ голода; чтобы иногда стояла на ногахъ до тѣхъ поръ, пока ея колѣни не подгибались отъ усталости; чтобы она не смѣла ни говорить, ни двигаться, не принимая въ соображеніе, какъ ея госпожѣ понравятся ея слова и жесты. Вмѣсто тѣхъ замѣчательныхъ женщинъ и мущинъ, цвѣта всѣхъ политическихъ партій, съ которыми она привыкла сходиться на правахъ взаимной дружбы, ея постояннымъ собесѣдникомъ становилась главная смотрительница гардероба, старая нѣмецкая вѣдьма, съ низкими понятіями, наглыми манерами и характеромъ, отъ природы грубымъ, и сдѣлавшимся еще раздражительнѣе вслѣдствіе болѣзни. Правда, по временамъ, бѣдная Франсизъ могла утѣшиться въ потерѣ общества Борка и Виндгама, присоединившись къ «небесной, возвышенной бесѣдѣ» шталмейстеровъ его величества.

И ради какого соображенія должна она была продать себя въ это рабство? Ради личнаго перства? Пожизненой пенсіи въ двѣ тысячи въ годъ? Семидесяти четырехъ пушечнаго фрегата для ея брата, служащаго во флотѣ? Деканства для ея брата духовнаго? Нѣтъ. Цѣна, которую ей предлагали состояла изъ стола, квартиры, лакея и двухсотъ фунтовъ стер. въ годъ.

Человѣкъ, который, побуждаемый даже сильнымъ голодомъ, продаетъ свое первородство за блюдо похлебки, неблагоразуменъ. Но что же сказать о томъ, который разстается со своимъ первородствомъ и не получаетъ взамѣнъ даже похлебки? Нѣтъ нужды вести рѣчь о томъ, можетъ ли роскошь быть соразмѣрнымъ возмездіемъ за пожертвованіе физической и умственной свободой: Франсизъ Борни сама платила за позволеніе быть узницей и служанкой. Очевидно, что однимъ изъ условій ея поступленія на мѣсто было, что, какъ членъ королевскаго штата, она не должна появляться передъ публикой, какъ писательница; и, не будь даже подобнаго соглашенія, родъ

ея занятій не оставлялъ ей досуга ни для какого значительнаго умственнаго усилія. Что ея должность несовмѣстна съ литературными занятіями, было откровенно признано самимъ королемъ, когда она подала просьбу объ увольненіи. «Она отдала, сказалъ онъ, пять лѣтъ своей литературной дѣятельности». Совершенно достовѣрно, что, въ теченіе этихъ пяти лѣтъ, она могла безъ всякаго труда, который не былъ бы вмѣстѣ и удовольствіемъ, выработать себѣ достаточно, чтобы купить пожизненный годовой доходъ гораздо значительнѣйшій, чѣмъ ненадежное жалованье, получаемое ею при дворѣ. Да и тотъ доходъ, который въ Сентъ-Мартинзъ-Стритѣ могъ бы доставить всякаго рода комфортъ, долженъ былъ оказаться скуднымъ въ Сентъ-Джемсѣ. Мы не рѣшаемся говорить съ увѣренностью о цѣнѣ модныхъ товаровъ и драгоцѣнностей, но мы очень ошиблись бы думая, что леди, долженствовавшая сопровождать королеву Шарлотту на публичныхъ торжествахъ, могла сберечь хоть фартингъ изъ жалованья въ двѣсти ф. въ годъ. Короче, основаніемъ этой сдѣлки было просто то, что Франсизъ Борни должна была сдѣлаться рабой, и въ вознагражденіе за это ее дѣлали нищей.

Съ какою цѣлью ихъ величества привлекли ее во дворецъ, признаемся, мы не можемъ понять. Ихъ цѣлью не могло быть поощреніе ея литературныхъ трудовъ; потому что они взяли ее изъ положенія, въ которомъ было почти вѣрно, что она станетъ писать, и поставили ее въ положеніе, въ которомъ ей было невозможно писать. Ихъ цѣлью не могло быть вниманіе къ ея матерьяльнымъ интересамъ, потому что ее брали изъ положенія, въ которомъ она могла бы сдѣлаться богатой, и ставили въ положеніе, въ которомъ она не могла не остаться бѣдной. Ихъ цѣлью не могло быть пріобрѣтеніе ловкой горничной, потому что ясно, что, хотя м-съ Борни была единственной женщиной своего времени, умѣвшей описать смерть Гарреля, нашлись бы тысячи женщинъ болѣе искусныхъ въ завязываніи лентъ и наполненіи табакерокъ. Дать ей пенсію изъ суммъ цивилиста было бы дѣломъ разсудительной щедрости, дѣлавшей честь двору. Но если это было неисполнимо, то лучше всего было не трогать ее вовсе. Мы нисколько не сомнѣваемся, что король и королева желали ей только добра. Но эта благосклонность была благосклонностью людей, поставленныхъ высоко надъ массой человѣчества,

привыкшихъ, чтобы къ нимъ обращались съ глубокимъ уваженіемъ, привыкшихъ видѣть, что ихъ холодность огорчаетъ, а улыбки восхищаютъ всѣхъ приближенныхъ къ нимъ. Они воображали, что быть замѣченнымъ ими, быть вблизи ихъ, служить имъ — само по себѣ уже счастье; и что Франсизъ Борни должна быть полна благодарности за то, что ей позволили купить цѣною здоровья, богатства, свободы, семейныхъ привязанностей и литературной славы, привилегію стоять за королевскимъ стуломъ и держать пару королевскихъ перчатокъ.

И ктó можетъ осуждать ихъ? Кто можетъ удивляться, что государи дѣйствуютъ въ силу такого заблужденія, когда ихъ поддерживаютъ въ немъ тѣ самые люди, которые наиболѣе страдаютъ отъ этого заблужденія? Развѣ слѣдовало ожидать, чтобы Георгъ III и королева Шарлотта поняли интересы Франсизъ Борни лучше или заботились о нихъ съ большимъ усердіемъ, чѣмъ она сама и ея отецъ? Они не употребляли никакого обмана. Условія этого дома рабства высказывались со всей простотой. Крючекъ былъ закинутъ безъ приманки; сѣть растянута въ виду птицы: обнаженный крючекъ былъ жадно проглоченъ, глупая птица поспѣшила запутаться въ сѣть.

Правда, не мудрено, что приглашеніе ко двору произвело волненіе въ груди неопытной молодой женщины. Но обязанностью отца было бодрствовать надъ своей дочерью и показать, что съ одной стороны представлялось только удовлетвореніе ребяческому тщеславію и осуществленіе химерныхъ надеждъ, а съ другой свобода, миръ души, благосостояніе, общественныя удовольствія и почетныя отличія. Странно сказать: вся нерѣшительность была только со стороны Франсизъ. Докторъ Борни былъ внѣ себя отъ радости. Его восторгъ превосходилъ восторгъ черкеса, выгодно продавшаго свою красавицу-дочь турецкому торговцу невольниками. Между тѣмъ докторъ Борни былъ человѣкъ добрый, способный и знакомый съ жизнью. Но онъ, кажется, думалъ, что попасть ко двору — все-равно, что попасть на небо; что лицезрѣть принцевъ и принцессъ было нѣчто въ родѣ блаженныхъ видѣній; что необыкновенное счастье, выпавшее на долю царственныхъ особъ, не ограничивалось ими одними, но сообщалось посредствомъ какой-то таинственной эманаціи или рефлексіи всѣмъ имѣв-

шимъ позволеніе находиться при ихъ туалетѣ, или носить ихъ шлейфы. Онъ преодолѣлъ всѣ возраженія своей дочери, и самъ проводилъ ее въ тюрьму. Дверь затворилась. Повернули ключъ въ замкѣ. Она, съ нѣжнымъ сожалѣніемъ смотря на все, что оставила позади, и съ тоской и ужасомъ на новую жизнь, открывавшуюся впереди, не могла придти въ себя, а онъ пошелъ домой, радуясь необыкновенному ея благополучію.

И вотъ началась неволя, продолжавшаяся пять лѣтъ; пять лѣтъ лучшей части жизни потрачены были на услуженіе, или на развлеченія, еще болѣе тупыя, чѣмъ самое услуженіе; то была жизнь съ оскорбительными стѣсненіями и среди недружелюбныхъ или неинтересныхъ сотоварищей. Вотъ какъ проводились дни. М-съ Борни должна была вставать и одѣваться рано, чтобы быть готовой явиться по королевскому звонку, раздававшемуся въ половинѣ восьмаго. Часовъ до восьми она находилась въ уборной королевы, и имѣла честь шнуровать корсетъ своей августѣйшей госпожи, надѣвать ей фижмы, платье и косынку. Утро проводилось, главнымъ образомъ, въ разборкѣ и укладываніи на мѣсто прекрасныхъ нарядовъ. Потомъ королеву пудрили и одѣвали къ обѣду. Два раза въ недѣлю волосы ея величества завивались въ кудри, и эта операція, повидимому, на цѣлый часъ увеличивала хлопоты съ туалетомъ. Обыкновенно, только послѣ трехъ часовъ пополудни м-съ Борни была свободна. Затѣмъ имѣла въ своемъ распоряженіи два часа. Этимъ часамъ мы обязаны большею частью ея *«Дневника»*. Въ пять она должна была находиться при своей сослуживицѣ, m-me Швелленбергъ, ненавистной старой сплетницѣ, невѣжественной какъ горничная, гордой какъ цѣлый нѣмецкій капитулъ, жестокой, брюзгливой, неспособной переносить уединеніе, неспособной вести себя съ обычной благопристойностью въ обществѣ. Съ этимъ восхитительнымъ товарищемъ, Францизъ Борни должна была обѣдать и проводить вечеръ. Онѣ обыкновенно были вмѣстѣ съ пяти до одиннадцати часовъ и часто не имѣли другаго общества въ продолженіи цѣлаго вечера, какъ шталмейстеровъ, приходившихъ пить чай отъ осьми до девяти. Если бѣдная Францизъ пыталась убѣжать въ свою комнату и забыть злополучіе надъ книгой, проклятая старуха бурлила и бранилась, говоря, что ею неглижируютъ. Между тѣмъ, когда Францизъ

оставалась, старуха постоянно осаждала ее дерзкими упреками. Литературная слава была, въ глазахъ нѣмецкой бабы, порокомъ, доказательствомъ, что особа, пользовавшаяся ею, была низкаго происхожденія и не годилась въ хорошее общество. Весь ея скудный запасъ ломанаго англійскаго языка употреблялся, чтобы выразить презрѣніе, съ которымъ она смотрѣла на автора *«Эвелины»* и *«Цециліи»*. Франсизъ ненавидѣла карты и ничего не понимала въ нихъ; но скоро увидѣла, что наименѣе непріятный способъ проводить вечера съ m-me Швелленбергъ было сѣсть за карточный столъ, и, съ терпѣливой грустью, согласилась отдавать часы, которые могли бы вызвать смѣхъ и слезы многихъ поколѣній—королю трефъ и валету пикъ. Между одиннадцатью и двѣнадцатью опять звонилъ колокольчикъ. М-съ Борни должна была провести минутъ двадцать или полчаса въ раздѣваніи королевы, и потомъ имѣла право удалиться и видѣть во снѣ, что она болтаетъ съ братомъ у мирнаго очага, въ Сентъ-Мартинзъ-Стритѣ, что она центръ восхищеннаго кружка у м-съ Кру, что Боркъ называетъ ее первой женщиной вѣка, или что Дилли даетъ ей вексель на двѣ тысячи гиней.

Надо предположить, что мущины не столь терпѣливы, какъ женщины; потому что мы совершенно неспособны постичь, кáкъ человѣческое существо могло переносить подобную жизнь, пока существовали пустые чердаки въ Грёбъ-Стритѣ, перекрестки улицъ, которые нужно мести, приходскіе рабочіе дома или приходскія усыпальницы. И за такую-то жизнь Франсизъ Борни отдала свободу и покой, счастливую домашнюю жизнь, любящихъ друзей, обширный и блестящій кругъ знакомства, умственныя занятія, въ которыхъ она могла достичь совершенства, и вѣрныя надежды на богатство.

Ничто не ново подъ луною. Великій писатель, оставившій намъ послѣдніе образцы аттическаго краснорѣчія и аттическаго остроумія, далъ сильное и трогательное описаніе злополучія литератора, который, обольщенный такими же надеждами, какъ Франсизъ, вступилъ въ службу одного изъ римскихъ магнатовъ. «Несчастный я,—восклицаетъ жертва собственнаго ребяческаго честолюбія,—ужели ничто не удовлетворило бы меня, что я оставилъ и свои занятія и старыхъ товарищей, и жизнь безъ заботъ, и сонъ, не имѣвшій другихъ предѣловъ, кромѣ моей собственной охоты, и прогулки, которыя я

былъ воленъ предпринимать, гдѣ хотѣлъ,—чтобы броситься въ эту глубокую яму, въ эту тюрьму? И, Боже мой, ради чего же? Развѣ не было мнѣ средствъ на свободѣ пользоваться удобствами, даже бо́льшими, чѣмъ тѣ, которыя я пріобрѣтаю теперь рабствомъ? Подобно льву, сдѣлавшемуся столь ручнымъ, что люди могутъ вести его на ниткѣ, меня влекутъ взадъ и впередъ, съ смиреннымъ и сокрушеннымъ духомъ, по пятамъ тѣхъ, для кого въ моихъ собственныхъ владѣніяхъ я могъ бы быть предметомъ ужаса и удивленія. И, что́ хуже всего, я чувствую, что здѣсь я не пріобрѣтаю довѣрія, не приношу удовольствія. Таланты и дарованія, плѣнявшие совершенно другой кружокъ, здѣсь не на мѣстѣ. Я неуклюжъ для искусствъ, нужныхъ во дворцахъ, и не могу сравняться съ тѣми, которыхъ призваніе юности было льстить и попрошайничать. Развѣ у меня двѣ жизни, что, послѣ того, какъ я истратилъ одну на услуженіе другимъ, у меня еще осталась бы другая, чтобы пожить для себя?»

Правда, отъ времени до времени бывали происшествія, нарушавшія жалкое однообразіе жизни Франсизъ Борни. Дворъ переѣзжалъ изъ Кью въ Виндзоръ и изъ Виндзора опять въ Кью. Одинъ тупоумный полковникъ смѣнялся съ дежурства, а другой тупоумный полковникъ вступалъ на дежурство. Дерзкій лакей что-то напуталъ по поводу чая и произвелъ недоразумѣніе между джентльменомъ и леди. Полоумный французскій протестантскій проповѣдникъ говорилъ странныя вещи о супружеской вѣрности. Одинъ несчастный придворный упомянулъ о статьѣ въ «*Morning Herald*», намекавшей на королеву, и m-me Ш в е л л е н б е р г ъ принялась бурлить на плохомъ англійскомъ языкѣ, и сказала ему, что онъ заставилъ ее «что-называется вспотѣть!»

Болѣе важнымъ происшествіемъ было посѣщеніе королемъ Оксфорда. М-съ Борни отправилась въ королевской свитѣ въ Нонгамъ, была оставлена безъ всякаго вниманія въ толпѣ и съ трудомъ отыскала слугу, чтобы показать ей дорогу въ спальню или къ парикмахеру, поправить локоны. Она имѣла честь вступить въ Оксфордъ въ послѣдней изъ длинной цѣпи каретъ, составлявшихъ королевскую процессію, ходить цѣлый день за королевой по разнымъ обѣденнымъ заламъ и капелламъ, и стоять чуть не умирая отъ голода и усталости, пока ея августѣйшая госпожа сидѣла за превосходной закуской. Въ

Магдалининской коллегіи Франсизъ была оставлена на секунду въ гостиной, гдѣ упала на стулъ. Одинъ добродушный шталмейстеръ, увидѣвъ ея изнуреніе раздѣлилъ съ ней абрикосы и хлѣбъ, которые онъ благоразумно положилъ въ свои карманы. Въ эту минуту, отворилась дверь, вошла королева, утомленные служители вскочили, хлѣбъ и плоды были поспѣшно спрятаны. «Я поняла.—говоритъ бѣдная м-съ Борни,—что нашъ аппетитъ долженъ считаться несуществующимъ, а силы—неистощимыми».

Однако, Оксфордъ, видѣнный даже при такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, «оживилъ,—говоря ея словами,—сознаніе удовольствія, которое въ теченіе долгаго времени почти не существовало для нея». Она забыла на секунду, что она горничная, и почувствовала то, что должна почувствовать истинно даровитая женщина, находясь среди почтенныхъ останковъ древности, прекрасныхъ произведеній искусствъ, обширныхъ хранилищъ знаній и умственныхъ останковъ славныхъ усопшихъ. Будь она все еще тѣмъ, чѣмъ была, пока ея отецъ не убѣдилъ ее сдѣлать самый роковой шагъ въ жизни, мы можемъ легко представить себѣ, какое удовольствіе доставило бы ей посѣщеніе прекраснѣйшаго изъ англійскихъ городовъ. Правда, ей, можетъ быть, довелось бы ѣхать въ наемной каретѣ, и не пришлось бы носить такого прелестнаго платья изъ шамберійскаго газа, какъ то, въ которомъ она, шатаясь, двигалась за королевской компаніей; но зато съ какимъ восторгомъ ходила бы она по корридорамъ Магдалининской коллегіи, сравнивала бы античную мрачность Мертоновской коллегіи съ блескомъ коллегіи Христовой церкви, и смотрѣла бы съ Радклиффовской библіотеки на величественное море башенокъ и зубцовъ, раастилавшееся внизу! Съ какою радостью отложили бы ученые люди на нѣсколько часовъ въ сторону и оды Пиндара и этику Аристотеля, чтобы сопровождать автора *«Цецилія»* изъ коллегіи въ коллегію. Какіе милые банкеты приготовились бы для нея въ аудиторіяхъ! Съ какою охотой принесли бы для ея удовольствія изъ самыхъ потаенныхъ кабинетовъ картины, медали и раскрашенные требники! Какъ много пришлось бы ей, гуляя по Пемброкской коллегіи выслушивать и разсказывать о Джонсонѣ, а въ часовнѣ Новой коллегіи—про Рейнольдаа! Но это вниманіе было не для той, которая продала себя въ рабство.

Восьмнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ посѣщенія Оксфорда, другое происшествіе внесло разнообразіе въ скучную жизнь, которую Фрaнсизъ вела при дворѣ. Ворренъ Гастингсъ былъ приведенъ къ рѣшеткѣ палаты перовъ. Королева и принцессы присутствовали при началѣ суда, и миссъ Борни получила позволеніе сопровождать ихъ. Въ продолженіе процесса ей иногда давался день, для посѣщенія суда, потому что королева принимала сильное участіе въ дѣлѣ и когда не могла сама идти въ Вестминстеръ, то любила выслушивать разсказъ о томъ, что происходило, отъ особы, обладавшей такою необыкновенной наблюдательностью и, сверхъ того, знакомой съ нѣкоторыми изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣлопроизводителей. Та часть *«Дневника»*, которая относится къ этому знаменитому судопроизводству, оживленна и художественна. Но, признаемся, намъ тяжело читать ее, потому что она, кажется, доказываетъ, что прекрасное пониманіе Франсизъ Борни начало испытывать вредное вліяніе образа жизни, который былъ такъ же неблагопріятенъ для здоровья ума, какъ воздухъ Понтійскихъ болотъ для здоровья тѣла. Съ перваго же дня она принимаетъ сторону Гастингса съ высокомѣрной запальчивостью и ѣдкостью, совершенно несогласными со скромностью и мягкостью ея нрава. Она содрогается, когда Боркъ вступаетъ въ палату во главѣ коммонеровъ. Она называетъ его жестокимъ притѣснителемъ невиннаго человѣка. Она не можетъ постичь, какъ дѣлопроизводители могутъ смотрѣть, не краснѣя, на отвѣтчика. Виндгамъ приходитъ къ ней изъ дѣлопроизводительской и предлагаетъ закусить. «Но,—говоритъ она,—я не могла подѣлить съ нимъ хлѣбъ». Потомъ опять восклицаетъ: «Ахъ, м-ръ Виндгамъ, какъ вы могли замѣшаться въ такое жестоко-несправедливое дѣло?»—«М-ръ Боркъ увидѣлъ меня, говоритъ она, и поклонился мнѣ съ самой глубокой учтивостью.» Это, надо замѣтить, было сейчасъ послѣ его вступительной рѣчи, рѣчи, произведшей такое могучее дѣйствіе, и которой, конечно, не могъ бы сказать ни одинъ изъ остальныхъ ораторовъ. «Мой поклонъ, — продолжаетъ она, — былъ самымъ нелюбезнымъ, церемоннымъ и холоднымъ; я не могла поступить иначе; мнѣ было такъ обидно видѣть его предводителемъ подобнаго дѣла.» Дѣйствительно, Боркъ не только былъ къ ней постоянно внимателенъ, но самое послѣднее дѣйствіе, совершенное имъ въ тотъ

день, когда, года за четыре до этого процесса, его уволили изъ казначейства, было доставить доктору Борни мѣсто органиста въ челсійскомъ госпиталѣ. Когда, на вестминстерскихъ выборахъ, докторъ Борни колебался между благодарностью за эту милость и своими торійскими мнѣніями, Боркъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ отрекся отъ всякаго права требовать пожертвованія принципами. «Вы очень мало, или вовсе не обязаны мнѣ,—писалъ онъ,—и еслибъ даже были обязаны мнѣ настолько, насколько я истинно желалъ бы этого, то надѣюсь, вы не считаете меня способнымъ желать этого для того, чтобы подчинить вашъ умъ или ваши дѣла тягостному и вредному рабству». Ужели съ подобнымъ человѣкомъ должна была неучтиво обойтись дочь доктора Борни, потому только, что она вздумала расходиться съ нимъ относительно обширнаго и чрезвычайно сложнаго вопроса, который онъ глубоко изучалъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, и котораго она вовсе никогда не изучала? Изъ собственнаго разсказа м-съ Борни ясно, что, когда она была такъ неласкова къ Борку, она даже не знала, въ чемъ обвинялся Гастингсъ. Впрочемъ, одно она должна была знать, что Боркъ успѣлъ убѣдить палату общинъ, сильно вооруженную противъ него, что обвиненія, поэтому, вѣроятно были основательны и что Питтъ и Дондасъ вмѣстѣ съ Фоксомъ и Шериданомъ поддерживали обвинительный актъ. Конечно даже отъ женщины съ гораздо низшими способностями, чѣмъ м-съ Борни, можно было ожидать, что она пойметъ, что этого никогда не могло бы случиться, еслибъ не было сильныхъ доказательствъ противъ бывшаго генералъ-губернатора. И, дѣйствительно, какъ признаютъ теперь всѣ разсудительные люди, противъ него были сильныя улики. Что великія общественныя услуги противопоставлялись его великимъ преступленіямъ, это совершенно понятно. Но услуги и преступленія его были одинаково неизвѣстны леди, которая такъ самоувѣренно утверждала его полнѣйшую невинность и приписывала его обвинителямъ—т. е. величайшимъ людямъ всѣхъ партій государства—не просто заблужденіе, но грубую несправедливость и варварство.

Правда, она нѣсколько разъ видѣла м-ра Гастингса, и нашла его манеры и разговоръ пріятными. Но не могла же она быть столь неосновательною, чтобы заключить изъ мягкости его манеръ въ гостиной, что

онъ неспособенъ совершить великаго государственнаго проступка подъ вліяніемъ честолюбія и мстительности. Глупенькая миссъ, только-что вышедшая изъ школы, могла впасть въ подобную ошибку; но женщина, создавшая характеръ м-ра Монктона, должна была лучше понимать людей.

Дѣло въ томъ, что она была слишкомъ долго при дворѣ. Она впадала въ рабство болѣе пагубное, нежели матеріяльное рабство. Оковы начинали врѣзываться въ душу. Привыкнувъ въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ слѣдить за взоромъ госпожи, принимать съ безграничной благодарностью малѣйшій знакъ королевскаго снисхожденія, чувствовать себя несчастной при всякомъ симптомѣ королевскаго неудовольствія, сообщаться только съ умами, давно укрощенными и подавленными,—она вырождалась въ нѣчто годное для ея мѣста. Королева Шарлотта была пылкимъ приверженцемъ Гастингса, получала отъ него подарки и настолько отступила отъ строгости своей добродѣтели, что покровительствовала его женѣ, прежнее поведеніе которой было, конечно, такъ же предосудительно, какъ поведеніе любой изъ слабыхъ красавицъ, въ тогдашнее время строго устранявшихся отъ англійскаго двора. Король, какъ извѣстно, держалъ ту же сторону. Мнѣніемъ короля и королевы покорно руководствовались всѣ члены двора. Поэтому обвиненіе считалось гнуснымъ преслѣдованіемъ, дѣлопроизводители—негодяями, отвѣтчикъ—самымъ достойнымъ человѣкомъ, съ которымъ поступали самымъ несправедливымъ образомъ. Такъ распѣвалъ весь дворецъ, начиная отъ дежурнаго офицера и кончая тафельдекерами и смотрителями серебрянаго буфета; и м-съ Борни распѣвала то же вслѣдъ за другими, только нѣсколько пожввѣе и съ меньшею горечью.

Отчетъ ея о болѣзни короля заключаетъ много превосходныхъ разсказовъ и описаній и, мы думаемъ, будетъ цѣниться историками будущихъ временъ наравнѣ съ подобными же частями дневниковъ Пеписа и Ивлина. Этотъ отчетъ показываетъ также, какой любящей и сострадательной была ея натура. Но—мы должны сознаться—онъ показываетъ также, что ея образъ жизни быстро портилъ ея способность мышленія и чувство справедливости. Мы не намѣрены разбирать здѣсь, чьи взгляды относительно регентства были правильнѣе—м-ра Питта, или м-ра Фокса. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно безполез-

но разбирать этотъ вопросъ, потому что порицаніе м-съ Борни падаетъ одинаково и на Питта, и на Фокса, на большинство и на меньшинство. Она гнѣвается на палату общинъ за то, что послѣдняя осмѣливается освѣдомляться—сошелъ ли король съ ума или нѣтъ, и есть ли надежда, что онъ придетъ въ себя. «Печальный день!—пишетъ она,—дурныя новости, какъ во дворцѣ, такъ и внѣ дворца. Дома бѣдному, дорогому королю все хуже; а въ парламентѣ рѣшено отобрать новыя показанія медиковъ. Боже милостивый! Какимъ оскорбленіемъ является желаніе парламентской власти—изслѣдовать и выставлять передъ свѣтомъ всѣ обстоятельства такой болѣзни, которая всегда считается священной тайной во всѣхъ частныхъ семействахъ! Какое негодованіе мы всѣ чувствуемъ здѣсь—слова́ не могутъ выразить.» Надо кстати замѣтить, что предложеніе, возбудившее такое негодованіе въ Кью, было сдѣлано самимъ м-мъ Питтомъ. Поэтому, мы видимъ, что преданность министра, котораго тогда общій голосъ называлъ самымъ героическимъ приверженцемъ государя, была холодна сравнительно съ кипучимъ усердіемъ, наполнявшимъ душу пажей и камеръ-юнгферъ. Объ биллѣ о регентствѣ, собственномъ биллѣ м-ра Питта, м-съ Борни говоритъ съ ужасомъ. «Я содрогаюсь, говоритъ она, слыша названіе билля.» И потомъ: «О! какой ужасный будетъ день, когда этотъ несчастный билль приведется въ исполненіе! Я не могу одобрить этотъ планъ.» Дѣло въ томъ, что м-ръ Питтъ—былъ ли онъ мудрый и прямой государственный человѣкъ, или нѣтъ—былъ все-таки государственный человѣкъ; и какіе бы ни были поводы, заставлявшіе его налагать ограниченія на регента, онъ сознавалъ, что такъ или иначе, а надо принять мѣры для исполненія нѣкоторой части королевскихъ обязанностей; въ противномъ случаѣ, никакого правительства не будетъ въ странѣ. Но объ этихъ вещахъ придворные никогда не думали. Сколько мы видимъ, смотрительницамъ гардероба и царедворцамъ ни разу не пришло въ голову, что гдѣ-нибудь въ государствѣ да должна быть власть, чтобы издавать законы, охранять порядокъ, миловать преступниковъ, опредѣлять чиновниковъ, вести переговоры съ иностранными державами, командовать арміей и флотомъ. Нѣтъ, эти просвѣщенные политиканы, и въ числѣ прочихъ м-съ Борни, кажется, думали, что всякій, смотрѣвшій на предметъ съ точки зрѣнія общественнаго интереса, показывалъ этимъ, что онъ человѣкъ

безъ сердца. Никто не удивляется этому въ камергерѣ; но грустно смотрѣть, когда творческій умъ падаетъ такъ низко.

Еще больше двухъ лѣтъ послѣ выздоровленія короля, тянулась жалкая жизнь Франсизъ во дворцѣ. Она лишилась одного за другимъ тѣхъ утѣшеній, которыми смягчалось на время горе рабства. М-съ Делани, общество которой было для нея большимъ утѣшеніемъ во время пребыванія двора въ Виндзорѣ, умерла. Одинъ изъ придворныхъ, полковникъ Дигби, кажется, былъ человѣкъ съ умомъ, вкусомъ, нѣкоторою начитанностью и привлекательными манерами. Пріятные товарищи попадались рѣдко въ этой тюрьмѣ, и потому очень естественно, что онъ и м-съ Борни привязались другъ къ другу. Она признается, что цѣнила его какъ друга, и не было бы ничего удивительнаго, еслибы его вниманіе возбудило въ ней чувство болѣе горячее, чѣмъ дружба. Онъ оставилъ дворъ и женился, но женитьба была такого рода, что очень удивила м-съ Борни и, очевидно, уязвила ея чувства и уронила его въ ея глазахъ. Дворецъ дѣлался скучнѣе и скучнѣе; мадамъ Швелленбергъ становилась болѣе и болѣе дикой и наглой, и здоровье бѣдной Франсизъ начало ослабѣвать; всѣ, видѣвшіе ея блѣдное лицо, похудѣвшій станъ и шаткую походку, предсказывали, что ея страданія скоро кончатся.

Франсизъ постоянно говоритъ съ любовью и уваженіемъ о королевѣ и принцессахъ. Послѣднія, кажется, заслуживали похвалъ, сыпавшихся на нихъ въ «*Дневникѣ*». Онѣ были, мы не сомнѣваемся, самыми любезными женщинами. Но «милая королева», какъ ее постоянно называютъ въ этихъ томахъ, вовсе не служитъ для насъ предметомъ восхищенія. Она, несомнѣнно, имѣла столько смысла, чтобы понимать, какъ нужно держать себя прилично своему высокому сану, и столько самообладанія, чтобы неизмѣнно сохранять эту манеру. Въ своихъ сношеніяхъ съ м-съ Борни, она была, обыкновенно, привѣтлива и ласкова, иногда, въ случаѣ недовольства, холодна и сдержанна, но никогда, ни въ какихъ обстоятельствахъ, не была жестка, капризна или вспыльчива. Она умѣла, очень мило и искусно, оказывать то небольшое вниманіе, которое со стороны государей цѣнится гораздо дороже его существенной стоимости,—знала, какъ сказать комплиментъ, какъ ссудить книгу, какъ спросить о родственникахъ.

Но, кажется, она совершенно не обращала вниманія на комфортъ, здоровье, жизнь своихъ служителей, какъ скоро дѣло шло о ея собственномъ удобствѣ. Слабая, въ лихорадочномъ состояніи, едва въ силахъ стоять, Франсизъ все-таки должна была подниматься ранѣе семи часовъ, чтобы одѣть милую королеву, и сидѣть до полуночи, чтобы раздѣть милую королеву. Нездоровье горничной не могло избѣгнуть, и не избѣгло вниманія ея царственной госпожи. Но установленной при дворѣ доктриной было, что всякая болѣзнь должна считаться отговоркою до тѣхъ поръ, пока не оказывалась роковой. Единственнымъ способомъ, которымъ больная могла очиститься отъ подозрѣнія въ «отлыниваніи», какъ говорятъ въ арміи, было—шнуровать и расшнуровывать до тѣхъ поръ, пока она не упадетъ замертво къ ногамъ королевы. «Это, — пишетъ м-съ Борни, жестоко страдая отъ болѣзни, безсонницы и трудовъ,—происходитъ вовсе не изъ жесткости сердца: совершенно напротивъ. Ни въ комъ изъ нихъ нѣтъ жесткости сердца: это предразсудокъ и недостатокъ личнаго опыта».

Многіе посторонніе люди сочувствовали физическимъ и умственнымъ страданіямъ этой замѣчательной женщины. Всѣ, видѣвшіе ее, видѣли, что ея тѣло слабѣетъ, что ея сердце разрывается. Ея отецъ, кажется, послѣдній замѣтилъ эту перемѣну. Наконецъ, ему, противъ воли, открыли глаза. Въ маѣ 1790 г., онъ имѣлъ съ своей дочерью свиданіе, продолжавшееся три часа,—единственное долгое свиданіе, бывшее между ними съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ 1786 г. привелъ ее въ Виндзоръ. Она сказала ему, что она несчастна, что она истомилась прислуживаніемъ и недостаткомъ сна, что у ней нѣтъ утѣшенія въ жизни, нечего любить, не на что надѣяться, что ея семья и друзья какъ будто не существуютъ для нея, а вспоминаются ею, какъ люди вспоминаютъ о мертвыхъ. Съ разсвѣта до полуночи тотъ же мертвящій трудъ, тѣ же забавы, еще болѣе ненавистныя, чѣмъ самый трудъ, слѣдуютъ одно за другимъ безъ разнообразія, безъ малѣйшаго промежутка свободы и покоя.

Докторъ былъ сильно пораженъ этими извѣстіями, но былъ слишкомъ добродушенъ, чтобы не сказать, что, если она желаетъ уволиться отъ службы, его домъ и объятія открыты для нея. Но все-таки онъ не могъ рѣшиться увезти ее отъ двора. Его уваженіе къ королевскому достоинству доходило, въ самомъ дѣлѣ, до идолопоклонства.

Оно может сравниться только съ раболѣпнымъ суевѣріемъ сирійскихъ фанатиковъ, заставлявшихъ своихъ дѣтей проходить къ Молоху сквозь огонь. Убѣждая свою дочь принять мѣсто смотрительницы гардероба, онъ питалъ надежду, какъ она расназываетъ намъ, что какая-нибудь мірская выгода, не обозначенная въ контрактѣ, будетъ результатомъ ея связи съ дворомъ. Какой выгоды онъ ожидалъ, мы не знаемъ, да и самъ онъ, вѣроятно, не зналъ. Но, чего бы онъ ни ожидалъ, онъ положительно ничего не получилъ. М-съ Борни была нанята за столъ, квартиру и двѣсти ф. въ годъ. Столъ, квартиру и двѣсти ф. въ годъ она и получила какъ слѣдуетъ. Мы усердно пересматривали *«Дневникъ»*, въ надеждѣ отыскать какіе-нибудь слѣды тѣхъ необыкновенныхъ благодѣяній, на которыя разсчитывалъ докторъ. Но мы находимъ только одно, никогда не исполненное, обѣщаніе — подарить нарядъ: и за это обѣщаніе м-съ Борни должна была благодарить такъ, какъ было бы прилично благодарить только нищему, съ которымъ св. Мартинъ, въ легендѣ, раздѣлилъ свой плащъ. Четырехлѣтняго опыта, однако, было недостаточно, чтобы разсѣять иллюзію, овладѣвшую умомъ доктора, и, повидимому, оставалось мало сомнѣнія, что дорогой отецъ и милая королева уморятъ Франсисъ. Прошло полгода послѣ свиданія между отцомъ и дочерью. Просьбы объ увольненіи не подавали. Страдалицѣ становилось хуже и хуже. Она принимала хину, которая скоро перестала оказывать благодѣтельное дѣйствіе. Ее подкрѣпляли виномъ, успокоивали опіумомъ, но тщетно. У ней началась одышка. При дворѣ разнесся слухъ, что у ней чахотка. Боль въ боку сдѣлалась такъ сильна, что отъ карточнаго стола старой фуріи, къ которой она была прикована, ей приходилось уходить, раза три или четыре въ вечеръ, чтобы прибѣгать къ олепьему рогу. Будь она невольницей-негритянкой, человѣчный плантаторъ уволилъ бы ее отъ работы. Но ея величество была безпощадна. Три раза въ день все-еще звонилъ проклятый колокольчикъ; королеву все-еще надобно было одѣвать утромъ въ семь часовъ, днемъ—въ двѣнадцать и раздѣвать въ полночь.

Но въ литературномъ и фешьёнебельномъ обществѣ возникло чувство всеобщаго состраданія къ Франсизъ и негодованія противъ ея отца и королевы. «Возможно ли, говорила знатная французская дама док-

тору Борни, чтобы ваша дочь находилась въ должности, гдѣ ей никогда не даютъ свободнаго дня»? Гораций Вальполь писалъ Франсизъ, чтобы выразить ей свою симпатію. Босвелль, въ пылу добродушной ярости, почти силой ворвался во дворецъ, чтобы видѣть больную. «Моя милая, зачѣмъ вы остаетесь? Это не годится; вы должны просить объ увольненіи. Мы не можемъ дольше терпѣть этого. Увѣряю васъ, приняты будутъ какія-нибудь сильныя мѣры. Мы цѣлымъ обществомъ обратимся къ доктору Борни». Боркъ и Рейнольдзъ хотя менѣе шумно, но усердно стояли за то же дѣло. Виндгамъ говорилъ съ д-мъ Борни и нашелъ его еще въ нерѣшительности. «Я подниму на него клубъ,—вскричалъ Виндгамъ,—м-съ Борни имѣетъ здѣсь нѣсколько очень искреннихъ поклонниковъ и, я увѣренъ, они будутъ усердно помогать мнѣ». Въ самомъ дѣлѣ, семейство Борни, кажется, боялось, что докторъ, непростительное безразсудство котораго (употребляемъ самое мягкое выраженіе) вполнѣ заслуживало этого, подвергнется какому-нибудь публичному оскорбленію. Медики прямо объявили ему, что дочь его должна или просить объ увольненіи, или умереть.

Наконецъ, родительская любовь, медицинскій авторитетъ и негодующій голосъ всего Лондона, восторжествовали надъ его любовью къ двору. Отецъ рѣшилъ, что Франсизъ должна написать просьбу объ увольненіи. Хотя дѣло шло о ея жизни, она едва собралась съ духомъ, чтобы передать бумагу въ руки королевы. «Я не могла, повѣствуетъ дневникъ, рѣшиться представить мое прошеніе; у меня не хватало духу, видя, какъ далека королева отъ подобнаго предположенія; потому что, хотя часто мнѣ было такъ дурно въ ея присутствіи, что я едва могла стоять на ногахъ,—ясно было, что, пока я оставалась жива, она считала меня безусловно-своей».

Наконецъ, бумага была вручена дрожащими руками. Тогда разразилась буря. Юнона, какъ въ «*Энеидѣ*», поручила дѣло мщенія Алекто. Королева была кротка и спокойна, но мадамъ Швелленбергъ бѣсновалась, подобно сумасшедшимъ въ неизлѣчимомъ отдѣленіи Бедлама! Какая наглость! Какая неблагодарность! Какое безуміе! Неужели м-съ Борни хочетъ совершенно погубить себя и свое семейство? хочетъ лишиться неоцѣненнаго королевскаго покровительства? хочетъ отказаться отъ привилегій, которыя, будучи разъ потеряны,

никогда не возобновятся? Глупо толковать о жизни и здоровьѣ. Если люди не могутъ жить во дворцѣ, самое лучшее, что можетъ выпасть на ихъ долю—это умереть въ немъ. Просьбу объ увольненіи не приняли. Говоръ медиковъ становился энергичнѣе и энергичнѣе. Родительскія опасенія д-ра Борни были окончательно возбуждены, и онъ написалъ письмо, которое обѣщали показать королевѣ, гдѣ онъ ясно объявлялъ, что его дочь должна удалиться отъ двора. Швелленбергъ бѣсилась, какъ дикая кошка. «Послѣдовала ужасная сцена, говоритъ м-съ Борни. М-ме Швелленбергъ была такъ взбѣшена, что не могла лицемѣрить, и клеймила наши поступки самыми яростными выраженіями негодующаго презрѣнія. Я увѣрена, она съ радостью заперла-бы насъ въ Бастилью—еслибъ существовала въ Англіи подобная пагуба — какъ въ мѣсто, годное на то, чтобы принести насъ въ себя отъ оскорбительнаго противорѣчія царскимъ желаніямъ.» Эти строки заслуживаютъ вниманія, потому что онѣ единственныя въ *«Дневникѣ»*, показывающія, что м-съ Борни понимала, что она уроженка свободной страны, что ее нельзя было вербовать въ горничныя противъ ея воли и что она имѣла такое-же право жить, если вздумаетъ, въ Сентъ-Мартинзъ-Стритѣ, какъ королева Шарлотта въ Сентъ-Джемсѣ.

Королева обѣщала, что послѣ предстоящаго дня рожденія Франсисъ будетъ свободна. Но обѣщаніе плохо сдержали, и ея величество высказывала неудовольствіе, когда ей напоминали объ этомъ. Наконецъ, Франсисъ увѣдомили, что черезъ двѣ недѣли ея служба прекратится. «Я услышала это, говоритъ она, съ страшнымъ предчувствіемъ, что, вѣроятно, мнѣ не пережить еще двухъ недѣль,въ такомъ слабомъ,томительномъ и тягостномъ состояніи здоровья.... По мѣрѣ того, какъ приближалась разлука,дружелюбность королевы сильно уменьшалась,и порой проявлялись слѣды внутренняго неудовольствія, возникавшаго изъ того мнѣнія, что мнѣ слѣдовало скорѣе выбиться изъ силъ, чѣмъ покидать ее. Однако она поняла, какъ плоха была моя перспектива, если не измѣнится образъ жизни, и наконецъ перестала удивляться, хотя не могла одобрить мое поведеніе». Милая королева! Какое благородное чистосердечіе—допустить, что непочтительность людей, думавшихъ, что за честь поправлять ей шемизетки не сто-

итъ жертвовать жизнью,—хотя и въ высшей степени преступна, но не совсѣмъ неестественна.

Мы вполнѣ понимаемъ презрѣніе ея величества къ жизни другихъ, тамъ гдѣ дѣло шло о ея собственномъ удовольствіи. Но какого рода удовольствіе было для нея имѣть около себя м-съ Борни — не такъ легко понять. Чтобы м-съ Борни была необыкновенно искусной смотрительницей гардероба—не очень правдоподобно. Дѣйствительно, немного женщинъ обращали меньше вниманія на туалетъ. Въ теченіе пяти лѣтъ, ее кое-когда просили почитать вслухъ, или написать стихи. Но не трудно было найти лучшихъ чтецовъ; а ея стихи были хуже даже, чѣмъ оды на день рожденія поэтовъ-лавреатовъ. Можетъ быть, экономія, бывшая одной изъ самыхъ замѣтныхъ добродѣтелей ея величества, имѣла вліяніе на ея образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ. М-съ Борни никогда не намекала на пенсію, и въ самомъ дѣлѣ, съ радостью отдала бы немногое, что имѣла, за свободу. Но ея величество знала, что думаетъ публика и что прилично ея собственному достоинству. Она не могла, ради одного стыда, допустить, чтобы женщина съ замѣчательными дарованіями, покинувшая выгодную карьеру для того, чтобъ ходить за ней, усердно служившая ей за бездѣлицу впродолженіе пяти лѣтъ, потерявшая свое здоровье отъ труда и безсонницы,—оставила дворъ безъ всякихъ доказательствъ королевской щедрости. Георгъ III, который во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о м-съ Борни, кажется, велъ себя, какъ прилично честному, добросердечному джентльмену, сознавалъ это и прямо сказалъ, что она имѣетъ право на пенсію. Наконецъ, за всѣ перенесенныя ею непріятности, за здоровье, которымъ она пожертвовала, назначили ей ежегодный доходъ во 100 ф., зависѣвшій отъ благоусмотрѣнія королевы.

Тогда темница отворилась и Франсисъ еще разъ очутилась на свободѣ. Джонсонъ, по замѣчанію Борка, могъ бы прибавить разительную страницу къ своей поэмѣ—*«Тщетность человѣческихъ желаній»,* еслибъ дожилъ до того, чтобъ посмотрѣть, какова была его маленькая Борни, когда она входила во дворецъ и когда выходила изъ него.

Столь долго не испытанныя наслажденія свободы, дружбы, семейныхъ привязанностей были почти не подъ-силу ея потрясенному организму. Но счастливые дни и покойныя ночи скоро поправили здоровье, разстроенное туалетомъ королевы и карточнымъ

столомъ мадамъ Швелленбергъ. Ласковыя и заботливыя лица окружили больную. Самый утонченный и блестящій разговоръ оживилъ ея умъ. Ей посовѣтовали путешествовать, и она спокойно, не утомляясь, переѣзжала изъ одного соборнаго города въ другой, отъ однихъ минеральныхъ водъ къ другимъ. Она проѣхала по Новому Лѣсу и посѣтила Стонгенджъ и Вильтонъ, скалы Лайма и прекрасную долину Сидмута. Оттуда она проѣхала мимо Поудергамъ-Кастля и развалинъ Гластонбёрійскаго аббатства къ Бату, а къ зимѣ вернулась, веселая и здоровая, изъ Бата въ Лондонъ. Здѣсь она посѣтила свою старую тюрьму, и нашла свою преемницу уже далеко на пути къ могилѣ на строгомъ дежурствѣ съ утра до полуночи—съ вывихнутой лодыжкой и нервной лихорадкой.

Въ это время Англія кишѣла французскими эмигрантами, выгнанными изъ ихъ страны революціей. Колонія этихъ изгнанниковъ поселилась въ Джуниперъ-Голлѣ, въ Сорри, близъ парка Норбёри, гдѣ жилъ м-ръ Локкъ—короткій пріятель семейства Борни. Франсисъ посѣтила Норбёри и была представлена иностранцамъ. Она была сильно предубѣждена противъ нихъ, потому что ея торизмъ далеко превосходилъ торизмъ, не скажемъ м-ра Питта, но м-ра Ривза, а обитатели Джуниперъ-Голля были всѣ приверженцами конституціи 1791 г. и потому были ненавидимы роялистами первой эмиграціи более, чѣмъ Песіонъ и Маратъ. Но женщина, подобная м-съ Борни, не могла долго устоять противъ привлекательности этого замѣчательнаго общества. Она жила съ Джонсономъ и Виндгамомъ, съ м-съ Монтегю и м-съ Траль,—однако должна была сознаться, что до этого не имѣла понятія о разговорѣ. Самое одушевленное краснорѣчіе, самая тонкая наблюдательность, самое блестящее остроуміе, самая изысканная грація соединились здѣсь, чтобы очаровать её. Здѣсь была m-me де-Сталь и Таллейранъ; здѣсь же находился де-Нарбоннъ, благородный представитель французской аристократіи, а съ де-Нарвонномъ былъ его другъ и приверженецъ генералъ д'Арвлэ, почтенный и любезный человѣкъ, съ красивой наружностью, военною прямотою нрава и нѣкоторою любовью къ литературѣ.

Предубѣжденія, усвоенныя Франсисъ противъ конституціонныхъ роялистовъ Франціи, быстро исчезли. Она съ восторгомъ слушала Тал-

лейрана и m-me Сталь, вмѣстѣ съ генераломъ д'Арбла проклинала якобинцевъ и оплакивала несчастныхъ Бурбоновъ; брала у него французскіе уроки, влюбилась и вышла за него замужъ, не имѣя другихъ средствъ, кромѣ ненадежнаго годоваго дохода во сто фун. стерлинговъ.

Здѣсь «*Дневникъ*» прекращается. Поэтому мы приведемъ нашъ разсказъ къ быстрому окончанію, на-скоро передавъ самыя важныя происшествія послѣдняго періода жизни m-me д'Арбла.

Состояніе м-ра д'Арблэ погибло въ общемъ крушеніи французской революціи; а въ чужой странѣ таланты, каковы бы они ни были, врядъ ли могли обогатить его. Забота о пропитаніи семейства лежала на его женѣ. Въ 1796 г. она издала по подпискѣ свой третій романъ—«*Камилла*». Онъ нетерпѣливо ожидался публикой; и сумма, доставленная имъ, была, мы полагаемъ, больше всего, что можно было получить за романъ того времени. Мы слышали, что «*Камилла*» доставила больше трехъ тысячъ гиней. Но мы передаемъ это только какъ слухъ. «*Камилла*», впрочемъ, никогда не пріобрѣтала той популярности, какою пользовались «*Цецилія*» и «*Эвелина*»; и надо сознаться, что въ ней было замѣтное паденіе не юмора или искусства рисовать характеры, но граціи и чистоты слога.

Мы слышали, что около этого времени была представлена на сценѣ трагедія m-me д'Арблэ, которая не имѣла успѣха. Не знаемъ, была ли она напечатана, да мы не имѣли и времени дѣлать изслѣдованія относительно ея исторіи и достоинствъ.

Во время короткаго перемирія послѣ Аміенскаго трактата м-ръ д'Арблэ посѣтилъ Францію. Лористонъ и Лафайетъ представили его права французскому правительству и получили обѣщаніе, что ему возвратятъ его военный чинъ. Д'Арбла требовалъ однако, чтобы его не заставляли служить противъ соотечественниковъ жены. Первый консулъ, разумѣется, не хотѣлъ слышать о такомъ условіи и приказалъ уничтожить патентъ генерала.

М-me д'Арблэ пріѣхала къ своему мужу въ Парижъ незадолго до начала войны 1803 г. и оставалась во Франціи десять лѣтъ, отрѣзанная почти отъ всякаго сообщенія съ родиной. Наконецъ, когда Наполеонъ былъ на пути въ Москву, она съ большими трудностями получила отъ его министровъ позволеніе посѣтить свое отечество вмѣстѣ съ сыномъ, уроженцемъ Англіи. Она вернулась во-время, чтобы

принять последнее благословеніе своего отца, который умеръ на восемьдесятъ-седьмомъ году. Въ 1814 г. она издала свой последній романъ— *«Скиталецъ»*; эту книгу ни одинъ разумный другъ ея памяти не попытается извлечь изъ забвенія, которому она справедливо подверглась. Въ томъ же году ея сынъ, Александръ, былъ отправленъ въ Кембриджъ. Онъ достигъ почетнаго мѣста между товарищами своего курса и былъ выбранъ членомъ коллегіи Христовой церкви. Но его репутація въ университетѣ была выше, чѣмъ можно заключить изъ его успѣха въ академическихъ состязаніяхъ. Его французское воспитаніе не сдѣлало его способнымъ къ университетскимъ испытаніямъ, но въ чистой математикѣ онъ имѣлъ мало равныхъ себѣ, какъ увѣряли насъ нѣкоторые изъ его соперниковъ. Онъ поступилъ въ духовенство, и всѣ ожидали, что достигнетъ высокаго отличія какъ проповѣдникъ; но онъ умеръ раньше своей матери. Все, что мы слышали о немъ, заставляетъ думать, что онъ былъ такимъ сыномъ, какого заслуживала подобная мать. Въ 1832 г. m-me д'Арблэ издала мемуары своего отца, а 6-го января 1840 г. она умерла на восемьдесятъ-восьмомъ году.

Теперь мы обратимся отъ жизни m-me д'Арблэ къ ея сочиненіямъ. Мы думаемъ, что не можетъ быть бо́льшаго разногласія въ мнѣніяхъ относительно сущности ея достоинства, какъ бы ни было сильно разногласіе относительно степени этого достоинства. Она была именно, какъ называлъ ее Джонсонъ, «мастеромъ характеровъ». Ея сила заключалась въ изображеніи человѣческихъ страстей и причудъ,—въ этомъ отдѣлѣ искусства она обладала, по нашему мнѣнію, замѣчательнымъ талантомъ.

Но для того, чтобъ мы могли, согласно нашей обязанности герольдмейстера, знакомаго съ законами литературнаго первенства, поставить ее на ея истинное мѣсто, мы должны провести нашъ разборъ нѣсколько далѣе.

Въ одномъ отношеніи есть замѣчательная аналогія между лицами и характерами людей. Нѣтъ двухъ лицъ совершенно схожихъ; между тѣмъ очень мало лицъ, далеко отходящихъ отъ общаго уровня. Изъ 1,800,000 человѣческихъ существъ, населяющихъ Лондонъ, нѣтъ ни одного, кого бы его знакомый принялъ за другаго; но мы можемъ пройти отъ Паддингтона до Майль-Энда, не встрѣчая ни одного лица,

въ которомъ бы какая-нибудь черта такъ рѣзко выдавалась, что заставила бы васъ оглянуться на него. Безконечное число видоизмѣненій заключается между двумя чертами, не очень далеко отстоящими другъ отъ друга. Образчики, выходящіе за эти черты съ той и другой стороны, составляютъ очень небольшое меньшинство.

То же самое замѣчается и въ характерахъ людей. Здѣсь тоже невозможно исчислить всѣхъ видоизмѣненій. Но случаи, въ которыхъ отклоненія отъ общаго уровня поразительны и забавны, очень рѣдки. Въ одномъ характерѣ преобладаетъ скупость, въ другомъ—гордость, въ третьемъ—любовь къ удовольствіямъ; точно такъ же, какъ въ одномъ лицѣ—носъ самая замѣтная черта, между тѣмъ какъ въ другомъ главное выраженіе заключается во лбу или линіяхъ рта. Но очень мало лицъ, въ которыхъ носъ, лобъ и ротъ не способствуютъ, хотя и въ неравной степени, общему впечатлѣнію, и также очень мало характеровъ, въ которыхъ одна, непомѣрно развитая, наклонность дѣлаетъ всѣ другія совершенно незначущими.

Очевидно, что портретный живописецъ, способный изображать только лица и фигуры, подобныя тѣмъ, которыя показываются за деньги на ярмаркахъ, не можетъ, какъ бы ни были живы его изображенія, занять мѣсто между артистами высшаго разряда. Его всегда слѣдуетъ поставить ниже тѣхъ, которые умѣютъ схватывать особенности, не доходящія до уродства. Чѣмъ тоньше эти особенности, тѣмъ выше достоинства миньятюриста, умѣвшаго схватить ихъ и перенести на полотно. Нарисовать Даніэля Ламберта или живой скелетъ, леди съ лицомъ, напоминающимъ свинью, или Сіамскихъ близнецовъ, такъ, чтобы всѣ узнали ихъ — это подвигъ подъ-силу и маляру. Третьестепенный артистъ можетъ изобразить намъ косые глаза Вилькза и загнутый носъ и выдающіяся щеки Гиббона. Гораздо бо́льшая степень искусства потребуется, чтобы нарисовать двухъ такихъ людей, какъ м-ръ Каннингъ и сэръ Томасъ Лоренсъ, такъ, чтобы никто, видѣвшій ихъ, ни на минуту не усумнился сказать, кто оригиналъ каждаго изъ портретовъ. Здѣсь просто-каррикатурный живописецъ далъ бы промахъ. Два широкія голыя чела, два правильные профиля, два полныя лица одинаково овальной формы сбили бы съ толку его искусство, и ему осталось бы прибѣгнуть къ жалкой увертке—подписать имена подъ своими картинами. Однако

между лицами была большая разница; и человѣкъ, видѣвшій ихъ однажды, такъ же мало могъ принять одного изъ нихъ за другаго, какъ принять м-ра Питта за м-ра Фокса. Но эта разница заключалась въ тонкихъ очертаніяхъ и оттѣнкахъ, предоставленныхъ карандашамъ высшаго разряда.

Это различіе существуетъ во всѣхъ подражательныхъ искусствахъ. Мимика Фута была чрезвычайно забавна, но она была вся каррикатура. Онъ могъ перенимать только какую-нибудь рѣзкую особенность, могъ заикаться или шепелявить, могъ рубить на нортумбріанскомъ и ирландскомъ нарѣчіяхъ, могъ вилять и нагибаться. «Если человѣкъ прыгаетъ на одной ногѣ,—говорилъ Джонсонъ,—Футъ можетъ тоже прыгать на одной ногѣ.» Съ другой стороны, Гаррикъ могъ схватывать тѣ различія въ манерѣ и выговорѣ, которыя, хотя характеристичны въ высшей степени, однако такъ тонки, что ускользаютъ отъ описанія. Мы не сомнѣваемся, что Футъ, подражая разговору между шотландцемъ и сомерсетширцемъ, заставилъ бы Гаймаркетскій театръ дрожать отъ хохоту. Но Гаррикъ могъ бы подражать разговору между двумя фешьёпебельными людьми, лучшими образцами благовоспитанности, напр. между лордомъ Честерфильдомъ и лордомъ Альбемарлемъ, такъ, что никто не могъ бы сомнѣваться, кто изъ нихъ тотъ и другой, хотя никто не могъ сказать, что лордъ Честерфильдъ или лордъ Альбемарль, въ какомъ-нибудь отношеніи, говорили или двигались несогласно съ обычаями лучшаго общества.

То же самое различіе находится въ драмѣ и вымышленномъ разсказѣ. Шекспиръ стоитъ въ діалогѣ выше всѣхъ, кто только изображалъ человѣческую природу. Его видоизмѣненія подобны видоизмѣненіямъ природы, это—безконечное разнообразіе, но почти ничего уродливаго. Характеры, которые онъ создалъ и которые оставили въ насъ не менѣе живое впечатлѣніе, какъ характеры близкихъ къ намъ людей, считаются десятками. Однако, между всѣми этими десятками, едвали найдется одинъ характеръ, который далеко отклоняется отъ общаго мѣрила и который мы назвали бы очень эксцентричнымъ, встрѣтивъ его въ дѣйствительной жизни. Нелѣпое понятіе, что у каждаго человѣка есть одна господствующая страсть, разъясняющая всѣ тайны его поведенія, не находитъ себѣ поддержки въ

пьесахъ Шекспира. Здѣсь человѣкъ является, какъ онъ есть, составленный изъ множества страстей, которыя борятся за господство надъ нимъ и по очереди управляютъ имъ. Какая господствующая страсть Гамлета? или Отелло? или Генриха V? или Вольси? или Лира? или Шайлока? или Бенедика? или Макбета? или Кассія? или Фокнбриджа? Но мы могли бы продолжать безъ конца. Возьмемъ одинъ примѣръ, Шайлока. Развѣ онъ такъ преданъ деньгамъ, чтобы быть равнодушнымъ къ мщенію? или такъ преданъ мщенію, чтобы быть равнодушнымъ къ деньгамъ? или такъ склоненъ къ тому и другому, чтобы быть равнодушнымъ къ чести своей націи и закону Моисееву? Всѣ его склонности перемѣшаны, такъ что, стараясь поставить каждую на надлежащее мѣсто, мы находимъ тѣ же затрудненія, какія постоянно встрѣчаемъ въ дѣйствительной жизни. Поверхностный критикъ можетъ сказать, что ненависть — господствующая страсть Шайлока. Но сколько страстей слились вмѣстѣ, чтобы образовать эту ненависть! Она—отчасти слѣдствіе оскорбленной гордости: Антоніо назвалъ его собакой; отчасти — слѣдствіе жадности къ деньгамъ: Антоніо помѣшалъ ему пріобрѣсти полмилліона, и когда Антоніо не будетъ, не будетъ и границъ выгодамъ ростовщика; отчасти—слѣдствіе національнаго и религіознаго чувства: Антоніо наплевалъ на жидовскій плащъ, и Шайлокъ поклялся жидовской субботой отмстить ему. Мы могли бы этимъ способомъ пересмотрѣть всѣ упомянутыя нами личности и еще пятьдесятъ другихъ, потому что у Шекспира постоянная манера—представлять человѣческое существо находящимся не подъ абсолютнымъ владычествомъ одной деспотической наклонности, но подъ смѣшаннымъ владычествомъ, гдѣ сотни властей уравновѣшиваютъ другъ друга. Какъ онъ ни удивителенъ во всѣхъ частяхъ своего искусства, но мы наиболѣе поклоняемся ему за то, что, оставя намъ большее число поразительныхъ портретовъ, чѣмъ всѣ другіе драматурги вмѣстѣ, онъ не оставилъ почти ни одной каррикатуры.

Шекспиръ не имѣетъ ни равнаго себѣ, ни подобнаго. Но между тѣми, которые бы въ помянутомъ нами отношеніи, ближе всего подходили къ великому художнику, мы, не колеблясь, ставимъ Дженъ Остенъ,—женщину, которой справедливо гордится Англія. Она дала намъ множество характеровъ, въ извѣстномъ смыслѣ, обыденныхъ,

встрѣчающихся ежедневно. Но всѣ они такъ отчетливо разнятся между собою, какъ самыя эксцентричныя человѣческія существа. Вотъ, напримѣръ, четыре священника; каждаго изъ нихъ мы безъ удивленія встрѣтили бы въ какомъ бы то ни было приходѣ королевства, м-ръ Эдвардъ Феррарзъ, м-ръ Генри Тильни, м-ръ Эдмондъ Бертрамъ и м-ръ Эльтонъ. Всѣ они образцы верхняго слоя средняго класса. Всѣ они получили либеральное воспитаніе. Всѣ они стѣснены одной и той же священной профессіей. Всѣ они молоды. Всѣ они влюблены. Ни у кого изъ нихъ нѣтъ своего конька, какъ говорилъ Стернъ. Ни у кого нѣтъ господствующей страсти, о какихъ мы читаемъ у Попа. Кто не предположилъ бы, что они выйдутъ пустыми копіями одинъ съ другаго. Ничего подобнаго. Каждый изъ молодыхъ богослововъ м-съ Остинъ не больше похожъ на своихъ достопочтенныхъ братьевъ, какъ Гарпагонъ на Журдена, какъ Джозефъ Сорфесъ на сэра Луція О'Триггэра. И почти все это сдѣлано такими тонкими штрихами, которые ускользаютъ отъ анализа, поддаются описанію, и чувствуются только по общему впечатлѣнію, которому они способствуютъ.

По нашему разумѣнію, надо провести черту между художниками этого класса, и тѣми поэтами и новелистами, искусство которыхъ заключается въ изображеніи того, что Бенъ Джонсонъ называлъ странностями, *humours*. Слова Бена приходятся такъ кстати, что мы приводимъ ихъ здѣсь:

«When some one peculiar quality
Doth so possess a man, that it doth draw
All his affects, his spirits, and his powers,
In their confluxions all to run one way,
This may be truly said to be a humour.» (²)

Несомнѣнно есть люди, въ которыхъ странности, подобныя описываемымъ Беномъ достигли полнаго господства. Примѣры—скупость Эльвза, безумное желаніе сэра Иджертона Бриджеса полу-

(²) «Если какое-нибудь особенное качество такъ обладаетъ человѣкомъ, что оно заставляетъ всѣ его привязанности и силы, сливаясь, стремиться въ одну сторону, то это поистинѣ можно назвать странностью».

чить баронію, на которую онъ имѣлъ столько же правъ, какъ на корону Испаніи; недоброжелательство къ людямъ развившееся въ мрачномъ умѣ Беллингама долгимъ размышленіемъ о воображаемыхъ обидахъ. Чувство, одушевлявшее Кларксона и другихъ добродѣтельныхъ людей противъ торговли невольниками и противъ рабства—примѣръ болѣе почтеннаго рода.

Видя, что подобныя странности существуютъ, мы не можемъ отрицать, что онѣ заслуживаютъ воспроизведенія въ искусствѣ. Но мы полагаемъ, что изображеніе такихъ странностей, какъ бы хорошо и забавно оно ни было, не есть дѣло высшаго разряда; и такъ какъ подобные странности рѣдки въ дѣйствительной жизни, то онѣ должны, по нашему пониманію, бережливо вводиться въ сочиненія, которыя называются картинами дѣйствительной жизни. Тѣмъ не менѣе, писатель можетъ показать такъ много геніяльности въ изображеніи этихъ странностей, что можетъ имѣть полное право на почетное и прочное мѣсто между классическими писателями. Но главныя, первенствующія мѣста между ними предоставляются тому меньшинству, которое достигло совершенства въ трудномъ искусствѣ снимать портреты съ характеровъ, въ которыхъ ни одна черта не выдается слишкомъ рѣзко.

Если мы ясно изложили законъ, то не можемъ затрудниться въ приложеніи его къ частному случаю, подлежащему нашему разбору. М-me Д'Арблэ врядъ-ли оставила намъ что-нибудь, кромѣ странностей. Почти въ каждомъ изъ ея мущинъ и женщинъ есть какая-нибудь наклонность, развитая до болѣзненности. Въ *«Цециліи»*, напримѣръ, м-ръ Дельвилль не открываетъ рта, чтобы не сказать чего-нибудь о своемъ происхожденіи и положеніи, М-ръ Бригзъ, чтобы не намекнуть о способѣ копить деньги; М-ръ Гобсонъ, чтобы не заявить самодовольства и важничанья выскочки, гордаго богатствомъ; М-ръ Симкинсъ—чтобы не заискать какой-нибудь подлостью расположеніе своихъ покупателей; М-ръ Мидосъ—чтобы не выразить апатіи и утомленія жизнью; М-ръ Альбани—чтобы не пустить возгласа о порокахъ богача и злополучіи бѣдняка; М-съ Бельфильдъ—чтобы не сказать какой-нибудь неделикатной похвалы своему сыну; лэди Маргарэтъ—чтобы не выказать ревности къ мужу. Моррисъ весь—вертлявая, услужливая назойливость, М-ръ Госпортъ весь сарказмъ, лэди Гонорія—оживлен-

ная, м-съ Аврольсъ — пошлая болтовня. Если m-me Д'Арблэ мѣтила на большее, мы не думаемъ, чтобы она успѣла въ втомъ.

По этому въ высшихъ рядахъ искусства m-me Д'Арбла не можетъ имѣть мѣств, но нельзя отрицать, что въ томъ ряду, къ которому она принадлежала, она имѣла мвло равныхъ себѣ и едвали имѣла высшихъ. Разнообразность странностей въ ея повѣстяхъ чреавычвйно обширна, и хотя рѣчь кяждаго изъ лицъ отдѣльно — монотонна, но общее впечатлѣніе, производимое ими — не монотонность, а очень оживленное и пріятное разнообрaзіе. Завязки ея произведеній, рвасматриваемыя сами по себѣ, построены грубо и неправдоподобно. Но онѣ превосходно приспособлены къ изображенію разительныхъ группъ эксцентрическихъ личностей, изъ которыхъ каждая руководствуется своей особенной причудой, говоритъ своимъ особеннымъ языкомъ и, путемъ противоположности, рѣзко выдаетъ странности остальныхъ. Мы приведемъ одинъ примѣръ изъ многихъ, которые приходятъ намъ въ голову. Всякая правдоподобность нарушается, для того чтобы ввести въ одну комнату м-ра Дельвилля, м-ра Бриnза, м-ра Гобсона и м-ра Альбани. Но когда они сходятся, мы скоро забываемъ неправдоподобность въ чрезвычайно забавномъ эффектѣ, производимомъ столкновеніемъ четырехъ старыхъ дураковъ, изъ которыхъ каждый одержимъ своей особенной мономаніей. каждый говоритъ своимъ особеннымъ языкомъ и каждый заново воспламеняетъ всѣхъ другихъ, всякій разъ какъ открываетъ ротъ.

М-me Д'Арблв имѣлв чрезвычайно большой успѣхъ въ комическомъ, и именно въ комическомъ, граничившемъ съ фарсомъ. Но мы готовы заключить изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ *«Камиллѣ»* и *«Цециліи»*, что она могла бы достигнуть одинаковаго отличія и въ патетическомъ. Мы составили это сужденіе не только изъ тѣхъ изысканно-горестныхъ сценъ, которыя сопровождаютъ катастрофы каждаго изъ этихъ романовъ, сколько изъ нѣсколькихъ прелестныхъ очерковъ, полныхъ естественной нѣжности, которые мы встрѣчаемъ тамъ и сямъ. Укажемъ, для примѣрв, на разсказъ м-съ Гилль о смерти ея маленькаго сына въ *«Цециліи»* и на прощанье сэра Гью-Тирольда съ Камиллой, когда честный баронетъ считаетъ себя умирающимъ.

Грустно подумать, что вся слава m-me Д'Арблэ покоится на томъ,

чтó она сдѣлала въ продолженіе первой половины своей жизни, и что все, изданное ею въ теченіе сорока-трехъ лѣтъ, предшествовавшихъ ея смерти, понизило ея репутацію. Однако, мы не имѣемъ повода думать, чтобы въ пору полнаго развитія ея способностей, онѣ были поражены какимъ-нибудь ударомъ. Въ «*Скитальцѣ*» отъ времени до времени блеститъ предъ нами лучъ ея таланта. Даже въ «*Мемуарахъ*» ея отца не видно и слѣдовъ глупой болтовни. «*Мемуары*» очень дурны, но намъ кажется, что они дурны не отъ упадка дарованія, а отъ полнѣйшаго извращенія дарованія.

Дѣло въ томъ, что слогъ m-me Д'Арблэ потерпѣлъ постепенное и въ высшей степени пагубное измѣненіе, измѣненіе, которому, мы думаемъ, не было примѣра въ литературной исторіи и развитіе котораго было бы, можетъ статься, полезно прослѣдить.

Когда она писала письма къ м-ру Криспу, начало дневника и свою первую повѣсть, ея слогъ не былъ, правда, ни блестящъ, ни энергиченъ, но онъ былъ простъ, ясенъ и свободенъ отъ всѣхъ непріятныхъ недостатковъ. Писавши «*Цецилію*», она мѣтила выше. Она тогда жила много въ кружкѣ, центромъ котораго былъ Джонсонъ, и сама принадлежала къ числу его самыхъ ревностныхъ поклонницъ. Кажется, ей ни разу не пришло на мысль, что слогъ даже лучшихъ его сочиненій былъ вовсе не безукоризненъ, и что—будь онъ даже безукоризненъ—съ ея стороны было бы неблагоразумно подражать ему. Фразеологія годная въ изслѣдованіяхъ объ единствахъ или въ предисловіи къ лексикону — совершенно не умѣстна въ повѣсти изъ свѣтской жизни. Старые джентльмены не критикуютъ господствующихъ модъ, а молодые не объясняются въ любви тѣми размѣренными періодами и звучными эпитетами, которые искусный писатель можетъ въ высокоторжественныхъ случаяхъ успѣшно употребить въ дѣло.

Не въ добрый часъ авторъ «*Эвелины*» взялъ за образецъ себѣ «*Rambler'a*». Это было бы неблагоразумно, еслибъ даже m-me Д'Арблэ могла подражать своему образцу такъ же хорошо, какъ подражалъ ему Гоксвортъ. Но подобное подражаніе было не въ ея власти. У нея былъ свой собственный слогъ, который былъ довольно хорошъ и могъ бы, безъ сильныхъ перемѣнъ, сдѣлаться очень хорошимъ. Она рѣшилась измѣнить его совершенно и принять слогъ, въ которомъ могла достичь

совершенства только одержавши почти сверхъестественную побѣду надъ природой и привычкой. Она могла перестать быть Фанни Борни, но не такъ легко было сдѣлаться Самюэлемъ Джонсономъ.

Въ *«Цециліи»* начала проявляться перемѣна манеры. Но въ *«Цециліи»* подражаніе Джонсону, хотя не всегда вполнѣ удачное, иногда необыкновенно счастливо, и пассажи, которые такъ многорѣчивы, что положительно непріятны, — рѣдки. Были люди, говорившіе въ тихомолку, что Джонсонъ помогалъ своей молодой пріятельницѣ и что повѣсть своими лучшими страницами обязана его рукѣ. Это просто выдумка зависти. Истинныя дарованія м-съ Борни были такъ же недоступны для Джонсона, какъ его истинныя дарованія были недоступны для нея. Онъ такъ же мало былъ способенъ написать сцену въ Маскарадѣ и сцену въ Воксголлѣ, какъ она *«Жизнь Коули»* или рецензію на Сома Дженинза. Но нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ просматривалъ *«Цецилію»* и исправлялъ слогъ многихъ страницъ. Мы знаемъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе очень щедро расточать подобнаго рода помощь. Гольдсмитъ, Гоксвортъ, Босвелль, лордъ Гейльзъ, м-съ Вилліамзъ пользовались его помощью. Даже больше — онъ поправлялъ стихи м-ра Краббе, котораго, мы полагаемъ, никогда не видалъ. Когда м-съ Борни задумала писать комедію, онъ обѣщалъ дать ей самый искренній совѣтъ, хотя признавался, что не особенно способенъ совѣтовать въ вещахъ, относящихся къ театру. Поэтому, мы считаемъ въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы его маленькая Фанни, находясь съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, издала бы такое значительное сочиненіе не посовѣтовавшись съ нимъ, и, просматривая *«Цецилію»*, видимъ въ серьёзныхъ и возвышенныхъ страницахъ такіе ясные слѣды его руки, что невозможно ошибиться. Прежде нежели закончимъ эту статью, мы представимъ два или три примѣра.

Когда m-me Д'Арблэ въ слѣдующій разъ явилась предъ публикой въ качествѣ писательницы, она была въ совершенно другомъ положеніи. Она не захотѣла довольствоваться простымъ англійскимъ языкомъ, которымъ была написана *«Эвелина»*. Она не имѣла уже того друга, который, мы убѣждены, придалъ силы слогу *«Цециліи»*. Ей надлежало писать манерой Джонсона безъ помощи Джонсона. Слѣд-

ствіемъ этого было то, что въ *«Камиллѣ»* каждая страница, которую авторъ хотѣлъ сдѣлать возвышенной, — отвратительна, и что книга избѣгла осужденія только удивительной живостью и силой тѣхъ сценъ, въ которыхъ онъ удовольствовался простымъ языкомъ.

Но m-me Д'Арблэ предстояло спуститься еще ниже. Послѣ изданія *«Камиллы»* она прожила десять лѣтъ въ Парижѣ. Въ продолженіе этого времени между Англіей и Франціей почти вовсе не было сношеній. Съ трудомъ можно было изрѣдка пересылать короткія письма. Всѣ товарищи m-me Д'Арблэ были французы. Она должна была писать, говорить и думать по-французски. Овидій высказывалъ опасеніе, что и менѣе продолжительное изгнаніе повредитъ чистотѣ его латыни. Въ продолженіе болѣе короткаго изгнанія Гиббонъ разучился своему англійскому языку. M-me Д'Арблэ увезла плохой слогъ во Францію. Она привезла оттуда слогъ, котораго мы, по истинѣ, не умѣемъ описать. Это какой-то исковерканный Джонсоновскій языкъ, варварскій patois, такъ же относящійся къ языку *«Rasselas»*, какъ тарабарщина негровъ острова Ямайки къ англійскому языку палаты лордовъ. Иногда онъ напоминаетъ намъ изящнѣйшія, т. е. самыя гадкія мѣста повѣстей м-ра Гольта, иногда реторическія рѣчи Экстеръ-Голля, иногда руководящія статьи *«Morning Post»*. Но больше всего онъ походитъ на пуффы м-ра Ровланда и доктора Госса. Все равно, какія бы идеи ни облекались подобнымъ языкомъ. Соединенный геній Шекспира и Бэкона не могъ бы спасти отъ всеобщаго осмѣянія книгу, написанную подобнымъ слогомъ.

Посредствомъ образчиковъ, мы можемъ дать нашимъ читателямъ возможность судить, какая значительная разница заключается между тремя слогами m-me Д'Арблэ ([3]).

Проступокъ, за который заключаютъ въ тюрьму, называется, между прочимъ, на этомъ языкѣ m-me Д'Арблэ проступкомъ, «который производитъ заточеніе». Умирать съ голоду значитъ «погружаться отъ истощенія въ небытіе». Сэръ Исаакъ Ньютонъ назы-

([3]) Маколей приводитъ тутъ довольно много цитатъ изъ сочиненій m-me Д'Арблэ, но характеристичность ихъ теряется въ переводѣ. Мы сочли себя поэтому вправѣ выпустить ихъ, — тѣмъ болѣе, что дѣло касается только внѣшней стороны разбираемыхъ сочиненій.

вается «развиватетелемъ небесъ въ ихъ воплощенныхъ движеніяхъ». А м-съ Траль, когда общество умныхъ людей молчало, была «раздражаема скукой безмолвія, которая, среди столь знаменитыхъ собесѣдниковъ, производила такое же наркотическое оцѣпенѣніе, какое можетъ причинить самое полное отсутствіе всѣхъ человѣческихъ способностей». Рѣшительно нельзя открыть ни одной страницы въ послѣднихъ сочиненіяхъ m-me Д'Арблэ, не встрѣчая подобной реторической цвѣтистости. Ничто въ языкѣ жаргонистовъ, надъ которыми смѣялся м-ръ Госпоргъ, ничто въ языкѣ сэра Седли Кларенделя не подходитъ къ этому новому эвфуизму.

Не изъ недружелюбнаго чувства къ памяти m-me Д'Арблэ говорили мы такъ рѣзко по поводу ея слога. Напротивъ, мы полагаемъ, что оказали услугу ея репутаціи. Что ея послѣднія творенія были вполнѣ неудачны — фактъ слишкомъ извѣстный, чтобы его скрывать; и мы полагаемъ, что нѣкоторые вывели изъ этого, что она была съ самаго начала чрезчуръ расхваленной писательницей и не имѣла таланта, необходимаго, чтобы удержаться на той степени, на которую ее поставили счастіе и мода. Мы думаемъ, напротивъ, что ея прежняя популярность была не болѣе, какъ справедливымъ вознагражденіемъ за замѣчательное достоинство, и никогда бы не помрачилась, еслибъ m-me Д'Арблэ удовольствовалась естественнымъ слогомъ. Если она потерпѣла неудачу, когда оставила свою область и захотѣла овладѣть той, въ которой ей не было ни чести, ни мѣста, то она раздѣляетъ этотъ упрекъ съ цѣлой толпой даровитыхъ людей. Ньютонъ потерпѣлъ неудачу, когда обратился отъ звѣздъ и прилива и отлива океана къ апокалипсическимъ печатямъ и фіаламъ. Бентли потерпѣлъ неудачу, когда отъ Гомера и Аристофана обратился къ изданію *«Потеряннаго Рая»*. Иниго потерпѣлъ неудачу, когда задумалъ соперничать съ готическими церквами XIV столѣтія. Вильки потерпѣлъ неудачу, когда искалъ соревнованія съ Лоренсомъ въ портретной живописи. Подобныя неудачи слѣдуетъ записать для поученія потомства; но онѣ мало уменьшаютъ прочную славу тѣхъ, которые создали истинно великія вещи.

Еще одно слово. Не только ради существенной цѣнности первыхъ своихъ произведеній имѣетъ m-me Д'Арблэ право на почтенную память. Ея появленіе было важной эпохой въ нашей литературной

исторіи. *«Эвелина»* была первой повѣстью, написанной женщиной и имѣвшей цѣлью быть картиной жизни и обычаевъ, повѣстью, которая жила и заслуживала жизни. *«Женскій Кихотъ»* не исключеніе. Это сочиненіе, разсматриваемое какъ дикая, сатирическая арлекинада, безъ сомнѣнія, имѣетъ большое достоинство; разсматривая его какъ картину жизни и обычаевъ, мы должны провозгласить его болѣе нелѣпымъ, чѣмъ всѣ романы, которые оно пыталось осмѣять.

Въ самомъ дѣлѣ, бóльшая часть популярныхъ повѣстей, предшествовавшихъ *«Эвелинѣ»*, были таковы, что ни одна леди не могла бы написать, а многія изъ нихъ были таковы, что ни одна леди не могла бы безъ смущенія сознаться, что читала ихъ. Самое слово повѣсть приводило въ ужасъ религіозныхъ людей. Въ порядочныхъ семействахъ, не выказавшихъ впрочемъ особенной святости, существовало сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ подобныхъ сочиненій: Сэръ Антони Абсолютъ, года за два или за три до появленія *«Эвелины»*, высказалъ мысль всѣхъ степенныхъ отцовъ и супруговъ, назвавъ библіотеки для чтенія вѣчно зеленымъ древомъ дьявольскаго знанія. Это предубѣжденіе, со стороны серьёзныхъ и мыслящихъ людей, усиливало зло, изъ котораго оно проистекало. Такъ какъ романистъ имѣлъ мало читателей между серьёзными людьми, и ему нечего было терять относительно своей репутаціи, то онъ и позволялъ себѣ, не стѣсняясь, вольности, которыя въ нашемъ поколѣніи кажутся почти невѣроятными.

М-съ Борни сдѣлала для англійскаго романа то, что Джереми Коллье́ръ сдѣлалъ для англійской драмы, и сдѣлала это лучше его. Она первая показала, что можно написать повѣсть, въ которой съ большой силой и богатымъ юморомъ можно представить и фешёнебельную и вульгарную жизнь Лондона, не помѣстивши ни одной строки, несовмѣстной съ строгой нравственностью и даже дѣвственной чистотою. Она сняла упрекъ, лежавшій на разрядѣ сочиненій, приносящемъ чрезвычайно много пользы и наслажденія. Она защитила права ея пола на равную долю въ изящной и благородной области литературы. Многія даровитыя женщины послѣдовали по пути, проложенному ею. Теперь романы, которыми мы обязаны англійскимъ леди, составляютъ не малую часть литературной славы нашей страны. Ни одинъ классъ сочиненій не отличается болѣе тон-

кой наблюдательностью, грацiей, деликатнымъ остроумiемъ и нравственнымъ чувствомъ. Многiя изъ преемницъ m-me Д'Арблэ сравнялись съ нею; двѣ, по нашему мнѣнiю, превзошли ее. Но самый фактъ, что ее превзошли—еще увеличиваетъ ея право на наше уваженiе и благодарность, потому что, по истинѣ, мы обязаны ей не только *«Эвелиной»*, *«Цецилiей»* и *«Камиллой»* но и *«Мансфильдовымъ паркомъ»* и *«Absentee»*

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ АДДИСОНА.

(Іюль, 1843).

«*The Life of Joseph Addison*». By Lucy Aikin. 2 vols. 8-vo London, 1843. «*Жизнь Джозефа Аддисона*». Соч. Льюси Эйкинъ. 2 т. 8-vo Лондонъ, 1843.

Нѣкоторые рецензенты держатся мнѣнія, что женщина, осмѣливающаяся издать книгу, этимъ самымъ поступкомъ, отказывается отъ льготъ, принадлежащихъ ея полу, и не имѣетъ права на смягченіе крайней жесткости критической процедуры. Мы не согласны съ этимъ мнѣніемъ. Мы допускаемъ дѣйствительно, что въ странѣ, которая славится многими женщинами-писательницами, по дарованіямъ и талантамъ, чрезвычайно способными имѣть вліяніе на общественное мнѣніе, было бы въ высшей степени вредно, еслибъ пропускали, безъ порицанія, неточную исторію или ложную философію, только потому, что виноватою оказывается женщина. Но мы полагаемъ, что въ подобныхъ случаяхъ, критикъ поступилъ бы хорошо, подражая тому вѣжливому рыцарю, котораго долгъ принудилъ выступить на поле битвы противъ Брадаманты. Онъ, говорятъ, успѣшно защищалъ дѣло, за которое стоялъ, но, до начала сраженія, перемѣнилъ Бализарду на менѣе смертоносный мечъ, тщательно притупивши его конецъ и лезвіе [a].

---

[a] Orlando Furioso. XIV. 68.

Льготы ея пола, не единственныя льготы, на которыя м-съ Эйкинъ можетъ законно сослаться. Многія изъ ея сочиненій, и преимущественно очень занимательныя «*Мемуары царствованія Іакова I*» дали ей полное право на привилегіи, которыми пользуются хорошіе писатели. Одною изъ этихъ привилегій мы считаемъ то, что, когда подобнымъ писателямъ, или отъ неудачнаго выбора сюжета, или отъ безпечности, слишкомъ часто производимой успѣхомъ, случается погрѣшить, то ихъ не слѣдуетъ подвергать строгому наказанію, которое иногда необходимо налагать на невѣждъ и обманщиковъ, но просто напоминать имъ легкимъ прикосновеніемъ подобнымъ тому, какимъ лапутскій хлопальщикъ пробуждалъ своего мечтающаго господина, что давно пора очнуться.

Наши читатели, вѣроятно, заключатъ изъ сказаннаго нами, что книга м-съ Эйкинъ разочаровала насъ. Дѣло въ томъ, что авторъ не очень знакомъ со своимъ предметомъ. Никто, неизучивши коротко политической и литературной исторіи Англіи, въ продолженіе царствованій Вильгильма III, Анны и Георга I, не можемъ написать хорошей жизни Аддисона. Мы не имѣемъ въ виду упрекать м-съ Эйкинъ, и многіе подумаютъ, что мы дѣлаемъ ей комплиментъ, говоря, что ея занятія приняли другое направленіе. Она лучше знакома съ Шекспиромъ и Рале, чѣмъ съ Конгриномъ и Прайоромъ, и гораздо больше на мѣстѣ среди брыжей и остроконечныхъ бородъ Теобальда, чѣмъ среди косынокъ и пышныхъ париковъ окружавшихъ чайный столъ королевы Анны въ Гамптонѣ. Она, кажется, писала о Елисаветинской эпохѣ, потому что много читала о ней; съ другой стороны, кажется, что она немного читала объ вѣкѣ Аддисона, потому что рѣшилась писать объ немъ. Слѣдствіемъ этого было то, что ей пришлось описывать людей и вещи, не имѣя правильной или ясной идеи объ нихъ, и что она часто впадала въ ошибки чрезвычайно серьёзнаго рода. Репутація, справедливо пріобрѣтенная м-съ Эйкинъ стоитъ такъ высоко, и прелесть писемъ Аддисона такъ велика, что вѣроятно, потребуется второе изданіе этой книги. Если такъ, то мы надѣемся, что она будетъ пересмотрѣна, и всѣ числа и факты, на счетъ которыхъ можетъ возникнуть малѣйшее сомнѣніе, тщательно провѣрены.

Съ самимъ Аддисономъ мы связаны чувствомъ, которое на столько похоже на привязанность, на сколько можетъ это быть съ чувствомъ внушеннымъ человѣкомъ, сто двадцать лѣтъ покоящимся въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Мы надѣемся, однако, что это чувство не вовлечетъ насъ въ то низкое идолопоклонство, которое мы часто порицали въ другихъ, и которое рѣдко не дѣлаетъ смѣшнымъ и идолопоклонника, и идола. Человѣкъ геніальный и добродѣтельный—все-таки человѣкъ. Всѣ его способности не могутъ быть одинаково развиты; не можемъ мы ожидать отъ него и полнаго самопознанія. Поэтому мы не колеблясь, признаемъ, что Аддисонъ оставилъ намъ также и сочиненія, не возвышающіяся надъ посредственностью, героическія поэмы, врядъ-ли равныя поэмамъ Парнелля, критики столь же поверхностныя, какъ критики доктора Блэра, и трагедію не много лучше трагедіи доктора Джонсона. Не малая похвала сказать про писателя, что въ высокомъ отдѣлѣ литературы, въ которомъ отличались многіе превосходные писатели, онъ не имѣлъ равнаго; а это можно съ строгой справедливостью сказать объ Аддисонѣ.

Какъ человѣкъ, онъ можетъ быть не заслуживалъ обожанія, съ какимъ нѣкоторые, будучи очарованы его плѣнительнымъ обществомъ и обязаны всѣми удобствами жизни его великодушной и деликатной дружбѣ, поклонялись ему каждый вечеръ въ его любимомъ храмѣ—кофейнѣ Боттона. Но послѣ подробнаго разбора и безпристрастнаго размышленія, мы давно убѣдились, что онъ заслуживалъ всю любовь и уваженіе, на которое имѣетъ право нашъ немощный и заблуждающійся родъ. Безъ сомнѣнія, въ его характерѣ, отыщутся нѣкоторые недостатки; но чѣмъ тщательнѣе его разсматриваешь, тѣмъ больше находишь его, по выраженію старинныхъ анатомовъ, здоровымъ въ благородныхъ частяхъ, безъ малѣйшаго пятна вѣроломства, трусости, жестокости, неблагодарности, зависти. Можетъ быть, не трудно найти людей, въ которыхъ нѣкоторыя добрыя наклонности были бы лучше развиты, чѣмъ въ Аддисонѣ. Но истинная гармонія качествъ, точная середина между суровыми и человѣчными добродѣтелями, постоянное соблюденіе всѣхъ законовъ не только нравственной честности, но и нравственной граціи и достоинства, отличаютъ его отъ всѣхъ людей, подвергавшихся

такимъ же сильнымъ искушеніямъ, и о поведеніи которыхъ мы имѣемъ такія же полныя свѣдѣнія.

Онъ былъ сыномъ его преподобія **Ланселота Аддисона**, который игралъ нѣкоторую роль въ свѣтѣ и съ честью занимаетъ двѣ страницы in folio въ «*Biographia Britannica*», — хотя впослѣдствіи слава его помрачилась отъ славы его болѣе знаменитаго сына. Во время республики, **Ланселота** отправили, въ качествѣ бѣднаго ученика, изъ Вестморланда въ Королевскую коллегію въ Оксфордѣ; тамъ онъ сдѣлалъ успѣхи въ наукахъ, сталъ горячимъ роялистомъ, подобно большей части своихъ сотоварищей, написалъ пасквиль на университетское начальство, и принужденъ былъ на колѣняхъ просить за это прощенія. По выходѣ изъ коллегіи онъ зарабатывалъ себѣ скудное пропитаніе, читая литургію павшей церкви семьямъ тѣхъ грубыхъ сельскихъ сквайровъ, усадьбы которыхъ были разсѣяны по пустырямъ Соссекса. Послѣ реставраціи его вѣрность была вознаграждена мѣстомъ капелана въ гарнизонѣ Дюнкирхена. Когда этотъ городъ былъ проданъ Франціи, **Ланселотъ** потерялъ свое мѣсто. Но въ это время Португалія уступила Англіи Тангеръ, какъ часть приданаго инфанты **Катерины**, и **Ланселота Аддисона** отправили въ Тангеръ. Врядъ ли можно себѣ представить болѣе жалкое мѣсто. Трудно рѣшить отъ чего наиболѣе страдали несчастные жители, отъ зноя или отъ дождя, отъ солдатъ внутри стѣнъ, или мавровъ извнѣ. На сторонѣ капелана было одно преимущество. Онъ имѣлъ превосходный случай изучить исторію и обычаи евреевъ и магометанъ; и этой возможностью онъ кажется, отлично воспользовался. Вернувшись послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изгнанія въ Англію, онъ издалъ интересный томъ о политикѣ и религіи Берберіи и другой объ обычаяхъ еврейскихъ и состояніи раввинской учености. Онъ достигъ высокаго мѣста въ своей профессіи и сдѣлался однимъ изъ королевскихъ капелановъ, докторомъ богословія, архидіакономъ въ Салисбёри и деканомъ въ Личфильдѣ. Говорятъ, его сдѣлали бы епископомъ послѣ революціи, еслибъ онъ не разсердилъ правительство своей упорной оппозиціей либеральной политикѣ **Вильгельма** и **Тиллотсона**, во время конвокаціи 1689 г.

Въ 1672 г., вскорѣ послѣ возвращенія д-ра **Аддисона** изъ Тан-

гера, родился его сынъ Джозефъ. О дѣтствѣ Джозефа мы имѣемъ мало свѣдѣній. Получивши элементарное образованіе въ сосѣднихъ школахъ его отправили въ Чартеръ-Гаусъ. Анекдоты объ его дѣтскихъ шалостяхъ не очень гармонируютъ съ тѣмъ, что мы знаемъ объ его болѣе зрѣлыхъ годахъ. Есть преданіе, что онъ былъ предводителемъ одного изъ бунтовъ, затѣянныхъ школьниками, и другое, что онъ убѣжалъ изъ школы и спрятался въ лѣсу, гдѣ питался ягодами и спалъ въ дуплѣ дерева, пока послѣ долгихъ поисковъ его не отыскали и не привели домой. Если эти исторіи истинны, то любопытно бы узнать, посредствомъ какой нравственной дисциплины такой предпріимчивый и буйный мальчикъ превратился въ самаго кроткаго и самаго скромнаго изъ людей.

Мы имѣемъ многочисленныя доказательства, что каковы бы нибыли проказы Джозефа, онъ учился успѣшно и прилежно. Въ пятнадцать лѣтъ онъ не только вступилъ въ университетъ, но имѣлъ уже классическій вкусъ и запасъ познаній, который могъ бы сдѣлать честь даже магистру. Онъ вступилъ въ Королевину коллегію въ Оксфордѣ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, его латинскіе стихи попали въ руки доктора Ланкастера, декана Магдалининской коллегіи. Слогъ и версификація молодаго ученаго были уже таковы, что ветераны-профессора могли бы позавидовать имъ. Докторъ Ланкастеръ захотѣлъ быть полезнымъ мальчику, обѣщавшему такъ много и случай къ этому не замѣдлилъ представиться. Въ это время только что началась революція, которую, нигдѣ не привѣтствовали съ такимъ восторгомъ какъ въ Магдалининской коллегіи. Іаковъ и его канцлеръ дѣйствовали относительно этой богатой и великой корпораціи съ такою нагластью и несправедливостью, которыя даже въ подобномъ государѣ и подобномъ министрѣ возбуждаютъ справедливое удивленіе; которыя даже больше, чѣмъ процессъ епископовъ, способствовали отчужденію англійской церкви отъ трона. Выбранный, законнымъ образомъ, президентъ, былъ насильно изгнанъ изъ своего жилища, и королевское повелѣніе поставило паписта главою общества; члены согласно съ своей присягой, отказались подчиниться этому узурпатору и были выгнаны изъ своихъ мирныхъ обителей и садовъ, такъ что имъ оставалось или умирать съ голоду, или жить насчетъ общественной благотво-

рительности. Но день удовлетворенія и возмездія былъ недалекъ. Пришельцы были изгнаны; почтенный домъ вновь населился старыми обитателями; ученость процвѣтала подъ управленіемъ мудраго и добродѣтельнаго Гофа, а съ ученостью соединился кроткій и либеральный духъ, въ которомъ царственныя коллегіи Оксфорда часто нуждались. Вслѣдствіе смутъ, которымъ подвергалось общество, не было правильныхъ выборовъ новыхъ членовъ въ 1688 г. Поэтому въ 1689 г. обыкновенное число вакансій удвоилось, и д-ру Ланкастеру не трудно было дать своему молодому другу доступъ къ преимуществамъ учрежденія, считавшагося тогда богатѣйшимъ въ Европѣ.

Въ Магдалинингской коллегіи, Аддисонъ прожилъ десять лѣтъ. Онъ былъ, спачала, однимъ изъ стипендіатовъ, но потомъ избранъ членомъ. Его коллегія до сихъ поръ гордится его именемъ, портретъ его виситъ въ залѣ, и иностранцамъ постоянно разсказываютъ, что его любимая прогулка была подъ вязами, которыя окаймляютъ лугъ на берегахъ Черелля. Говорятъ, и это въ высшей степени вѣроятно, что онъ отличался между своими сотоварищами деликатностью чувствъ, застѣнчивостью манеръ и прилежаніемъ къ своимъ занятіямъ, которые иногда продолжались далеко за́-полночь. Достовѣрно извѣстно, что его дарованія и ученость пріобрѣли ему высокую репутацію. Много лѣтъ спустя старшіе доктора коллегіи собираясь въ своей общей комнатѣ продолжали говорить объ его отроческихъ сочиненіяхъ, сожалѣя, что не сохранилось ни одного экземпляра столь замѣчательныхъ упражненій.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что м-съ Эйкинъ сдѣлала ошибку, очень извинительную въ женщинѣ, а именно, она преувеличила значеніе классическихъ познаній Аддисона. Правда, его эрудиція въ одномъ отдѣлѣ была такъ обширна, что ее врядъ-ли можно преувеличить. Его знаніе латинскихъ поэтовъ, начиная отъ Лукреція и Катулла до Клавдіана и Пруденція было необыкновенно точно и глубоко. Онъ понималъ ихъ вполнѣ, усвоивалъ ихъ духъ, и до тонкости изучилъ всѣ особенности мелодіи и стиля каждаго изъ нихъ; мало того онъ копировалъ ихъ съ изумительнымъ искусствомъ, и, мы полагаемъ, превзошелъ всѣхъ британскихъ подражателей, предшествовавшихъ ему, исключая Бохана и Мильтона. Это высокая похвала, но справедливость не позволяетъ идти дальше.

Ясно, что, во время своего пребыванія въ университетѣ, Аддисонъ сосредоточилъ почти все свое вниманіе на латинской поэзіи и, если несовершенно пренебрегъ другими областями древней литературы, то посвятилъ имъ только поверхностный взглядъ. Его знакомство съ политическими и нравственными писателями было повидимому самое обыкновенное и его латинская проза далеко отстаетъ отъ латинскихъ стиховъ. Хотя его знаніе греческаго языка и считалось въ эти времена, значительнымъ въ Оксфордѣ, но оно было, очевидно, менѣе того, которое теперь многіе юноши выносятъ ежегодно изъ Итона и Рогби. Подробный разборъ его сочиненій, будь у насъ время заняться этимъ разборомъ, вполнѣ бы подтвердилъ наши замѣчанія. Мы кратко изложимъ кое-какія изъ фактовъ, на которыхъ основано наше сужденіе.

Большой похвалы заслуживаютъ замѣчанія, приложенныя Аддисономъ къ переводу второй и третьей книги *«Метаморфозъ»*. Однако, эти замѣчанія, хотя и показываютъ, что въ своей области, онъ былъ превосходнымъ ученымъ, показываютъ также, какъ ограничена была эта область. Они богаты привильными ссылками на Виргилія, Стація и Клавдіана, но они не заключаютъ ни одной иллюстраціи изъ греческихъ поэтовъ. Между тѣмъ, во всей латинской литературѣ никакое мѣсто не нуждается такъ сильно въ иллюстраціяхъ изъ греческихъ поэтовъ, какъ исторія Пентея въ третьей книгѣ *«Метаморфозъ»*. Овидій обязанъ этой исторіей Эврипиду и Θеокриту, которымъ онъ порой буквально слѣдовалъ. Но ни на Эврипида, ни на Θеокрита Аддисонъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека; и мы, поэтому, полагаемъ, что не оскорбляемъ его, предполагая, что онъ или мало, или совсѣмъ не зналъ ихъ твореній.

Его *«Путешествія въ Италіи»*, тоже изобилуютъ удачными цитатами изъ классиковъ, но врядъ ли есть хоть одна цитата прозой. Онъ извлекалъ больше иллюстрацій изъ Авзонія и Манилія, чѣмъ изъ Цицерона. Даже его понятія о политическихъ и военныхъ дѣлахъ римлянъ, кажется, заимствованы изъ поэтовъ и рифмачей. Мѣста, достопамятныя по событіямъ измѣнившимъ судьбы свѣта и достойно разказаннымъ великими историками, напоминаютъ ему только отрывки изъ какого-нибудь античнаго стихотворца. Въ ущельи Апеннинъ онъ натурально вспоминаетъ лишенія, перенесенныя арміей

Аннибала, и приводитъ не достовѣрный разсказъ Полибія, не живописное описаніе Ливія, но туманные гекзаметры Силія Италика. На берегахъ Рубикона, ему не приходятъ на мысль ни живое описаніе Плутарха, ни суровая сжатость «*Комментаріевъ*», ни письма къ Аттику, которыя такъ сильно выражаютъ переходы впечатлительнаго ума отъ страха къ надеждѣ, въ такой критическій моментъ. Его единственный авторитетъ въ событіяхъ междоусобной войны— Луканъ.

Всѣ лучшія античныя произведенія искусствъ въ Римѣ и Флоренціи—греческія. Аддисонъ видѣлъ ихъ, однако не припомнилъ ни одного стиха изъ Пиндара, Каллимаха или аттическихъ драматурговъ; но они привели ему на память безчисленныя мѣста изъ Горація, Овидія, Ювенала и Стація.

Тоже можно сказать и объ «*Трактатѣ о Медаляхъ*». Въ этомъ занимательномъ сочиненіи мы находимъ до трехсотъ выписокъ изъ римскихъ поэтовъ, выбранныхъ съ большимъ тактомъ, но не можемъ припомнить ни одной выписки изъ какого-нибудь римскаго оратора или историка и убѣждены, что изъ греческихъ писателей не приведено ни одной строки. Никто, извлекшій всѣ свои свѣдѣнія о медаляхъ только изъ книги Аддисона, не заподозритъ, что греческія монеты по историческому интересу равны, а по красотѣ исполненія далеко выше римскихъ монетъ.

Еслибъ было необходимо представить дальнѣйшія доказательства того, что классическія познанія Аддисона заключались въ тѣсныхъ границахъ, эти доказательства доставилъ бы намъ его «*Essay on the Evidences of Christianity*». Римскіе поэты бросаютъ мало, или совсѣмъ не бросаютъ свѣта на литературные и политическіе вопросы, которые онъ необходимо долженъ разбирать въ этомъ опытѣ. Поэтому, авторъ бродитъ совершенно во мракѣ, и грустно видѣть, какъ безпомощно онъ впадаетъ изъ одной ошибки въ другую. Онъ выставляетъ основаніями своего религіознаго вѣрованія такія же вздорныя исторіи, какъ исторія о привидѣніи въ Кокъ-Лэнѣ, и подделки, столь же грубыя, какъ ирландскій Вортигернъ; онъ вѣритъ въ басню о гремящемъ легіонѣ, убѣжденъ, что Тиверій уговаривалъ сенатъ помѣстить Іисуса въ число боговъ, и признаетъ за авторитетъ письма Агбара, царя Эдессы. Эти заблужденія не происходили отъ суевѣ-

рія, потому что Аддисонъ вовсе не былъ склоненъ къ суевѣрію. Дѣло въ томъ, что Аддисонъ писалъ о вещахъ, о которыхъ не имѣлъ понятія.

М-съ Эйкинъ отъискала письмо, изъ котораго видно, что, во время пребыванія Аддисона въ Оксфордѣ, онъ принадлежалъ къ писателямъ, приглашеннымъ книгопродавцами для составленія англійскаго перевода Геродота, и заключаетъ изъ этого, что онъ былъ хорошимъ знатокомъ греческой литературы. Мы придаемъ очень мало вѣса этому доказательству, принявши въ соображеніе, что его сотрудниками должны были быть Бойль и Блакморъ. Бойля помнятъ главнымъ образомъ, какъ номинальнаго автора самой дурной книги о греческой исторіи и филологіи, когда-либо напечатанной: и этой-то книги, какъ она ни плоха, Бойль не могъ написать безъ чужой помощи. А о познаніяхъ въ древнихъ языкахъ Блакмора достаточно сказать, что, въ своей прозѣ, онъ смѣшивалъ афоризмъ съ апоѳегмой и, когда говорилъ о классическихъ предметахъ въ стихахъ, то имѣлъ обыкновеніе угощать своихъ читателей четырьмя фальшивыми размѣрами на страницѣ.

Вѣроятно классическія познанія Аддисона, будучи обширнѣе, не принесли бы ему бо́льшей пользы. Свѣтъ обыкновенно восхищается не тѣмъ, кто дѣлаетъ то, чего никто другой даже не попытается сдѣлать, а тѣмъ, кто превосходно дѣлаетъ то, что многіе дѣлаютъ хорошо. Бентли былъ такъ неизмѣримо выше всѣхъ другихъ ученыхъ своего времени, что очень немногіе между послѣдними могли замѣтить его превосходство. Но тотъ родъ сочиненій, въ которомъ Аддисонъ превзошелъ своихъ современниковъ, одинаково высоко цѣнился тогда, какъ и теперь, и былъ предметомъ усердныхъ занятій во всѣхъ англійскихъ центрахъ учености. Каждый, кто былъ въ публичной школѣ, писалъ латинскіе стихи; многіе писали даже сносные стихи и могли вполнѣ оцѣнить искусство, съ которымъ Аддисонъ подражалъ Виргилію, хотя не могли состязаться съ нимъ. Строфы *«On the Barometer»* и *«Bowling Green»* возбуждали рукоплесканія сотни людей, для которыхъ диссертація о *«Письмахъ Фалариса»* была непонятна, какъ іероглифы на обелискѣ.

Чистота слога и непринужденная плавность стиховъ общи всѣмъ латинскимъ стихотвореніямъ Аддисона. Наша любимая пьеса *«Бой

Журавлей съ Пигмеями», потому что въ этой поэмѣ мы замѣчаемъ искры фантазіи и юмора, которыя, много лѣтъ позже, оживляли тысячи обѣденныхъ столовъ. Свифтъ хвалился, что онъ не укралъ ни одного намека, и, конечно, онъ былъ такъ же мало обязанъ своимъ предшественникамъ, какъ какой-либо изъ новѣйшихъ писателей. Однако, мы не можемъ удержаться отъ подозрѣнія, что онъ занялъ у Аддисона, быть можетъ, безсознательно, одинъ изъ удачнѣйшихъ штриховъ своего *«Путешествія къ Лиллипутамъ»*. Пусть судятъ наши читатели.

«Императоръ, говоритъ Гулливеръ, выше всѣхъ своихъ придвор-«ныхъ на ширину моего ногтя, и этого одного достаточно, чтобы «вселять благоговѣйный ужасъ въ созерцающихъ его».

Лѣтъ за тридцать до появленія *«Гулливеровыхъ Путешествій»*, Аддисонъ написалъ слѣдующіе стихи:

«Jamque acies inter medias sese arduus infert
Pygmeadum ductor, qui, majestate verendus,
Incessuque gravis, reliquos supereminet omnes
Mole gigantea, mediamque exsurgit in ulnam.»

Латинскія стихотворенія Аддисона возбуждали большое и справедливое восхищеніе въ Оксфордѣ и въ Кембриджѣ, прежде чѣмъ его имя стало извѣстно умнымъ людямъ, наполнявшимъ кофейни вокругъ Друриленскаго театра. На двадцать-второмъ году онъ рѣшился явиться передъ публикой, въ качествѣ сочинителя англійскихъ стиховъ. Онъ написалъ нѣсколько похвальныхъ строфъ Драйдену, который послѣ многихъ тріумфовъ и многихъ неудачъ достигъ, наконецъ, высокаго и одинокаго мѣста между литераторами своего времени. Драйденъ, кажется, былъ очень доволенъ похвалой юнаго ученаго, и за этимъ послѣдовалъ обмѣнъ вѣжливостей и взаимныхъ услугъ. Драйденъ, вѣроятно, представилъ Аддисона Конгриву, а послѣдній, конечно, представилъ его Чарльзу Монтегью, бывшему тогда канцлеромъ казначейства и предводителемъ партіи виговъ въ палатѣ общинъ.

Въ это время, Аддисонъ, кажется, имѣлъ намѣреніе посвятить себя поэзіи. Онъ издалъ переводъ одной части четвертой *«Георгики»*, *«Строфы къ королю Вильгельму»*, и другія пьесы равнаго достоинства. т. е. безъ всякаго достоинства. Но въ то время публика имѣла обыкновеніе встрѣчать съ рукоплесканіями пьесы, которыя теперь едва-

ли заслужили бы Ньюдигэтскую или Ситоніанскую премію. Причина этого проста. Героическая строфа была тогда любимымъ размѣромъ. Искусство распредѣлять слова по этому размѣру такъ, чтобы стихи текли ровно, ударенія падали правильно, слухъ поражался сильными римфами и на концѣ каждаго двустишія стояло по паузѣ, есть искусство такое же механическое, какъ чинить котелъ или ковать лошадь, и можетъ быть изучено всякимъ человѣческимъ существомъ, способнымъ научиться хоть чему-нибудь. Но, подобно другимъ механическимъ искусствамъ, оно постепенно улучшалось посредствомъ многихъ опытовъ и неудачъ. Попу предстояло понять, въ чемъ фокусъ, вполнѣ овладѣть имъ и научить ему другихъ. Со времени появленія его *«Пасторалей»* героическая версификація сдѣлалась дѣломъ правила и компаса; и вскорѣ всѣ артисты оказались на одномъ уровнѣ. Сотни невѣждъ, ни разу даже ошибкой не попадавшихъ на счастливую мысль или счастливое выраженіе, могли исписывать стопы бумаги стихами, которые, относительно благозвучія, не отличались отъ стиховъ самого Попа, и которые восхищали бы и приводили въ отчаяніе иныхъ очень умныхъ писателей царствованія Карла II, напр. Рочестера, Марвеля или Ольдгама.

Бенъ Джонсонъ былъ великій человѣкъ, Гуль—весьма ничтожный человѣкъ. Однако Гуль, явившись послѣ Попа, научился фабриковать десятисложные стихи и изливалъ ихъ тысячами и десятками тысячъ, и всѣ они были выточены, гладки и похожи одинъ на другой, какъ блоки, вышедшіе изъ завода м-ра Брунеля въ Портсмутскомъ адмиралтействѣ. Героическія строфы Бэна похожи на блоки, высѣченные грубо, непривычной рукой и тупымъ топоромъ. Возьмите, для образчика, его переводъ знаменитаго мѣста изъ *«Энеиды»*:

«This child our parent earth, stirr'd up with spite
Of all the gods, brought forth, and as some write
She was last sister of that giant race
That sought to scale Jove's court, right swift of pace,
And swifter far of wing, a monster vast
And dreadful. Look, how many plumes are placed
On her huge corpse, so many waking eyes

Stick underneath, and, which may stranger rise
In the report, as many tongues she wears». ([1])

Сравните съ этими неровными, безобразными двустишіями чистенькія выдѣлки, которыя машина Гула производитъ въ неограниченномъ изобиліи. Возьмемъ первыя открывшіяся намъ строчки въ его переводѣ Тассо. Онѣ не хуже и не лучше остальныхъ:

«O thou, whoe'er thou art, whose steps are led,
By choice or fate, these lonely shores to tread,
No greater wonders east or west can boast
Than yon small island on the pleasing coast.
If e'er thy sight would blissful scenes explore,
The current pass, and seek the further shore». ([2])

Со временъ Попа появилось множество стиховъ подобнаго рода, и мы теперь такъ же мало расположены удивляться человѣку, если онъ умѣетъ писать ихъ, какъ и тому, что онъ умѣетъ писать свое имя. Но во дни Вильгельма III подобная версификація была рѣдкостью, и рифмачъ, сколько-нибудь искусный въ ней, считался великимъ поэтомъ, точно такъ же, какъ въ непросвѣщенныя времена человѣкъ, умѣвшій написать свое имя, считался большимъ ученымъ. Поэтому-то Дьюкъ, Степни, Гранвилль, Вальшъ и другіе, единственное право которыхъ на славу заключалось въ умѣньи говорить сносными метрами то, что можно было бы сказать прозой, или чего даже совсѣмъ не стоило говорить,—были почтены такими знаками отличія, которые должны предоставляться только генію. На ряду съ ними пришлось бы поставить и Аддисона, еслибъ онъ не пріобрѣлъ себѣ

([1]) «Наша мать земля породила эту дщерь, разгнѣвавшись на всѣхъ боговъ, и, какъ иные пишутъ, она была послѣдней сестрой той расы гигантовъ, которая пыталась взобраться на тронъ Юпитера, съ быстрой походкой и еще болѣе быстрыми крыльями, громадное и ужасное чудовище. Взгляни, сколько перьевъ на ея огромномъ туловищѣ, столько же бдительныхъ глазъ подъ ними, и, что еще страннѣе покажется въ разсказѣ, столько же языковъ у нея.

([2]) «О ты, кто бы ты ни былъ, чьи шаги судьба или собственный выборъ направили къ этимъ одинокимъ берегамъ, ни востокъ и ни западъ не могутъ похвалиться бо́льшими чудесами, чѣмъ тотъ маленькій островокъ на цвѣтущемъ берегу. Если твои взоры хотятъ видѣть блаженныя мѣста, переплыви потокъ и ищи дальнѣйшаго брега».

истинной и прочной славы пьесами, имѣвшими очень мало сходства съ его юношескими стихотвореніями.

Драйденъ трудился тогда надъ Виргиліемъ и выпросилъ у Аддисона критическое предисловіе къ *«Георикамъ»*. За эту и другія услуги такого же рода ветеранъ-поэтъ, въ постскриптумѣ къ переводу *«Энеиды»*, расточалъ своему молодому пріятелю гораздо болѣе щедрыя, чѣмъ искреннія похвалы. Онъ показывалъ видъ, будто боится, что его собственные переводы не выдержатъ сравненія съ переводомъ четвертой *«Георики»*, сдѣланнымъ «чрезвычайно талантливымъ м-мъ Аддисономъ изъ Оксфорда». «Послѣ его пчелъ, прибавлялъ Драйденъ, мой послѣдній рой едва стоитъ загонять въ улей».

Настало время, когда Аддисонъ долженъ былъ непремѣнно выбрать себѣ профессію. Все, кажется, побуждало его вступить въ духовное званіе. Его привычки были правильны, мнѣнія правовѣрны. Его коллегія имѣла право раздавать важныя духовныя должности и похвалялась, что дала по крайней мѣрѣ по одному епископу каждой англійской епархіи. Д-ръ Ланселотъ Аддисонъ занималъ почетное мѣсто въ церкви и непремѣнно хотѣлъ видѣть своего сына священникомъ. Изъ стиховъ молодаго человѣка также видно, что онъ намѣревался вступить въ духовное званіе. Но ему помѣшалъ Чарльзъ Монтегью. Монтегью обратилъ на себя вниманіе недурно написанными стихами, которые однако, по нашему мнѣнію, не поднимались выше уровня посредственности. По счастью для него и для его отечества, онъ рано покинулъ поэзію, въ которой никогда не могъ стать на ряду съ Рочестеромъ или Дорсетомъ, и обратился къ оффиціяльнымъ и парламентскимъ занятіямъ. Джонсонъ разсказываетъ, что человѣкъ, взявшійся выучить Расселаса, принца абиссинскаго, искусству летать, поднялся на возвышенность, взмахнулъ крыльями, прыгнулъ въ воздухъ и немедленно упалъ въ озеро. Но крылья, не могшія поддержать его въ воздухѣ, дѣйствительно поддержали его, какъ скоро онъ очутился въ водѣ. Это довольно удачно прилагается къ судьбѣ Чарльза Монтегью и людей подобныхъ ему. Пытаясь парить въ странахъ поэтическаго вымысла, онъ потерпѣлъ полную неудачу; но когда онъ опустился со своей эѳирной выси въ болѣе низменный и грубый элементъ, его таланты немедленно подняли его надъ массами. Онъ сдѣлался замѣчательнымъ финансистомъ, де-

батеромъ, придворнымъ и вождемъ партіи. Онъ постоянно сохранялъ любовь къ своимъ прежнимъ занятіямъ, но показывалъ эту любовь, не надоѣдая публикѣ собственными слабыми произведеніями, а открывая и поощряя литературныя достоинства въ другихъ. Толпа талантливыхъ людей и поэтовъ, которые легко бы побѣдили его въ качествѣ соперника, уважали въ немъ судью и покровителя. Его планы для поощренія знанія усердно поддерживалъ даровитѣйшій и добродѣтельнѣйшій изъ его сотоварищей, лордъ-канцлеръ Сомерзъ. Хотя оба эти великіе государственные человѣка питали искреннюю любовь къ литературѣ, но не единственно изъ любви къ литературѣ желали они завербовать въ общественную службу юношей съ высокими умственными дарованіями. Революція измѣнила всю систему правительства. До того пресса находилась подъ контролемъ цензоровъ, а парламентъ засѣдалъ не больше двухъ мѣсяцевъ въ восемь лѣтъ. Теперь пресса освободилась и начала оказывать небывалое вліяніе на общественное мнѣніе. Парламентъ собирался ежегодно и засѣдалъ долго. Главная власть въ государствѣ перешла въ палату общинъ. Натурально, что, при такомъ стеченіи обстоятельствъ, литературныя и ораторскія дарованія пріобрѣли болѣе важности. Можно было опасаться, что правительство, пренебрегающее подобными талантами, можетъ быть опрокинуто ими. Поэтому политика, побуждавшая Сомерза и Монтегью привязывать подобныхъ людей къ партіи виговъ самыми крѣпкими узами интереса и благодарности, была глубокой и просвѣщенной политикой.

Замѣчательно, что въ сосѣдней странѣ мы недавно видѣли подобныя же послѣдствія, вытекавшія изъ подобныхъ же причинъ. Іюльская революція 1830 г. возстановила во Франціи представительное правленіе. Литераторы немедленно пріобрѣли чрезвычайно высокое значеніе въ государствѣ. Въ настоящую минуту, большая часть людей стоящихъ во главѣ, какъ администраціи, такъ и оппозиціи, были прежде профессорами, историками, журналистами, поэтами. Вліяніе литературнаго класса въ Англіи, послѣ Революціи, было велико; но вовсе не такъ велико, какъ оно было послѣднее время во Франціи: потому что въ Англіи аристократія ума должна была бороться съ могучей и глубоко-укоренившейся аристократіей совершенно другаго

рода. Франція не имѣла ни Сомерсетовъ, ни Шрусбёри, чтобы сдерживать своихъ Аддисоновъ и Прайоровъ.

Въ 1699 г., когда Аддисону минуло 27 лѣтъ, окончательно опредѣлился ходъ его жизни. Оба великіе человѣка, стоявшіе во главѣ министерствъ, были расположены къ нему. По политическимъ мнѣніямъ онъ уже былъ тѣмъ, чѣмъ остался въ продолженіе всей послѣдующей жизни, — твердымъ, хотя умѣреннымъ, вигомъ. Онъ написалъ въ честь Сомерза нѣсколько англійскихъ строфъ, лучшихъ и самыхъ энергическихъ изъ написанныхъ имъ, и посвятилъ Монтегью латинскую, истинно виргиліевскую поэму, какъ по слогу, такъ и по размѣру, сочиненную по поводу Рисвикскаго мира. Кажется, великіе друзья молодаго поэта желали дать ему правительственное назначеніе за границей. Но для дипломата хорошее знаніе французскаго языка было необходимостью; а его не зналъ Аддисонъ. Поэтому, для него сочли полезнымъ провести нѣсколько времени на континентѣ, чтобы приготовиться къ оффиціяльному назначенію. Его собственныя средства не дозволяли ему путешествовать; но лордъ-канцлеръ выхлопоталъ ему пенсію въ триста фун. стер. въ годъ. Кажется, опасались затрудненій со стороны начальниковъ Магдалининской коллегіи. Но канцлеръ казначейства написалъ Гофу въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ: Государство — такова была сущность письма Монтегью—не можетъ, въ такое время, отдавать церкви людей, подобныхъ Аддисону. Уже слишкомъ много гражданскихъ мѣстъ занято искателями приключеній, которые, будучи лишены всякихъ знаній и талантовъ, въ одно и то же время позорятъ и грабятъ страну, которой должны бы служить. Необходимымъ стало употреблять для общественной службы людей совсѣмъ другаго класса,— того класса, представителемъ котораго былъ Аддисонъ. Замѣчательно заключеніе письма министра. «Меня называютъ, пишетъ онъ, врагомъ церкви. Но я никогда не нанесу ей никакой другой обиды, кромѣ отнятія у нея м-ра Аддисона».

Это вмѣшательство было успѣшно, и лѣтомъ 1699 г. Аддисонъ, сдѣлавшійся благодаря пенсіи достаточнымъ человѣкомъ и сохраняя университетскія права, покинулъ свой любимый Оксфордъ и отправился въ путь. Переплывъ изъ Дувра въ Кале, онъ двинулся въ Парижъ и былъ принятъ тамъ чрезвычайно ласково и вѣжливо родственникомъ

своего друга Монтегью—Чарльзомъ, графомъ Манчестеромъ только-что назначеннымъ посланникомъ при французскомъ дворѣ Графиня, вигъ и краса большаго свѣта, была вѣроятно такъ же любезна, какъ ея супругъ, потому что Аддисонъ долго сохранялъ пріятное воспоминаніе о впечатлѣніи, которое она произвела на него въ это время, и въ нѣсколькихъ острыхъ стихахъ, написанныхъ на окнахъ Кит-Катскаго клуба, описалъ зависть, которую ея щеки, цвѣтущія природнымъ румянцемъ англичанокъ, возбуждали между раскрашенными красавицами Версаля.

Людовикъ XIV искупалъ въ это время грѣхи юности набожностью, корни которой заключались не въ разумѣ, и которая не приносила плодовъ милосердія. Рабская французская литература измѣнила свой характеръ, чтобы приладиться къ измѣнившемуся характеру короля. Всѣ вновь выходившія книги имѣли видъ святости. Расинъ только что умершій, писалъ, въ послѣдніе годы жизни, священныя трагедіи; а Дасье отыскивалъ въ Платонѣ тайны Аѳанасія. Аддисонъ, въ короткомъ, но живомъ и увлекательномъ письмѣ къ Монтегью, описываетъ это положеніе вещей. Другое письмо, отправленное около того же времени къ лорду-канцлеру, заключаетъ сильнѣйшія увѣренія въ благодарности и привязанности. «Я могу отблагодарить вашу милость, говоритъ Аддисонъ, только отдавшись вполнѣ своему дѣлу». Съ этою цѣлью, онъ покинулъ Парижъ и поселился въ Блуа, гдѣ, по общему мнѣнію, говорили чистѣйшимъ французскимъ языкомъ, и гдѣ онъ не могъ встрѣтить ни единаго англичанина. Здѣсь онъ пріятно и полезно провелъ нѣсколько мѣсяцевъ. Объ его образѣ жизни въ Блуа разсказывалъ Джозефу Спенсу одинъ изъ товарищей Аддисона, аббатъ, по имени Филиппо. Если вѣрить этому разсказу, Аддисонъ много учился, много думалъ, мало говорилъ, часто былъ разсѣянъ и или не имѣлъ любовныхъ интригъ, или былъ слишкомъ скроменъ, чтобы довѣрить ихъ аббату. Человѣкъ, который, даже среди своихъ соотечественниковъ и товарищей-студентовъ, всегда былъ замѣчательно застѣнчивъ и молчаливъ, не могъ сдѣлаться разговорчивымъ на чужомъ языкѣ и среди чужихъ людей. Но изъ нѣсколькихъ писемъ Аддисона, изданныхъ долго спустя въ *«Guardian»*, ясно, что, повидимому погруженный въ размышленія, онъ на самомъ дѣлѣ наблюдалъ французское общество

проницательнымъ и хитрымъ, хотя незлостнымъ косвеннымъ взглядомъ, составлявшимъ его особенность.

Изъ Блуа онъ вернулся въ Парижъ и, овладѣвши теперь французскимъ языкомъ, нашелъ много удовольствія въ обществѣ французскихъ философовъ и поэтовъ. Въ письмѣ къ епископу Гофу онъ разсказалъ о двухъ, въ высшей степени интересныхъ разговорахъ, съ Малебраншемъ и съ Буало. Малебраншъ выказывалъ большое пристрастіе къ англичанамъ и превозносилъ геній Ньютона, но качалъ головой, когда упоминали имя Гоббза и даже былъ такъ несправедливъ, что называлъ автора *«Левіафана»* жалкимъ пустымъ существомъ. Скромность Аддисона помѣшала ему разсказать въ письмѣ о всѣхъ подробностяхъ своего представленія Буало. Буало, пережившій всѣхъ пріятелей и соперниковъ своей юности, старый, глухой, грустный, жилъ въ уединеніи, рѣдко появлялся при дворѣ или въ академіи и былъ почти недоступенъ для постороннихъ. Объ англичанахъ и англійской литературѣ онъ не имѣлъ понятія. Врядъ-ли онъ слыхалъ имя Драйдена. Нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, въ пылу патріотизма, утверждали, что это незнаніе было притворнымъ. Мы признаемся, что не видимъ основанія для подобнаго предположенія. Англійская литература для французовъ временъ Людовика XIV была тѣмъ же, чѣмъ нѣмецкая литература для нашихъ дѣдовъ. Мы подозрѣваемъ, что очень немногіе изъ образованныхъ людей, которые, назадъ тому шестьдесятъ-семдесятъ лѣтъ, обѣдали въ Лестеръ-Скверѣ съ сэромъ Джошуа, или въ Стритгамѣ съ м-съ Траль, имѣли малѣйшее понятіе о томъ, что Виландъ былъ однимъ изъ первыхъ умовъ и поэтовъ, а Лессингъ, безспорно, первый критикъ въ Европѣ. Буало ровно столько же зналъ о *«Потерянномъ Раѣ»* и *«Авессаломѣ и Ахитофелѣ»*, но онъ читалъ латинскія стихотворенія Аддисона и очень восхищался ими. Они дали ему, говоритъ онъ, совершенно новое понятіе о состояніи знанія и вкуса англичанъ. Джонсонъ утверждаетъ, что эти похвалы неискренни. «О Буало, говоритъ онъ, хорошо извѣстно, что онъ имѣлъ самое неразумное и капризное презрѣніе къ новѣйшей латыни, и потому его похвалы были скорѣе сказаны изъ вѣжливости, чѣмъ изъ сочувствія». Но относительно Буало скорѣе извѣстно, что онъ былъ удивительно бережливъ на комплименты. Мы не помнимъ ни одного при-

мѣра, чтобы дружба или боязнь побудили его похвалить какое-нибудь сочиненіе, если оно ему не нравилось. Въ литературныхъ вопросахъ, его ѣдкій, презрительный и самоувѣренный умъ возмущался противъ того авторитета, предъ которымъ склонялась вся остальная Франція. Онъ имѣлъ мужество высказать Людовику XIV твердо и даже жестко, что его величество ничего не смыслитъ въ поэзіи и восхищается отвратительными стихами. Что же было особеннаго въ положеніи Аддисона, чтобы заставить стараго сатирика, котораго суровый и взыскательный нравъ былъ ужасомъ двухъ поколѣній, сдѣлаться вдругъ льстецомъ? Презрѣніе Буало къ новѣйшей латыни вовсе не было безразсуднымъ или капризнымъ. Онъ думалъ, правда, что нельзя написать первоклассной поэмы на мертвомъ языкѣ. Но развѣ онъ думалъ ошибочно? Развѣ вѣковые опыты не подтвердили его мнѣнія? Буало полагалъ также, что въ лучшей новѣйшей латыни писатель августовскаго вѣка отыскалъ бы забавныя неправильности. Да кто можетъ думать иначе? Какой новѣйшій ученый можетъ чистосердечно признаться, что находитъ малѣйшую неправильность въ слогѣ Ливія. Однако развѣ намъ не извѣстно, что Полліонъ, вкусъ котораго образовался на берегахъ Тибра, открылъ въ слогѣ Ливія неизящное нарѣчіе По? Зналъ ли какой-нибудь новѣйшій ученый латынь лучше, чѣмъ Фридрихъ Великій зналъ французскій языкъ? Однако извѣстно, что Фридрихъ Великій, читавши, говоривши, писавши по-французски и только по-французски, въ продолженіе больше полу-столѣтія, разучившись своему природному языку, чтобы выучиться французскому, проживши много лѣтъ въ короткомъ знакомствѣ съ французами,—не могъ до конца жизни писать по-французски, не подвергаясь сильной опасности сдѣлать какую-нибудь ошибку, способную вызвать улыбку въ литературныхъ кружкахъ Парижа? Неужели Эразмъ и Фракасторій писали по латыни такъ же хорошо, какъ д-ръ Робертсонъ или сэръ Вальтеръ Скоттъ писали по англійски? Однако развѣ въ *«Разсужденіи объ Индіи»*, послѣднемъ сочиненіи д-ра Робертсона, въ *«Веверлеѣ,»* въ *«Марміонѣ»* намъ не встрѣчаются шотландизмы, надъ которыми расхохотался бы лондонскій подмастерье? Но слѣдуетъ ли изъ этого, что мы не можемъ восхищаться благородными алкаиками Грея или игривыми элегіями Винсента Борна? Разумѣется, нѣтъ.

И Буало вовсе не былъ такимъ невѣждой и не былъ настолько лишенъ вкуса, чтобы не умѣть цѣнить хорошей новѣйшей латыни. Въ самомъ письмѣ, на которое ссылается Джонсонъ, Буало говоритъ: «Ne croyez pas pourtant que je veuille par là blâmer les vers Latins que vous m'avez envoyés d'un de vos illustres académiciens. Je les ai trouvés fort beaux, et dignes de Vida et de Sannazar, mais non pas d'Horace et de Virgile.» (*)

Многія поэмы, написанныя новѣйшей латынью, вызвали со стороны Буало весьма щедрыя похвалы. Напримѣръ, онъ говоритъ по поводу эпиграммъ отца Фрагье, что въ нихъ воскресъ Катуллъ. Но лучшимъ доказательствомъ, что Буало не чувствовалъ того неразборчиваго презрѣнія къ латинскимъ стихамъ, въ какомъ его обвиняютъ, служитъ то, что онъ самъ писалъ и издавалъ латинскіе стихи. Довольно любопытно, что самое строгое, высказанное имъ, порицаніе новѣйшей латыни, передано латинскими гекзаметрами. Мы говоримъ объ отрывкѣ, который начинается:

«Quid numeris iterum me balbutire Latinis,
Longe Alpes citra natum de patre Sicambro,
Musa, jubes?»

На этомъ основаніи мы увѣрены, что Буало искренно похвалялъ *«Machinae Gesticulantes»* и *«Gerano-Pygmaeomachia»*. Достовѣрно, что онъ высказывался передъ Аддисономъ со свободой, которая служитъ вѣрнымъ доказательствомъ уваженія. Литература была главнымъ предметомъ разговора. На свою любимую тему старикъ говорилъ много и хорошо,—безподобно хорошо, какъ казалось его юному слушателю. Буало, безъ сомнѣнія, обладалъ нѣкоторыми качествами великаго критика. У него не было воображенія, но было много здраваго ума. Его литературный кодексъ былъ основанъ на узкихъ принципахъ, но въ приложеніи его онъ выказывалъ много проницательности и пониманія. Въ его слогѣ, помимо идей, которымъ слогъ служитъ одеждой, было много вкусу. Буало былъ хорошо знакомъ съ великими греческими писателями и, хотя неспособный вполнѣ

(*) «Не думайте, однако, что я этимъ хочу осуждать латинскіе стихи одного изъ вашихъ знаменитыхъ академиковъ, которые вы мнѣ прислали. Я нашелъ ихъ прекрасными и достойными Виды и Саннацара, но не Горація и Виргилія.»

оцѣнить ихъ творческій умъ, восхищался величественною простотой ихъ пріемовъ и научился у нихъ презирать надутость и погремушки. Не трудно, мы полагаемъ, замѣтить въ «*Spectator'ѣ*» и «*Guardian'ѣ*» слѣды того вліянія, частью полезнаго, частью вреднаго, какое умъ Буало имѣлъ на умъ Аддисона.

Въ бытность Аддисона въ Парижѣ, одно событіе сдѣлало эту столицу непріятнымъ мѣстопребываніемъ для англичанина и вига. Карлъ, второй этого имени король испанскій, умеръ и завѣщалъ свои владѣнія Филиппу, герцогу анжуйскому, младшему сыну дофина. Король французскій, прямо нарушая свои договоры и съ Великобританіей и съ генеральными штатами, принялъ наслѣдство именемъ своего внука. Домъ Бурбоновъ достигъ вершины величія. Англія была обманута и поставлена въ опасное и унизительное положеніе. Французскій народъ, не предвидя бѣдствій, которыми предстояло ему искупить вѣроломство своего государя, былъ внѣ себя отъ гордости и восторга. Каждый французъ имѣлъ видъ человѣка, только-что получившаго большое наслѣдство. «Французскій разговоръ, говоритъ Аддисонъ, начинаетъ дѣлаться невыносимымъ; нація, бывшая и прежде самой тщеславной въ свѣтѣ, стала теперь хуже чѣмъ когда-либо». Утомясь надменнымъ ликованіемъ парижанъ, и вѣроятно предвидя, что миръ между Франціей и Англіей будетъ непродолжителенъ, онъ отправился въ Италію.

Въ декабрѣ 1700 г. (a) онъ сѣлъ на корабль въ Марсели. Плывя вдоль Лигурійскаго берега, онъ былъ очарованъ видомъ миртъ и оливковыхъ деревьевъ, сохранявшихъ свою зелень, несмотря на зимнюю пору. Скоро, однако, его застигла одна изъ страшныхъ бурь Средиземнаго моря. Капитанъ корабля, считая все потеряннымъ, началъ исповѣдываться у капуцина, случившагося на суднѣ. Между тѣмъ, англійскій еретикъ совсѣмъ иначе готовился къ смерти. Какое сильное впечатлѣніе произвело на него это опасное путешествіе, видно изъ оды: «*How are thy servants blest, o Lord!*» (какъ блаженны

(a) Странно, что Аддисонъ, въ первой строкѣ своихъ путешествій, ошибся цѣлымъ годомъ, обозначая время своего отъѣзда изъ Марсели; но еще страннѣе, что эта ошибка, запутывающая до крайности весь разсказъ, повторилась въ цѣломъ ряду изданій и не была замѣчена ни Тиккелемъ, ни Гордомъ.

рабы твои, Господи!), которая долго спустя была напечатана въ *«Spectator'ѣ»*. Послѣ нѣсколькихъ тягостныхъ и опасныхъ дней, Аддисонъ съ радостью высадился въ Савонѣ и пробрался къ Геную по горамъ, гдѣ еще не было высѣчено искусственной дороги.

Въ Генуѣ, управлявшейся еще своимъ дожемъ и патриціями, имена которыхъ были вписаны въ золотую книгу, Аддисонъ пробылъ недолго. Онъ полюбовался тамъ длинными рядами высокихъ дворцовъ, господствовавшихъ надъ узкими улицами, стѣнами, покрытыми богатыми фресками, великолѣпнымъ храмомъ Благовѣщенія и обоями, гдѣ изображалась давняя слава дома Доріа. Изъ Генуи онъ поспѣшилъ въ Миланъ, гдѣ съ удивленіемъ, скорѣе чѣмъ съ удовольствіемъ, смотрѣлъ на готическое великолѣпіе знаменитаго собора. Онъ переплылъ озеро Бенакусъ (¹) во время бури и видѣлъ яростныя волны, на которыя смотрѣлъ Виргилій. Въ Венеціи, бывшей тогда самымъ веселымъ городомъ въ Европѣ, путешественникъ провелъ карнавалъ, самое веселое время года, среди масокъ, танцевъ и серенадъ. Нелѣпость драматическихъ пьесъ, позорившихъ тогда итальянскіе театры, забавляла и раздражала его. Одной изъ этихъ пьесъ онъ, впрочемъ, обязанъ важнымъ указаніемъ. При немъ разъ давалась смѣшная пьеса на смерть Катона. Катонъ оказывался влюбленнымъ въ дочь Сципіона, которая отдала свое сердце Цезарю. Отвергнутый любовникъ рѣшился умертвить себя. Онъ является сидящимъ въ своей библіотекѣ, съ кинжаломъ въ рукѣ и Плутархомъ и Тассомъ передъ собой; и въ этой позѣ, готовясь нанести ударъ, онъ произноситъ длинный монологъ. Мы удивляемся, что такое замѣчательное обстоятельство ускользнуло отъ вниманія біографовъ Аддисона. По нашему мнѣнію, не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта пьеса, не смотря на свои нелѣпости и анахронизмы, поразила воображеніе путешественника и внушила ему мысль написать *«Катона»* для англійской сцены. Извѣстно, что около этого времени онъ началъ свою трагедію и кончилъ первые четыре акта еще до возвращенія въ Англію.

На пути изъ Венеціи въ Римъ, желаніе видѣть самую маленькую независимую державу въ Европѣ заставило его своротить на нѣсколь-

(¹) Лаго ди Гарда.

ко миль съ большой дороги. На скалѣ, еще покрытой снѣгомъ, когда итальянская весна уже давно была на дворѣ, цѣплялась небольшая крѣпостца Сан-Марино. Дороги, которыя вели къ уединенному городу, были такъ дурны, что очень немногіе путешественники посѣщали его, и не было еще ни одного описанія этой республики. Аддисонъ не могъ удержаться отъ добродушной улыбки, видя простые нравы и учрежденія этой оригинальной общины. Но онъ замѣтилъ, съ восторгомъ вига, что бѣдная нагорная мѣстность, составлявшая территорію республики, кишѣла честными, здоровыми, довольными крестьянами, между тѣмъ какъ богатыя долины, окружавшія столицу духовной и свѣтской тираніи, имѣли почти такой же печальный видъ, какъ дѣвственныя пустыни Америки.

Во время перваго проѣзда черезъ Римъ, Аддисонъ пробылъ тамъ такъ мало, что едва успѣлъ взглянуть на соборъ св. Петра и на Пантеонъ. Его поспѣшность тѣмъ удивительнѣе, что наступала святая недѣля. Онъ не говоритъ ничего, могущаго рѣшить, что заставляло его бѣжать отъ зрѣлища, привлекающаго ежегодно, изъ далекихъ странъ, людей съ гораздо меньшею впечатлительностью и меньшимъ умомъ. Можетъ быть, путешествуя по порученію правительства, отличавшагося своей непріязнью къ Римской церкви, онъ подумалъ, что съ его стороны будетъ неосторожностью присутствовать при самыхъ величественныхъ обрядахъ этой церкви. Взоры многихъ будутъ устремлены на него, и можетъ быть, онъ нашелъ труднымъ вести себя такимъ образомъ, чтобы не оскорбить ни своихъ покровителей въ Англіи, ни тѣхъ, среди кого онъ находился. Каковы бы ни были его побужденія, мы знаемъ, что онъ уклонился отъ самой величественной и поразительной изъ церемоній совершаемыхъ людьми, и отправился по Аппіевой дорогѣ къ Неаполю.

Въ Неаполѣ еще не было того, что составляетъ теперь, можетъ быть, его главную привлекательность. Были, правда, и прелестный заливъ, и грозная гора. Но надъ театромъ Геркуланума стояла ферма, а надъ улицами Помпеи росли ряды виноградниковъ. Никакіе перевороты въ природѣ не скрыли отъ людскихъ глазъ храмовъ Пестума, но, странно сказать, ихъ существованіе было тайной даже для артистовъ и антикваріевъ. Хотя эти благородные памятники древности лежали за нѣсколько часовъ ѣзды отъ великой столицы, гдѣ

Вико читалъ лекціи, а Сальваторъ не задолго до того писалъ свои прекрасныя картины,—но они были такъ же неизвѣстны Европѣ, какъ и разрушенные города, поросшіе лѣсами Юкатана. Аддисонъ видѣлъ все замѣчательное въ Неаполѣ. Онъ взбирался на Везувій, осмотрѣлъ гротъ Позилиппо и гулялъ среди виноградниковъ и миндальныхъ деревьевъ Капреи. Но ни чудеса природы, ни чудеса искусства не могли настолько занять его вниманіе, чтобы помѣшать ему бросить хоть поверхностный взглядъ на злоупотребленія правительства и бѣдствія народа. Великое королевство, только-что доставшееся Филиппу V, находилось въ положеніи отупѣвшаго паралитика. Даже Аррагонія и Кастилія были въ бѣдственномъ положеніи. Но въ сравненіи съ итальянскими владѣніями испанской короны, Кастилію и Аррагонію можно было назвать благоденствующими. Ясно, что всѣ наблюденія, сдѣланныя Аддисономъ въ Италіи, способствовали тому, чтобы утвердить его въ политическихъ мнѣніяхъ, принятыхъ имъ на родинѣ. До конца своей жизни, онъ называлъ заграничное путешествіе лучшимъ лекарствомъ противъ якобитизма. Въ его «*Freeholder'ѣ*» торійскій сквайръ спрашиваетъ, на что годно путешествіе, кромѣ того, чтобы выучиться тараторить по-французски и ратовать противъ безусловнаго повиновенія.

Изъ Неаполя Аддисонъ вернулся въ Римъ моремъ, вдоль берега, прославленнаго его любимцемъ Виргиліемъ. Фелука проплыла мимо мыса, гдѣ троянскіе авантюристы положили весло и трубу на могилу Мизенія, и бросила ночью якорь подъ покровомъ прославленнаго въ миѳахъ мыса Царцен. Путешествіе кончилось Тибромъ, такимъ же осѣненнымъ темной зеленью и мутнымъ отъ желтаго песку, какимъ онъ предсталъ взорамъ Энея. Изъ разрушеннаго порта Остіи иностранецъ поспѣшилъ въ Римъ. Въ Римѣ онъ пробылъ тѣ знойные и нездоровые мѣсяцы, въ которые даже во времена Августа всѣ, кто могли, спѣшили удалиться изъ города, полнаго бѣшеныхъ собакъ, и его улицъ, чернѣвшихъ отъ похоронныхъ процессій, въ окрестности — рвать первыя фиги. Весьма вѣроятно, что, когда онъ, долго спустя, изливалъ въ стихахъ свою благодарность Провидѣнію за то, что оно дало ему озможность безвредно дышать зараженнымъ воздухомъ, онъ думалъ объ августѣ и сентябрѣ, проведенныхъ имъ въ Римѣ.

Только въ концѣ октября Аддисонъ оторвался отъ образцовъ

древняго и новѣйшаго искусства, собранныхъ въ городѣ, бывшемъ такъ долго властелиномъ свѣта. Тогда онъ отправился на сѣверъ, проѣхалъ чреэъ Сіенну и, созерцая ея прекрасный соборъ, забылъ на мгновеніе свои пристрастія къ классической архитектурѣ. Во Флоренціи, онъ провелъ нѣсколько дней съ герцогомъ Шрусбёри, который, пресытившись удовольствіями честолюбія и тяготясь его непріятностями, опасаясь обѣихъ партій и не любя ни которой, рѣшился уединиться въ Италію и скрыть тамъ таланты и достоинства, которые — будь они соединены съ твердыми принципами и гражданскимъ мужествомъ—могли бы сдѣлать его передовымъ человѣкомъ своего времени. Мы слышали, что эти дни были проведены съ удовольствіемъ, и легко вѣримъ этому, потому что Аддисонъ былъ восхитительнымъ собесѣдникомъ, какъ скоро ему было пріятно общество; а герцогъ, хотя рѣдко забывалъ, что онъ изъ роду Тальботовъ, обладалъ неоцѣненнымъ искусствомъ дѣлать свое присутствіе пріятнымъ для всякаго, кто приближался къ нему.

Аддисонъ посвятилъ нѣсколько времени Флоренціи и особенно статуямъ музея, которыя онъ предпочиталъ даже статуямъ Ватикана. Оставивъ Флоренцію, Аддисонъ поѣхалъ по странѣ, въ которой еще виднѣлись слѣды раззорительной войны и жители которой съ ужасомъ ожидали новой еще болѣе жестокой борьбы. Евгеній уже спустился съ Альповъ, чтобы оспоривать у Катина богатыя равнины Ломбардіи. Вѣроломный правитель Савойи все-еще считался въ числѣ союзниковъ Людовика. Англія еще не объявила формальной войны Франціи, но Манчкстеръ выѣхалъ изъ Парижа, и переговоры, имѣвшіе послѣдствіемъ великій союзъ противъ дома Бурбоновъ, подвигались къ концу. Въ подобныхъ обстоятельствахъ нужно было, чтобы англійскій путешественникъ немедленно пробрался на нейтральную землю. Аддисонъ рѣшился ѣхать чреэъ Монъ-Сенисъ. Это было въ декабрѣ, и дорога значительно отличалась отъ той, которая теперь напоминаетъ иностранцамъ могущество и геній Наполеона. Зима, впрочемъ, была умѣренная, и переходъ былъ для того времени не труденъ. Аддисонъ намекалъ на это путешествіе, говоря въ упомянутой уже нами одѣ, что Божественная благость согрѣла для него сѣдыя Альпійскія вершины.

Среди этихъ-то вѣчныхъ снѣговъ онъ написалъ свое посланіе

къ Монтегью, бывшему тогда уже лордомъ Галифаксомъ. Это посланіе, когда-то пользовавшееся обширной извѣстностью, знакомо теперь только немногимъ, и врядъ-ли эти немногіе считаютъ его сколько-нибудь увеличивающимъ литературную славу Аддисона. Впрочемъ, оно рѣшительно выше всѣхъ сочиненій на англійскомъ языкѣ, изданныхъ имъ прежде. Мы даже считаемъ его не хуже всѣхъ поэмъ, появившихся въ промежутокъ отъ смерти Драйдена до изданія *«Опыта о критикѣ»*. Въ этомъ посланіи заключаются мѣста, которыя не уступаютъ второстепеннымъ вещамъ Попа и которыя увеличили бы славу Прайора или Парнелля.

Но, каковы бы ни были достоинства и недостатки *«Посланія»*, несомнѣнно, что оно дѣлаетъ честь принципамъ и душѣ автора. Галифаксъ не могъ теперь ничего сдѣлать. Онъ лишился власти, подвергся позору, былъ обвиненъ палатой общинъ, и хотя перы оправдали его, но ему, казалось, оставалось мало шансовъ снова занимать высокое мѣсто въ государствѣ. Посланіе, написанное въ такое время, служитъ однимъ изъ многочисленныхъ доказательствъ, что въ мягкости и умѣренности, отличавшихъ Аддисона отъ всѣхъ другихъ общественныхъ дѣятелей этихъ бурныхъ временъ, не было ни малѣйшей примѣси низости или трусости.

Въ Женевѣ путешественникъ узналъ, что въ Англіи произошла перемѣна въ министерствѣ и что графъ Манчестеръ сдѣлался статсъ-секретаремъ. Манчестеръ употреблялъ всѣ усилія, чтобы быть полезнымъ своему другу. Министерство сочло нужнымъ имѣть англійскаго агента при особѣ Евгенія въ Италіи, и для этого избранъ былъ Аддисонъ, окончившій свое дипломатическое образованіе. Онъ приготовлялся вступить въ эту почетную должность, какъ вдругъ смерть Вильгельма III затмила на нѣсколько времени всѣ его виды на будущее.

Анна давно уже чувствовала сильную личную, политическую и религіозную непріязнь къ партіи виговъ. Эта непріязнь обнаружилась въ первыхъ мѣрахъ ея царствованія. Манчестеръ лишился печати, которой былъ хранителемъ только нѣсколько недѣль. Ни Сомерзъ, ни Галифаксъ не были допущены въ ея тайный совѣтъ. Аддисонъ раздѣлилъ судьбу своихъ трехъ покровителей. Его надежды на занятіе общественныхъ должностей рушились; выдачу его пенсіи оста-

новили, и онъ долженъ былъ трудами поддерживать свое существованіе. Онъ сдѣлался наставникомъ одного молодаго англійскаго путешественника и проѣхалъ со своимъ воспитанникомъ, кажется, большую часть Швейцаріи и Германіи. Въ это время онъ написалъ свой интересный «*Трактатъ о медаляхъ*», который былъ изданъ только послѣ смерти автора; но многіе замѣчательные ученые видѣли рукопись и справедливо хвалили прелесть слога, эрудицію и вкусъ, выказанные въ приводимыхъ имъ цитатахъ.

Изъ Германіи Аддисонъ отправился въ Голландію, гдѣ узналъ печальную вѣсть о смерти своего отца. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ Соединенныхъ Провинціяхъ, онъ вернулся къ концу 1703 г. въ Англію. Здѣсь онъ былъ дружески встрѣченъ своими пріятелями, которые ввели его въ Китъ-Катъ, гдѣ сбирались всѣ разнообразные таланты и дарованія, украшавшіе партію виговъ.

Въ первые мѣсяцы послѣ возвращенія съ континента, Аддисонъ былъ въ очень стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Но скоро благородные покровители его нашли возможность оказать ему полезную услугу. Во внутренней политикѣ государства происходила постепенная и безмолвная, но въ высшей степени важная, перемѣна. Торіи съ радостью и надеждой привѣтствовали восшествіе Анны на престолъ; одно время казалось, что виги пали, и никогда не поднимутся. Престолъ окружили люди, считавшіеся преданными прерогативѣ и церкви, и между ними никто не пользовался такимъ благоволеніемъ государыни, какъ лордъ-казначей Годольфинъ и главнокомандующій Марльборо.

Сельскіе джентльмены и сельское духовенство вполнѣ разсчитывали, что политика этихъ министровъ будетъ прямо противоположна той, которой почти постоянно держался Вильгельмъ; что поземельные интересы будутъ покровительствуемы на счетъ торговли; что уступки, сдѣланныя диссидентамъ, будутъ, если не отняты, то уменьшены; что, если и будетъ война съ Франціей, то съ нашей стороны она будетъ вестись почти исключительно на морѣ, и что правительство будетъ набѣгать тѣсныхъ союзовъ съ иностранными державами и особенно съ Голландіей.

Но сельскимъ джентльменамъ и сельскому духовенству суждено было ошибиться, и не въ послѣдній разъ. Предразсудки и страсти,

неистовавшіе безъ всякаго контроля въ домахъ викаріевъ, въ оградахъ церквей и въ замкахъ сквайровъ-охотниковъ, не раздѣлялись вождями министерства. Эти государственные люди поняли, что, ради общественнаго и своего собственнаго интереса, имъ слѣдуетъ принять политику виговъ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ внѣшнихъ союзовъ и веденія войны. Но если держаться иностранной политики виговъ, то нельзя не принять и ихъ финансовую политику. За этимъ естественно послѣдовало, что крайніе торіи удалились отъ правительства, которому стали необходимы голоса виговъ. Голоса виговъ могли быть обезпечены только дальнѣйшими уступками—и королеву убѣдили на дальнѣйшія уступки.

Положеніе партій въ началѣ 1704 г. было совершенно сходно съ положеніемъ партій въ 1826 г. Въ 1826 г., какъ и въ 1704 г., министерство состояло изъ торіевъ, раздѣленныхъ на двѣ враждебныя фракціи. Положеніе Каннинга и его пріятелей въ 1826 г. соотвѣтствовало положенію Марльборо и Годольфина въ 1704 г. Поттингамъ и Джерси въ 1704 были тѣмъ же, чѣмъ были въ 1826 лордъ Эльдонъ и лордъ Вестморландъ. Виги 1704 г. стояли въ положеніи, похожемъ на положеніе виговъ въ 1826 г. Въ 1704 г. Сомерзъ, Галифаксъ, Сондерландъ и Коуперъ не находились въ министерствѣ. Между ними и умѣренными торіями не было открытаго союза. Вѣроятно, еще не начиналось никакихъ прямыхъ сношеній для заключенія подобнаго союза; но всѣ видѣли, что онъ неизбѣженъ, мало того, что онъ даже почти заключенъ. Таково или почти таково было положеніе, когда пришло извѣстіе о великомъ сраженіи при Бленгеймѣ, выиграннымъ 13-го августа 1704 г. Виги съ восторгомъ и гордостью привѣтствовали это извѣстіе. Они не хотѣли помнить никакой причины къ ссорѣ, никакой ошибки со стороны полководца, котораго геній въ одинъ день измѣнилъ дѣла Европы, спасъ имперскій тронъ, унизилъ домъ Бурбоновъ и обезпечилъ актъ о престолонаслѣдіи противъ всѣхъ нападеній со стороны иностранныхъ державъ. Чувства торіевъ были совсѣмъ иного рода. Правда, осторожность не позволяла имъ открыто выражать сожалѣніе, возбужденное въ нихъ событіемъ, столь славнымъ для ихъ родины; но ихъ поздравленія были такъ холодны и угрюмы, что глубоко обидѣли побѣдоносного полководца и его друзей.

Годольфинъ не былъ охотникомъ до чтенія. Все свободное отъ дѣлъ время онъ проводилъ обыкновенно въ Ньюмаркетѣ или за карточнымъ столомъ. Но онъ не былъ положительно равнодушенъ къ поэзіи и былъ слишкомъ умнымъ наблюдателемъ, чтобы не замѣтить, что литература была могучимъ орудіемъ для политической борьбы и что великіе вожди виговъ разумнымъ и щедрымъ покровительствомъ хорошимъ писателямъ усилили свою партію и возвысили свою репутацію. Онъ былъ огорченъ, и не безъ основанія, крайне плохами поэмами, появлявшимися въ честь Бленгеймской битвы. Одна изъ этихъ поэмъ спаслась отъ забвенія крайней нелѣпостью слѣдующихъ трехъ строчекъ:

«Think of two thousand gentlemen at least,
«And each man mounted on his capering beast;
«Into the Danube they were pushed by shoals». (*)

Лордъ-казначей не зналъ, гдѣ достать лучшихъ стиховъ. Онъ умѣлъ хлопотать о займѣ или переводѣ субсидій; хорошо изучилъ исторію скаковыхъ лошадей и пѣтуховъ, назначавшихся для боя; но его знакомство съ поэтами было очень ничтожно. Онъ обратился за совѣтомъ къ Галифаксу, но послѣдній показалъ, что уклоняется отъ обязанности совѣтника. По его словамъ, онъ прежде дѣлалъ все, что могъ, для поощренія людей, которыхъ таланты и познанія могли сдѣлать честь странѣ. Эти времена прошли. Другіе принципы восторжествовали. Достоинству предоставлено чахнуть въ безвѣстности, а общественныя деньги раздаются недостойнымъ. «Я знаю, прибавилъ онъ, джентльмена, способнаго воспѣть это сраженіе достойнымъ образомъ, но я не назову его». Годольфинъ, который былъ мастеръ отвращать гнѣвъ мягкимъ отвѣтомъ а котораго необходимость заставляла ухаживать за вигами, кротко отвѣчалъ, что жалобы Галифакса слишкомъ основательны, но что со временемъ все будетъ исправлено, а пока услуги человѣка, описаннаго Галифаксомъ, будутъ щедро вознаграждены. Галифаксъ назвалъ тогда Аддисона, но, заботясь столько же о самолюбіи, сколько и о денежныхъ интересахъ своего друга, настоялъ, чтобы министръ обра-

(*) «Представьте себѣ покрайней мѣрѣ двѣ тысячи джентельменовъ, которые, сидя на своихъ рѣзвыхъ животныхъ, толпами сталкиваются въ Дунай.»

тился какъ можно учтивѣе къ самому Аддисону,—и Годольфинъ обѣщалъ это.

Аддисонъ занималъ въ то время чердакъ третьяго этажа надъ маленькой лавкой въ Геймаркетѣ. На утро, послѣдовавшее за разговоромъ между Галифаксомъ и Годольфиномъ, Аддисонъ былъ удивленъ появленіемъ въ своей скромной квартирѣ такой особы, какъ достопочтенный Генри Бойль, впослѣдствіи лордъ Карльтонъ, бывшій тогда канцлеромъ казначейства. Этого знатнаго министра лордъ-канцлеръ отправилъ, въ качествѣ посла, къ нуждающемуся поэту. Аддисонъ охотно взялся за предложенный трудъ, который для такого ревностнаго вига былъ вѣроятно не трудомъ, а удовольствіемъ. Когда поэма была полуокончена, авторъ показалъ ее Годольфину, который пришелъ въ восторгъ, особенно отъ знаменитаго сравненія съ ангеломъ. Аддисону немедленно дали мѣсто коммиссара съ двумя стами ф. въ годъ и обѣщали, что это только задатокъ бóльшихъ милостей.

«Походъ» вышелъ въ свѣтъ и привелъ публику въ такой же восторгъ, какъ и министра. Въ цѣломъ, поэма нравится намъ менѣе *«Посланія къ Галифаксу»*. Однако она несомнѣнно занимаетъ высокое мѣсто среди произведеній, появившихся въ промежутокъ времени отъ смерти Драйдена до появленія Попа. Мы думаемъ, что главное достоинство поэмы, замѣченное и Джонсономъ, состоитъ въ смѣломъ и раціональномъ отказѣ отъ вымысла. Первый великій поэтъ, творенія котораго дошли до насъ, пѣлъ о войнѣ задолго до того, какъ война сдѣлалась ремесломъ или наукой. Если, въ его время, между двумя небольшими греческими городами возникала вражда, каждый городъ высылалъ толпы гражданъ, не знавшихъ дисциплины и вооруженныхъ орудіями труда, наскоро передѣланными въ оружіе. Съ обѣихъ сторонъ выдвигались изъ толпы нѣсколько вождей, которымъ богатство доставило хорошіе доспѣхи, коней и колесницъ, а досугъ далъ возможность заняться военными упражненіями. Одинъ подобный вождь, обладая большой силой, проворствомъ и мужествомъ, былъ бы, вѣроятно, страшнѣе двадцати обыкновенныхъ людей, а сила и ловкость, съ какими онъ кидалъ свое копье, могли не мало способствовать рѣшенію побѣды. Таковы были вѣроятно битвы, извѣстныя Гомеру. Но Гомеръ разсказывалъ о дѣяніяхъ людей преж-

нихъ поколѣній, людей, происходившихъ отъ боговъ, и сообщавшихся съ богами лицомъ къ лицу, людей, изъ которыхъ одинъ могъ кидать камни такой величины, какихъ два дюжихъ парня позднѣйшаго періода не въ состояніи были бы даже приподнять. Весьма естественно поэтому, что онъ представлялъ ихъ воинственные подвиги отчасти сходными, но далеко превосходящими подвиги самыхъ ловкихъ и сильныхъ бойцовъ своего времени. Ахиллесь, облеченный въ небесные доспѣхи, везомый небесными конями, держащій копье, котораго никто кромѣ его не могъ поднять, гоня передъ собой троянъ и ликіянъ, запружая Скамандръ мертвецами, не болѣе какъ великолѣпное преувеличеніе истиннаго героя, сильнаго, безстрашнаго, привыкшаго владѣть оружіемъ, охраняемаго щитомъ и шлемомъ лучшей Сидонской выдѣлки, мчащагося на коняхъ ѳессалійской породы и собственной правой рукой поражающаго одного врага за другимъ. Подобныя понятія встрѣчаются во всѣхъ грубыхъ обществахъ. И теперь есть страны, въ которыхъ лейбъ-гвардейца Шо сочли бы гораздо бо́льшимъ воиномъ, чѣмъ герцога Веллингтона. Бонапартъ любилъ описывать удивленіе, съ которымъ мамелюки смотрѣли на его незначительную фигуру. Мурадъ-Бей, отличавшійся отъ всѣхъ своихъ соратниковъ тѣлесной силой и искусствомъ, съ какимъ онъ управлялъ своимъ конемъ и владѣлъ своей саблей, не могъ повѣрить, чтобы человѣкъ едва пяти футовъ росту и ѣздившій верхомъ какъ мясникъ, былъ величайшимъ воиномъ въ Европѣ.

Гомеровы описанія войны были слѣдовательно настолько истинны, насколько этого требовала поэзія. Но сочиненія тѣхъ, которые, писавши о битвахъ, не имѣвшихъ почти ничего общаго съ битвами его времени, рабски подражали его манерѣ, совершенно лишены истины. Нелѣпости Силія Италика особенно противны. Онъ взялся разсказать стихами превратности великой борьбы между первоклассными полководцами, и разсказъ его наполненъ описаніями страшныхъ ранъ, которыя полководцы собственноручно наносили другъ другу. Аздрубалъ кидаетъ копье и слегка задѣваетъ плечо консула Нерона, но Неронъ прокалываетъ своимъ копьемъ бокъ Аздрубала. Фабій убиваетъ и Туриса, и Бутеса, и Мариса, и Арзеса, и длинноволосаго Адгербеса, и исполинскаго Тилиса, и Сафара, и Монеза и трубача Морина. Аннибалъ пронзаетъ коломъ пахъ Пе-

руанна, и огромнымъ камнемъ раздробляетъ спинную кость Телезина. Эта отвратительная манера перенималась и въ новѣйшія времена и господствовала до Аддисоновой эпохи. Многіе рифмачи представляли Вильгельма обращающимъ въ бѣгство тысячи воиновъ единственною силою своей доблести и обагряющимъ Бойнъ ирландской кровью. Даже такой уважаемый писатель, какъ Джонъ Филипсъ, авторъ «*Splendid Shilling*», разсказывалъ, какъ Марльборо выигралъ Бленгеймское сраженіе единственно силою мускуловъ и искусствомъ фехтованія. Слѣдующія строки могутъ служить примѣромъ:

«Churchill, viewing where
«The violence of Tallard most prevailed,
Came to oppose his slaughtering arm. With speed
Precipitate he rode, urging his way
O'er hills of gasping heroes, and fallen steeds
Rolling in death. Destruction, grim with blood,
Attends his furious course. Around his head
The glowing balls play innocent, while he
With dire impetuous sway deals fatal blows
Among the flying Gauls. In Gallic blood
He dyes his reeking sword, ond strews the ground
With headless ranks. What can they do? Or how
Withstand his wide-destroying sword? (*)»

Аддисонъ выказалъ много вкуса и ума, отступивши отъ этой смѣшной манеры. Онъ хвалилъ только качества, дѣлавшія Марльборо истинно великимъ: энергію, проницательность, военное искусство. Но больше всего онъ превозносилъ ту твердость ума, которая, среди смятенія, криковъ и рѣзни, обозрѣвала и располагала все съ особою ясностью.

(*) «Чорчилль, видя, гдѣ наиболѣе господствовала сила Таллара, противопоставилъ свою смертоносную руку. Съ поспѣшностью, мчался онъ, стремясь по холмамъ умиравшихъ героевъ и павшихъ коней. Гибель, ужасная своей кровью, сопровождала его яростный бѣгъ. Вокругъ его головы безвредно играютъ раскаленыя пули, между тѣмъ, какъ онъ съ ужаснымъ, стремительнымъ увлеченіемъ наноситъ роковые удары бѣгущимъ галламъ. Гальской кровью обагренъ его дымящійся мечъ; онъ покрываетъ землю рядами обезглавленныхъ. Что могутъ они сдѣлать? И какъ остановить его мечъ, далеко разносящій гибель?»

Здѣсь онъ вставилъ знаменитое сравненіе Марльборо съ ангеломъ, направляющимъ вихрь. Мы не будемъ оспоривать общую вѣрность Джонсоновыхъ замѣчаній на это мѣсто. Но мы считаемъ необходимымъ указать на обстоятельство, кажется, не замѣченное ни однимъ критикомъ. Необыкновенный эффектъ этого сравненія при первомъ его появленіи, необъяснимый для послѣдующаго поколѣнія, должно, безъ сомнѣнія, приписать главнымъ образомъ одной строчкѣ, на которую большая часть читателей смотритъ теперь, какъ на пустое вводное предложеніе.

«Such as, of late, o'er pale Britannia pass'd» (7).

Аддисонъ говорилъ не о бурѣ вообще, но объ извѣстной бурѣ. Великая буря, бывшая, въ ноябрѣ 1703 года, единственная буря въ нашихъ широтахъ, равнявшаяся яростью тропическому урагану, оставила страшное воспоминаніе въ умахъ всѣхъ людей. Ни одна буря, кромѣ этой, не бывала здѣсь причиной парламентскаго адреса или публичнаго поста. Цѣлые флоты были разбросаны. Огромные дома разрушены. Одинъ прелатъ задавленъ стѣнами своего дворца. Лондонъ и Бристоль представляли видъ только-что раззоренныхъ городовъ. Сотни семействъ носили еще трауръ. Повергнутые стволы высокихъ деревьевъ, развалины домовъ въ южныхъ графствахъ свидѣтельствовали объ ярости урагана. Популярность, какою сравненіе съ ангеломъ пользовалось между современниками Аддисона, казалась намъ всегда замѣчательнымъ примѣромъ преимущества частнаго надъ общимъ въ краснорѣчіи и поэзіи.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ «*Похода*» вышелъ разсказъ о путешествіи Аддисона по Италіи. Первое впечатлѣніе этого разсказа было разочарованіе. Толпа читателей, ожидавшихъ политики и скандаловъ, разсужденій о проэктахъ Виктора-Амедея и анекдотовъ о веселой жизни монастырей и любовныхъ интригахъ кардиналовъ и монахинь, изумилась, увидя, что умъ автора былъ занятъ гораздо болѣе войной между троянцами и рутулами, чѣмъ войной между Франціей и Австріей, и что, повидимому, послѣднія скандальныя исторіи, слышанныя имъ, были исторіи любовныхъ похожденій

(7) «Такой (бурѣ), которая недавно пронеслась надъ блѣдной Британіей.»

императрицы Фаустины. Впрочемъ, въ скоромъ времени, сужденіе меньшинства взяло верхъ надъ приговоромъ большинства, и прежде чѣмъ было сдѣлано второе изданіе, книгу такъ усердно раскупали, что она продавалась впятеро дороже первоначальной цѣны. И теперь чтеніе этой книги доставляетъ удовольствіе: слогъ ея чистъ и плавенъ, классическія цитаты и ссылки многочисленны и удачны, тамъ и сямъ насъ чаруетъ удивительно человѣчный и деликатный юморъ, въ которомъ Аддисонъ превосходилъ всѣхъ другихъ писателей. Однако это занимательное сочиненіе, даже разсматриваемое просто какъ разсказъ о литературномъ путешествіи, заслуживаетъ справедливаго порицанія по причинѣ заключающихся въ немъ упущеній. Мы уже сказали, что богатая выписками изъ латинскихъ поэтовъ, книга почти не содержитъ ссылокъ на латинскихъ ораторовъ и историковъ. Мы должны прибавить, что въ ней мало, или—скорѣе— совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній объ исторіи и литературѣ современной ему Италіи. Сколько мы помнимъ, Аддисонъ не упоминаетъ ни о Дантѣ, ни о Петраркѣ, ни о Боккачіо, ни о Бойардо, ни о Берни, ни о Лоренцо Медичи, ни о Макіавелли. Онъ холодно говоритъ намъ, что въ Феррарѣ видѣлъ могилу Аріосто, и въ Венеціи слушалъ гондольеровъ, поющихъ стихи Тассо. Но Аддисонъ гораздо болѣе интересовался Сидоніемъ Аполлинаріемъ и Валеріемъ Флаккомъ, чѣмъ Тассо и Аріосто. Тихія струи Тичино напоминаютъ ему строфу изъ Силія. Сѣрнистый потокъ Альбула подсказываетъ ему нѣсколько отрывковъ изъ Марціала. Но онъ не находитъ ни одного слова въ память славныхъ усопшихъ въ Санта-Кроче; переѣзжая Равеннскій лѣсъ, онъ не вспоминаетъ о привидѣніи-охотникѣ, и гуляя по Римини, ни разу не подумалъ о Франческѣ. Въ Парижѣ онъ усердно добивался быть представленнымъ Буало, и кажется вовсе не подозрѣвалъ, что во Флоренціи находился въ сосѣдствѣ поэта, простаго сравненія съ которымъ не могъ выдержать Буало, величайшаго лирическаго поэта новѣйшихъ временъ, Винченцо Филикайя. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Филикайя былъ любимымъ поэтомъ Сомерза, подъ покровительствомъ котораго Аддисонъ путешествовалъ и которому посвятилъ свой разсказъ о путешествіи. Дѣло въ томъ, что Аддисонъ имѣлъ мало свѣдѣній о литературѣ новѣйшей Италіи и еще менѣе интересовался этой

литературой. Его любимыми образцами были сочиненія латинскихъ поэтовъ, любимыми критиками—французы. Половина прочитанныхъ имъ тосканскихъ стихотвореній показались ему уродливыми, а другая половина—пустой мишурой.

За *«Путешествіемъ»* послѣдовала оживленная опера *«Розамунда»*. Пьеса была положена на плохую музыку, и потому не имѣла успѣха на сценѣ; но имѣла полный успѣхъ въ чтеніи, и дѣйствительно, въ своемъ родѣ, это превосходная вещь. Плавная текучесть стиховъ и упругость ихъ сочетаній очень пріятны, по крайней мѣрѣ для нашего уха. Мы готовы думать, что еслибъ Аддисонъ предоставилъ героическія строфы Попу и бѣлые стихи Роу, а самъ занялся сочиненіемъ легкихъ и веселыхъ пѣсенъ, то его репутація какъ поэта стояла бы гораздо выше, чѣмъ теперь. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, докторъ Арнъ положилъ *«Розамунду»* на новую музыку, и она была представлена съ полнымъ успѣхомъ на сценѣ. Многіе пассажи долго оставались популярными, и въ послѣдніе годы царствованія Георга II ежедневно разыгрывались на клавикордахъ всей Англіи.

Пока Аддисонъ забавлялся такимъ образомъ, его будущность и будущность его партіи становились все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Весною 1705 г. министры освободились отъ ограниченій, налагаемыхъ на нихъ палатой общинъ, гдѣ преобладали торіи самаго дурнаго свойства. Выборы благопріятствовали вигамъ. Коалиція, образовавшаяся безмолвно и постепенно, сдѣлалась открытою. Коуперъ получилъ большую печать. Сомерсъ и Галифаксъ сдѣлались членами тайнаго совѣта. Въ слѣдующемъ году, Галифаксу поручили отвезти курфирсту Ганноверскому орденъ Подвязки, и въ этой почетной миссіи его сопровождалъ Аддисонъ, только-что сдѣланный товарищемъ статсъ-секретаря. Сначала статсъ-секретаремъ, подъ начальствомъ котораго служилъ Аддисонъ, былъ сэръ Чарльзъ Геджисъ, тори. Но Геджисъ скоро долженъ былъ уступить свое мѣсто самому ревностному вигу, графу Чарльзу Сондерланду. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ государственныхъ отрасляхъ, высокоцерковники принуждены были уступать мѣста своимъ оппонентамъ. Къ концу 1707 г. торіи, остававшіеся при должностяхъ, пытались, имѣя во главѣ Гарли, соединить свои силы. Но эта попытка не удалась, хотя ей благопріятствовала королева, бывшая всегда торіемъ въ душѣ, и

находившаяся тогда въ ссорѣ съ герцогиней Марльборо. Ихъ время еще не пришло. Главнокомандующій былъ на вершинѣ славы и популярности. Большинство въ парламентѣ было на сторонѣ партіи низкоцерковниковъ. Сельскіе сквайры и ректоры, хотя и высказывали отъ времени до времени свое неудовольствіе ужаснымъ ропотомъ, но большей частью находились въ состояніи оцѣпенѣнія, которое продолжалось до обвиненія Сачеверелля, обвиненія, возбудившаго въ нихъ дѣятельность, доходившую до безумія. Гарли и его приверженцы принуждены были подать въ отставку. Побѣда виговъ была полная. Общіе выборы 1708 г. доставили имъ неодолимое могущество въ палатѣ общинъ, и еще до конца года Сомерзъ сдѣланъ былъ лордомъ-президентомъ тайнаго совѣта, а Вартонъ лордомъ-намѣстникомъ Ирландіи.

Аддисонъ засѣдалъ въ палатѣ общинъ, созванной въ 1708 г., въ качествѣ представителя мѣстечка Мамзбёри. Но палата общинъ не могла быть поприщемъ для его дѣятельности. Природная застѣнчивость его дѣлала безполезными для преній и его остроуміе, и его краснорѣчіе. Однажды онъ всталъ, но не будучи въ состояніи превозмочь неувѣренности въ себѣ, никогда не возобновлялъ попытки. Никому не покажется страннымъ, что великій писатель не имѣлъ успѣха, какъ ораторъ. Но многимъ, можетъ быть, покажется страннымъ, что неудача Аддисона какъ дебатера не имѣла вліянія на его политическую карьеру. Въ наше время, человѣкъ высокаго происхожденія и съ большимъ состояніемъ, можетъ занимать значительное мѣсто, хотя бы онъ говорилъ очень мало и очень дурно. Но въ наше время невозможно себѣ представить, чтобъ простой авантюристъ, человѣкъ, который, въ случаѣ лишенія своей должности, принужденъ былъ бы жить произведеніями своего пера, сдѣлался въ теченіе немногихъ лѣтъ помощникомъ статсъ-секретаря, главнымъ секретаремъ Ирландіи и статсъ-секретаремъ, не имѣя, въ то же время, никакого ораторскаго таланта. Аддисонъ, не будучи высокаго происхожденія, не имѣя богатства, достигъ мѣста, которое сочли бы честью занимать герцоги, главы высокихъ домовъ Тальбота, Росселля и Бентинка. Не открывая рта въ преніяхъ, онъ достигъ мѣста, выше котораго не поднимались ни Фоксъ, ни Чатамъ, и достигъ его, не пробывши и девяти лѣтъ въ парламентѣ. Мы должны искать объясненіе этого кажущагося чуда въ особенныхъ об-

стоятельствахъ, въ какихъ было поставлено это поколѣніе. Въ промежутокъ между прекращеніемъ цензуры и началомъ обнародованія парламентскихъ преній, литературные таланты для общественнаго дѣятеля—были гораздо болѣе, а ораторскія дарованія—гораздо менѣе важны, чѣмъ въ наше время. Теперь лучшій способъ доставить какому-нибудь факту или аргументу обширную и быструю публичность состоитъ въ томъ, чтобы ввести этотъ фактъ или аргументъ въ рѣчь, произнесенную въ парламентѣ. Еслибъ теперь появился въ печати политическій трактатъ, стоящій выше *«Conduct of the Allies»* или лучшихъ номеровъ *«Freeholder'a»*, то онъ все-таки расходился бы медленно, сравнительно съ быстротою циркуляціи всякаго замѣчательнаго слова, произнесеннаго въ законодательныхъ преніяхъ. Рѣчь, сказанная въ четыре часа утра въ палатѣ общинъ, въ десяти лежитъ на тридцати тысячахъ столахъ. Рѣчь, сказанная въ понедѣльникъ, въ среду читается толпами людей въ Антримѣ и Абердиншрѣ. Съ помощью стенографа, ораторъ въ значительной степени замѣнилъ памфлетиста. Не такъ было въ царствованіе Анны. Самая лучшая рѣчь имѣла тогда вліяніе только на слушателей. На общественное мнѣніе, внѣ парламента, можно было дѣйствовать единственно съ помощью прессы, а это мнѣніе не могло не быть въ высшей степени важнымъ, въ странѣ, управляемой парламентами, и въ ту пору еще трехлѣтними парламентами. Поэтому, перо было болѣе грознымъ политическимъ орудіемъ, чѣмъ языкъ. М-ръ Питтъ и м-ръ Фоксъ состязались только въ парламентѣ, по Вальполь и Польтни—Питтъ и Фоксъ прежнихъ временъ, садились, посреди восклицаній палаты общинъ, не сдѣлавъ и половины того, что было необходимо сдѣлать. Имъ оставалось еще защищать свое дѣло передъ страной, а это они могли сдѣлать только посредствомъ прессы. Ихъ сочиненія теперь забыты. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ Гробъ-Стритѣ было не много болѣе усердныхъ сочинителей разныхъ Мыслей, Писемъ, Отвѣтовъ, Замѣтокъ, какъ между великими предводителями партій. Польтни, будучи во главѣ оппозиціи, и имѣя 30 т. ф. въ годъ, издавалъ *«The Craftsman»*. Вальполь, не будучи литераторомъ, написалъ по крайней мѣрѣ десять памфлетовъ, исправлялъ и передѣлывалъ еще большее число. Эти факты достаточно показываютъ, какъ важна была въ то время литературная помощь для боровшихся партій. Въ царствованіе Анны, Сентъ-Джонъ былъ безспорно лучшимъ торійскимъ

ораторомъ, а Коуперъ вѣроятно былъ тѣмъ же самымъ для виговъ. Но мы имѣемъ основаніе сомнѣваться, сдѣлалъ-ли Сентъ-Джонъ столько же для торіевъ, какъ Свифтъ, и сдѣлалъ-ли Коуперъ столько же для виговъ, какъ Аддисонъ. Обративши должное вниманіе на эти обстоятельства, уже не покажется страннымъ, что Аддисонъ взобрался на такую высоту въ государствѣ, на какую ни одинъ англичанинъ никогда не могъ подняться посредствомъ однихъ литературныхъ талантовъ. Свифтъ, по всей вѣроятности, поднялся бы также высоко, еслибъ его не затрудняла длинная ряса и широкіе рукава. Что же касается до почтенія со стороны великихъ міра сего, то Свифтъ наслаждался имъ не менѣе, какъ еслибъ онъ былъ лордомъ-казначеемъ.

Къ вліянію, которое Аддисонъ извлекалъ изъ своихъ литературныхъ талантовъ, присоединилось вліяніе возникавшее изъ его характера. Міръ, всегда готовый видѣть бѣдныхъ политическихъ авантюристовъ въ дурномъ свѣтѣ, принужденъ былъ сдѣлать одно исключеніе. Неугомонность, запальчивость, дерзость, шаткость правилъ—вотъ пороки, обыкновенно приписываемые этому классу людей. Но даже противники его не могли отвергнуть, что Аддисонъ, во всѣхъ перемѣнахъ счастія, оставался строго вѣренъ своимъ прежнимъ мнѣніямъ и своимъ прежнимъ друзьямъ; что его честность была незапятнанна; что все его поведеніе было проникнуто тонкимъ чувствомъ приличія; что въ самомъ жару спора горячность его умѣрялась уваженіемъ къ истинѣ, гуманности и общественному декоруму; что никакая обида не могла побудить его къ мщенію, недостойному христіанина и джентльмена, и что единственными его недостатками были слишкомъ чувствительная деликатность и скромность, доходившая до застѣнчивости.

Онъ былъ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей своего времени, и большой долей этой популярности онъ обязанъ, кажется, той самой робости, которой сокрушались его друзья. Эта робость часто мѣшала ему выставлять свои таланты въ лучшемъ свѣтѣ. Но она умилостивляла Немезиду. Она отвращала зависть, которую, въ противномъ случаѣ, возбудила бы такая блестящая слава и такое быстрое возвышеніе. Публика наиболѣе способна полюбить человѣка, который служитъ въ одно и то же время предметомъ восхищенія, уваженія и сожалѣнія; а таковы были чувства, внушаемыя Аддисономъ. Всѣ, пользовавшіеся привилегіей слышать его частную

бесѣду, объявляли единогласно, что она была даже выше его сочиненій. Блестящая Мери Монтегью говорила, что знала всѣ знаменитости, но что общество Аддисона было для нея самымъ пріятнымъ въ свѣтѣ. Язвительный Попъ принужденъ былъ признаться, что разговоръ Аддисона имѣлъ прелесть, какой онъ не находилъ ни въ чьемъ другомъ. Свифтъ, пламенѣя враждой къ вигамъ, не могъ не признаться Стеллѣ, что все-таки онъ не зналъ другаго столь пріятнаго собесѣдника, какъ Аддисонъ. Стиль, превосходный судья оживленной бесѣды, говорилъ, что бесѣда Аддисона была въ одно и то же время самой вѣжливой и самой веселой, какую можно себѣ вообразить; что въ немъ соединялись Теренцій и Катуллъ, усиленные чѣмъ-то важнымъ, которое не принадлежало ни Теренцію, ни Катуллу, но единственно Аддисону. Юнгъ, превосходный судья серьёзнаго разговора, объявилъ, что когда Аддисонъ былъ въ своей тарелкѣ, строй его мыслей и рѣчей былъ такъ благороденъ, что приковывалъ вниманіе каждаго слушателя. Кромѣ того, вѣжливость и мягкость сердца, которыя высказывались въ бесѣдѣ Аддисона, заслуживали не меньшаго восхищенія. Въ то же время, нельзя сказать, чтобы онъ былъ совершенно лишенъ нѣкоторой ѣдкости, которая, можетъ быть, нераздѣльно соединена съ тонкимъ чувствомъ смѣшнаго. Онъ имѣлъ обыкновеніе, восхищавшее и Свифта и Стеллу, обыкновеніе, котораго мы не рѣшаемся осуждать. Если его первыя попытки поставить на прямой путь самоувѣреннаго глупца были дурно приняты, онъ перемѣнялъ тонъ, соглашался «вѣжливо поддакивая» и увлекалъ польщеннаго фата глубже и глубже въ нелѣпость. Мы могли бы догадаться объ этомъ обычаѣ изъ его сочиненій. Критика «*Tatler'a*» на сонетъ м-ра Софтли и разговоръ «*Spectator'a*» съ политикомъ, такъ усердно хлопочущимъ о чести леди O-p-t-s—превосходные образцы этой невинной злости.

Таковы были разговорные таланты Аддисона. Но эти рѣдкія дарованія не выставлялись передъ толпою или передъ посторонними. Какъ скоро онъ вступалъ въ большое общество, какъ скоро видѣлъ незнакомое лицо, его губы смыкались, а манеры становились принужденными. Никто изъ тѣхъ, которые встрѣчали его только въ многолюдныхъ собраніяхъ, не могъ бы повѣрить, что это тотъ же самый человѣкъ, который иногда заставлялъ своихъ друзей заси-

живаться за столомъ, смѣясь и слушая его, съ минуты закрытія театра до тѣхъ поръ, когда на церкви св. Павла въ Ковентъ-Гарденѣ било четыре часа. Но и не за такимъ столомъ ярче всего выказывалось его умѣнье говорить. Для того, чтобъ насладиться прелестью его бесѣды въ ея высшемъ проявленіи, необходимо было быть съ нимъ наединѣ и слышать, какъ онъ, по его собственному выраженію, думаетъ вслухъ. «Истинная бесѣда,—говорилъ онъ всегда,—возможна только между двумя».

Эта робость, не будучи ни непріятной, ни нелюбезной, ввела однако Аддисона въ двѣ очень важныя ошибки, въ которыхъ его можно по справедливости обвинить. Онъ находилъ, что вино уничтожало чары, связывавшія его превосходно развитой умъ, и поэтому легко предавался излишествамъ стола. Въ эту эпоху, подобныя излишества, даже въ глазахъ серьёзныхъ людей, считались самымъ простительнымъ изъ всѣхъ грѣшковъ, и не только не служили признакомъ дурнаго воспитанія, а, напротивъ, были почти существенно необходимы для репутаціи истиннаго джентльмена. Но на бѣломъ фонѣ малѣйшее пятнышко замѣтно, и почти всѣ біографы Аддисона упоминали объ этомъ недостаткѣ. Говоря обо всякомъ другомъ писателѣ или политикѣ царствованія королевы Анны, намъ бы такъ же мало пришло въ голову говорить, о томъ, что этотъ джентльменъ иногда пилъ слишкомъ много вина, какъ и о томъ, что онъ носилъ длинный парикъ и шпагу.

Мы должны приписать крайней скромности натуры Аддисона и другую ошибку, обыкновенно возникающую изъ совершенно другихъ причинъ. Онъ слишкомъ любилъ собирать вокругъ себя небольшой кружокъ поклонниковъ, смотрѣвшихъ на него какъ на короля или, лучше сказать, какъ на Бога. Всѣ эти люди были гораздо ниже его по способностямъ и нѣкоторые имѣли очень важные недостатки. Эти недостатки не избѣгали его замѣчанія, потому что никто не умѣлъ лучше Аддисона видѣть людей насквозь. Но съ самой острой наблюдательностью и съ самымъ тонкимъ чувствомъ смѣшнаго въ немъ соединялась обширная любовь къ ближнимъ. Онъ смотрѣлъ на своихъ смиренныхъ товарищей съ чувствомъ благосклонности, слегка оттѣняемой презрѣніемъ. Въ ихъ сообществѣ онъ былъ совершенно въ своей тарелкѣ; онъ былъ благода-

ренъ за ихъ привязанность и осыпалъ ихъ благодѣяніями. Ихъ почтеніе къ нему превосходило повидимому почтеніе, съ какимъ Босвелль смотрѣлъ на Джонсона, или Гордъ на Варбортона. Лесть не въ силахъ была вскружить такую голову, или испортить такое сердце, какимъ обладалъ Аддисонъ. Но надо откровенно сознаться, что въ немъ развились недостатки, почти неизбѣжно укорепляющіеся въ человѣкѣ, который имѣетъ несчастье сдѣлаться оракуломъ маленькаго литературнаго кружка.

Однимъ изъ членовъ этого кружка былъ Юстесъ Бомжелль—молодой юристъ, съ кой-какими литературными познаніями, и дальній родственникъ Аддисона. Въ это время, репутація Боджелля не была еще запятнана, и весьма вѣроятно, что еслибъ жизнь Аддисона продлилась, репутація Боджелля осталась бы почетной и незапятнанной. Но со смертью учителя, исчезло все, что сдерживало ученика, и онъ быстро прошелъ всѣ ступени порока и нищеты; сумасбродствами растратилъ онъ свое состояніе, хотѣлъ поправить его преступленіями и наконецъ кончилъ свою преступную и жалкую жизнь самоубійствомъ. Но этотъ несчастный, будучи игрокомъ, сочинителемъ пасквилей, плутомъ и уголовнымъ преступникомъ, до конца сохранилъ любовь и уваженіе къ Аддисону, и высказалъ эти чувства въ послѣднихъ строчкахъ, начертанныхъ имъ прежде, чѣмъ успѣлъ скрыться отъ позора подъ Лондонскимъ мостомъ.

Другой любимый собесѣдникъ Аддисона былъ Амброзъ Филиппсъ, добрый вигъ и посредственный поэтъ, имѣвшій честь ввести въ моду родъ сочиненія, названный по его имени Namby-Pamby. (*) Но самые замѣчательные члены «маленькаго сената», какъ, долго спустя, называлъ его Попъ,—были Ричардъ Стиль и Томасъ Тикелль.

Стиль зналъ Аддисона съ дѣтства. Они были въ одно время въ Чартеръ-Гаусѣ и въ Оксфордѣ, но обстоятельства разлучили ихъ на нѣкоторое время. Стиль оставилъ коллегію, не получивши степени, былъ лишенъ наслѣдства однимъ богатымъ родственникомъ, велъ бродячую жизнь, служилъ въ арміи, отыскивалъ философскій камень и написалъ религіозный трактатъ и нѣсколько комедій. Онъ былъ одинъ

(*) Nam—уменьшительное имя Амброза.

изъ тѣхъ людей, которыхъ невозможно ни ненавидѣть, ни уважать. У него былъ мягкій нравъ, горячее сердце, живой характеръ, сильныя страсти и шаткія правила. Онъ всю жизнь грѣшилъ и раскаявался, всю жизнь толковалъ о томъ, какъ должно поступать хорошо, и поступалъ дурно. По теоріи онъ былъ честный и набожный человѣкъ; по поступкамъ, онъ былъ большой кутила и немножко плутъ. Впрочемъ, онъ былъ такъ добродушенъ, что трудно было серьёзно сердиться на него, и что даже строгіе моралисты скорѣе были расположены жалѣть, нежели бранить его, когда онъ проигрывался до долговаго отдѣленія или пилъ до горячки. Аддисонъ относился къ Стилю благосклонно, но не безъ примѣси презрѣнія; онъ пытался, хотя и безуспѣшно, вывести его изъ затруднительнаго положенія, доставилъ ему хорошее мѣсто, рекомендовалъ его вельможамъ, исправлялъ его комедіи, и будучи вовсе не богатымъ человѣкомъ, ссужалъ его большими суммами. Одна изъ этихъ ссудъ доходила, какъ видно изъ письма, написаннаго въ августѣ 1708 г., до тысячи ф. с. Эти денежныя дѣла вѣроятно вели къ частымъ столкновеніямъ. Говорятъ, что однажды небрежность или безчестность Стиля заставила Аддисона прибѣгнуть за уплатою долга къ помощи суда. Мы не согласны съ м-съ Эйкинъ, которая опровергаетъ эту исторію. Джонсонъ слышалъ ее отъ Саведжа, которому разсказалъ ее Стиль. Это подтверждается такими очевидными доказательствами, какими рѣдк подтверждается частное происшествіе, случившееся сто-двадцать лѣтъ тому назадъ. Но мы вовсе не согласны съ тѣми, которые осуждаютъ строгость Аддисона. Самый добрый человѣкъ въ свѣтѣ можетъ придти въ негодованіе, когда то, что онъ заработалъ трудомъ и ссудилъ съ большими неудобствами для себя, чтобы выручить пріятеля изъ бѣды, тратится съ безумной расточительностью. Мы пояснимъ нашу мысль примѣромъ, который не становится менѣе разительнымъ отъ того, что принадлежитъ къ области вымысла. Д-ръ Гаррисонъ, въ Фильдинговой *«Амеліи»*, представленъ самымъ добродушнымъ изъ людей, однако онъ распоряжается не только имѣніемъ, но и особой Бута. Д-ръ Гаррисонъ прибѣгаетъ къ этой сильной мѣрѣ, потому что узналъ, что Бутъ, ссылаясь на бѣдность при неуплатѣ долговъ, покупалъ дорогія вещи и заводилъ экипажъ. Никто изъ тѣхъ, кому знакома жизнь и переписка Стиля, не можетъ со-

мнѣваться, что Стиль велъ себя относительно Аддисона не лучше, чѣмъ Бутъ относительно Гаррисона. Мы почти увѣрены, что на самомъ дѣлѣ случилось что-нибудь въ такомъ родѣ:—Аддисонъ получаетъ письмо, въ патетическихъ выраженіяхъ умоляющее о помощи и обѣщающее исправленіе и скорую расплату. Бѣдный Диккъ (*) увѣдомляетъ, что у него нѣтъ ни одного огарка, ни щепотки угля, ни кредиту у мясника на баранью лопатку. Аддисонъ тронутъ. Онъ рѣшается отказать себѣ въ нѣсколькихъ медаляхъ, недостающихъ въ его собраніи двѣнадцати цезарей, отложить покупку новаго изданія Бейлева словаря и проносить еще годъ свою старую шпагу и пряжки. Такимъ образомъ онъ ухитряется послать сотню ф. своему пріятелю. На слѣдующій день онъ отправляется къ Стилю и застаетъ тамъ собраніе джентльменовъ и дамъ. Скрипки играютъ. Столы ломятся подъ шампанскимъ, бургонскимъ и пирамидами конфектъ. Что-же тутъ страннаго, что человѣкъ, добротою котораго такъ злоупотребляютъ, поручаетъ чиновникамъ шерифа вытребовать свой долгъ?

Тиккелль былъ молодой человѣкъ, только что вышедшій изъ Оксфордскаго университета и отрекомендовавшійся вниманію публики чрезвычайно умной и граціозной маленькой поэмой въ похвалу оперы *«Розамунды»*. Онъ заслуживалъ и наконецъ достигъ перваго мѣста въ дружбѣ Аддисона. Стиль и Тиккелль оставались нѣсколько времени въ пріятельскихъ отношеніяхъ. Но они любили Аддисона слишкомъ сильно, чтобы любить другъ друга, и наконецъ сдѣлались такими же смертельными врагами, какъ были соперники-быки у Виргилія.

Въ концѣ 1708 г., Вартонъ сдѣлался лордомъ намѣстникомъ Ирландіи и назначилъ Аддисона главнымъ секретаремъ. Вслѣдствіе этого Аддисонъ принужденъ былъ покинуть Лондонъ для Дублина. Кромѣ должности главнаго секретаря, приносившей до двухъ тысячъ ф. въ годъ, онъ получилъ патентъ, назначавшій его пожизненнымъ начальникомъ ирландскаго архива съ жалованьемъ въ 300 или 400 ф. въ годъ. Боджелль сопровождалъ своего родственника въ качествѣ частнаго секретаря.

Вартонъ и Аддисонъ не имѣли ничего общаго между собою, кромѣ

(*) Уменьшительное имя Ричарда (Стиля).

вигнама. Лордъ-намѣстникъ былъ не только безнравственнымъ и продажнымъ человѣкомъ, но отличался отъ другихъ развратниковъ и лихоимцевъ какимъ-то одеревенѣлымъ безстыдствомъ, которое представляло разительный контрастъ съ кротостью и деликатностью секретаря. Многія отрасли ирландской администраціи заслуживали, кажется, въ это время, серьёзнаго порицанія. Но противъ Аддисона не возникало никакого ропота. Долго спустя онъ утверждалъ, и все доказываетъ справедливость этого утвержденія, что его радѣніе и честность пріобрѣли ему дружбу всѣхъ значительнѣйшихъ лицъ въ Ирландіи.

Мы полагаемъ, что парламентская дѣятельность Аддисона въ Ирландіи совершенно ускользнула отъ вниманія всѣхъ его біографовъ. Лѣтомъ 1709 г. онъ былъ выбранъ членомъ за бургъ Кавапъ, и его имя часто попадается въ журналахъ двухъ сессій. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ можно понять, что онъ настолько преодолѣлъ свою робость, что рѣшился произнести нѣсколько рѣчей. Мудренаго тутъ ничего нѣтъ, потому что ирландская палата общинъ вовсе не такое грозное собраніе, какъ англійская палата, а многіе, языки которыхъ сковывалъ страхъ въ большихъ собраніяхъ, дѣлались говорливыми въ немноголюдныхъ. Герардъ Гамильтонъ, боясь потерять славу, пріобрѣтенную единственнымъ своимъ спичемъ, въ теченіе сорока лѣтъ, безмолвно засѣдалъ въ Вестминстерѣ; между тѣмъ въ Дублинѣ онъ произносилъ очень эффектныя рѣчи, когда сдѣлался секретаремъ лорда Галифакса.

Въ бытность Аддисона въ Ирландіи, случилось происшествіе, которому онъ обязанъ своимъ высокимъ и прочнымъ мѣстомъ въ ряду британскихъ писателей. До сихъ поръ его слава основывалась только на произведеніяхъ, которыя, несмотря на высокое достоинство, не могли быть долговѣчными и которыя, оставаясь единственными его произведеніями, были бы теперь почти забыты: на нѣсколькихъ превосходныхъ латинскихъ стихахъ, на нѣсколькихъ англійскихъ стихахъ, изъ которыхъ только нѣкоторые были выше посредственныхъ, и на книгѣ путешествій, написанной увлекательно, но не указывавшей на особенную силу ума. Эти сочиненія показали въ немъ человѣка со вкусомъ, здравымъ смысломъ и эрудиціей. Настало время, когда ему назначено было оказаться человѣкомъ, одареннымъ творческою силою, и

обогатить нашу литературу сочиненіями, которыя умрутъ только съ англійскимъ языкомъ.

Весною 1709 г. Стиль составилъ литературный планъ, послѣдствія котораго онъ конечно вовсе не предвидѣлъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ въ Лондонѣ издавались періодическія газеты. Большая часть изъ нихъ были политическія, но въ нѣкоторыхъ разбирались вопросы, касавшіеся нравственности, вкуса и любовной казуистики. Литературное достоинство этихъ твореній было, по правдѣ сказать, не велико, и самыя имена ихъ теперь извѣстны только любознательнымъ.

Стиль получилъ отъ Сондерланда,—говорятъ, по просьбѣ Аддисона,—мѣсто главнаго редактора газеты, дававшее ему доступъ къ болѣе раннимъ и вѣрнымъ иностраннымъ извѣстіямъ, чѣмъ тѣ, которыя выпадали тогда на долю обыкновеннаго журналиста. Кажется, это обстоятельство внушило ему мысль издавать періодическую газету по новому плану. Она должна была выходить въ дни отхода лондонской почты въ провинцію, что было тогда по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Она должна была содержать иностранныя извѣстія, отчеты о театральныхъ представленіяхъ и литературныя сплетни Виллевой и Греческой кофеенъ. Сверхъ того, она должна была помѣщать кое-какія замѣтки о текущихъ вопросахъ, комплименты красавицамъ, пасквили на знаменитыхъ плутовъ и критическіе разборы популярныхъ проповѣдниковъ. Сначала Стиль, кажется имѣлъ только это въ виду. Онъ былъ человѣкомъ, способнымъ вести подобное дѣло. Общественныя новости онъ почерпалъ изъ лучшихъ источниковъ. Онъ зналъ городъ и дорого заплатилъ за свое знаніе. Онъ читалъ гораздо больше, чѣмъ имѣли тогда обыкновеніе читать люди, ведшіе разсѣянную жизнь. Онъ былъ кутилой между учеными и ученымъ между кутилами. Его слогъ былъ свободенъ и довольно правиленъ, и хотя его остроуміе и юморъ не были очень высокаго достоинства, но живость и веселость его характера придавали и сочиненіямъ его нѣчто живое, которое дюжинные читатели едвали могли отличить отъ комическаго таланта. Его сочиненія ловко сравнивали съ тѣми легкими винами которыя хотя не имѣютъ ни крѣпости, ни букета, но составляютъ пріятный напитокъ, если не хранятся слишкомъ долго и привезены не издалека.

Исаакъ Биккерстафъ, сквайръ, астрологъ, былъ вымышленной личностью, пріобрѣвшей тогда такую же извѣстность, какъ м-ръ Поль Прай или м-ръ Самюэль Пиквиккъ въ наше время. Свифтъ принялъ имя Биккерстафа въ сатирическомъ памфлетѣ противъ Партриджа, издателя альманаховъ. Партриджъ былъ такъ глупъ, что напечаталъ яростное возраженіе. Биккерстафъ отвѣчалъ другимъ еще болѣе забавнымъ памфлетомъ. Всѣ умные люди того времени поддержали шутку, и городъ долго хохоталъ до упада. Стиль рѣшился воспользоваться именемъ, которому этотъ споръ доставилъ извѣстность, и въ 1709 г. послѣдовало объявленіе, что Исаакъ Биккерстафъ, сквайръ и астрологъ, готовится издавать газету, подъ заглавіемъ *«Болтунъ»*.

При составленіи этого плана не спрашивали совѣта Аддисона, но какъ только онъ услышалъ объ немъ, такъ рѣшился участвовать. Результатъ этой помощи лучше всего виденъ изъ собственныхъ словъ Стиля:—«Я очутился въ положеніи бѣдствующаго государя, который призвалъ на помощь могущественнаго сосѣда. Мой помощникъ меня окончательно сгубилъ. Разъ призвавши его, я уже не могъ существовать независимо отъ него.» «Газета,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—въ самомъ дѣлѣ получила толчекъ. Она пріобрѣла гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ я разсчитывалъ.»

Отправляя чрезъ Британскій каналъ свою первую дань *«Болтуну»*, Аддисонъ, вѣроятно, не имѣлъ понятія объ обширности и разнообразіи собственныхъ силъ. Онъ былъ въ положеніи владѣльца пріиска, содержащаго сотни рудъ. Но онъ зналъ только объ наименѣе драгоцѣнной части своихъ сокровищъ и удовлетворялся тѣмъ, что извлекалъ иногда мѣдь, иногда свинецъ, съ маленькой примѣсью серебра. Вдругъ простой случай обнаружилъ передъ нимъ неизсякаемую жилу отличнѣйшаго золота.

Одного выбора и расположенія его словъ было бы достаточно, чтобы сдѣлать его опыты классическими. Никто, даже Драйденъ и Темпль не писали на англійскомъ языкѣ съ такой мягкостью, граціей и легкостью. Но это—наименьшее изъ достоинствъ Аддисона. Еслибъ онъ облекалъ свои мысли въ полуфранцузскій слогъ Горація Вальполя, въ полулатинскій Джонсона или въ полунѣмецкое нарѣчіе нашего времени, его геніальность восторжествовала бы надъ

всѣми погрѣшностями языка. Какъ сатирикъ, онъ не имѣлъ соперника. Если кто-нибудь могъ равняться съ лучшими номерами «*Болтуна*» и «*Зрителя*», то мы склонны думать, что это былъ Менандръ, въ своихъ погибшихъ комедіяхъ.

По остроумію, въ собственномъ смыслѣ слова, Аддисонъ не уступаетъ Коули и Ботлеру. Ни въ одной одѣ Коули не заключается столько удачныхъ аналогій, какъ въ письмѣ къ сэру Годфри Кнеллеру; и мы взялись бы выбрать изъ «*Зрителя*» столько же остроумныхъ иллюстрацій, сколько ихъ находятся въ «*Гудибрасѣ*». Высшей способностью творчества — изобрѣтательностью Аддисонъ владѣлъ еще въ бо́льшихъ размѣрахъ. Многочисленные вымыслы, обыкновенно оригинальные, часто дикіе и причудливые, но всегда удивительно удачные и граціозные, попадающіеся въ его опытахъ, даютъ ему право на мѣсто великаго поэта, чего не заслуживаютъ его стихотворныя произведенія. Онъ первоклассный наблюдатель жизни, нравовъ, всѣхъ оттѣнковъ человѣческаго характера. Наблюденія свои онъ умѣлъ передавать двумя совершенно различными способами. Онъ могъ описывать добродѣтели, пороки, обычаи, причуды не хуже, чѣмъ Кларендонъ. Но онъ дѣлалъ больше. Онъ вызывалъ къ существованію человѣческія личности, и заставлялъ ихъ обрисовываться предъ собою. Если мы захотимъ искать нѣчто болѣе живое, чѣмъ лучшіе портреты Аддисона, то должны обратиться или къ Шекспиру, или къ Сервантесу.

Но что̀ сказать объ юморѣ Аддисона, о чувствѣ смѣшнаго, о способности возбуждать это чувство въ другихъ и смѣшить описаніемъ обыденныхъ происшествій и маленькихъ особенностей характера и манеръ, которыя можно встрѣтить въ каждомъ человѣкѣ? Мы чувствуемъ это очарованіе, поддаемся ему, но напрасно усиливаемся анализировать его.

Можетъ быть, лучшій способъ описать особеннаго рода шутливость Аддисона — сравнить ее съ шутливостью другихъ великихъ сатириковъ. По нашему мнѣнію, замѣчательнѣйшіе писатели, вполнѣ овладѣвшіе искусствомъ осмѣивать, были въ XVIII столѣтіи Аддисонъ, Свифтъ и Вольтеръ. Вопросъ въ томъ, который изъ трехъ наисильнѣе умѣлъ возбуждать смѣхъ. Но каждый изъ нихъ, въ своей собственной области, достигъ величайшей степени.

Вольтеръ царь шутниковъ. Его веселость открыта и неудержима. Онъ дурачится, смѣется, держится за бока, показываетъ пальцемъ, поднимаетъ кверху носъ, высовываетъ языкъ. Манера Свифта совершенно противоположна. Онъ возбуждаетъ смѣхъ, но никогда не смѣется самъ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ точно таковъ, какимъ являлся въ обществѣ. Вся компанія покатывается со смѣху, между тѣмъ какъ деканъ, виновникъ всего веселья, сохраняетъ непоколебимо серьёзный, даже угрюмый видъ, и высказываетъ самыя эксцентричныя и забавныя мысли, съ видомъ человѣка, произносящаго анаѳему.

Манера Аддисона далека отъ манеры какъ Вольтера, такъ и Свифта. Онъ не хохочетъ подобно французскому сатирику и не набрасываетъ, смѣясь въ душѣ, двойной строгости на лицо, какъ дѣлаетъ ирландскій; но сохраняетъ свой собственный взглядъ, полный спокойной ясности, которой измѣняетъ только лукавый блескъ глазъ, почти незамѣтное возвышеніе брови, почти незамѣтный изгибъ губъ. Онъ никогда не говоритъ тономъ весельчака или мизантропа. Онъ говоритъ тономъ джентльмена, въ которомъ самое живое чувство смѣшнаго постоянно умѣряется добродушіемъ и благовоспитанностью.

Мы сознаемся, что для насъ въ юморѣ Аддисона больше прелести, чѣмъ въ юморѣ Вольтера и Свифта. По крайней мѣрѣ, достовѣрно, что какъ Свифту, такъ и Вольтеру нашлись удачные подражатели; но еще ни одинъ человѣкъ не былъ въ состояніи подражать Аддисону. Письмо къ Пансофу аббата Койе дотого было вѣрно Вольтеру, что долго обманывало парижскихъ академиковъ. Въ сатирическихъ сочиненіяхъ Арбутнота есть мѣста, которыхъ—мы по крайней мѣрѣ—не можемъ отличить отъ лучшихъ произведеній Свифта. Но хотя изъ многихъ замѣчательныхъ людей, взявшихъ себѣ за образецъ Аддисона, иные удачно подражали его слогу, никто не могъ уловить тонъ его шутокъ. Въ *«Свѣтѣ»*, въ *«Знатокѣ»*, въ *«Зеркалѣ»*, въ *«Ротозѣѣ»* — множество статей, напечатанныхъ съ очевиднымъ подражаніемъ его статьямъ въ *«Болтунѣ»* и въ *«Зрителѣ»*. Бо́льшая часть этихъ листковъ не безъ достоинства; многіе очень оживленны и забавны, но нѣтъ ни одного, который могъ

бы пройти за произведеніе Аддисона въ глазахъ критика, одареннаго хотя малѣйшей долей проницательности.

Но главныя качества, отличающія Аддисона отъ Свифта, Вольтера и почти отъ всѣхъ другихъ великихъ художниковъ смѣшнаго, это грація, благородство, нравственная чистота, которыя мы находимъ даже въ самомъ смѣхѣ его. Строгость, постепенно переходившая въ жестокую и мрачную мизантропію, характеризуетъ творенія Свифта. Природа Вольтера, конечно, не была лишена гуманности; но онъ ничего не почиталъ. Въ образцовыхъ произведеніяхъ искусства, въ чистѣйшихъ примѣрахъ добродѣтели, въ первой великой причинѣ бытія и въ страшной загадкѣ могилы—онъ видѣлъ только предметъ для шутокъ. Чѣмъ торжественнѣе и величавѣе была тема, тѣмъ болѣе его гримасы и кривлянія напоминали обезьянъ. Веселость Свифта можно сравнить съ веселостью Мефистофеля, а веселость Вольтера съ веселостью Пука. Еслибъ счастіе серафимовъ и праведниковъ, достигшихъ совершенства, вытекало отчасти изъ чрезвычайно развитаго чувства смѣшнаго, какъ это рисуетъ имъ причудливое воображеніе Сома Дженинза, ихъ веселость вѣрно походила бы на веселость Аддисона, веселость, совмѣстную съ нѣжнымъ состраданіемъ ко всему бренному, и глубокимъ уваженіемъ ко всему высокому. Ничто великое, ничто достойное любви, никакая нравственная обязанность, никакая доктрина естественной или откровенной религіи не соединялись въ его умѣ съ какой-нибудь оскорбительной идеей. Его гуманность не имѣетъ себѣ равной въ литературной исторіи. Обладать безграничной силой и не употреблять ее во зло—служитъ величайшимъ доказательствомъ добродѣтели. А нѣтъ силы болѣе страшной, какъ способность дѣлать людей смѣшными; способность же Аддисона въ этомъ отношеніи была безгранична. Извѣстно, какъ грубо злоупотребляли этой способностью и Вольтеръ, и Свифтъ. Но объ Аддисонѣ можно съ увѣренностью сказать, что онъ не очернилъ ни одного человѣка, что во всѣхъ оставленныхъ имъ томахъ было бы трудно, если не невозможно, найти одну насмѣшку, которая заслуживала бы названія невеликодушной или недоброй. Однако, онъ имѣлъ клеветниковъ, которыхъ злоба могла бы, кажется, оправдать такое же жестокое мщеніе, какимъ люди, не будучи

выше его по таланту, поразвли Беттсворта или Фран-де-Помпиньяна. Онъ былъ политикомъ, былъ лучшимъ писателемъ своей партіи, онъ жилъ во времена пылкаго раздраженія, когда люди, обладавшіе высокой репутаціей и высокимъ мѣстомъ въ обществѣ, унижались до непристойности, на которую теперь способенъ только ничтожнѣйшій изъ людей. Однако ни раздраженіе, ни примѣръ не могли заставить его воздать за обиду обидой.

Трудно преувеличить услуги, оказанныя его «*Опытами*» нравственности. Правда, «*Болтунъ*» появился когда уже миновало время оскорбительной профанаціи и разврата, слѣдовавшихъ за Реставраціей, Джерими Колльеръ настолько пристыдилъ театры, что въ нихъ появились пьесы, которыя, сравнительно съ комедіями Вичерли и Этереджа, можно было назвать скромными. Но все-таки въ публикѣ еще не исчезло пагубное понятіе, что между геніяльностью и развратомъ, между семейными добродѣтелями и угрюмой формальностью пуританъ существуетъ связь. Слава Аддисону, что онъ разсѣялъ это заблужденіе! Онъ показалъ націи, что вѣра и нравственность Гиля и Тиллотсона можетъ соединяться съ остроуміемъ, болѣе блестящимъ, чѣмъ остроуміе Конгрива, и юморомъ, болѣе богатымъ, чѣмъ юморъ Ванбру. Дѣйствительно, онъ такъ удачно обратилъ противъ порока насмѣшки, которыя недавно вызывала добродѣтель, что съ его времени открытое нарушеніе благопристойности постоянно считалось у насъ признакомъ глупости. И не должно забывать, что онъ произвелъ эту революцію, величайшую и полезнѣйшую, когда-либо совершенную сатирикомъ, не написавши ни одного личнаго пасквиля.

Въ первыхъ статьяхъ Аддисона, помѣщенныхъ въ «*Болтунѣ*», еще не вполнѣ высказалась особенность его дарованія. Но уже съ самаго начала его превосходство надъ остальными сотрудниками было очевидно. Нѣкоторые же изъ послѣднихъ номеровъ «*Болтуна*» равняются, по своимъ достоинствамъ, лучшимъ его сочиненіямъ. Между портретами намъ наиболѣе нравятся Томъ Фоліо, Недъ Софтли и обойщикъ-политикъ. Превосходными образцами того оживленнаго и остроумнаго вымысла, въ которомъ Аддисонъ превосходилъ всѣхъ людей, служатъ: «*Процедура суда чести*», «*Термометръ усердія*», «*Исторія замерзшихъ словъ*» и «*Записки шиллинга*». Есть еще лучшая статья въ такомъ же ро-

дѣ. Но хотя эта статья, назадъ тому сто-тридцать-три года, была вѣроятно поучительна не менѣе проповѣди Смольриджа, мы не смѣемъ указать на нее щепетильнымъ читателямъ XIX столѣтія.

Во время засѣданій парламента, начавшагося въ ноябрѣ 1709 и достопамятнаго обвинительнымъ актомъ противъ Сачеверелля, Аддисонъ, повидимому жилъ въ Лондонѣ. «*Болтунъ*» достигъ популярности, какой не достигала ни одна періодическая газета, и всѣмъ извѣстно было его участіе въ ней. Впрочемъ, того, что все хорошее въ «*Болтунѣ*» принадлежало перу Аддисона, не знали. Дѣло въ томъ, что пятьдесятъ или шестьдесятъ номеровъ, которыми мы ему обязаны, не только лучшіе, но до такой степени положительно лучшіе, что пять изъ нихъ болѣе цѣнны, чѣмъ всѣ двѣсти номеровъ, въ которыхъ онъ не участвовалъ.

Въ эту пору онъ нуждался во всѣхъ утѣшеніяхъ, доставляемыхъ ему литературнымъ успѣхомъ. Королева всегда не любила виговъ. Въ послѣднее время, она разлюбила и семейство Марльборо. Но, царствуя въ силу оспариваемаго права, она не рѣшалась стать въ прямую оппозицію большинству обѣихъ палатъ; и, начавши войну, отъ исхода которой зависѣла судьба ея короны, она не рѣшалась подвергнуть опалѣ великаго и побѣдоноснаго полководца. Наконецъ, въ 1710 г., исчезли причины, мѣшавшія ей выказать свою ненависть къ партіи низкоцерковниковъ. Судъ надъ Сачевереллемъ произвелъ взрывъ общественнаго мнѣнія, врядъ ли менѣе сильный, чѣмъ тѣ, которымъ мы были свидѣтелями въ 1820 и 1831 годахъ. Сельскіе джентльмены, сельское духовенство, городская чернь, стали всѣ на одну сторону. Очевидно было, что если общіе выборы послѣдуютъ, прежде чѣмъ уляжется раздраженіе, большинство будетъ на сторонѣ торіевъ. Услуги Марльборо были такъ блестящи, что перестали быть необходимыми. Тронъ королевы былъ обезпеченъ отъ всѣхъ нападеній со стороны Людовика. Въ самомъ дѣлѣ, скорѣе можно было ожидать, что англійская и нѣмецкая арміи раздѣлятъ между собою расхищенныя сокровища Версаля и Марли, нежели того, что претендентъ воротится въ Сентъ-Джемсъ съ помощью французскаго маршала. Королева, дѣйствуя по совѣтамъ Гарли, рѣшилась уволить своихъ служителей. Въ іюнѣ начались перемѣны. Первый палъ Сондерландъ. Его паденіе привело въ восторгъ торіевъ.

Виги, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, старались убѣдить себя, что ея величество поступила такъ только по личной непріязни къ секретарю, и не имѣетъ въ виду дальнѣйшихъ перемѣнъ. Но, въ началѣ августа, Годольфина поразило неожиданностью письмо Анны, повелѣвавшее ему сдать бѣлый жезлъ. Даже послѣ этого происшествія, нерѣшительность или притворство Гарли, въ продолженіе мѣсяца, поддерживало надежды виговъ; затѣмъ послѣдовало быстрое и жестокое ихъ паденіе. Парламентъ былъ распущенъ. Министры выгнаны. Ихъ мѣста замѣнились торіями. Общественное расположеніе въ пользу партіи высокоцерковниковъ быстро возрастало. Эта слабая въ послѣдней палатѣ общинъ партія сдѣлалась теперь неодолимой. Торіи пользовались могуществомъ, столь внезапно пріобрѣтеннымъ, со слѣпой и нелѣпой жестокостью. Вой, которой подняла цѣлая свора, требуя добычи и крови, испугала даже того, кто первый поднялъ ее и спустилъ съ цѣпи. Когда мы теперь спокойно разбираемъ поведеніе уволенныхъ министровъ, мы не можемъ не чувствовать негодованія при мысли о несправедливости, съ какою съ ними обошлись. Ни одно человѣческое общество не управляло съ большей энергіей, бóльшимъ умѣньемъ и большей умѣренностью; и успѣхъ былъ соразмѣренъ ихъ мудрости. Они спасли Голландію и Германію. Они унизили Францію. Они, повидимому, почти оторвали Испанію отъ дома Бурбоновъ. Они сдѣлали Англію первой державой въ мірѣ. Въ дѣлѣ внутренней политики они соединили Англію съ Шотландіей. Они уважали права совѣсти и свободу подданныхъ. Удаляясь, они оставили страну на вершинѣ благоденствія и славы. И, тѣмъ не менѣе, во время удаленія, ихъ преслѣдовалъ такой вопль хулы, какой не подымался ни противъ правительства, потерявшаго тринадцать колоній, ни противъ правительства, отправившаго доблестную армію гибнуть во рвахъ Вальхерена.

Изъ всѣхъ виговъ, никто не пострадалъ болѣе Аддисона въ этомъ крушеніи. Когда у него отняли должность секретаря, онъ только-что потерпѣлъ тяжелыя денежныя потери,—въ чемъ именно онѣ состояли, намъ не вполнѣ извѣстно. Онъ имѣлъ основаніе думать, что отнимутъ и небольшую ирландскую должность, данную ему патентомъ. Онъ только-что отказался отъ мѣста общинника въ Магдалининской коллегіи.

Есть причины думать, что онъ осмѣлился уже поднять взоры на одну знатную леди, которая, по выраженію тогдашнихъ модныхъ романовъ, «позволяла ему надѣяться»,—пока его политическіе друзья были въ силѣ и его собственное состояніе возрастало. Но м-ръ Аддисонъ, остроумный писатель, и м-ръ Аддисонъ, главный секретарь, были въ глазахъ дамы два совершенно различныя лица. Однако всѣ, соединенныя вмѣстѣ, бѣдствія не могли смутить ясную веселость духа, сознающаго свою невинность и свое внутреннее богатство. Онъ, съ улыбающейся покорностью судьбѣ, сказалъ своимъ друзьямъ, что они должны дивиться его философіи, что онъ потерялъ заразъ богатство, мѣсто, возлюбленную, долженъ снова взять мѣсто наставника,— а между тѣмъ расположеніе духа его такъ же хорошо, какъ прежде.

У него было одно утѣшеніе. Онъ не имѣлъ доли въ непопулярности, какую навлекли на себя его друзья. Таково было уваженіе, съ которымъ смотрѣли на него, что онъ былъ избравъ въ парламентъ почти безпрекословно, тогда какъ принимались самыя жестокія мѣры, чтобъ навязать торійскихъ членовъ вигскимъ корпораціямъ. Свифтъ, пріѣхавшій въ Лондонъ и уже рѣшившійся покинуть виговъ, написалъ къ Стеллѣ слѣдующія замѣчательныя слова: «Торіи имѣютъ между новыми членами большинство шести противъ одного. Выборы м-ра Аддисона прошли легко, безъ спора, и я полагаю, еслибъ онъ вздумалъ сдѣлаться королемъ, то врядъ ли получилъ бы отказъ.»

Доброжелательство, съ какимъ торіи относились къ Аддисону, дѣлаетъ ему тѣмъ болѣе чести, что онъ не покупалъ этого доброжелательства никакими уступками со своей стороны. Во время общихъ выборовъ, онъ издавалъ политическій журналъ, подъ названіемъ *«The Whig Examiner»*. Достаточно сказать, что Джонсонъ, не смотря на свои сильныя политическія предубѣжденія, провозгласилъ, что по уму этотъ журналъ выше всѣхъ произведеній Свифта въ пользу противной стороны. Когда журналъ этотъ перестал появляться, Свифтъ, въ письмѣ къ Стеллѣ, высказалъ свою радость по случаю смерти такого могучаго антагониста. «Онъ имѣлъ право радоваться, говоритъ Джонсонъ, смерти того, кого не могъ убить.» Джонсонъ прибавляетъ: «Ни въ какихъ другихъ обстоятельствахъ

геніяльность Аддисона не дѣйствовала энергичнѣе, и нигдѣ не выразилось яснѣе превосходство его дарованій.»

Расположеніемъ къ себѣ торіевъ Аддисонъ воспользовался, кажется, только для того, чтобъ спасти отъ общей гибели вигской партіи нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей. Онъ сознавалъ себя въ положеніи, обязывающемъ его рѣшительно стать на ту или другую сторону. Но положеніе Стиля и Амброза Филиппса было иное. Аддисонъ соглашался даже просить за Филиппса; имѣлъ ли онъ успѣхъ—не знаемъ. Стиль имѣлъ два мѣста. Онъ былъ редакторомъ газеты и членомъ штемпельной коммиссіи. Первое мѣсто у него отняли, но позволили сохранить другое, въ штемпельной коммиссіи, съ подразумѣваемымъ, хотя не высказаннымъ, условіемъ, что онъ не будетъ дѣйствовать противъ новаго правительства; и по убѣжденію Аддисона, онъ довольно твердо соблюдалъ это перемиріе, въ теченіе двухъ лѣтъ съ лишкомъ.

Итакъ, Исаакъ Биккерстафъ пересталъ говорить о политикѣ, и столбцы извѣстій, занимавшихъ третью часть его газеты, совершенно исчезли. Характеръ «*Болтуна*» совершенно измѣнился. Онъ сдѣлался просто рядомъ статей о книгахъ, нравственности и обычаяхъ. Поэтому, Стиль рѣшился прекратить его и начать новое изданіе, по измѣненному плану. Объявили, что новое изданіе будетъ выходить ежедневно. На это публика смотрѣла, какъ на смѣлое или, лучше сказать, опрометчивое предпріятіе; но исходъ его вполнѣ оправдалъ увѣренность, съ какою Стиль полагался на богатство Аддисонова генія. Втораго января 1711 г. вышелъ послѣдній номеръ «*Болтуна*». Въ началѣ слѣдующаго марта появилась первая изъ несравненнаго ряда статей, заключавшихъ наблюденія воображаемаго зрителя надъ жизнью и литературой.

Самъ «*Зритель*» былъ задуманъ и обрисованъ Аддисономъ, и почти несомнѣнно, что этотъ портретъ снятъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ самаго художника. «*Зритель*» — джентльменъ, который, проведя юность въ усердныхъ занятіяхъ въ университетѣ, путешествовалъ по классическимъ странамъ и обращалъ большое вниманіе на замѣчательные пункты древности. Вернувшись, онъ основался въ Лондонѣ, наблюдалъ жизнь этого громаднаго города, во всѣхъ ея проявленіяхъ, ежедневно выслушивалъ остроты Виллевой кофейни, курилъ съ философами Греческой кофейни, вмѣшивался въ общество священни-

ковъ въ Чайльдѣ и политиковъ въ Сентъ-Джемсѣ. Поутру, онъ часто прислушивается къ шуму голосовъ на биржѣ; вечеромъ его лицо постоянно виднѣется въ партерѣ Дрюриленскаго театра. Но непреодолимая застѣнчивость мѣшаетъ ему открыть ротъ, иначе, какъ въ небольшомъ кружкѣ близкихъ друзей.

Эти друзья были сначала очерчены Стилемъ. Четыре члена этого клуба, адвокатъ, священникъ, военный и купецъ были неинтересныя фигуры, годныя только для задняго плана. Но въ двухъ остальныхъ личностяхъ, старомъ деревенскомъ баронетѣ и старомъ городскомъ кутилѣ, не смотря на неочень деликатную обрисовку, замѣчалось нѣсколько хорошихъ штриховъ. Аддисонъ взялся за грубые эскизы, ретушировалъ ихъ, раскрасилъ и сдѣлался истиннымъ творцемъ сэра Роджера де Коверли и Вилля Гонникома, съ которыми всѣ мы хорошо знакомы.

Планъ *«Зрителя»* можно признать и оригинальнымъ, и удивительно счастливымъ. Каждый хорошій опытъ этого рада статей можно съ удовольствіемъ прочесть отдѣльно; между тѣмъ пятьсотъ или шестьсотъ статей составляютъ одно цѣлое, и это цѣлое имѣетъ весь интересъ романа. Надо вспомнить и то, что тогда еще не появлялось ни одного романа, представлявшаго оживленную и рѣзкую картину обыденной жизни и обычаевъ англичанъ. Ричардсонъ былъ наборщикомъ въ типографіи. Фильдингъ воровалъ птичьи гнѣзда. Смоллетъ еще не родился. Слѣдовательно, разсказъ, связующій статьи *«Зрителя»*, первый познакомилъ нашихъ предковъ съ глубокимъ и неиспытаннымъ дотолѣ удовольствіемъ. Въ этомъ безъискусственномъ разсказѣ не было никакой натяжки. Происшествія въ немъ самыя простыя, обыденныя. Сэръ Роджеръ пріѣзжаетъ въ городъ посмотрѣть на Юдженіо—такъ достойный баронетъ постоянно называетъ принца Евгенія; вмѣстѣ съ Зрителемъ отправляется онъ по рѣкѣ въ Спрингъ-Гарденъ; гуляетъ среди могилъ въ аббатствѣ, пугается разбойниковъ, но настолько побѣждаетъ свою робость, что рѣшается идти въ театръ, смотрѣть представленіе *«Бѣдствующей матери»*. Зритель лѣтомъ отправляется въ гости въ Коверли-Голль, очаровывается старымъ домомъ, старымъ дворецкимъ и старымъ капелланомъ, ѣстъ молодую щуку, пойманную Виллемъ Вимблемъ, ѣдетъ въ судъ присяжныхъ и слушаетъ разсужденіе о законѣ Тома Точи. Наконецъ, въ клубѣ полу-

чается письмо отъ честнаго дворецкаго съ извѣстіемъ о смерти сэра Роджера. Вилль Гоникомъ женится и исправляется въ шестьдесятъ лѣтъ. Клубъ распускается, и Зритель слагаетъ съ себя свои обязанности. Подобныя происшествія врядъ-ли могутъ составить завязку, но въ разсказѣ о нихъ столько истины, граціи, остроумія, юмору, паѳоса, знанія человѣческаго сердца в знанія свѣта, что мы плѣняемся ими, перечитывая въ сотый разъ. Мы нисколько не сомнѣваемся, что еслибъ Аддисонъ написалъ романъ по болѣе обширному плану, этотъ романъ сталъ бы выше всѣхъ, какими мы обладаемъ. Теперь же, Аддисонъ не только величайшій изъ англійскихъ эссеистовъ, но и предвѣстникъ великихъ англійскихъ новеллистовъ.

Мы говоримъ это объ одномъ Аддисонѣ, потому что *«Зритель»* есть Аддисонъ. Около трехъ-седьмыхъ журнала принадлежатъ ему; и безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что слабѣйшій изъ его опытовъ не хуже лучшихъ опытовъ его сотрудниковъ. Его лучшіе опыты близко подходятъ къ абсолютному совершенству, и мы не знаемъ, чему больше удивляться, ихъ превосходству или разнообразію. Его изобрѣтательность, кажется, никогда не слабѣетъ, и никогда ему не приходится повторяться, или истощаться. Въ его винѣ нѣтъ осадка. Онъ угощаетъ насъ подобно тому расточительному набобу, который утверждалъ, что въ бутылкѣ вина только одинъ добрый стаканъ. Едва мы вкусили первую искрометную пѣну шутки, ее удаляютъ и подносятъ къ нашимъ губамъ свѣжій нектаръ. Въ понедѣльникъ намъ предлагаютъ аллегорію, живую и остроумную, какъ аллегоріи Лукіана, во вторникъ — восточный апологъ, раскрашенный такъ же роскошно, какъ сказка Шехеразады, въ среду—характеръ, описанный съ искусствомъ Лабрюйера, въ четвергъ — сцену изъ обыденной жизни, равную лучшимъ главамъ *«Векфильдскаго священника»*; въ пятницу — какую-нибудь лукавую гораціевскую шутку по поводу фешьёнебльныхъ нелѣпостей, фижмъ, мушекъ и кукольныхъ комедій; въ субботу — религіозныя размышленія, выдерживающія сравненія съ прекраснѣйшими страницами Массильона.

Опасно выбирать тамъ, гдѣ столь многое заслуживаетъ величайшей похвалы. Впрочемъ, мы рѣшаемся высказать, что тому, кто желаетъ составить себѣ вѣрное понятіе объ обширности и разнообразіи дарованій Аддисона, слѣдуетъ прочесть за одинъ присѣстъ слѣдую-

щіе листки: два посѣщенія аббатства, посѣщеніе биржи, дневникъ удалившагося отъ дѣлъ гражданина, видѣніе мирзы, приключенія мартышки и смерть сэра Роджера де Коверли (а).

По мнѣнію нашего вѣка, критическія статьи Аддисона менѣе цѣнны, чѣмъ всѣ другія его статьи въ *«Зритель»*. Однако его критическія статьи всегда свѣтлы и часто остроумны. Если принять въ соображеніе характеръ школы, въ которой онъ былъ воспитанъ, то надо сказать, что и слабѣйшія изъ нихъ дѣлаютъ ему честь. А лучшія были слишкомъ хороши для его читателей. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не на столько отсталъ отъ нашего поколѣнія, на сколько опередилъ свое. Не было статей въ *«Зритель»*, вызвавшихъ столько насмѣшекъ и порицаній, какъ тѣ, въ которыхъ онъ протестовалъ противъ презрѣнія, съ какимъ относились къ нашимъ прекраснымъ стариннымъ пѣснямъ, и доказывалъ насмѣшникамъ, что то же самое золото, которое, подвергнутое полировкѣ и шлифовкѣ, придаетъ блескъ *«Энеидъ»* и одамъ Горація, примѣшано къ грубой окалинѣ Чеви-Чеза. (10)

Не мудрено, что успѣхъ *«Зрителя»* былъ таковъ, какого не имѣло ни одно подобное изданіе. Сначала расходилось ежедневно три тысячи экземпляровъ. Это число постепенно увеличивалось и доходило почти до четырехъ тысячъ, когда была установлена штемпельная пошлина. Эта пошлина убила множество журналовъ. Но *«Зритель»* держался крѣпко, удвоилъ цѣну, и не смотря на то, что распродажа уменьшилась, все-таки приносилъ большой доходъ, какъ государству, такъ и авторамъ. Требованіе нѣкоторыхъ нумеровъ было безмѣрно. Иныхъ, говорятъ, спрашивалось до двадцати тысячъ экземпляровъ. Но это было не все. Имѣть каждое утро № *«Зрителя»* вмѣстѣ съ чаемъ и булками было роскошью, которую не многіе могли себѣ позволить. Большинство ожидало, пока выйдетъ достаточное число опытовъ, чтобы составить томъ. Тогда немедленно раскупалось до десяти тысячъ экземпляровъ каждаго тома и требовались новыя изданія. Не должно забывать, что тогда населеніе Англіи не составляло, кажется, и третьей части теперешняго. А число англичанъ, имѣвшихъ

(а) №№ 26, 329, 69, 317, 159, 343, 517. Эти статьи заключаются всѣ въ первыхъ семи томахъ. Восьмой можно считать отдѣльной книгой.

(10) *Chevy Chase*—названіе одной изъ англійскихъ пѣсенъ XV столѣтія.

привычку читать, вѣроятно не составляло и шестой части настоящаго числа. Фермеръ или лавочникъ, находившіе какое-нибудь удовольствіе въ литературѣ, были рѣдкостью. Мало того: отыскался бы не одинъ представитель міра, въ замкѣ котораго не нашлось бы и десяти книгъ, включая сюда рецептурную книгу и книгу о коновальномъ искусствѣ. При такихъ обстоятельствахъ, продажу «*Зрителя*» надо считать доказательствомъ такой же популярности, какою пользовались въ наше время удачнѣйшія произведенія Вальтеръ Скотта и Диккенса.

Въ концѣ 1712 г. прекратился выходъ «*Зрителя.*» Вѣроятно, пробудилось сознаніе, что круглолицый джентльменъ съ своимъ клубомъ достаточно знакомы городу; что пора удалить ихъ и замѣнить новымъ родомъ личностей. Черезъ нѣсколько недѣль вышелъ первый нумеръ «*Опекуна.*» Но какъ рожденіе, такъ и смерть «*Опекуна*» были несчастны. Онъ началъ скукой и скончался въ бурѣ партій. Первоначальный планъ былъ плохъ. Аддисонъ началъ участвовать только послѣ появленія шестидесяти-шести нумеровъ, а тогда уже не было возможности сдѣлать изъ «*Опекуна*» то, чѣмъ былъ «*Зритель*». Несторъ Айронсайдзъ и м-съ Лизардзъ были личности, которымъ даже Аддисонъ не могъ придать интереса. Онъ могъ доставить только нѣсколько превосходныхъ опытовъ, какъ серьёзныхъ, такъ и комичныхъ—и это онъ исполнилъ.

Вопросъ, почему Аддисонъ не помогалъ «*Опекуну*» въ первые два мѣсяца существованія журнала, затруднялъ его біографовъ и издателей, но для насъ онъ разрѣшается очень легко. Онъ тогда занимался постановкою на сцену своего «*Катона.*»

Первые четыре акта этой драмы лежали въ его конторкѣ со времени возвращенія изъ Италіи. Его скромную и щекотливую натуру страшила возможность публичнаго и постыднаго фіаско, и хотя всѣ, видѣвшіе рукопись, громко восхваляли ее, нѣкоторые предполагали, что публикѣ можетъ наскучить даже очень хорошее краснорѣчіе и совѣтовали Аддисону напечатать пьесу, не рискуя на представленіе. Наконецъ, послѣ многихъ опасеній, поэтъ уступилъ настойчивости своихъ политическихъ друзей, надѣявшихся, что публика увидитъ нѣкоторую аналогію между послѣдователями Цезаря и торіями, между Семпроніемъ и вигами-отступниками, между Катономъ, до

конца отстаивающимъ вольности Рима, и кучкой патріотовъ, которая твердо стояла вокругъ Галифакса и Вартона.

Аддисонъ отдалъ пьесу директорамъ Дрюриленскаго театра, не выговоривши себѣ никакой личной выгоды. Поэтому, они сочли долгомъ не жалѣть издержекъ на постановку и костюмы. Правда, декораціи не понравились бы только опытному глазу м-ра Макреди. Одежда Юбы блистала золотомъ, фижмы Марціи не погнушалась бы надѣть любая герцогиня въ день своего рожденія, а на Катонѣ красовался парикъ, стоившій пятьдесятъ гиней. Попъ написалъ прологъ, полный несомнѣннаго достоинства и ума. Роль героя превосходно исполнилъ Бутъ. Стиль взялся наполнить театръ. Ложи сверкали звѣздами перовъ, стоявшихъ въ оппозиціи. Въ партерѣ толпились внимательные и дружелюбные слушатели изъ адвокатскихъ корпорацій и литературныхъ кофеенъ. Сэръ Джильбертъ Гиткотъ, директоръ Англійскаго банка, находился во главѣ сильнаго корпуса союзниковъ изъ Сити, горячихъ людей и искреннихъ виговъ, но лучше извѣстныхъ въ Джонатановой и Гарравейской кофейняхъ, чѣмъ въ кругу умниковъ и критиковъ.

Эти предосторожности были совершенно излишни. Торіи, какъ корпорація, не чувствовали нерасположенія къ Аддисону. И такъ какъ они высказывали глубокое уваженіе къ закону и преданію и ненависть къ народнымъ возмущеніямъ и регулярной арміи, то и не въ ихъ интересѣ было примѣнять къ себѣ упреки, дѣлаемые великому военному вождю и демагогу, который съ помощью легіоновъ и черни, опрокинулъ всѣ древнія учрежденія своего отечества. Вслѣдствіе этого всѣ аплодисменты членовъ китъ-катскаго клуба находили отголосокъ у высокоцерковниковъ—членовъ октябрскаго клуба; и наконецъ занавѣсъ упалъ среди грома единодушныхъ рукоплесканій.

«Опекунъ» описалъ восторгъ и удивленіе города въ такихъ выраженіяхъ, которыя мы могли бы счесть пристрастными, еслибъ то же самое не повторилось въ *«Испытатель»* органѣ министерства. Правда, торіи нашли въ поведеніи своихъ противниковъ много предметовъ для насмѣшки. Стиль, въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, выказалъ больше усердія, чѣмъ такта и смысла. Честные граждане, выступившіе подъ начальствомъ сэра Джиббн, какъ его называли въ шутку, вѣроятно знали больше толку въ продажѣ

и покупкѣ государственныхъ бумагъ, чѣмъ относительно того, въ какихъ мѣстахъ пьесы слѣдуетъ шикать и въ какихъ хлопать, и навлекли на себя насмѣшки, сдѣлавши лицемѣра Семпронія своимъ фаворитомъ и рукоплеская его неискреннимъ, высокопарнымъ фразамъ усерднѣе, чѣмъ спокойному краснорѣчію Катона. Также и Вартонъ, имѣвшій невѣроятное безстыдство аплодировать стихамъ, говорящимъ о бѣгствѣ отъ благоденствующаго порока и отъ власти нечестивыхъ людей и о предпочтеніи положенія частнаго человѣка, не избѣжалъ сарказмовъ людей, справедливо полагавшихъ, что самый нечестивый и порочный предметъ, отъ котораго онъ могъ бѣжать, былъ онъ самъ. Эпилогъ, написанный Гартомъ, ревностнымъ вигомъ, строго и не безъ основанія порицался, какъ неблагородный и неумѣстный. Но даже самые ярые торійскіе писатели называли Аддисона умнымъ и добродѣтельнымъ джентльменомъ, дружба котораго осчастливила многихъ людей обѣихъ партій и имя котораго не слѣдовало вмѣшивать въ раздоры этихъ партій.

Изъ всѣхъ шутокъ, смущавшихъ торжество вигской партіи—самой жестокой и удачной была шутка Болингброка. Онъ пригласилъ во время антракта въ свою ложу Бута, и передъ цѣлымъ театромъ подарилъ ему кошелекъ съ пятидесятью гинеями, за то, что онъ такъ хорошо защищалъ дѣло свободы противъ вѣчнаго диктатора. Это было язвительнымъ намекомъ на Марльборо, который незадолго до своего паденія, пытался получить патентъ, дѣлавшій его пожизненнымъ главнокомандующимъ.

Это происходило въ апрѣлѣ, а сто тридцать лѣтъ тому назадъ апрѣль считался очень поздней порой лондонскаго сезона. Однако, «*Катонъ*» давался еще въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, постоянно наполняя театръ и принося ему вдвое больше противъ обычнаго въ весенній сезонъ барыша. Лѣтомъ, друриленская труппа отправилась на актъ въ Оксфордъ, и тамъ трагедія Аддисона давалась нѣсколько разъ передъ толпою слушателей, сохранившихъ нѣжное воспоминаніе объ его дарованіяхъ и достоинствахъ. Студенты начинали осаждать театръ съ утра, и къ полудню всѣ мѣста были заняты.

Мы полагаемъ, что публика сдѣлала свое заключеніе о достоинствахъ пьесы, имѣвшей такой необыкновенный эффектъ. Было бы нелѣпо сравнить ее съ образцовыми произведеніями искусства аттиче-

ской сцены, съ великими англійскими драмами временъ Елисаветы и даже съ произведеніями Шиллера въ эпоху его возмужалости. Но ея діалоги и слогъ превосходны и даютъ ей право на высокое мѣсто между пьесами, написанными по французскимъ образцамъ. Нельзя ее конечно поставить на ряду съ *«Аталіей»* или *«Сауломъ»*, но, мы полагаемъ, она не ниже *«Цинны»*, и навѣрно выше всѣхъ другихъ англійскихъ трагедій той же школы, выше многихъ пьесъ Корнеля, Вольтера и Альфьери и выше нѣкоторыхъ пьесъ Расина. Какъ бы то ни было, мы почти не сомнѣваемся, что *«Катонъ»* подкрилъ славу Аддисона въ глазахъ его современниковъ не менѣе *«Болтуна»*, *«Зрителя»* и *«Фригольдера»*, соединенныхъ вмѣстѣ.

Скромность и добродушіе счастливаго драматурга смирили даже злобу факціи. Но какъ видно, литературная зависть—страсть болѣе непримиримая, чѣмъ духъ партій. Самое жестокое нападеніе на вигскую трагедію было сдѣлано со стороны ревностнаго вига. Джонъ Деннисъ напечаталъ *«Замѣтки о Катонѣ»*, написанныя довольно остро, но очень грубо и жестко. Аддисонъ не защищался и не мстилъ. Онъ могъ бы превосходно защищать нѣкоторые пункты, а отмстить было бы еще легче, потому что Деннисъ писалъ плохія комедіи, плохія трагедіи и плохія оды, кромѣ того, онъ былъ надѣленъ эксцентричностями и слабостями, возбуждавшими глубокій смѣхъ; а въ искусствѣ представлять въ смѣшномъ свѣтѣ нелѣпую книгу или нелѣпаго человѣка Аддисонъ не имѣлъ соперниковъ. Однако, спокойно сознавая свое превосходство, онъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на своего противника, нравъ котораго, отъ природы раздражительный и мрачный, сдѣлался еще болѣе желчнымъ, вслѣдствіе нужды, полемики и литературныхъ неудачъ.

Но, между молодыми кандидатами на благорасположеніе Аддисона, былъ одинъ отличавшійся отъ всѣхъ остальныхъ, сколько своими талантами, столько же, кажется, и злостью и неискренностью. Попу было только двадцать-пять лѣтъ. Но его дарованія достигли полной зрѣлости; и его лучшая поэма, *«Похищеніе локона»*, только-что вышла въ свѣтъ. Аддисонъ всегда громко восхищался его геніемъ. Но Аддисонъ рано замѣтилъ то, что могли бы замѣтить и менѣе проницательные глаза, а именно, что маленькій, уродливый, болѣзненный юноша горячо желалъ то-

мстить обществу за неблагосклонность природы. *«Зритель»* похвалилъ *«Опытъ о критикѣ»* съ сердечной теплотою, но кротко замѣтилъ, что автору такой превосходной поэмы слѣдовало бы избѣгать злостныхъ намековъ на личности. Попъ, не смотря на то, что былъ больше оскорбленъ выговоромъ, чѣмъ обрадованъ похвалой, поблагодарилъ за поученіе и обѣщалъ воспользоваться имъ. Оба писателя продолжали обмѣниваться любезностями, совѣтами и небольшими услугами. Аддисонъ публично превозносилъ мелкія пьесы Попа, а Попъ написалъ Аддисону прологъ. Это продолжалось не долго. Попъ ненавидѣлъ Денниса, котораго самъ же обидѣлъ без всякаго повода. Появленіе *«Замѣтокъ о Катонѣ»* доставило желчному поэту случай выместить свою злобу подъ предлогомъ дружбы, и подобный случай не могъ не быть пріятнымъ для натуры, безпощадной въ своей непріязни и всегда предпочитавшей извилистый путь прямому. Поэтому, онъ напечаталъ *«Разсказъ о бѣшенствѣ Джона Денниса»*. Но Попъ не расчелъ своихъ силъ. Онъ былъ большимъ мастеромъ на брань и сарказмъ, умѣлъ разобрать характеръ въ изящныхъ и звучныхъ куплетахъ, блестящихъ антитезами, но драматическаго таланта былъ совершенно лишенъ. Напиши онъ на Денниса пасквиль, подобный пасквилю на Аттика или Спора, старый ворчунъ былъ бы разбитъ въ прахъ. Но Попъ, писавшій діалогъ, походилъ, по выраженію и Горація и его самого—на волка, который, вмѣсто того, чтобы кусаться, вздумалъ бы лягаться, или обезьяну, пробующую жалить. Разсказъ совершенно пустъ. Аргументовъ нѣтъ и тѣни; а каламбуры такого роду, что даже въ фарсѣ они вызвали бы свистки райка. Деннисъ бѣснуется по поводу драмы (drama), а сидѣлка полагаетъ, что онъ требуетъ чарочки (dram). «Въ трагедіи,—кричитъ онъ,—нѣтъ ни перипетій, ни перемѣнъ судьбы, да и вовсе нѣтъ никакихъ перемѣнъ» (change). «Пожалуйста, добрый сэръ,—говоритъ старуха,—не сердитесь, я принесу сдачу (change).» Это не совсѣмъ похоже на шутки Аддисона.

Нѣтъ сомнѣнія, что Аддисонъ видѣлъ насквозь это оффиціяльное усердіе и былъ глубоко огорченъ имъ. Такой безумный и злой памфлетъ не могъ сдѣлать ему добра, а еслибъ стали предполагать его участіе въ немъ, то положительно сдѣлалъ бы вредъ. Одаренный несравненнымъ искусствомъ представлять все въ смѣшномъ свѣтѣ, онъ никогда, даже и защищая себя, не забывалъ вѣжливости и гуман-

ности, и не имѣлъ желанія позволять другимъ, подъ прикрытіемъ его славы и интересовъ, наносить оскорбленія, отъ которыхъ самъ постоянно удерживался. Поэтому, онъ объявилъ, что не принималъ участія въ этомъ дѣлѣ, что не одобряетъ его, и еслибъ сталъ отвѣчать на замѣтки, то отвѣчалъ бы какъ джентльменъ,—и все это онъ постарался сообщить Деннису. Попъ былъ глубоко оскорбленъ, и этому столкновенію мы готовы приписать ненависть, которую Попъ питалъ съ тѣхъ поръ къ Аддисону.

Въ сентябрѣ 1713 года *«Опекунъ»* перестаeлъ выходить. Стиль помѣшался на политикѣ. На послѣднихъ всеобщихъ выборахъ онъ былъ выбранъ членомъ за Стокбриджъ, и расчитывалъ играть первую роль въ парламентѣ. Громадный успѣхъ *«Болтуна»* и *«Зрителя»* вскружилъ ему голову. Онъ былъ издателемъ обѣихъ газетъ, и не подозрѣвалъ, что онѣ вполнѣ обязаны своимъ вліяніемъ и популярностью таланту его пріятеля. Тщеславіе, честолюбіе и духъ фанцій довели его запальчивость до такой степени, что онъ ежедневно чѣмъ-нибудь оскорблялъ здравый смыслъ и тактъ человѣка. Всѣ благоразумные и умѣренные члены его партіи сожалѣли и порицали его безуміе. «Бѣдный Дикъ,—писалъ Аддисонъ,—причиняетъ мнѣ тысячу безпокойствъ, и я бы желалъ, чтобъ его усердіе къ обществу не повредило ему самому. Но онъ послалъ мнѣ сказать, что рѣшился продолжать, и что всѣ мои совѣты относительно этого не будутъ имѣть вѣса».

Стиль основалъ политическую газету подъ названіемъ *«Англичанинъ»*, которая, не будучи поддерживаема статьями Аддисона, совершенно не имѣла успѣха. Этимъ журналомъ, нѣсколькими другими сочиненіями того же рода и своими выходками въ первое засѣданіе новаго парламента онъ дотого вооружилъ противъ себя торіевъ, что они рѣшились исключить его. Виги храбро отстаивали, но не могли удержать его. Всѣ безпристрастные люди считали резолюцію объ исключеніи дѣломъ тиранніи, злоупотребленіемъ силы большинства. Но запальчивость и сумасбродства Стиля, вовсе не оправдывая рѣшенія, принятаго его врагами, совершенно оттолкнули его друзей, и онъ не могъ вернуть себѣ мѣста, пріобрѣтеннаго имъ сначала въ общественномъ уваженіи.

Около этого времени, Аддисонъ задумалъ прибавить восьмой томъ

къ «*Зрителю*». Въ іюнѣ 1714 г. появился первый № новаго журнала и въ теченіе шести мѣсяцевъ выходили еженедѣльно по три номера. Нѣтъ ничего разительнѣе контраста, между «*Англичаниномъ*» и восьмымъ томомъ «*Зрителя*», между Стилемъ безъ Аддисона и Аддисономъ безъ Стиля. «*Англичанинъ*» забытъ; восьмой томъ «*Зрителя*» содержитъ, можетъ быть, лучшіе опыты, написанные по-англійски, какъ въ серьёзномъ, такъ и въ игривомъ тонѣ.

Не успѣлъ кончиться этотъ томъ, какъ смерть Анны произвела полную перемѣну въ управленіи общественными дѣлами. Ударъ палъ неожиданно. Онъ нашелъ партію торіевъ разстроенною внутренними раздорами и неприготовленной ни къ какимъ великимъ усиліямъ. Гарли только что попалъ въ немилость. Полагали, что первымъ министромъ будетъ Болингброкъ. Но до передачи бѣлаго жезла королева слегла, и ея послѣднимъ общественнымъ дѣломъ на смертномъ одрѣ было слабой рукой вручить жезлъ герцогу Шрусбери. Этотъ непредвидѣнный случай произвелъ коалицію между всѣми партіями общественныхъ дѣятелей, приверженныхъ къ протестантской династіи. Георгъ I былъ провозглашенъ безъ всякой оппозиціи. Совѣтъ, въ которомъ присутствовали передовые виги, принялъ управленіе дѣлами до прибытія новаго короля. Первымъ актомъ правителей было назначить Аддисона своимъ секретаремъ.

Носился пустой слухъ, что ему поручили приготовить письмо королю, что слогъ этого сочиненія не удавался ему, и что правители призвали клерка, который немедленно написалъ требуемое. Нѣтъ ничего страннаго, что этотъ анекдотъ, столь лестный для посредственности, пріобрѣлъ популярность; и намъ жаль лишить невѣждъ этого утѣшенія. Но истина прежде всего. Сэръ Джемсъ Макинтошъ, который лучше всѣхъ зналъ эти времена, справедливо замѣтилъ, что Аддисонъ никогда, ни въ одномъ оффиціяльномъ документѣ не высказывалъ поползновенія на остроуміе и краснорѣчіе, и что всѣ его депеши, безъ исключенія, замѣчательны безпритязательной простотой. Всякій, знающій, какъ легко давались Аддисону его лучшіе опыты, не станетъ сомнѣваться, что еслибъ нужны были хорошо округленныя фразы, онъ съумѣлъ бы найти ихъ. Впрочемъ, мы склонны повѣрить, что анекдотъ этотъ не лишенъ основанія. Легко можетъ статься, что Аддисонъ не зналъ, пока не посовѣтовался съ опыт-

вымп клерками, помнившими время пребыванія Вильгельма III на континентѣ, въ какой формѣ должно быть написано письмо отъ правящаго совѣта къ королю. Мы считаемъ весьма возможнымъ, что способнѣйшіе политики нашего времени, какъ напримѣръ, лордъ Джонъ Россель, лордъ Пальмерстонъ, сэръ Робертъ Пиль окажутся въ подобныхъ обстоятельствахъ, столь же несвѣдующими. Во всякой должности есть свои маленькія тайны, которыя самый тупой изъ людей можетъ понять, приложивши немного вниманія, а величайшій изъ людей не можетъ знать по вдохновенію. Одну бумагу долженъ подписать начальникъ департамента, другую его помощникъ. Для третьей необходима собственноручная подпись короля. Одно сообщеніе нужно внести въ реэстръ, другое нѣтъ. Одинъ приговоръ пишется черными, другой красными чернилами. Способнѣйшій секретарь ирландскихъ дѣлъ, переведенный въ департаментъ ост-индскихъ дѣлъ, и способнѣйшій президентъ ост-индскаго департамента, переведенный въ военный департаментъ, могутъ встрѣтить надобность въ объясненіи подобныхъ пунктовъ; и мы не сомнѣваемся, что то же случилось и съ Аддисономъ, когда онъ сдѣлался, въ первый разъ, секретаремъ лордовъ-правителей.

Георгъ I вступилъ въ управленіе королевствомъ, не возбудивъ ни чьей оппозиціи. Составилось новое министерство, и созванъ былъ новый парламентъ, благопріятный вигамъ. Сондерландъ былъ назначенъ лордомъ-намѣстникомъ Ирландіи, и Аддисонъ опять отправился въ Дублинъ, въ качествѣ главнаго секретаря.

Въ Дублинѣ жилъ Свифтъ. Много было толковъ по поводу отношеній между деканомъ и секретаремъ. Отношенія этихъ замѣчательныхъ людей составляютъ интересный и пріятный эпизодъ литературной исторіи. Сначала они пристали къ одной и той же политической партіи и имѣли однихъ и тѣхъ же покровителей. Пока вигское министерство Анны было въ силѣ, поѣздки Свифта въ Лондонъ и оффиціальное пребываніе Аддисона въ Ирландіи дали имъ возможность знать другъ друга. Оба были самыми острыми наблюдателями этого вѣка. Наблюденія другъ надъ другомъ повели ихъ къ благопріятнымъ заключеніямъ. Свифтъ отдавалъ полную справедливость рѣдкому дару слова, таившемуся подъ застѣнчивымъ видомъ Аддисона. Съ своей стороны послѣдній

высмотрѣлъ много добродушія подъ строгимъ взглядомъ и манерой Свифта, и дѣйствительно, Свифтъ 1708 г. и Свифтъ 1738 г. были два совершенно различные лица.

Но дороги обоихъ пріятелей широко разошлись. Государственные люди виговской партіи благодѣтельствовали Аддисону солиднымъ образомъ. Свифта они хвалили, звали его на обѣдъ и больше ничего для него не дѣлали. Его профессія ставила ихъ въ затрудненіе. Они не могли дать ему свѣтскаго мѣста, а давши духовныя высшія мѣста автору «*The Tale of the Tub*», они могли произвести соблазнъ въ публикѣ, не имѣвшей высокаго мнѣнія объ ихъ правовѣріи. Свифтъ не умѣлъ и не хотѣлъ понять затрудненій, мѣшавшихъ Сомерзу и Галифаксу служить ему, счелъ себя обиженнымъ, пожертвовалъ честью и послѣдовательностью ради мщенія, перешелъ къ торіямъ и сдѣлался самымъ грознымъ поборникомъ этой партіи. Впрочемъ, онъ скоро увидѣлъ, что старые друзья не такъ виноваты, какъ онъ полагалъ. Непріязнь, питаемая къ нему королевой и главами церкви, была неодолима; и только съ величайшими затрудненіями получилъ онъ второстепенный духовный санъ, съ условіемъ поселиться въ ненавистной ему странѣ.

Разность въ политическихъ мнѣніяхъ произвела не ссору, но холодность между Аддисономъ и Свифтомъ. Наконецъ, они совершенно перестали видаться другъ съ другомъ. Однако между ними былъ безмолвный договоръ, подобный тому, какой существовалъ между наслѣдственными гостями Иліады.

«Съ копьями нашими будемъ съ тобой и въ толпахъ расходиться.
Множество здѣсь для меня и Троянъ и союзниковъ славныхъ;
Буду разить, кого Богъ приведетъ и кого я постигну.
Множество здѣсь для тебя Аргивянъ, поражай кого можешь».
(Пѣснь VI, ст. 226—229).

Нѣтъ ничего страннаго, что Аддисонъ, не клеветавшій и не оскорбившій ни кого, не клеветалъ и не оскорблялъ Свифта. Но замѣчательно, что Свифтъ, для котораго ни геній, ни добродѣтель не были священны, а который, кажется, находилъ, подобно бо́льшей части ренегатовъ, особенное удовольствіе въ нападеніи на прежнихъ друзей, показывалъ такъ много уваженія и привязанности къ Аддисону.

Теперь счастіе перемѣнилось. Восшествіе на престолъ Ганновер-

скаго дома обезпечило въ Англіи вольности народа а въ Ирландіи господство протестантской касты. Для этой касты Свифтъ былъ ненавистнѣе всякаго другаго человѣка. Проходя по дублинскимъ улицамъ, онъ былъ провожаемъ ругательствами, даже швырками, и безъ вооруженныхъ служителей не смѣлъ дѣлать прогулки верхомъ по морскому берегу. Многіе изъ тѣхъ, кому онъ прежде былъ полезенъ, теперь поносили и оскорбляли его. Въ это время пріѣхалъ Аддисонъ. Ему совѣтовали остерегаться отъ малѣйшихъ знаковъ вниманія къ декану Св. Патрика. Онъ удивительно умно отвѣчалъ, что, можетъ быть, для людей, которыхъ ревность къ своей партіи подозрительна, необходимо избѣгать сношеній съ политическими противниками; но что тотъ, кто былъ стойкимъ вигомъ въ худшія времена, можетъ, когда правое дѣло восторжествовало, пожать руку старому пріятелю, принадлежавшему къ побѣжденнымъ торіямъ. Его ласка успокоительно подѣйствовала на гордый и жестоко оскорбленный духъ Свифта; и два великіе сатирика опять подружились.

Тѣ изъ приверженцевъ Аддисона, которые раздѣляли его политическія мнѣнія, раздѣлили и его благосостояніе. Тиккелля онъ увезъ съ собой въ Ирландію. Боджеллю доставилъ выгодное мѣсто въ томъ же королевствѣ. Амброза Филиппса помѣстилъ въ Англіи. Экцентричность и сумасбродства Стиля такъ повредили ему, что онъ получилъ только самую незначительную часть изъ того, на что считалъ себя вправѣ. Впрочемъ онъ былъ сдѣланъ найтомъ, имѣлъ мѣсто въ придворномъ штатѣ и впослѣдствіи получилъ другіе знаки благорасположенія двора.

Аддисонъ не долго оставался въ Ирландіи. Въ 1715 г. онъ перемѣнилъ мѣсто секретаря на мѣсто въ торговомъ департаментѣ. Въ томъ же году его комедія *«Барабанщикъ»* была поставлена на сцену. Имя автора не было извѣстно, пьеса была принята холодно; и нѣкоторые критики выражали сомнѣнія, дѣйствительно-ли она принадлежала Аддисону. Для насъ и внутреннія и внѣшнія доказательства дѣлаютъ этотъ вопросъ рѣшеннымъ. Пьеса не изъ лучшихъ произведеній Аддисона; но она содержитъ многочисленные пассажи, которыхъ не могъ бы написать никто другой изъ извѣстныхъ намъ писателей. Она давалась вторично послѣ смерти Аддисона, и зная ея автора, публика громко апплодировала ей.

Къ концу 1715 г., когда возмущеніе еще свирѣпствовало въ Шотландіи, Аддисонъ издалъ первый нумеръ газеты, по имени *«Фригольдеръ»*. Между его политическими сочиненіями *«Фригольдеръ»* имѣетъ право на первое мѣсто. Даже въ *«Зритель»* немного найдется серьёзныхъ статей лучше характеристики его пріятеля лорда Сомерза, и конечно ни одной сатирической статьи выше той, въ которой выведенъ тори, охотникъ за лисицами. Этотъ характеръ—прототипъ сквайра Вестерна и обрисованъ со всей силой Фильдинга и съ деликатностью, совершенно чуждой Фильдингу. Какъ ни одно сочиненіе Аддисона не выказываетъ рѣзче его геніяльности, такъ ни одно не дѣлаетъ болѣе чести его нравственному характеру. Трудно пріискать выраженія вполнѣ достойныя мягкости и гуманности политическаго писателя, который даже въ возбужденное время гражданской войны никогда не доходитъ до неприличнаго раздраженія. Оксфордъ, какъ извѣстно, былъ тогда опорой торизма. На High Street неоднократно появлялись штыки для усмиренія недовольныхъ студентовъ; и измѣнники, преслѣдуемые посланцами правительства, скрывались на чердакахъ многихъ коллегій. Однако даже въ подобныхъ обстоятельствахъ, увѣщаніе, сказанное Аддисономъ университету, было удивительно мягко, почтительно и даже нѣжно. Въ самомъ дѣлѣ, сердце его не допускало обращаться жестко даже съ вымышленными лицами. Его охотникъ лисицъ, несмотря на невѣжество, глупость и захальчивость, въ душѣ добрый малый, и подъ конецъ милосердіе короля обращаетъ его на путь истины. Стиль былъ недоволенъ умѣренностью своего пріятеля, и сознаваясь, что *«Фригольдеръ»* превосходенъ, жаловался въ то же время, что министерство играло на лютнѣ, когда нужно трубить въ трубу. Поэтому, онъ рѣшился сыграть фанфару на свой ладъ, и попытался поднять духъ націи посредствомъ газеты подъ названіемъ *«Городская молва»*, которая теперь настолько же забыта, какъ и его *«Англичанинъ»*, его *«Кризисъ»*, его *«Письмо къ Бэйлифу Стокбриджа»*, его *«Читатель»*—словомъ все, написанное имъ безъ помощи Аддисона.

Въ томъ же самомъ году, въ которомъ игрался *«Барабанщикъ»* и появились первые нумера *«Фригольдера»*, между Попомъ и Аддисономъ поселилось полное отчужденіе. Аддисонъ съ самаго начала

видѣлъ, что Попъ фальшивый и злой человѣкъ. Попъ замѣтилъ, что Аддисонъ завистливъ. Это открытіе произошло страннымъ образомъ. Попъ написалъ «*Похищеніе локона*» въ двухъ пѣсняхъ, не примѣшивая сверхъестественныхъ дѣятелей. Этимъ двумъ пѣснямъ громко рукоплескали, и Аддисонъ громче всѣхъ. Тогда Попъ задумалъ Сильфовъ и Гномовъ, Аріеля, Моментиллу, Крисписсу и Умбріеля, и рѣшился переплести миѳологію Розенкрейцеровъ съ прежней завязкой. Онъ обратился къ Аддисону за совѣтомъ. Послѣдній сказалъ, что поэма въ ея настоящемъ видѣ восхитительная вещица, и умолялъ Попа не рѣшаться поправлять того, что превосходно. Попъ потомъ объявлялъ, что этотъ коварный совѣтъ впервые открылъ его глаза на низость того, кто далъ его.

Несомнѣнно, что планъ Попа былъ въ высшей степени остроуменъ и впослѣдствіи онъ весьма искусно и успѣшно выполнилъ его. Но развѣ изъ этого необходимо вытекаетъ, что совѣтъ Аддисона былъ дуренъ? И если совѣтъ Аддисона былъ дуренъ, то дѣйствительно ли изъ этого слѣдуетъ, что онъ былъ данъ изъ дурныхъ видовъ. Если нашъ пріятель спроситъ насъ, посовѣтуемъ ли мы ему рисковать всѣмъ состояніемъ въ лоттереѣ, въ которой за него одинъ шансъ изъ десяти, мы всѣми силами постараемся отклонить его отъ такого рискованнаго намѣренія. Будь онъ даже такъ счастливъ, что выигралъ тридцать тысячъ ф., и тутъ мы не согласимся, что совѣтъ нашъ былъ дуренъ, и конечно сочтемъ верхомъ несправедливости съ его стороны обвинять насъ въ томъ, что недоброжелательство внушило совѣтъ нашъ. Мы находимъ совѣтъ Аддисона хорошимъ совѣтомъ. Онъ имѣлъ своимъ основаніемъ здравый принципъ, результатъ обширной и долгой опытности. Общее правило, что удачное произведеніе воображенія, имѣвшее успѣхъ, не слѣдуетъ передѣлывать, несомнѣнно. Въ настоящій моментъ мы не можемъ припомнить ни одного примѣра, исключая «*Похищенія локона*», въ которомъ нарушеніе этого правила сопровождалось бы счастливымъ результатомъ. Тассо передѣлалъ свой «*Іерусалимъ*», Акенсайдъ—свои «*Удовольствія воображенія*» и «*Посланіе къ Куріону*». Самъ Попъ, ободренный, безъ сомнѣнія, успѣхомъ, съ какимъ ему удалось расширить и передѣлать свою поэму, сдѣлалъ такой же опытъ надъ «*Дунсіадой*». Всѣ эти попытки были неудачны. Кто же могъ предвидѣть, что

Попъ, разъ въ жизни, будетъ въ состояніи сдѣлать то, чего не могъ самъ сдѣлать вторично и чего никто другой не дѣлалъ?

Совѣтъ Аддисона былъ хорошъ. Но, будь онъ дуренъ, отчего мы могли бы назвать его безчестнымъ? Скоттъ повѣствуетъ, что одинъ изъ его лучшихъ пріятелей предсказалъ паденіе «*Веверли*». Гердеръ заклиналъ Гёте не брать такого неблагодарнаго сюжета, какъ «*Фаустъ*». Юмъ пытался отклонить Робертсона отъ намѣренія писать «*Исторію Карла V*». Самъ Попъ находился въ числѣ тѣхъ, которые предсказывали, что «*Катонъ*» не будетъ имѣть успѣха на сценѣ, и совѣтовали Аддисону напечатать его, не рискуя на представленіе. Но Скоттъ, Гёте, Робертсонъ и Аддисонъ настолько обладали здравымъ смысломъ и великодушіемъ, что вѣрили добрымъ намѣреніямъ своихъ совѣтниковъ. Сердце Попа было не таково.

Въ 1715 г., занятый переводомъ «*Иліады*», онъ встрѣтилъ Аддисона въ кофейнѣ. Филиписъ и Боджелль были тамъ, но ихъ властелинъ отдѣлался отъ нихъ и пригласилъ Попа отобѣдать съ нимъ вдвоемъ. Послѣ обѣда, Аддисонъ объявилъ, что онъ находится въ затрудненіи, которое желаетъ объяснить. «Тиккель,—сказалъ онъ,—нѣсколько времени тому назадъ перевелъ первую книгу «*Иліады*». Я обѣщалъ просмотрѣть и исправить ее. Поэтому не могу просить позволенія видѣть вашъ переводъ, это было бы нечестно.» Попъ далъ учтивый отвѣтъ и попросилъ позволенія показать свой переводъ второй книги. Аддисонъ охотно согласился и возвратилъ ее съ горячими похвалами.

Переводъ Тиккелля появился вскорѣ послѣ этого разговора. Въ предисловіи Тиккелль отклонялъ всякое притязаніе на соперничество. Онъ объявилъ, что не будетъ продолжать перевода «*Иліады*», что предоставляетъ это предпріятіе дарованіямъ, которыя признавалъ выше своихъ. Единственная цѣль, заставившая его напечатать этотъ образчикъ, говорилъ онъ, это—предупредить публику въ пользу перевода «*Одиссеи*», который идетъ довольно успѣшно.

Аддисонъ и преданные послѣдователи Аддисона назвали оба перевода хорошими, но утверждали, что переводъ Тиккелля вѣрнѣе. Городъ далъ рѣшительное предпочтеніе переводу Попа. Мы не думаемъ, чтобъ стоило труда рѣшать этотъ вопросъ литературнаго первенства. Ни про котораго изъ соперниковъ нельзя сказать, чтобы

онъ перевелъ *«Иліаду»*, если не примѣнить слова «переводъ» въ томъ смыслѣ, какое оно имѣетъ въ *«Сонъ въ лѣтнюю ночь.»* Когда Боттомъ появляется съ головой осла, вмѣсто своей собственной, Питеръ Квинсъ восклицаетъ: «Помилуй Боттомъ, что съ тобою? ты переведенъ.» Безъ сомнѣнія и читатели, какъ Попа, такъ и Тиккелля, могутъ воскликнуть въ томъ же смыслѣ: «Помилуй Гомеръ, ты въ самомъ дѣлѣ переведенъ.»

Наши читатели, надѣемся, согласятся съ нами въ томъ, что ни одинъ человѣкъ, въ положеніи Аддисона, не могъ бы поступить честнѣе и добрѣе какъ относительно Попа, такъ и Тиккеля. Но въ умѣ Попа возникло гнусное подозрѣніе. Онъ вообразилъ и вскорѣ твердо убѣдился, что противъ его славы и удачи составленъ глубокій заговоръ; что хотѣли унизить цѣну произведенія, на которомъ онъ полагалъ свою репутацію; что хотѣли уничтожить подписку, на которой основывалась его надежда на довольство. Съ этою цѣлью, Аддисонъ сдѣлалъ другой переводъ. Тиккелль согласился усыновить его, а остроумцы Боттоновой кофейни взялись расхвалить его.

Есть ли какія-нибудь внѣшнія доказательства для поддержки этого важнаго обвиненія? Отвѣтъ коротокъ:—рѣшительно никакихъ.

Есть ли какія-нибудь внутреннія свидѣтельства, доказывающія, что Аддисонъ авторъ этого перевода? Было ли это сочиненіемъ, котораго Тиккелль не въ состояніи былъ написать? Разумѣется нѣтъ. Тиккелль былъ общникъ Оксфордской коллегіи, и вѣроятно могъ перевести *«Иліаду»*; а какъ версификаторъ, онъ былъ выше своего пріятеля. Мы не слыхали, чтобы Попъ претендовалъ на открытіе особенныхъ выраженій, свойственныхъ Аддисону. Даже и въ случаѣ ихъ открытія, они легко объясняются предположеніемъ, что Аддисонъ поправлялъ строфы своего пріятеля, въ чемъ онъ самъ признавался.

Есть ли что-нибудь въ характерѣ обвиняемыхъ лицъ, дѣлающее это обвиненіе вѣроятнымъ? Мы съ увѣренностію отвѣчаемъ: ничего. Самъ Попъ долго спустя послѣ этой исторіи описывалъ Тиккеля, какъ очень честнаго и достойнаго человѣка. Аддисонъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ, постоянно находился на глазахъ публики. Литературные соперники, политическіе противники слѣдили за нимъ. Но, ни литературная зависть, ни факція, въ моментѣ даже крайняго раз-

дражeнія, ни разу не обвиняли его въ уклоненіи отъ законовъ чести и общественной нравственности. Будь онъ, въ самомъ дѣлѣ, человѣкомъ, завистливымъ и способнымъ опуститься до подлыхъ и злобныхъ хитростей, съ цѣлью вредить своимъ соперникамъ,— развѣ эти пороки могли бы такъ долго скрываться? Онъ писалъ трагедіи: оскорблялъ ли онъ когда-нибудь Роу? Онъ сочинялъ комедіи: не отдавалъ ли онъ полной справедливости Конгриву, и не оказывалъ ли помощи Стилю? Онъ былъ памфлетистъ: развѣ его добродушіе и великодушіе не были признаны Свифтомъ, его соперникомъ въ славѣ и противникомъ въ политикѣ?

Чтобы Тиккелль былъ способенъ на подлость, кажется намъ въ высшей степени невѣроятнымъ. Чтобы Аддисонъ былъ способенъ на подлость, кажется намъ въ высшей степени невѣроятнымъ. Но чтобы эти двѣ личности соединились на подлость, кажется намъ въ десять разъ болѣе невѣроятнымъ. Все, что намъ извѣстно объ ихъ сношеніяхъ, убѣждаетъ насъ, что это не были сношенія двухъ сообщниковъ въ преступленіи. Вотъ нѣсколько строчекъ изъ стихотворенія, въ которомъ Тиккель излилъ свою печаль надъ гробомъ Аддисона.

«Or dost thou warn poor mortals left behind,
A task well suited to thy gentle mind?
Oh, if sometimes thy spotless form descend,
To me thine aid, thou guardian genius, lend.
When rage misguides me, or when fear alarms,
When pain distresses, or when pleasure charms,
In silent whisperings purer thoughts impart,
And turn from ill a frail and feeble heart;
Lead through the paths thy virtue trod before,
Till bliss shall join, nor death can part us more.» (11)

(11) «Или ты предостерегаешь бѣдныхъ, оставленныхъ за тобою смертныхъ?—дѣло приличное твоей кроткой душѣ. О! если иногда твоя непорочная тѣнь спустится на землю, дай мнѣ твою помощь, мой ангелъ хранитель. Когда ярость направляетъ меня на ложный путь, или тревожитъ страхъ, если сокрушаетъ страданье или удовольствіе плѣняетъ, тихимъ шепотомъ внуши болѣе чистыя мысли и отврати отъ зла бренное и слабое сердце; веди по тропѣ, по которой прежде ступала твоя добродѣтель, пока мы соединимся для блаженства тамъ, гдѣ смерть уже не разлучитъ насъ.»

Желали бы мы знать, въ какихъ словахъ этотъ ангелъ-хранитель приглашалъ своего питомца принять участіе въ планѣ, какой издатель *«Сатирика»* врядъ ли рѣшился бы предложить издателю *«Вѣка?»*

Мы не обвиняемъ Попа въ томъ, что онъ взводилъ на Аддисона обвиненіе, ложность котораго самъ зналъ. Мы нисколько не сомнѣваемся, что онъ считалъ его истиннымъ и доказательства этого онъ находилъ въ своемъ собственномъ дурномъ сердцѣ. Его жизнь была длиннымъ рядомъ обмановъ, столь низкихъ и злобныхъ, какъ тѣ, въ которыхъ онъ подозрѣвалъ Аддисона и Тиккелля: Онъ былъ весь книжаломъ и маской. Всю жизнь онъ имѣлъ обыкновеніе обижать и оскорблять людей и отдѣлываться отъ послѣдствій обиды и оскорбленія ложью и двусмысленностью. Онъ напечаталъ пасквиль на герцога Чандоса, и когда его уличили, онъ отпирался и лгалъ. Онъ написалъ пасквиль на Аарона Гилля, и когда его уличили, онъ отпирался и лгалъ. Онъ напечаталъ еще болѣе гнусный пасквиль на леди Мери Вортли Монтегью, и когда его уличили, онъ лгалъ съ бо́льшимъ противъ обыкновеннаго безстыдствомъ и запальчивостью. Онъ расхваливалъ себя и бранилъ своихъ враговъ подъ чужими именами. Онъ воровалъ у себя свои собственныя письма и потомъ подымалъ крикъ, что его обокрали. Кромѣ обмановъ, совершенныхъ имъ изъ злобы, страха, корысти или тщеславія, были еще обманы, сдѣланные, кажется, единственно изъ любви къ искусству. Онъ привыкъ къ хитростямъ, и обманывать всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, доставляло ему удовольствіе. Каковы бы ни были его цѣли, онъ всегда предпочиталъ окольные пути прямымъ. Несомнѣнно, что Попъ чувствовалъ настолько любви и уваженія къ Болингброку, насколько это было въ его натурѣ. Однако, едва Попъ успѣлъ умереть, какъ открылось, что онъ единственно изъ любви къ плутовству, оказался виновнымъ въ грубомъ обманѣ относительно Болингброка.

Нѣтъ ничего натуральнѣе того, что подобный человѣкъ приписываетъ другимъ то же, что чувствуетъ самъ. Ему предлагаютъ прямое, правдоподобное, толковое объясненіе. Онъ увѣренъ, что это все выдумки. Относительно его поступаютъ не только въ высшей степени добросовѣстно, но даже дружески. Онъ убѣжденъ, что эти поступки просто прикрываютъ низкую интригу, цѣль которой обезчестить и раззорить его. Напрасно стали бы требовать у него доказательствъ.

Онъ не имѣетъ и не нуждается ни въ какихъ, кромѣ тѣхъ, которыя находитъ въ своемъ собственномъ сердцѣ.

Мы не знаемъ достовѣрно, дѣйствительно ли нападки Попа заставили Аддисона въ первый и послѣдній разъ прибѣгнуть къ мщенію. Мы знаемъ эту исторію только отъ Попа, который раасказываетъ ее такимъ образомъ. Появился памфлетъ, содержавшій въ себѣ порицанія, живо затронувшія Попа. Какого рода были эти порицанія и имѣлъ ли онъ право жаловаться на нихъ,—мы не имѣемъ возможности рѣшить теперь. Графъ Воррикъ, испорченный и сумасбродный юноша, питавшій къ Аддисону то чувство, какое обыкновенно подобные юноши питаютъ къ своимъ лучшимъ друзьямъ, сказалъ Попу—справедливо ли или нѣтъ—что этотъ памфлетъ былъ написанъ по указанію Аддисона. Когда мы подумаемъ, какъ преувеличиваются всякія исторіи, переходя даже отъ одного честнаго человѣка къ другому, и вспомнимъ при этомъ, что ни Попъ, ни графъ Воррикъ не имѣютъ права на названіе честныхъ людей, то мы не очень расположены придавать большое значеніе этому анекдоту.

Достовѣрно одно, что Попъ пришелъ въ ярость. Онъ уже сдѣлалъ очеркъ характера Аттика въ прозѣ. Полный гнѣва, онъ обратилъ эту прозу въ блестящіе и энергичные стихи, которые каждый знаетъ наизустъ, или долженъ бы знать наизустъ, и послалъ ихъ къ Аддисону. Одно обвиненіе, очень искусно выдвинутое Попомъ, было вѣроятно, не безъ основанія. Мы готовы вѣрить, что Аддисонъ черезчуръ любилъ предсѣдательствовать въ кружкѣ смиренныхъ друзей. Что касается до другихъ обвиненій, заключавшихся въ этихъ знаменитыхъ стихахъ, то врядъ ли доказана справедливость хотя одного изъ нихъ, а нѣкоторыя несомнѣнно-ложны. Что́ Аддисонъ не имѣлъ обыкновенія «губить слабой похвалой», это видно изъ безчисленныхъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ, а особенно изъ тѣхъ, гдѣ онъ говоритъ о Попѣ. И не только несправедливо, но просто смѣшно характеризовать человѣка, устроившаго благосостояніе почти каждаго изъ его близкихъ друзей, «столь обязательнымъ, что онъ никогда не обязывалъ.»

Мы не можемъ сомнѣваться, что Аддисона глубоко уколола сатира Попа. Въ высшей степени вѣроятно и то, что онъ сознавалъ въ себѣ одну изъ слабостей, въ которыхъ его упрекали. Но мы твердо

вѣримъ, что въ своемъ сердцѣ онъ нашелъ оправданіе важнѣйшей части обвиненія. Онъ остался вѣренъ себѣ. Оружіемъ сатирика онъ умѣлъ владѣть еще лучше, чѣмъ Попъ, и за темой тоже не стало бы дѣло. Уродливое и болѣзненное тѣло, одушевляемое еще болѣе уродливымъ и болѣзненнымъ духомъ; злость и зависть, слегка прикрытыя благородными доброжелательными чувствами, подобными тѣмъ, которыми сэръ Питеръ Тзэль восхищался въ м-рѣ Джозефѣ Сорфесѣ; слабое, болѣзненное распутство, гнусная любовь къ грязнымъ и мерзостнымъ образамъ—вотъ свойства, какими геній, менѣе могучій, чѣмъ тотъ, которому мы обязаны *«Зрителемъ»*, могъ бы легко возбудить смѣхъ и ненависть человѣчества. Сверхъ того, Аддисонъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи другія средства мщенія, которыми дурной человѣкъ не посовѣстился бы воспользоваться. Онъ былъ человѣкомъ власти. Попъ былъ католикъ; а въ эти времена, министру было легко досадить самому невинному католику безчисленными мелкими обидами. Попъ, почти двадцатью годами позже, говорилъ, что «только снисходительность правительства позволяла ему жить въ покоѣ». «Примите въ разсчетъ, восклицаетъ онъ, непріятности, которыя человѣкъ съ вѣсомъ и высокимъ положеніемъ можетъ причинить частному лицу, въ силу уголовныхъ законовъ и другихъ невыгодъ». Пріятно подумать, что единственное мщеніе Аддисона состояло въ томъ, что онъ написалъ въ *«Фригольдерѣ»* горячую похвалу *«Иліадѣ»* и убѣждалъ всѣхъ друзей просвѣщенія вписать свое имя въ листъ подписчиковъ. Судя по изданнымъ уже образцамъ, нельзя сомнѣваться, говорилъ онъ, что художественная рука Попа сдѣлаетъ для Гомера то же, что Драйденъ сдѣлалъ для Виргилія. Съ этого времени и до конца жизни онъ дѣйствовалъ относительно Попа, по собственному признанію послѣдняго, съ полной справедливостью. Дружба, разумѣется, пришла къ концу.

Одною изъ причинъ, побудившихъ графа Ворвика разъиграть въ этой исторіи безчестную роль сплетника, могло быть неудовольствіе, возбужденное предстоявшимъ бракомъ между его матерью и Аддисономъ. Вдовствующая графиня, происходившая изъ почтеннаго и стариннаго рода Миддльтоновъ изъ Чэрка, рода, который, во всякой другой странѣ, кромѣ Англіи, былъ бы названъ аристократичнымъ, жила въ

Голландъ-Гаусѣ. Аддисонъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, занималъ въ Чельси маленькій домъ, бывшій прежде жилищемъ Нелли Гвиннъ. Теперь Чельси составляетъ часть Лондона, и Голландъ-Гаусъ можетъ назваться городскимъ домомъ. Но во дни Анны и Георга I молочницы и охотники бродили между зелеными изгородями и по полямъ, покрытымъ маргаритками, которыя тянулись отъ Кенсингтона почти до береговъ Темзы. Аддисонъ и леди Воррикъ были дачными сосѣдями и сдѣлались искренними друзьями. Великій писатель и ученый пытался отвлечь юнаго лорда отъ фешенебльныхъ забавъ, состоявшихъ въ томъ, чтобы колотить городскихъ сторожей, бить окна, скатывать женщинъ въ бочкахъ съ Гольборнъ-Гилля; онъ пытался пріохотить его къ серьёзнымъ занятіямъ и добродѣтельной жизни. Впрочемъ, эти благонамѣренныя усилія принесли мало пользы и ученику, и учителю. Лордъ Воррикъ сдѣлался кутилой, а Аддисонъ влюбился. Поэты славили зрѣлую красоту графини такимъ языкомъ, который заставляетъ насъ думать, что она была прекрасная женщина, даже принимая въ разсчетъ, что въ языкѣ этомъ много лести; а ея знатность, безъ сомнѣнія, усиливала ея прелесть. Сватовство продолжалось долго. Видно по всему, что надежды влюбленнаго поднимались и упадали согласно съ тѣмъ, какъ шли дѣла его партіи. Наконецъ, его привязанность сдѣлалась дотого извѣстной, что, когда онъ въ послѣдній разъ отправился въ Ирландію, Роу написалъ нѣсколько утѣшительныхъ стиховъ Хлоѣ въ Голландъ-Гаусѣ. Намъ кажется немного страннымъ, что въ этихъ стихахъ Аддисонъ названъ Лицидомъ, имя, не предвѣщавшее ничего хорошаго юношѣ, готовящемуся переплыть каналъ св. Георгія.

Наконецъ Хлоя сдалась. Дѣйствительно, Аддисонъ могъ говорить съ ней, какъ съ равной. Онъ имѣлъ основаніе разсчитывать на должность еще выше той, которой уже достигъ. Онъ получилъ наслѣдство отъ брата, умершаго мадрасскимъ губернаторомъ. Онъ купилъ помѣстье въ Воррикшрѣ, при въѣздѣ въ которое его привѣтствовалъ очень сносными стихами одинъ изъ сосѣднихъ сквайровъ, поэтическій охотникъ за лисицами, Вилліамъ Сомервиль. Въ Августѣ 1716 г. газеты объявляли, что Джозефъ Аддисонъ, эсквайръ, знаменитый авторъ многихъ превосходныхъ сочиненій, въ стихахъ и прозѣ, женился на вдовствующей графини Воррикъ.

Теперь онъ поселился въ Голландъ-Гаусѣ, который можетъ похвалиться бо́льшимъ числомъ обитателей, отличавшихся въ политической и литературной исторіи, нежели всѣ другіе частные дома въ Англіи. Его портретъ и теперь еще виситъ тамъ. Черты пріятны, цвѣтъ лица замѣчательно хорошъ; но въ выраженіи мы видимъ скорѣе кротость характера, чѣмъ силу и проницательность ума.

Вскорѣ послѣ брака онъ достигъ крайней степени гражданскаго величія. Въ теченіе нѣкотораго времени, внутренніе раздоры колебали вигское правительство, лордъ Таунзгендъ стоялъ въ главѣ одной партіи, лордъ Сондерландъ во главѣ другой. Наконецъ, весной 1717 г. Сондерландъ восторжествовалъ. Таунзгендъ, сопровождаемый Вальполемъ и Коуперомъ, удалился отъ дѣлъ. Сондерландъ принялся пересоздавать министерство и Аддисонъ получилъ мѣсто статсъ-секретаря. Достовѣрно извѣстно, что его убѣждали взять печать, отъ которой онъ отказался. Не трудно было найти людей, въ равной степени свѣдущихъ въ оффиціальномъ дѣлопроизводствѣ; и его сотоварищи знали, что не могутъ разсчитывать на его помощь въ дебатахъ. Возвышеніемъ своей популярности онъ былъ обязанъ своей безукоризненной честности и литературной славѣ.

Но едва Аддисонъ вступилъ въ кабинетъ, какъ его здоровье стало ослабѣвать. Отъ перваго серьёзнаго приступа болѣзни онъ оправился осенью, и Винсентъ Борнъ, бывшій тогда въ Троицкой коллегіи Кембриджскаго университета, воспѣлъ его выздоровленіе въ латинскихъ стихахъ, достойныхъ самого Аддисона. Вскорѣ болѣзнь вернулась, и слѣдующей весной, сильная одышка помѣшала Аддисону отправлять свои обязанности по службѣ. Онъ отказался отъ своего мѣста, которое перешло къ его пріятелю Краггзу, молодому человѣку, который своими природными блистательными, хотя мало развитыми воспитаніемъ, дарованіями, пріятной наружностью и привлекательными манерами расположилъ къ себѣ общество, и еслибъ остался живъ, былъ бы вѣроятно самымъ грознымъ противникомъ Вальполя.

Джозефа Юма еще не было. Поэтому, министры имѣли возможность назначить Аддисону пенсіонъ въ тысячу-пятьсотъ ф. с. въ годъ. Біографы не говорятъ, въ какой формѣ давался этотъ пенсіонъ, а освѣдомляться объ этомъ нѣтъ времени. Но достовѣрно то, что Аддисонъ не покидалъ своего мѣста въ палатѣ общинъ.

Спокойствіе духа и тѣла повидимому возстановило его здоровье и онъ радостно благодарилъ Бога, освободившаго его разомъ и отъ должности и отъ одышки. Казалось, передъ нимъ было много лѣтъ, и онъ задумалъ много сочиненій: трагедію на смерть Сократа, переводъ Псалмовъ и трактатъ объ очевидности Христіанства. Отъ послѣдняго сочиненія остался намъ отрывокъ, безъ котораго мы могли бы легко обойтись.

Но роковой недугъ скоро вернулся и восторжествовалъ надъ всѣми медицинскими средствами. Грустно думать, что послѣдніе мѣсяцы такой жизни были омрачены, какъ семейными такъ и политическими неудовольствіями. Если вѣрить слуху, который скоро распространился, былъ вездѣ принятъ и опровергнуть котораго намъ нечѣмъ, — жена Аддисона была надменной и властолюбивой женщиной. Говорили, что пока его здоровье было хорошо, онъ съ радостью бѣжалъ отъ вдовствующей графини и ея великолѣпной столовой, сверкавшей позолоченными девизами дома Ричей—въ какую-нибудь таверну, гдѣ онъ могъ за бутылкой бордоскаго посмѣяться и потолковать о Виргиліѣ и Буало, съ друзьями счастливѣйшаго времени. Впрочемъ, и изъ этихъ друзей не всѣ оставались у него. Различныя причины постепенно отдалили сэра Ричарда Стиля. Онъ считалъ себя за человѣка, претерпѣвшаго мученичество за политическіе принципы, и требовалъ, когда партія виговъ восторжествовала, вознагражденія за то, чтб перенесъ, когда она находилась въ борьбѣ. Вожди виговъ посмотрѣли на его требованія съ другой точки зрѣнія. Они полагали, что онъ своей дерзостью и блажью повредилъ какъ имъ, такъ и себѣ, и хотя не пренебрегали имъ совершенно, но раздавали ему милости довольно скупо. Естественно, что онъ сердился на нихъ, и особенно на Аддисона. Но, кажется, больше всего раздражало сэра Ричарда возвышеніе Тиккелля, котораго на 30-мъ году Аддисонъ сдѣлалъ товарищемъ статсъ-секретаря, между тѣмъ какъ онъ, издатель *«Болтуна»* и *«Зрителя»*, авторъ *«Кризиса»*, членъ за Стокбриджъ, подвергавшійся гоненію за твердую приверженность къ Ганноверскому дому, принужденъ былъ, почти въ пятьдесятъ лѣтъ, послѣ долгихъ просьбъ и жалобъ довольствоваться долей въ привилегіи Дрюриленскаго театра. Стиль самъ говоритъ въ знаменитомъ письмѣ къ Конгриву, что Аддисонъ,

своимъ предпочтеніемъ къ Тиккелю «возбудилъ глубокую непріязнь джентльменовъ», и по всему видно, что Стиль былъ однимъ изъ этихъ негодующихъ джентльменовъ.

Пока бѣдный сэръ Ричардъ сѣтовалъ на то, что онъ называлъ недоброжелательствомъ Аддисона, возникла новая причина ссоры между ними. Новый расколъ раздиралъ партію виговъ, уже раздвоенную между собою. Внесли знаменитый билль, ограничивавшій число перовъ. Гордый герцогъ Сомерсетъ, первый въ ряду между тѣми аристократами, религія которыхъ позволяла имъ засѣдать въ парламентѣ, былъ номинальнымъ авторомъ этой мѣры. Но поддерживалъ, и по правдѣ сказать, задумалъ ее первый министръ.

Мы убѣждены, что билль этотъ былъ въ высшей степени вреденъ, и боимся, что причины, побудившія Сондерланда составить его, не дѣлали ему чести. Но нельзя отрицать, что онъ поддерживался многими изъ лучшихъ и благоразумнѣйшихъ людей того времени. И тутъ нѣтъ ничего страннаго. На памяти поколѣнія, бывшаго тогда въ полной порѣ возмужалости, королевская прерогатива такъ грубо злоупотреблялась, что на нее все-еще смотрѣли съ опасеніемъ, можетъ быть и неумѣреннымъ, принимая въ разсчетъ то особенное положеніе, въ какомъ стоялъ тогда Брауншвейгскій домъ. По мнѣнію виговъ, послѣднее министерство королевы Анны грубо злоупотребляло особенной прерогативой созданія перовъ; и даже торіи согласились, что ея величество, наводняя, какъ это потомъ называли, верхнюю палату, могла оправдываться только крайностью. По мнѣнію многихъ высокихъ авторитетовъ, теорія англійской конституціи состояла въ томъ, что три независимыя власти, государь, аристократія и общины должны постоянно сдерживать другъ друга. Если эта теорія основательна, то изъ нея, кажется, слѣдуетъ, что ставить одну изъ этихъ властей подъ полнѣйшій контроль двухъ другихъ — будетъ нелѣпостью. Но если бы число перовъ было неограниченно, то нельзя отрицать, что верхняя палата была бы подъ контролемъ короны и палаты общинъ и только ихъ умѣренности была бы обязана той властью, какую удалось бы ей сохранить.

Стиль сталъ на сторону оппозиціи, Аддисонъ—на сторону министерства. Стиль, въ газетѣ, называемой *«Плебей»*, запальчиво нападалъ на билль. Сондерландъ призвалъ на помощь Аддисона, и по-

слѣдній поспѣшилъ на призывъ. Онъ отвѣчалъ въ газетѣ *«Старый Вигъ»*, и дѣйствительно опровергнулъ доводы Стиля. Намъ кажется, что первыя посылки обоихъ противниковъ были ложны, что, опираясь на эти посылки, Аддисонъ разсуждалъ послѣдовательно, а Стиль плохо, отчего и произошло, что первый пришелъ къ ложному заключенію, а второй—наткнулся на истину. Въ отношеніи слога, ума и гуманности Аддисонъ сохранилъ свое превосходство, хотя труды его въ *«Старомъ Вигѣ»* вовсе не принадлежатъ къ числу его удачнѣйшихъ сочиненій.

Сначала оба анонимные оппонента соблюдали законы приличія. Но наконецъ Стиль такъ забылся, что дошелъ до низкаго обвиненія главныхъ членовъ администраціи въ безправственности. Отвѣтъ Аддисона былъ строгъ, но по нашему мнѣнію не настолько, насколько заслуживалъ того такой важный проступокъ противъ нравственности и приличія, и, несмотря на свой справедливый гнѣвъ, онъ ни на минуту не забылъ законовъ хорошаго вкуса и благовоспитанности. Мы считаемъ своимъ долгомъ изложить одну клевету, которая часто повторялась и до сихъ поръ еще не встрѣчала противорѣчія. Въ *«Biographia Britannica»* показано, что Аддисонъ называлъ Стиля «маленькій Дикки». Это повторялъ Джонсонъ, которому оно простительно, потому что онъ никогда не видалъ *«Стараго Вига»*, повторяетъ и м-съ Эйкинъ, которой это менѣе простительно, потому что она видѣла *«Стараго Вига»*. Правда, что слова «маленькій Дикки» попадаются въ *«Старомъ Вигѣ»* и что Стиля звали «Ричардомъ». Также справедливо и то, что слова «маленькій Исаакъ» попадаются въ *«Дуэньѣ»* и что Ньютона звали Исаакъ. Но мы съ полной увѣренностью утверждаемъ, что между «маленькимъ Дикки» Аддисона и Стилемъ такъ же мало общаго, какъ между «маленькимъ Исаакомъ» Шеридана и Ньютономъ. Примѣняя выраженіе «маленькій Дикки» къ Стилю, мы отнимаемъ у очень оживленной и умной страницы не только всякое остроуміе, но и всякій смыслъ. «Маленькій Дикки» было прозвище Генри Норриса, актера замѣчательно маленькаго роста, но съ большимъ юморомъ, игравшаго ростовщика Гомеца, весьма популярную роль въ Драйденовомъ *«Испанскомъ монахѣ»*. [a]

[a] Мы выпишемъ весь параграфъ. Мы не въ состояніи объяснить себѣ, какимъ образомъ онъ могъ быть ложно понятъ.

Заслуженный упрекъ, полученный Стилемъ, хотя и былъ смягченъ нѣсколькими ласковыми и вѣжливыми выраженіями, чрезвычайно раздражилъ его. Его возраженіе было очень ѣдко, хотя не сильно; отвѣта не послѣдовало. Аддисонъ быстро спѣшилъ къ могилѣ, и надо предполагать, не былъ расположенъ ссориться съ старымъ пріятелемъ. Его болѣзнь кончилась водяной. Онъ страдалъ долго и мужественно. Но наконецъ, покинулъ всякую надежду, распростился съ своими докторами и спокойно приготовился къ смерти.

Свои сочиненія онъ поручилъ заботамъ Тикелля, и за очень немного дней до своей смерти посвятилъ ихъ Краггзу въ письмѣ, написанномъ съ мягкимъ и граціознымъ краснорѣчіемъ субботняго *«Зрителя»*. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи онъ говорилъ о своей приближающейся смерти въ такихъ мужественныхъ, веселыхъ и нѣжныхъ выраженіяхъ, что трудно читать ихъ безъ слезъ. Въ то же время онъ усердно поручалъ Тикелля вниманію Краггза.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ окончанія имъ этого посвященія, Аддисонъ послалъ просить Гея, существовавшаго тогда своими остротами на счетъ города, придти въ Голландъ-Гаусъ. Гей пришелъ и встрѣтилъ очень ласковый пріемъ. Къ его удивленію, умирающій умолялъ его о прощеніи. Бѣдный Гей, самое добродушное и простодушное существо, не могъ себѣ представить, что́-такое онъ долженъ прощать. Видно было, что воспоминаніе о какой-то несправедливости, которую онъ очень желалъ загладить, тяготило умъ Аддисона. Онъ находился въ состояніи крайняго изнеможе-

---

«Но главная забота нашего автора—бѣдная палата общинъ, которую онъ представляетъ обнаженною и беззащитною, когда корона, теряя эту прерогативу, будетъ имѣть менѣе возможности охранять ее противъ самовластія палаты лордовъ. Кто́ можетъ удержаться отъ смѣха, когда испанскій монахъ разсказываетъ намъ, какъ маленькій Дикки, въ роли Гомеца, нападаетъ на полковника, который однимъ нахмуриваньемъ бровей могъ напугать его до́-смерти? Этотъ Гомецъ, говоритъ онъ, налетѣлъ на него, какъ драконъ, поразилъ его, такъ какъ дьяволъ былъ сидѣнъ въ немъ, и сыпалъ на него удары за ударами, и палкой, и кулакомъ, а бѣдный полковникъ, будучи простертъ на землѣ, переноситъ все это съ самымъ христіанскимъ терпѣніемъ. Неправдоподобность факта всегда возбуждаетъ смѣхъ въ слушателяхъ; и, принимая въ разсчетъ прежнее поведеніе британской палаты общинъ, я рѣшаюсь ручаться за то, что она не будетъ ни такою смирною, ни такою слабою, какъ предполагаетъ нашъ авторъ».

нія; и безъ сомнѣнія, разлука была дружескою съ обѣихъ сторонъ. Гей предполагалъ, что при дворѣ былъ составленъ планъ дать ему какое-нибудь выгодное мѣсто и что планъ этотъ былъ уничтоженъ вліяніемъ Аддисона. Это весьма вѣроятно. Гей былъ очень преданъ королевской фамиліи. Но въ царствованіе королевы онъ превозносилъ Болингброка и находился въ связи съ многими торіями. Нѣтъ ничего страннаго, что Аддисонъ, въ жару борьбы, считалъ себя вправѣ помѣшать возвышенію человѣка, котораго принималъ за своего политическаго врага. Нѣтъ ничего страннаго и въ томъ, что разсматривая всю свою жизнь и тщательно взвѣшивая всѣ побужденія своихъ дѣйствій, онъ подумалъ, что сыгралъ недобрую и невеликодушную роль, воспользовавшись своимъ могуществомъ противъ несчастнаго литератора, безвреднаго и безпомощнаго, подобно ребенку.

Изъ этого анекдота можно вывести одно заключеніе. Видно, что Аддисонъ, на смертномъ одрѣ, призвалъ себя къ строгому отчету и не былъ покоенъ, пока не попросилъ прощенія за обиду, въ которой его даже не подозрѣвали, за обиду, которая могла тревожить только очень щекотливую совѣсть. Не слѣдуетъ ли изъ этого прямо, что будь онъ виновенъ въ составленіи низкаго умысла противъ репутаціи и благополучія какого-нибудь соперника, онъ выразилъ бы раскаяніе въ такомъ важномъ проступкѣ? Но безполезно увеличивать число аргументовъ и доказательствъ для защиты, когда нѣтъ ни аргументовъ, ни доказательствъ для обвиненія.

Послѣднія минуты Аддисона были совершенно ясны. Подробности его свиданія съ пасынкомъ всѣмъ извѣстны. «Посмотрите, сказалъ онъ, какъ можетъ умирать христіанинъ». Въ самомъ дѣлѣ набожность Аддисона отличалась удивительно радостнымъ характеромъ. Преобладающее чувство во всѣхъ его религіозныхъ сочиненіяхъ благодарность. Богъ былъ для него всемудрымъ и всемогущимъ другомъ, который бодрствовалъ надъ его колыбелью больше чѣмъ съ материнской нѣжностью; который внималъ его крикамъ прежде, чѣмъ изъ нихъ образовались молитвы; который охранялъ его юность отъ сѣтей порока; который переполнилъ его чашу земныхъ радостей; который удвоилъ цѣну этихъ радостей, давши благодарное сердце, чтобы наслаждаться ими, и дорогихъ друзей, чтобы раздѣлять ихъ;

который усмирилъ волны Лигурійскаго залива, очистилъ осенній воздухъ Кампаньи и остановилъ лавины Монъ-Сени. Изъ псалмовъ онъ болѣе всего любилъ тотъ псаломъ, который изображаетъ властителя вселенной подъ кроткимъ образомъ пастыря, котораго посохъ безопасно ведетъ стадо, чрезъ унылые и мрачные пустыри, къ лугамъ, богатымъ водой и травой. На эту-то благость, которой приписывалъ все счастіе своей жизни, онъ уповалъ и въ часъ смерти съ любовью, изгоняющей страхъ. Онъ умеръ 17-го іюня 1719 г. Ему только что наступилъ сорокъ-восьмой годъ.

Его тѣло было торжественно выставлено въ Іерусалимскомъ Покоѣ, и оттуда, при наступленіи ночи, перенесено въ аббатство. Хоръ пѣлъ похоронный гимнъ. Епископъ Аттербери, одинъ изъ тѣхъ торіевъ, которые любили и почитали самаго даровитаго изъ виговъ, встрѣтилъ тѣло, и при свѣтѣ факеловъ прошелъ съ процессіей вокругъ раки св. Эдуарда и могилы Плантагенетовъ, къ часовнѣ Генриха VII. На сѣверной сторонѣ этой часовни, въ склепѣ фамиліи Альбемарлей, гробъ Аддисона лежитъ подлѣ гроба Монтегью. Еще немного мѣсяцевъ, и тѣ же самые люди прошли по тому же самому мѣсту. Опять пѣли тотъ же самый печальный антифонъ. Тотъ же самый склепъ былъ отворенъ, и гробъ Краггза былъ поставленъ рядомъ съ гробомъ Аддисона.

Многіе заплатили дань памяти Аддисона, но только одна осталась незабытой. Тиккелль оплакалъ своего друга въ элегіи, которая принесла бы честь величайшему имени въ нашей литературѣ и въ которой съ энергіей и величіемъ Драйдена соединяется чистота Коупера. Эта прекрасная поэма была предпослана великолѣпному изданію сочиненій Аддисона, напечатанному по подпискѣ въ 1721 году. Имена подписчиковъ показываютъ, какъ далеко разошлась его слава. Не удивительно, что его соотечественники хлопотали о пріобрѣтеніи его произведеній даже въ дорогой формѣ. Но удивительно то, что несмотря на малое знаніе тогдашней англійской литературы на континентѣ, между подписчиками стояли испанскіе гранды, итальянскіе прелаты, маршалы Франціи. Между наиболѣе замѣчательными именами стояли имена королевы Шведской, принца Евгенія, великаго герцога Тосканскаго, герцоговъ Пармскаго, Моденскаго и Гвастальскаго, Дожа Генуэзкаго, Регента

Орлеанскаго и кардинала Дюбуа. Мы должны прибавить, что хотя это изданіе въ высшей степени роскошно, но въ нѣкоторыхъ очень важныхъ отношеніяхъ не полно, и, въ сущности, мы до сихъ поръ еще не имѣемъ полнаго собранія сочиненій Аддисона.

Странно, что ни его богатая и благородная вдова, ни могущественные и преданные друзья не подумали наложить даже простой дощечки съ его именемъ на стѣны аббатства. Общественное уваженіе исправило это упущеніе не ранѣе, какъ только чрезъ три поколѣнія людей, смѣявшихся и плакавшихъ надъ его сочиненіями. Наконецъ, въ наше время его портретъ, мастерски вырѣзанный, появился «въ углу поэтовъ». Онъ представляетъ его такимъ, какимъ мы воображаемъ его себѣ, въ шлафрокѣ и безъ парика, идущимъ изъ гостиной въ Челси въ свой уютный садикъ, держа въ рукѣ разсказъ объ *«Вѣчномъ клубѣ»* или *«Любви Гильпы и Шалума»*, только-что конченный для слѣдующаго нумера *«Зрителя»*. Подобнаго памятника уваженія вполнѣ заслуживаетъ безукоризненный государственный человѣкъ, даровитый ученый, владѣвшій истинно англійскимъ краснорѣчіемъ, искуснѣйшій художникъ въ рисовкѣ жизни и обычаевъ. Этого особенно заслуживалъ великій сатирикъ, одинъ умѣвшій все представлять въ смѣшномъ свѣтѣ, не употребляя во зло этой способности,—сатирикъ, который, не нанося ни одной раны, сдѣлалъ великую общественную реформу и примирилъ умъ и добродѣтель послѣ долгаго и бѣдственнаго раздѣленія, въ продоженіе котораго развратъ сбивалъ съ прямаго пути умъ, а фанатизмъ—добродѣтель.

ГРАФЪ ЧАТАМЪ.

(Октябрь, 1844).

«Correspondence of William Pitt, Earl of Chatham». 4 vols. London, 1840. — *«Letters of Horace Walpole, Earl of Orford to Horace Mann»*. 4 vols. London, 1843—44.

«Переписка Виллиама Питта, графа Чатама». 4 тома. Лондонъ, 1840.—*«Письма Горація Вальполя, графа Орфорда, къ Горацію Манну»*. 4 тома. Лондонъ, 1843—1844.

Болѣе чѣмъ десять лѣтъ назадъ, ([1]) мы начали очеркъ политической жизни великаго лорда Чатама. Мы тогда остановились на смерти Георга II, съ намѣреніемъ вскорѣ возвратиться къ прерванному труду. Обстоятельства, излагать которыя было бы скучно, не позволили намъ исполнить это намѣреніе. Впрочемъ мы нисколько не сожалѣемъ объ отсрочкѣ, ибо матеріялы, которыми мы могли располагать въ 1834 году, были скудны и неудовлетворительны въ сравненіи съ тѣмъ, что теперь находится у насъ въ рукахъ. Даже теперь, хотя мы имѣли доступъ ко многимъ весьма важнымъ источникамъ свѣдѣній, которые еще не были открыты для публики, нельзя не сознаться, что исторія первыхъ десяти лѣтъ царствованія Георга III извѣстна намъ далеко не вполнѣ; тѣмъ неменѣе мы убѣждены, что можемъ представить нашимъ читателямъ разсказъ, не лишенный интереса и поучительно-

([1]) См. 2-й томъ этого изданія, стр. 258.

сти. Вотъ почему мы съ удовольствіемъ возвращаемся къ работѣ, давно прерванной.

Мы оставили Питта въ зенитѣ его славы и благосостоянія, идоломъ Англіи, страшилищемъ Франціи, предметомъ удивленія всего образованнаго міра. Со всѣхъ сторонъ приносились въ Англію извѣстія объ одержанныхъ побѣдахъ, взятыхъ приступомъ крѣпостяхъ, провинціяхъ, присоединенныхъ къ англійскимъ владѣніямъ. Въ самой Англіи партіи погрузились въ летаргическій сонъ, которому ничего подобнаго не бывало съ тѣхъ поръ, какъ великій религіозный расколъ XVI в. пробудилъ духъ націи.

Чтобы событія, о которыхъ намъ предстоитъ разсказывать, были ясно поняты, нужно указать на причины, временно сдержавшія оживленіе обѣихъ великихъ англійскихъ партій.

Если, откинувъ все чисто случайное, взглянуть на существенныя черты виговъ и торіевъ, то можно считать каждую изъ этихъ партій представительницею великаго начала, необходимаго для благосостоянія народовъ. Одна изъ нихъ главнымъ образомъ—охранительница свободы, другая—порядка; одна изъ нихъ—сила движенія, другая—сила охраненія въ государствѣ; одна—парусъ, безъ котораго общество не могло бы двигаться впередъ, другая—балластъ, безъ котораго въ бурю слишкомъ мало безопасности. Но въ первыя сорокъ-шесть лѣтъ, слѣдовавшія за вступленіемъ на престолъ Ганноверскаго дома, эти отличительныя особенности, казалось, сгладились. Вигъ понялъ, что онъ не могъ лучше служить дѣлу гражданской и религіозной свободы, какъ энергически поддерживая протестантскую династію; тори понялъ, что не могъ лучше выразить свою ненависть къ революціи, какъ нападая на правительство, которое создано революціей. Обѣ партіи мало-по-малу стали приписывать болѣе важности средствамъ, чѣмъ цѣли; обѣ были поставлены въ неестественное положеніе, и обѣ, подобно животнымъ, переселеннымъ въ несвойственный имъ климатъ, слабѣли и вырождались. Тори, удаленный отъ придворнаго солнца, былъ въ положеніи верблюда, переселеннаго въ снѣга Лапландіи; а вигъ, согрѣваемый лучами королевской милости, похожъ былъ на оленя въ пескахъ Аравіи.

Дантъ разсказываетъ намъ, что видѣлъ въ Малебольгѣ страшную

борьбу между человѣческою тѣнью и змѣемъ. Враги, нанесши другъ другу жестокія раны, останавливались на время и пристально смотрѣли другъ на друга. Большое облако тумана окружало ихъ, и тогда начиналось изумительное превращеніе. Каждое существо обращалось въ нѣчто похожее на своего врага: хвостъ змѣя раздѣлялся на двѣ части и обращался въ двѣ ноги; ноги человѣка сходились и образовывали хвостъ; изъ тѣла змѣя выростали двѣ руки, руки человѣка прирастали къ тѣлу. Наконецъ змѣй, ставъ на ноги, какъ человѣкъ, заговорилъ; а человѣкъ, какъ змѣй, упалъ на землю и, шипя, поползъ. Нѣчто подобное этому превращенію случилось въ царствованіе Георга I съ двумя англійскими партіями. Каждая изъ нихъ постепенно принимала видъ и цвѣтъ своего врага, пока наконецъ тори не всталъ ревнителемъ свободы, а вигъ не поползъ, цѣлуя прахъ у ногъ власти.

Правда, что когда эти выродившіеся политиканы разсуждали о предметахъ чисто отвлеченныхъ, особенно когда они вели пренія объ образѣ дѣйствій ихъ дѣдовъ, они, казалось, различались между собою именно тѣмъ, чѣмъ различались и ихъ дѣды. Вигъ, который въ продолженіе трехъ парламентскихъ сессій ни разу не подавалъ голоса противъ двора, готовъ былъ отдать душу за жезлъ контролера или должность гардеробмейстера, по-прежнему утверждалъ, что его политическія начала идутъ отъ Локка или Мильтона, по-прежнему благоговѣлъ предъ памятью Пима и Гампдена, по-прежнему 30-го января (*) пилъ сначала за человѣка въ маскѣ, потомъ за того, кто сдѣлалъ бы то же самое и безъ маски. Тори, съ другой стороны, осуждая кроткаго и умѣреннаго Вальполя, какъ смертельнаго врага свободы, не видалъ ничего предосудительнаго въ желѣзной тираніи Страффорда и Лода. Но каковы бы ни были сужденія, которыя произносилъ вигъ или тори того вѣка о дѣлахъ давноминувшихъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ современныхъ практическихъ вопросахъ тори былъ реформаторомъ, да еще неумѣреннымъ и неосторожнымъ, а вигъ былъ консервативенъ до ханжества. Мы сами видѣли подобныя слѣдствія, произведенныя въ сосѣдней странѣ по-

(*) День смерти Карла I. — Палачъ, исполнившій приговоръ, былъ въ маскѣ.

добными же причинами. Кто повѣрилъ бы пятнадцать лѣтъ тому назадъ, что Гизо и Вильмену придется защищать собственность и общественный порядокъ отъ нападеній враговъ, подобныхъ Женуду и ла-Рошъ-Жаклену.

Такимъ образомъ, потомки прежнихъ кавалеровъ обратились въ демагоговъ, а потомки прежнихъ круглоголовыхъ сдѣлались придворными. Взаимное нерасположеніе ихъ долго не начинало смягчаться,—партіямъ свойственно хранить крѣпче свою вражду, чѣмъ основныя начала. Въ продолженіе многихъ лѣтъ поколѣніе виговъ, которыхъ Сидни презиралъ бы, какъ рабовъ, вело смертельную борьбу съ поколѣніемъ торіевъ, которое Джеффризъ перевѣшалъ бы, какъ республиканцевъ.

Во все царствованіе Георга I и въ первую половину царствованія Георга II на торіевъ смотрѣли какъ на враговъ царствующаго дома и лишали ихъ всѣхъ милостей двора. Хотя бо́льшая часть сельскихъ джентльменовъ принадлежала къ торіямъ, только виги возводились въ званіе перовъ и бэронетовъ. Хотя бо́льшая часть духовенства принадлежала къ той же партіи, деканы и епископы постоянно назначались изъ виговъ. Въ каждомъ графствѣ богатые и знатные торійскіе сквайры жаловались, что ихъ имена не допускаются въ списокъ мировыхъ судей, между тѣмъ какъ люди менѣе богатые и не столь славные, стоящіе за терпимость, акцизы, семилѣтній срокъ парламента и постоянныя войска, предсѣдательствовали на четвертныхъ засѣданіяхъ судовъ и назначались помощниками лордовъ-намѣстниковъ.

Мало-по-малу начались попытки къ сближенію. Пока Вальполь стоялъ во главѣ управленія, ненависть къ его власти побудила значительную и могущественную часть виговъ, предводительствуемую наслѣдникомъ престола, вступить въ союзъ съ торіями и даже заключить перемиріе съ якобитами. Послѣ паденія сэра Роберта проклятіе, лежавшее на торіяхъ, было снято; но главныя должности въ администраціи по-прежнему замѣщались вигами, да, по правдѣ, едва-ли и могли замѣщаться иначе, потому что торійская знать и джентри, хотя и сильныя числомъ и богатствомъ, едвали заключали въ своихъ рядахъ хоть одного человѣка, отличавшагося способностями къ дѣламъ или преніямъ. Впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ были допущены ко второстепеннымъ должностямъ; это снисхожденіе произвело

смягчающее дѣйствіе на настроеніе цѣлой партіи. Первое levée Георга II послѣ отставки Вальполя представляло замѣчательное зрѣлище. Между постоянными приверженцами Брауншвейгскаго дома, Росселями, Кавендишами и Пельгамами появилась толпа лицъ, совершенно неизвѣстныхъ пажамъ и церемоніймейстерамъ, владѣтели помѣстій, которыхъ эль и гончія собаки славились въ окрестности Мендипскихъ холмовъ или близъ Рекина, но которые не переступали за порогъ дворца съ того дня, какъ Оксфордъ съ бѣлымъ жезломъ въ рукѣ стоялъ за королевою Анною.

Въ продолженіе послѣдовавшихъ за тѣмъ восьмнадцати лѣтъ обѣ партіи постепенно все болѣе и болѣе предавались покою. Общественная апатія можетъ отчасти быть объяснена несправедливою жестокостью, съ которою нападали на управленіе Вальполя. Въ политическомъ, какъ и въ физическомъ тѣлѣ, болѣзненная слабость слѣдуетъ обыкновенно за болѣзненнымъ раздраженіемъ. Народъ былъ доведенъ до безумія софистикою, клеветою, реторикою, возбужденіемъ національной гордости. При полномъ изобиліи, общество приходило въ отчаяніе, какъ будто въ странѣ свирѣпствовалъ голодъ. Пользуясь политическою и религіозною свободой въ степени, дотолѣ невѣдомой ни одному большому обществу, они призывали Брута или Тимолеона поразить въ сердце утѣснителя. Въ такомъ настроеніи были они, когда послѣдовала перемѣна министерства; но скоро замѣтили, что въ системѣ управленія не произошло перемѣны. Естественныя послѣдствія немедленно оказались: фанатическая ревность перешла въ мрачное равнодушіе. Патріотическіе толки не только перестали плѣнять общество, но стали ему такъ же противны, какъ и гнусливыя сказки пуританъ послѣ паденія «Охвостья». Пароксизмъ горячки прошелъ; начался пароксизмъ лихорадки; много времени должно было пройти, чтобъ не только различные способы обольщенія, но даже дѣйствительное неудовольствіе могли снова вызвать то возбужденіе, которое, достигнувъ высшей своей степени, окончилось.

Сдѣланы были двѣ попытки нарушить это спокойствіе. Изгнанный наслѣдникъ дома Стюартовъ сталъ во главѣ возстанія; недовольный наслѣдникъ дома Брауншвейгскаго сталъ во главѣ оппозиціи. Но и возстаніе и оппозиція кончились ничѣмъ. Битва при Куллоде-

нѣ (3) уничтожила якобитскую партію. Смерть принца Фридриха уничтожила ту факцію, которая, подъ его предводительствомъ, стремилась, хотя и слабо, противиться правительству его отца. Ея главные члены спѣшили примириться съ министерствомъ, и политическое усиленіе сдѣлалось полнымъ.

Черезъ пять лѣтъ послѣ смерти принца Фридриха общественное мнѣніе на-время было сильно взволновано. Но это возбужденіе не имѣло ничего общаго со старою враждою между вигами и торіями. Англія была тогда въ войнѣ съ Франціею. Война была ведена очень слабо. Мы лишились Минорки; флотъ нашъ долженъ былъ отступить передъ бѣлымъ флагомъ Бурбонскаго дома. Горькое чувство униженія, новое для самаго гордаго и самаго мужественнаго изъ народовъ, заглушило всѣ другія чувства. Во всѣхъ графствахъ и большихъ городахъ королевства раздавалось требованіе такой администраціи, которая возстановила бы честь англійскаго оружія. Два самые могущественные человѣка въ странѣ были — герцогъ Ньюкастль и Питтъ. Поперемѣнныя побѣды и пораженія дали имъ понять, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ держаться безъ другаго. Интересъ государственный, въ соединеніи съ интересомъ ихъ личнаго честолюбія, принудилъ ихъ вступить въ союзъ. Министерство, составившееся вслѣдствіе этой коалиціи, управляло страною, когда Георгъ III вступилъ на престолъ.

Чѣмъ внимательнѣе мы разсматриваемъ составъ этого знаменитаго министерства, тѣмъ болѣе видимъ причинъ удивляться тому умѣнью или тому счастью, которое соединило въ одно гармоническое цѣлое столь разнообразные и повидимому столь несогласимые элементы силы. Вліяніе, основанное на неподкупной честности, и вліяніе, поддерживаемое самыми позорными подкупами, сила аристократическихъ связей и сила демократическаго энтузіазма—все это въ первый разъ слилось вмѣстѣ. Ньюкастль внесъ въ коалицію громадную силу, наслѣдованную имъ отъ Вальполя и Пельгама. Общественныя должности, церковь, суды, армія, флотъ, дипломатія кишѣли его креатурами. Бурги, много лѣтъ спустя составившіе знаменитые списки А и В (4), имѣли представителей, назначенныхъ

(3) Въ этой битвѣ разбитъ Карлъ-Эдуардъ, 27-го апрѣля 1746 г.

(4) Въ биллѣ о реформѣ.

имъ. Важнѣйшія вигскія семейства, которыя много поколѣній сряду изучали тактику партій и привыкли составлять одну твердую фалангу, признали его своимъ вождемъ. Питтъ, съ другой стороны, владѣлъ тѣмъ, чего недоставало Ньюкастлю: краснорѣчіемъ, способнымъ возбуждать страсти и плѣнять воображеніе, репутаціей высокаго безкорыстія, довѣріемъ и пламенною любовью милліоновъ.

Раздѣленіе власти, которое сдѣлали между собою эти два министра, было необыкновенно счастливо. Каждый изъ нихъ завѣдывалъ тою отраслью управленія, къ которой былъ особенно способенъ; ни одинъ изъ нихъ не выказалъ наклонности вмѣшиваться въ дѣла другаго. Ньюкастль принялъ на себя казначейство, раздачу гражданскихъ и духовныхъ мѣстъ и распоряженіе тою частью секретныхъ суммъ, которая шла на подкупы членовъ парламента. Питтъ былъ статсъ-секретаремъ, управлявшимъ военными и иностранными дѣлами. Такимъ образомъ грязь изъ зловонныхъ и заразительныхъ административныхъ клоакъ стекала въ одну трубу; черезъ другую проходило только все блестящее и чистое. Низкіе и эгоистическіе политиканы, искатели государственныхъ и придворныхъ должностей, стекались къ огромному дому на углу Линкольнзъ-Иннъ-Фильдза. Здѣсь, при каждомъ levée, появлялось до 18—20 батистовыхъ рукавовъ; ибо, какъ говорятъ, не было ни одного прелата, не обязаннаго Ньюкастлю или своимъ первоначальнымъ назначеніемъ, или послѣдующимъ повышеніемъ. Сюда приходили и тѣ члены палаты общинъ, которые, молчаливо подавая свои голоса, составляли главную силу правительства. Одинъ просилъ мѣста по акцизу для своего эконома. Другой — пребенды для своего сына. Третій шепталъ, что онъ постоянно стоялъ за его милость и протестантское наслѣдство; что послѣдніе его выборы были крайне разорительны; что избиратели теперь совершенно безсовѣстны, что онъ принужденъ былъ заложить имѣніе, чтобы достать денегъ, и теперь не знаетъ, къ кому обратиться за 500 ф. ст. Герцогъ жалъ всѣмъ имъ руки, трепалъ ихъ по плечу, обнималъ ихъ и однихъ отпускалъ съ деньгами, другихъ съ обѣщаніями. Питтъ держалъ себя горделиво, вдали отъ всѣхъ подобныхъ сдѣлокъ. Онъ не только самъ былъ неподкупенъ, но съ ужасомъ отворачивался отъ гнусной обязанности подкупать другихъ. Тѣмъ неменѣе, засѣдая двадцать лѣтъ въ пар-

ламентѣ и десять лѣтъ въ министерствѣ, онъ не могъ не знать, какъ ведутся правительственныя дѣла. Онъ ясно видѣлъ, что товарищи его употребляютъ подкупъ въ широкихъ размѣрахъ. Ненавидя подкупъ, но отчаяваясь въ возможности искоренить его и сомнѣваясь, чтобы безъ него могло въ то время держаться какое-нибудь министерство, онъ рѣшился закрыть глаза. Ему хотѣлось ничего не знать, ничего не видѣть, ничему не вѣрить. Лица, приходившія къ нему говорить объ участіи въ какомъ-нибудь выгодномъ предпріятіи, или о пріобрѣтеніи голосовъ какой-нибудь корнвалліиской корпораціи, скоро смущались его горделивымъ симреніемъ. Онъ говорилъ имъ, что они дѣлаютъ ему много чести, но что подобные вопросы превышаютъ его способности; что, конечно, милостивый король благосклонно выслушиваетъ его скромное мнѣніе по предметамъ, касающимся войны и договоровъ; что если родится вопросъ о томъ, кому начальствовать въ сѣверной Америкѣ или быть посланникомъ въ Берлинѣ, то его товарищи, вѣроятно, освѣдомятся о его мнѣніи. Но онъ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на дѣла казначейства и не можетъ хлопотать о назначеніи даже ничтожнѣйшаго таможеннаго чиновника.

Можно еще сомнѣваться въ томъ, чему онъ болѣе обязанъ своею популярностью: неподкупности ли, которую онъ любилъ выставлять на показъ, или краснорѣчію и искусству управлять военными дѣлами. Вездѣ говорили съ удовольствіемъ и изумленіемъ, что «великій коммонеръ», не пользуясь привилегіями знатности или богатства, не смотря на нерасположеніе двора и аристократіи, сдѣлался первымъ человѣкомъ въ Англіи и сдѣлалъ Англію первою страною въ мірѣ; что имя его произносится съ уваженіемъ во всѣхъ дворцахъ—отъ Лиссабона до Москвы; что трофеи его разсѣяны по четыремъ странамъ свѣта,—но что онъ остается просто Вилліамомъ Питтомъ, не имѣетъ ни титула, ни ленты, ни пенсіи, ни синекуры. Когда ему придется удалиться отъ дѣлъ, онъ, спаситель отечества, долженъ будетъ продать своихъ упряжныхъ лошадей и серебряные подсвѣчники. Какъ ни широко развилась язва подкуповъ, его руки оставались чисты. Онъ никогда не принималъ и не давалъ платы за безчестіе. Такимъ образомъ, коалиція находила поддержку и въ высшихъ и въ низшихъ сторонахъ человѣческой природы и была сильна соединенными силами добродѣтели и мамоны.

Питтъ и Ньюкастль были первыми министрами на равныхъ правахъ. Для замѣщенія второстепенныхъ должностей принято было начало допущенія въ министерство всѣхъ партій и цвѣтовъ, за исключеніемъ открытыхъ якобитовъ, — даже каждаго общественнаго дѣятеля, который по своимъ способностямъ или по своему положенію могъ быть полезенъ въ должности или грозенъ въ оппозиціи.

Виги, согласно съ тѣмъ, что тогда считалось ихъ неотъемлемымъ правомъ, удержали за собой самую значительную долю власти. Главную поддержку себѣ министерство находило въ такъ-называемомъ *великомъ союзѣ виговъ*, который, въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ, пользовался сильною властью въ странѣ и громадный авторитетъ котораго основывался на знатности, богатствѣ, вліяніи на бурги и полномъ согласіи между членами. Къ этому союзу, главой котораго былъ Ньюкастль, принадлежали семейства Кавендишей, Леноксовъ, Фицроевъ, Бентинковъ, Маннерзовъ, Конвеевъ, Вентвортовъ и многія другія, очень извѣстныя.

Были еще два вигскіе союза, изъ которыхъ каждый могъ бы стать верномъ сильной оппозиціи; но для обоихъ нашлось мѣсто въ правительствѣ. Они извѣстны подъ именемъ Гренвиллей и Бедфордовъ.

Главой Гренвиллей былъ Ричардъ, графъ Темпль. Его способности къ администраціи и преніямъ были вовсе не высоки. Но богатство, безпокойный, несвязанный нравственными началами характеръ, безустанная дѣятельность, ловкость въ самыхъ безчестныхъ продѣлкахъ, свойственныхъ тактикѣ партій,—дѣлали его самымъ опаснымъ врагомъ министерства. Онъ былъ назначенъ хранителемъ малой печати. Его братъ Джорджъ былъ казначеемъ флота. Предполагали, что оба они — въ весьма дружескихъ отношеніяхъ къ Питту, который женился на ихъ сестрѣ и былъ крайне угодливымъ супругомъ.

Бедфорды или, какъ ихъ звали враги, *блумсбёрійская шайка*, выдавали за своего предводителя Джона, герцога Бедфорда; но въ сущности они направляли его куда хотѣли и нерѣдко заставляли дѣлать то, на что онъ самъ никогда бы не рѣшился. У него было много хорошихъ нравственныхъ и умственныхъ свойствъ; онъ могъ бы быть почтеннымъ и даже замѣчательнымъ человѣкомъ, если бы только менѣе подчинялся вліянію друзей или былъ счастливѣе въ вы-

борѣ ихъ. Нѣкоторые изъ нихъ, надо отдать имъ справедливость, были люди талантливые; но я боюсь, что этимъ и должна ограничиться похвала имъ. Сандвичъ и Ригби были искусны въ преніяхъ, отличались пріятностью въ бесѣдѣ, ловкостью въ интригѣ, знали до тонкости всѣ продѣлки биржи в выборовъ и были какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни нагло безнравственны. Веймутъ обладалъ природнымъ краснорѣчіемъ, иногда удивлявшимъ тѣхъ, кто зналъ, какъ мало онъ былъ образованъ; онъ былъ лѣнивъ и развратенъ; еще въ ранней молодости потерялъ онъ отличное состояніе въ игорномъ домѣ и разстроилъ въ попойкахъ крѣпкое здоровье. Богатство и значеніе герцога, таланты и смѣлость нѣкорыхъ изъ его сторонниковъ могли бы составлять предметъ серьёзныхъ опасеній для самаго прочнаго министерства. Но ихъ содѣйствіе было обезпечено: герцогъ сдѣланъ былъ лордомъ-намѣстникомъ Ирландіи, а Ригби—его секретаремъ; такимъ образомъ, вся партія благоговѣйно поддерживала мѣры правительства.

Еще незадолго передъ тѣмъ всѣ полагали, что два человѣка способны оспаривать у Питта мѣсто вождя палаты общинъ—Вилліамъ Моррей и Генри Фоксъ. Но Моррей перешелъ въ палату лордовъ и получилъ мѣсто главнаго судьи въ судѣ королевской скамьи. А Фоксъ хотя и оставался въ палатѣ общинъ, но найдено было средство обезпечить если не энергическое содѣйствіе, то молчаливое согласіе съ его стороны. Онъ былъ бѣдный человѣкъ и чрезчуръ нѣжный отецъ. Должность военнаго казначея въ продолженіе раззорительной войны была въ то время, можетъ быть, самымъ прибыльнымъ мѣстомъ, какимъ только могло распоряжаться правительство. Это мѣсто было дано Фоксу. Возможность составить въ нѣсколько лѣтъ значительное состояніе и тѣмъ обезпечить будущность своего милаго Чарльза была неотразимымъ соблазномъ для Фокса. Занять второстепенное, хотя и выгодное, мѣсто, для человѣка, бывшаго вождемъ палаты общинъ и нѣкогда получившаго порученіе составить министерство, было, по правдѣ, значительнымъ паденіемъ; но щекотливое чувство собственнаго достоинства не было въ характерѣ Фокса.

Намъ нѣтъ времени исчислять всѣхъ другихъ людей съ вѣсомъ, тѣмъ или другимъ способомъ привлеченныхъ на сторону правитель-

ства. Мы можемъ упомянуть о Гардвикѣ, считавшемся первымъ законовѣдомъ того времени,—о Леггѣ, считавшемся первымъ анатомомъ финансоваго дѣла,—о проницательномъ и ловкомъ Освальдѣ,—о смѣломъ и остроумномъ Ноджентѣ, о Чарльзѣ Таунзгендѣ, самомъ блистательномъ и непостоянномъ человѣкѣ въ мірѣ,—объ Эллiотѣ, Баррингтонѣ, Нортѣ и Праттѣ. Дѣйствительно, сколько мы можемъ припомнить, въ палатѣ общинъ только два талантливые человѣка не были въ связи съ министерствомъ, но оба стояли такъ низко въ общественномъ мнѣніи, что единственною услугой, какую они могли оказать какому-нибудь правительству, было стать въ оппозицію. Мы говоримъ о лордѣ Джорджѣ Саквиллѣ и Боббѣ Доддингтонѣ.

Хотя большая часть оффиціяльныхъ лицъ и всѣ члены кабинета считались вигами, но и торіи нисколько не были исключены изъ администраціи. Питтъ доставилъ многимъ изъ нихъ начальство надъ милиціей, что увеличило ихъ доходы и усилило ихъ значеніе въ графствахъ; вотъ почему они никогда не были въ такомъ хорошемъ настроеніи со смерти королевы Анны. Нѣкоторые изъ торіевъ продолжали роптать, сидя за пуншемъ въ кофейнѣ «Кокосовое дерево»; но въ палатѣ общинъ никто изъ недовольныхъ не смѣлъ поднять своихъ глазъ выше пряжки Питтова башмака.

Такимъ образомъ, оппозиціи вовсе не было; даже не было признаковъ, по которымъ бы можно было узнать, съ какой стороны возникнетъ оппозиція. Прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ парламентъ, казалось, отрекся отъ своихъ главнѣйшихъ обязанностей. Протоколы палаты общинъ за четыре сессіи не представляютъ ни одного разногласія по вопросамъ партій. Дополнительные кредиты, которые далеко превосходили прежніе, были утверждаемы даже безъ преній. Самыми оживленными были въ то время пренія о дорожныхъ и межевыхъ билляхъ.

Старый король былъ доволенъ; да мало было и дѣла до того, доволенъ ли онъ, или нѣтъ: ему было невозможно, еслибъ онъ даже и хотѣлъ этого, освободится отъ вліянія столь могущественнаго министерства. Впрочемъ онъ и не имѣлъ этого намѣренія; правда, что однажды онъ былъ сильно предубѣжденъ противъ Питта и постоянно терпѣлъ непріятности отъ Ньюкастля; но энергія и успѣхъ, съ которыми велась война въ Германіи, и отличное состояніе об-

щественныхъ дѣлъ произвели благопріятное измѣненіе въ мысляхъ короля.

Таково было положеніе дѣлъ, когда 25-го октября 1760 г. Георгъ II скоропостижно умеръ и королемъ сдѣлался Георгъ III, которому было тогда двадцать-два года. Положеніе Георга III значительно отличалось отъ положенія его дѣда и прадѣда. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, когда англійскій король пользовался любовью какой-нибудь части своихъ подданныхъ. Первые два короля изъ Ганноверскаго дома не имѣли ни наслѣдственныхъ правъ, которыя часто замѣняютъ личныя достоинства, ни личныхъ качествъ, которыя часто замѣняютъ наслѣдственныя права. Государь можетъ быть любимъ народомъ, даже имѣя мало добродѣтелей и способностей, если онъ наслѣдовалъ свою власть отъ длиннаго ряда предковъ. Похититель престола также можетъ быть любимъ, если его геній спасъ народъ, которымъ онъ управляетъ, или увеличилъ владѣнія народа. Можетъ быть, ни одинъ изъ государей нашего времени не былъ любимъ подданными болѣе императора Франца и его зятя — императора Наполеона I. Но представьте себѣ владѣтеля, права котораго были бы такъ же нетверды, какъ и права Наполеона, и который своими умственными способностями не превосходилъ бы императора Франца. Таковъ былъ Ричардъ Кромвелль, и едва лишь поднялась на него рука, онъ палъ безъ борьбы, при общихъ насмѣшкахъ. Георги I и II были въ положеніи, похожемъ на положеніе Ричарда Кромвелля. Отъ участи послѣдняго они были спасены только энергичнымъ и искуснымъ образомъ дѣйствій виговъ и общимъ убѣжденіемъ, что народу остается выборъ только между Брауншвейгскимъ домомъ и папизмомъ. Но никакой классъ народа не смотрѣлъ на гвельфовъ (*) съ тѣмъ чувствомъ благоговѣйной преданности, многочисленныя доказательства котораго видѣли Карлъ I, Карлъ II и Іаковъ II, несмотря на свои величайшія ошибки и посреди самыхъ страшныхъ своихъ неудачъ. Тѣ виги, которые такъ мужественно поддерживали новую династію деньгами и мечомъ, дѣйствовали по началамъ, не только независимымъ отъ чувства преданности, но

(*) Родоначальникомъ Ганноверскаго дома былъ Генрихъ Гордый, гвельфъ.

даже вообще несогласнымъ съ нимъ. Умѣренные торіи смотрѣли на иностранную династію какъ на великое зло, которое надо было переносить во избѣжаніе еще большаго. Въ глазахъ крайнихъ торіевъ курфюрстъ былъ самымъ ненавистнымъ изъ похитителей и тирановъ: на головѣ его была корона, принадлежащая другому, на рукахъ — кровь мужественныхъ и вѣрныхъ. Такимъ образомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ короли англійскіе были предметомъ сильной ненависти большинства своихъ подданныхъ, и никто не чувствовалъ къ нимъ сильной привязанности. Правда, что они находили твердую и искреннюю поддержку противъ претендента на ихъ корону; но ихъ поддерживали вовсе не для нихъ самихъ, а ради той политической и религіозной системы, которая подверглась бы опасности въ случаѣ ихъ паденія. За эту поддержку они должны были платить постояннымъ жертвованіемъ своихъ личныхъ наклонностей въ пользу той партіи, которая посадила ихъ на престолъ и поддерживала на немъ.

Въ концѣ царствованія Георга II, чувство ненависти, съ которымъ половина народа смотрѣла на Брауншвейгскій домъ, исчезло; но чувство преданности этому дому не зародилось. Дѣйствительно, въ характерѣ стараго короля было мало того, что могло бы внушить уваженіе или преданность къ нему. Онъ не былъ нашимъ соотечественникомъ и не бывалъ въ нашей странѣ до тридцатилѣтняго возраста; его рѣчь указывала на его иностранное происхожденіе и воспитаніе. Его любовь къ родинѣ — самая любезная сторона его характера — не могла привлечь къ нему британскихъ подданныхъ. Онъ никогда не былъ такъ счастливъ, какъ когда ему удавалось промѣнять Сенъ-Джемсъ на Герренгаузенъ. Ежегодно нашъ флотъ употребляемъ былъ на то, чтобы провожать его на континентъ; и интересы королевства казались ему ничтожными въ сравненіи съ интересами курфюршества. Наконецъ, у него не было ни одного изъ тѣхъ качествъ, за которыя прощаютъ слабость умственныхъ способностей, или — изъ тѣхъ, которыя дѣлаютъ привлекательною легкость поведенія. Онъ былъ дурной сынъ и еще худшій отецъ, невѣрный супругъ и непривлекательный любовникъ. О немъ не разсказывается ни одного великодушнаго или человѣколюбиваго поступка, но разсказывается много примѣровъ его пошлости и жестокости,

а эти качества — еслибъ ихъ не сдерживали крѣпкія конституціонныя ограды — могли бы послужить источникомъ бѣдствій для народа.

Онъ умеръ — и открылся новый міръ; молодой король былъ уроженецъ Англіи. Всѣ его вкусы и привычки, хорошіе или дурные, были чисто-англійскіе. Ни одна часть его подданныхъ не могла въ чемъ-либо упрекнуть его; даже оставшіеся приверженцы Стюартовъ едвали могли поставить ему въ вину похищеніе престола. Онъ не могъ нести отвѣтственности ни за революцію, ни за актъ о престолонаслѣдіи, ни за усмиреніе возстаній 1715 и 1745 гг. Онъ былъ невиненъ въ крови Дервентнотера и Кильмарнока, Бальмерино и Камерона. Родившись черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ изгнанія прежней династіи, правнукъ перваго изъ королей Ганноверскаго дома и наслѣдникъ втораго, онъ имѣлъ уже за себя нѣчто въ родѣ наслѣдственнаго права. Его возрастъ, наружность и все, что знали объ его характерѣ, пріобрѣло ему общую любовь. Онъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ; его наружность и обращеніе были привлекательны. Сплетни не приписывала ему никакого порока, и лесть безъ очевидной нелѣпости могла находить въ немъ многія, приличныя государю, добродѣтели.

Вотъ почему немудрено, что чувство преданности, — чувство, казавшееся столь же несогласнымъ съ вѣкомъ, какъ вѣра въ колдуновъ или обычай пилигримства, должно было начать возрождаться со дня его вступленія на престолъ. Торіи, въ особенности всегда наклонные къ обожанію королей и давно мучившіеся отсутствіемъ идола, передъ которымъ могли бы упасть ницъ, были такъ же исполнены радости, какъ жрецы Аписа, когда они послѣ долгаго промежутка находили новаго быка для поклоненія. Скоро сдѣлалось яснымъ, что на Георга III часть его подданныхъ смотрѣла совершенно съ другимъ чувствомъ, нежели на двухъ его предшественниковъ. Тѣ были просто первыми сановниками, дожами, штатгальтерами: онъ же торжественно явился королемъ, помазанникомъ божіимъ, ненаглядднымъ сокровищемъ своего народа. Годы вдовства, печали миновали для торіевъ. Дидона довольно долго хранила вѣрность къ хладному праху своего перваго супруга; теперь она нашла утѣшителя и сознала въ себѣ признаки прежняго пламени. Золотые дни Гарли возвращаются снова; снова Соммерсеты, Ли и Виндгамы будутъ окру-

жать тронъ; прелаты-латитудинаріи, которые не стыдились переписываться съ Доддриджемъ и жать руку Вистону, будутъ замѣщены духовными лицами въ духѣ Соута и Аттервѣри. Преданность къ дому Стюартовъ, которая выдержала испытаніе пораженій, конфискацій и проскрипцій, которую не утомили коварство, угнетеніе и неблагодарность, — перешла теперь вполнѣ къ дому Брауншвейгскому. Если Георгъ III приметъ выраженіе преданности каваіеровъ и высоко-церковниковъ, то онъ станетъ для нихъ тѣмъ же, чѣмъ были Карлъ I и Карлъ II.

Государь, котораго восшествіе на престолъ было встрѣчено, такимъ образомъ, великою партіею, постоянно уклонявшеюся отъ сношеній съ его домомъ, получилъ отъ природы твердую волю, энергію характера, которой, пожалуй, можно было бы придать другое, болѣе суровое, названіе, и умъ—если не острый и просвѣщенный—то такой, который образуетъ хорошаго дѣловаго человѣка. Но характеръ его еще не развился вполнѣ. Онъ былъ воспитанъ въ строгомъ уединеніи. Враги вдовствующей принцессы Валлійской утверждали, будто она нарочно отдаляла своихъ дѣтей отъ соприкосновенія съ обществомъ, чтобы имѣть нераздѣльную власть надъ ихъ умами; но она объясняла свой образъ дѣйствій иначе. По ея словамъ, она охотно допускала бы своихъ сыновей и дочерей обращаться въ свѣтѣ, еслибы при этомъ не подверглась опасности ихъ нравственность, но ее тревожилъ развратъ знатныхъ людей. Молодые люди были всѣ развратны; молодыя женщины влюблялись, не ожидая, когда за ними начнутъ ухаживать. Она не могла согласиться подвергнуть тѣхъ, кого наиболѣе любитъ, заразительному вліянію подобнаго общества. Нравственныя выгоды системы, по которой воспитаны были герцоги Іоркскій и Кумберландскій и королева датская, быть можетъ, подлежатъ сомнѣнію. Георгъ III, конечно, не былъ развратенъ; но когда онъ взошелъ на престолъ, умъ его не былъ развитъ и нѣкоторое время былъ подъ исключительнымъ вліяніемъ своей матери и своего каммергера Джона Стюарта, графа Бьюта.

Графъ Бьютъ едвали былъ извѣстенъ даже по имени той странѣ, которою былъ призванъ теперь управлять. Правда, что вскорѣ по достиженіи совершеннолѣтія онъ былъ выбранъ на мѣсто выбывшаго посреди сессіи шотландскаго пера. Подавая нѣсколько разъ

голосъ вмѣстѣ съ торіями, Бьютъ оскорбилъ витское министерство; вслѣдствіе чего при ближайшемъ распущеніи парламента потерялъ свое мѣсто и никогда не былъ снова выбранъ. Прошло почти 20 лѣтъ, въ которыя онъ не игралъ никакой политической роли. Нѣкоторые изъ этихъ годовъ онъ провелъ въ своемъ замкѣ на одномъ изъ Гебридскихъ острововъ; это уединеніе онъ оставилъ, чтобы вступить въ службу принца Фридриха. Лордъ Бьютъ, лишенный возможности участвовать въ политической жизни, нашелъ много способовъ услаждать свой досугъ. Онъ былъ сноснымъ актеромъ на домашнихъ театрахъ и особенно успѣшно игралъ роль Лотаріо. Прекрасная нога, которой живописцы и сатирики дали такую знаменитость, была однимъ изъ главныхъ его преимуществъ на сценѣ. Онъ искусно изобрѣталъ маскарадные костюмы. Онъ занимался немного геометріею, механикою и ботаникою; обращалъ нѣкоторое вниманіе на древности и произведенія искусства: въ своемъ кругу онъ считался знатокомъ живописи, архитектуры и поэзіи. Говорятъ, что онъ писалъ неправильно. Но хотя въ наше время неправильное правописаніе справедливо считается признакомъ грубаго невѣжества, несправедливо было бы прилагать то же правило къ людямъ, жившимъ сто лѣтъ назадъ. Романъ *«Сэръ Чарльзъ Грандисонъ»* вышелъ въ свѣтъ почти въ то же время, какъ лордъ Бьютъ появился въ Лейстеръ-Гаусѣ. Наши читатели помнятъ, можетъ быть, отзывъ Шарлотты Грандисонъ о двухъ влюбленныхъ въ нее: одинъ изъ нихъ, фешьёнебельный баронетъ, говорившій бѣгло по-французски и по-итальянски, не могъ написать строчки на своемъ родномъ языкѣ безъ орѳографической ошибки; о другомъ, который выставляется замѣчательнѣйшимъ образцомъ аристократической молодежи, чѣмъ-то въ родѣ виртуоза, говорится, что онъ писалъ очень хорошо для лорда. Вообще графа Бьюта по справедливости можно было назвать человѣкомъ образованнымъ. Онъ былъ также человѣкъ несомнѣнной честности; но пониманіе его было узко, манеры холодны и высокомѣрны. Его способности къ роли государственнаго человѣка были очень хорошо оцѣнены принцемъ Фридрихомъ, который часто дозволялъ себѣ недостойную принца забаву—подсмѣиваться надъ своими приближенными. «Бьютъ, — говорилъ его королевское высочество, — вы какъ

будто созданы для того, чтобы быть посланникомъ при одномъ изъ германскихъ дворовъ, при которыхъ нечего дѣлать.»

Сплетня выдавала каммергера за счастливаго любовника вдовствующей принцессы. Въ томъ, что онъ былъ ея другомъ и довѣреннымъ, нѣтъ никакого сомнѣнія. Соединенное вліяніе этихъ двухъ лицъ на короля было въ первое время неограниченно. Принцесса, женщина и притомъ иностранка, не могла быть основательнымъ совѣтникомъ въ дѣлахъ государственныхъ. О графѣ едвали можно сказать, что онъ достигъ хоть бы познаній новичка въ политическихъ дѣлахъ. Его понятія о правленіи составились въ обществѣ, которое обыкновенно собиралось вокругъ Фридриха въ Кью и Лейстеръ-Гаусѣ. Это общество состояло главнымъ образомъ изъ торіевъ, примиренныхъ съ Гановерскимъ домомъ благосклонностью къ нимъ принца Фридриха и надеждою получить высокое назначеніе, когда онъ вступитъ на престолъ. Ихъ политическія вѣрованія составляли особое видоизмѣненіе торизма. То не были ни убѣжденія торіевъ XVII в., ни убѣжденія торіевъ XIX в.; то не были убѣжденія ни Фильмера и Сачевереля, ни Персеваля и Эльдона, но убѣжденія той секты, главнымъ учителемъ которой можно назвать Болингброка. Эта секта заслуживаетъ похвалы за то, что указала и справедливо осудила нѣкоторыя важныя злоупотребленія, возникшія во время продолжительнаго правленія виговъ. Но замѣтить и указать злоупотребленія легче, чѣмъ предложить благодѣтельныя реформы; реформы же, которыя предлагалъ Болингброкъ, были или вовсе неприложимы, или вели ко злу, гораздо сильнѣйшему, чѣмъ то, которое онѣ должны были излечить.

Революція избавила народъ отъ золъ одного рода, но въ то же время—таково несовершенство всего человѣческаго — породила или усилила бѣдствія другаго рода, противъ которыхъ потребовались новыя лекарства. Свобода и собственность были обезпечены отъ покушеній власти; совѣсть была уважаема. Никакое правительство не рѣшилось бы нарушить правъ, торжественно признанныхъ актомъ, призвавшимъ Вильгельма и Марію на престолъ. Но нельзя отрицать, что, при новой системѣ, общественные интересы и общественная нравственность подверглись сильной опасности отъ подкупа и духа партій. Во время продолжительной борьбы противъ Стюар-

товъ главною заботой всѣхъ, наиболѣе просвѣщенныхъ, государственныхъ людей было укрѣпленіе власти палаты общинъ. Когда борьба была окончена, побѣда одержана, палата общинъ заняла высшее мѣсто въ государствѣ, недостатки въ представительной системѣ, скрывавшіеся до тѣхъ поръ, быстро раскрылись. Лишь только исполнительная власть сдѣлалась дѣйствительно отвѣтственною передъ палатой общинъ, оказалось, что отвѣтственность палаты общинъ передъ народомъ вовсе недѣйствительна. Многія изъ избирательныхъ коллегій находились подъ безусловнымъ контролемъ частныхъ лицъ; другія, какъ всѣмъ было извѣстно, подчинялись тому, кто платилъ болѣе. Пренія не публиковались; за дверями парламента рѣдко было извѣстно, за что подалъ свой голосъ тотъ или другой членъ. Такимъ образомъ, министерство было отвѣтственно передъ парламентомъ, а парламентское большинство ни передъ кѣмъ не было отвѣтственно. При такихъ обстоятельствахъ, очень естественно было, что члены потребовали платы за свои голоса, что начали составлять между собою кружки, съ цѣлью—поднять цѣну на свои голоса, и въ критическихъ обстоятельствахъ требовали большія суммы, угрожая ударомъ. Такимъ образомъ, вигскія министерства Георга I и Георга II принуждены были обратить подкупъ въ систему и пользоваться имъ въ обширныхъ размѣрахъ.

Если мы правы касательно причинъ этихъ злоупотребленій, то едвали можемъ ошибаться въ средствахъ противъ нихъ. Средство это состояло, конечно, не въ томъ, чтобы лишить палату общинъ ея значенія въ государствѣ. Такой образъ дѣйствій, безъ сомнѣнія, положилъ бы конецъ и парламентскимъ подкупамъ и парламентскимъ факціямъ, ибо когда мнѣнія членовъ палаты потеряютъ свое значеніе, ихъ перестанутъ подкупать; когда стачки продажныхъ людей не будутъ ни къ чему вести, они перестанутъ стакиваться. Но уничтожить подкупъ и духъ партій введеніемъ деспотизма—значило бы лечить одно зло другимъ, бо́льшимъ. Дѣйствительнымъ лекарствомъ, очевидно, было бы сдѣлать палату общинъ отвѣтственною передъ народомъ. Этого можно было достигнуть двумя путями: вопервыхъ—обнародованіемъ дѣйствій парламента и такимъ образомъ ставя каждаго члена передъ судъ общественнаго мнѣнія; вовторыхъ — такъ преобразовавъ весь составъ палаты, чтобы никто не могъ за-

сѣдать въ ней, не бывъ выбранъ почтенною и независимою избирательною коллегіей.

Болингброкъ и ученики его указывали совершенно иной способъ леченія болѣзней государства. По ихъ мнѣнію, энергическое употребленіе прерогативы, въ рукахъ патріотическаго короля, могло бы заразъ уничтожить всѣ стачки, основанныя на духѣ партій, и превозмочь воображаемую необходимость подкупать членовъ палаты. Королю стоило только рѣшиться быть повелителемъ, показать, что онъ не желаетъ оставаться въ зависимости отъ какой-нибудь горсти людей; что онъ будетъ назначать министрами только тѣхъ, къ кому имѣетъ довѣріе, безъ различія партій; что онъ не позволитъ своимъ служителямъ дѣйствовать безнравственными средствами ни на избирательныя коллегіи, ни на парламентъ. Этотъ ребяческій планъ свидѣтельствуетъ, что предлагавшіе его не имѣли никакого понятія о сущности зла, которое собирались исцѣлить. Истинная причина преобладанія подкуповъ и духа факцій состояла въ томъ, что палата общинъ, ни передъ кѣмъ не отвѣтственная, была сильнѣе короля. Лекарство, предлагаемое Болингброкомъ, могло быть употреблено только королемъ, который былъ бы сильнѣе палаты общинъ. Какъ можетъ управлять патріотическій король, враждуя съ палатой, безъ согласія которой ему нельзя ни снарядить шлюпки, ни вооружить батальона солдатъ, ни послать посольства, ни даже платить жалованье чинамъ собственнаго двора? Распуститъ ли онъ парламентъ? Но тогда что же можно пріобрѣсти возваніемъ къ Содбёри и Ольдъ-Саруму (*) противъ продажности ихъ представителей? Прибѣгнетъ ли онъ къ королевскимъ декретамъ или собранію Корабельной подати? Но въ такомъ случаѣ хваленная реформа должна бы была, по всей вѣроятности, начаться съ междоусобной войны и, еслибъ была совершена, привела бы къ торжеству неограниченной власти. Или патріотическій король склонитъ палату идти къ его благороднымъ цѣлямъ? Но какими средствами? Отказываясь отъ дѣйствія подкупами, съ чѣмъ онъ обратится къ Додингтонамъ и Виннингтонамъ? Неужели нѣсколькими изящными сентенціями о добродѣтели и согласіи можно усыпить корысть, усиленную привычкой?

(*) Гнилые бурги.

Какъ ни была нелѣпа эта теорія, она находила многихъ поклонниковъ, особенно между литераторами. Оставалось приложить ее къ практикѣ: въ результатѣ, — какъ могъ предвидѣть каждый проницательный человѣкъ,—оказались самыя жалкія и смѣшныя неудачи.

Въ самый день вступленія молодаго короля на престолъ, показалось нѣсколько признаковъ, предвѣщавшихъ наступленіе важной перемѣны. Рѣчь, которую онъ долженъ былъ произнести въ совѣтѣ, не была сообщена министрамъ. Она была составлена Бьютомъ и заключала въ себѣ нѣсколько выраженій, которыя можно было счесть за осужденіе мѣръ предшествующаго царствованія. Питтъ возсталъ противъ этихъ выраженій и просилъ смягчить ихъ въ печати; только послѣ нѣсколькихъ часовъ спора Бьютъ уступилъ; но даже и тогда король все-еще не соглашался до полудня слѣдующаго дня. Въ тотъ же день, когда происходилъ этотъ странный споръ, Бьютъ не только былъ сдѣланъ членомъ тайнаго совѣта, но и введенъ въ министерство.

Вскорѣ послѣ того, лордъ Гольдернессъ, одинъ изъ статсъ-секретарей, въ исполненіе плана, составленнаго по соглашенію съ дворомъ, отказался отъ должности хранителя печати. Бьютъ немедленно былъ назначенъ на открывшееся мѣсто. Когда начались общіе выборы, новый статсъ-секретарь вступилъ въ парламентъ единственнымъ возможнымъ для него путемъ: онъ былъ избранъ въ число 16 шотландскихъ перовъ (a).

Еслибъ министры были прочно связаны между собою, то едвали можно сомнѣваться, что они были бы въ состояніи противодѣйствовать двору. Парламентское вліяніе вигской аристократіи, соединенное съ геніемъ, добродѣтелью и славой Питта, было бы несокрушимо. Но между министрами Георга II существовали скрытая зависть и ненависть, которыя теперь начали выказываться. Питтъ удалился отъ своего стараго союзника—Легга, канцлера казначейства. Нѣкоторые изъ министровъ завидовали популярности Питта. Другимъ не безъ основанія не нравился гордый и повелительный об-

---

(a) Въ царствованіе Анны, палата лордовъ постоновила, на основаніи ст. 23 акта о соединеніи, что шотландскій перъ не можетъ быть возведенъ въ достоинство пера Великобританіи. Это постоновленіе не было отмѣнено до 1782 г.

разъ его дѣйствій. Нѣкоторые вели честную оппозицію противъ извѣстныхъ сторонъ его политической дѣятельности; они соглашались, что Питтъ нашелъ страну въ глубокомъ униженіи и возвелъ ее на вершину славы, что онъ велъ войну энергически, искусно и съ блистательнымъ успѣхомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они намекали, что средства страны были истощены дотого безпримѣрно, и національный долгъ возросъ такъ быстро, что Монтегью или Годольфинъ совершенно растерялись бы. Нѣкоторыя изъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ нашими арміями и флотами, они считали полезными и почтенными. Но теперь, когда умеръ Георгъ II, придворный могъ спросить, почему Англія приняла участіе въ распрѣ двухъ германскихъ государствъ? Что ей до того, Габсбургскій или Бранденбургскій домъ будутъ владѣть Силезіей? Къ чему лучшимъ англійскимъ полкамъ сражаться на берегахъ Майна? Почему прусскимъ батальонамъ платятъ англійскимъ золотомъ? Великій министръ, казалось, считалъ недостойнымъ себя разсчитывать, чего стоитъ побѣда. Пока съ Тоуэра гремѣли пушечные выстрѣлы, пока улицы были иллюминованы и французскія знамена возились съ торжествомъ по Лондону, Питтъ оставался равнодушнымъ къ тому, до какой степени увеличились общественныя тягости. Напротивъ, онъ, казалось, даже гордился тѣми жертвами, которыя народъ, обвороженный его краснорѣчіемъ и успѣхомъ, спѣшилъ принести и о которыхъ долженъ былъ потомъ долго и горько сожалѣть. Растратамъ и похищеніямъ общественныхъ суммъ не было предѣла. Наши коммиссары, возвращаясь изъ лагеря принца Фердинанда, (7) покупали бурги, строили дворцы и въ великолѣпіи соперничали съ старинною аристократіей королевства. Въ четыре года войны, мы сдѣлали такой долгъ, какого не можетъ заплатить самое искусное и бережливое правительство въ сорокъ лѣтъ мира. Надежда на миръ была такъ же далека, какъ и прежде. Франція, печальная и униженная, безъ сомнѣнія, согласилась бы помириться на выгодныхъ условіяхъ; но не того было нужно Питту; война сдѣлала его сильнымъ и популярнымъ; съ войной соединялось все, что было блестящаго въ его жизни: для войны его

(7) Герцогъ Брауншвейгскій, бывшій предводителемъ прусскихъ войскъ въ Семилѣтнюю войну.

таланты были особенно пригодны. Наконецъ онъ началъ любить войну для войны и скорѣе готовъ былъ начать войну съ нейтральными странами, чѣмъ примириться съ врагами.

Таковы были взгляды герцога Бердфорда и графа Гардвика; но во всемъ министерствѣ никто не держался этого мнѣнія такъ крѣпко, какъ Джорджъ Гренвилль, морской казначей. Гренвилль былъ зять Питта и постоянно считался его личнымъ и политическимъ другомъ; но трудно представить двухъ талантливыхъ и честныхъ людей, болѣе несходныхъ между собой. Питтъ, какъ часто говорила сестра его, не зналъ ничего, кромѣ Спенсеровой поэмы: *«Царица фей»*. Онъ никогда ревностно не занимался никакою отраслью наукъ, онъ былъ плохой финансеръ; онъ никогда не могъ познакомиться близко даже съ правилами той палаты, которой былъ блистательнѣйшимъ украшеніемъ. Онъ никогда не изучалъ международнаго права въ системѣ и былъ дотого невѣжественъ въ этомъ предметѣ, что разъ Георгъ II горько жаловался, что человѣкъ, никогда не читавшій Ваттеля, изъявляетъ притязанія управлять иностранными дѣлами. Но всѣ эти недостатки искупались высокими и рѣдкими качествами: необычайною способностью внушать массамъ любовь и довѣріе, — краснорѣчіемъ, которое не только ласкало ухо, но воспламеняло кровь и вызывало слезы, — оригинальностью въ составленіи плановъ, энергіей въ ихъ исполненіи. Гренвилль, съ другой стороны, по природѣ и привычкамъ, былъ человѣкомъ частностей. Онъ получилъ юридическое образованіе и внесъ трудолюбіе и точность Темпля въ оффиціяльную и парламентскую жизнь. Его считали глубоко знакомымъ съ фискальною системою страны. Онъ обращалъ особенное вниманіе на уставъ парламента и такъ хорошо зналъ всѣ привилегіи и постановленія палаты общинъ, что люди, наименѣе любившіе его, считали его единственнымъ достойнымъ преемникомъ Онсло на предсѣдательскомъ креслѣ. Его рѣчи были вообще поучительны, а иногда и производили впечатлѣніе, по той важности и серьёзности, съ которой онъ говорилъ; но онѣ никогда не были блистательны и вообще были вялы. Дѣйствительно, Гренвиллю трудно было поддержать вниманіе палаты даже тогда, когда онъ стоялъ во главѣ управленія. Какъ по склонностямъ, такъ и по уму онъ совершенно не походилъ на своего зятя. Питтъ былъ со-

вершенно беззаботенъ въ отношеніи къ деньгамъ, онъ едвали протянулъ бы руку, чтобы взять ихъ; а когда онѣ появлялись, онъ бросалъ ихъ съ ребяческою щедростью. Гренвилль, будучи строго безкорыстенъ, былъ скупъ и разсчетливъ. Питтъ былъ человѣкъ нервный, легко поддающійся надеждѣ, легко увлекающійся успѣхомъ и популярностью, чувствительный къ обидѣ, но скорый на прощеніе. Гренвилль по характеру былъ суровъ, меланхоличенъ и упрямъ. Самая замѣчательная черта его — склонность всегда искать черную сторону. Въ палатѣ общинъ онъ былъ ворономъ, каркающимъ о пораженіи посреди побѣдъ,—о банкрутствѣ, когда сундуки казначейства полны. Боркъ возбудилъ общія рукоплесканія, сравнивъ его, во времена тишины и довольства, съ описаннымъ у Овидія злымъ духомъ, который, смотря на пышные храмы и богатую гавань Аѳинъ, едва могъ удержаться отъ слезъ о томъ, что не нашелъ ничего достойнаго оплакиванія. Такой человѣкъ не могъ сдѣлаться популярнымъ; но Гренвилль противопоставлялъ своей непопулярности такую упорную рѣшимость, что нерѣдко принуждалъ уважать себя даже людей, ненавидѣвшихъ его.

Естественно, что Питтъ и Гренвилль, будучи такими, какими были, должны были смотрѣть съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія на положеніе дѣлъ. Питтъ видѣлъ только трофеи, Гренвилль только издержки. Питтъ хвастался, что Англія заразъ торжествовала въ Америкѣ, Индіи и Германіи,—стала властительницей судебъ континента, владычицею морей. Гренвилль упрекалъ въ субсидіяхъ, вздыхалъ о чрезвычайномъ увеличеніи войскъ и содрогался при мысли, что народъ въ одинъ годъ сдѣлалъ долгу восемь милльоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Съ министерствомъ, несогласнымъ до такой степени, Бьюту было легко сладить. Первый палъ Леггъ. Онъ оскорбилъ короля еще до вступленія его на престолъ тѣмъ, что отказался поддерживать креатуру Бьюта на гампширскихъ выборахъ. Онъ не только принужденъ былъ выйдти въ отставку, но при сдачѣ должности былъ еще оскорбленъ грубымъ обращеніемъ.

Питтъ, не любившій Легга, смотрѣлъ на это событіе равнодушно, но опасность была близка и къ нему самому. Карлъ III, король испанскій, давно уже смертельно возненавидѣлъ Англію. За двадцать

лѣтъ передъ тѣмъ, бывши королемъ Обѣихъ Сицилій, онъ готовъ былъ вступить въ союзъ противъ Маріи Терезы, но англійскій флотъ неожиданно явился въ Неаполитанскомъ заливѣ. Англійскій капитанъ высадился, пришелъ во дворецъ, положилъ часы на столъ и сказалъ королю, что если черезъ часъ не подпишетъ онъ трактата о нейтралитетѣ, то городъ будетъ бомбардированъ. Трактатъ былъ подписанъ, и эскадра вышла изъ залива черезъ двадцать четыре часа послѣ того, какъ вошла въ него. Съ тѣхъ поръ преобладающею страстью униженнаго государя сдѣлалась ненависть къ англійскому имени. Наконецъ онъ достигъ положенія, подававшаго надежды на удовлетвореніе этой страсти. Онъ только-что сдѣлался королемъ Испаніи и Индій. Съ завистью и страхомъ смотрѣлъ онъ на успѣхи нашего флота и расширеніе нашихъ колоній. Онъ былъ Бурбонъ и сочувствовалъ печальному положенію того дома, котораго былъ членомъ. Онъ былъ испанецъ, а ни одинъ испанецъ не могъ перенести мысли, что Гибралтаръ и Минорка находятся въ рукахъ иностранной державы. Побуждаемый такими чувствами, Карлъ III заключилъ секретный трактатъ съ Франціей. По смыслу этого трактата, извѣстнаго подъ именемъ *Фамильнаго*, обѣ державы обязались вести сообща войну съ Англіей. Испанія отложила объявленіе войны только до возвращенія своего флота, нагруженнаго сокровищами Америки.

Существованіе трактата не могло оставаться тайною для Питта. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ слѣдовало ожидать отъ человѣка съ его способностями и энергіею. Онъ предложилъ объявить войну Испаніи и въ то же время захватить флотъ, идущій изъ Америки. Онъ рѣшился безъ замедленія напасть на Гавану и острова Филиппинскіе.

Этотъ благоразумный и энергическій совѣтъ былъ отвергнутъ. Первый воспротивился ему Бьютъ и былъ поддержанъ почти всѣмъ кабинетомъ. Нѣкоторые министры сомнѣвались, или показывали видъ, будто сомнѣваются въ точности извѣстій, полученныхъ Питтомъ. Другіе отступили передъ отвѣтственностью, связанною съ поддержкой столь смѣлаго и энергическаго образа дѣйствій. Инымъ надоѣло преобладаніе Питта, и они рады были всякому предлогу избавиться отъ него. Изъ всѣхъ министровъ только зять Питта, графъ Темпль, соглашался съ нимъ.

Питтъ и Темпль вышли въ отставку. Съ Питтомъ молодой король простился самымъ милостивымъ образомъ. Питтъ, всюду гордый и надменный, но кроткій и смиренный въ кабинетѣ короля, былъ тронутъ даже до слезъ. Король и любимецъ его настаивали, чтобы онъ принялъ существенный знакъ королевской благодарности. Не желаетъ ли онъ быть назначеннымъ губернаторомъ въ Канаду? Въ такомъ случаѣ, онъ будетъ получать 5.000 ф. ст. жалованья въ годъ; пребываніе въ Канадѣ будетъ для него вовсе не обязательно. Правда, что, по тогдашнимъ законамъ, губернаторъ Канады не могъ быть членомъ палаты общинъ. Но можно предложить билль, дозволяющій Питту соединить губернаторство съ мѣстомъ въ палатѣ; во вступленіи къ биллю можно изложить права Питта на благодарность страны. Питтъ деликатно отвѣчалъ, что онъ болѣе заботится о своей женѣ и дѣтяхъ, чѣмъ о самомъ себѣ, и что для него самымъ пріятнымъ знакомъ королевской милости было бы все, могущее принести пользу для лицъ, самыхъ дорогихъ ему. Намекъ былъ понятъ. Въ томъ же нумерѣ газеты, гдѣ извѣщали объ отставкѣ статсъ-секретаря, извѣщали также, что, въ уваженіе его великихъ общественныхъ заслугъ, супруга его лично возводится въ перское достоинство, а ему самому назначается пенсія въ 3.000 ф. ст. ежегодно, имѣющая распространиться на три поколѣнія. Безъ сомнѣнія, полагали, что почести и награды, данныя великому министру, будутъ имѣть примирительное вліяніе на общественное мнѣніе. Можетъ быть, думали также, что популярность, которою онъ обязанъ отчасти постоянно выказываемому имъ презрѣнію къ деньгамъ, будетъ нѣсколько потрясена тѣмъ, что онъ получилъ пенсію. И дѣйствительно, появилось множество пасквилей, въ которыхъ обвиняли его въ томъ, что онъ продалъ свою страну. Многіе изъ его искреннихъ друзей думали, что онъ лучше сохранилъ бы достоинство своего характера, еслибы отказался отъ денежной награды двора. Тѣмъ неменѣе, общее мнѣніе о его талантахъ, добродѣтеляхъ и заслугахъ нисколько не измѣнилось. Изъ многихъ большихъ городовъ были посланы къ нему адресы. Лондонъ выразилъ свое сочувствіе и одобреніе болѣе осязательнымъ образомъ. Вскорѣ послѣ его отставки, наступилъ праздникъ лорда-мера. Король и королевское семейство обѣдали въ Гильдголлѣ. Питтъ былъ въ числѣ гостей. Молодой государь, ѣхавшій со своею

супругой въ парадной коляскѣ, получилъ памятный урокъ: на него едва обратили вниманіе; всѣ глаза были обращены на павшаго министра, всѣ восклицанія относились къ нему. Народъ, стоявшій на улицахъ, балконахъ, крышахъ, привѣтствовалъ его восторженными кликами; дамы махали изъ оконъ платками; простолюдины цѣплялись за колеса кареты, жали руку лакею и даже цѣловали лошадей. Клики: «Не нужно Бьюта! не нужно сома-Ньюкастля!»—смѣшивались съ кликами: «Да здравствуетъ Питтъ на-вѣки!» Когда Питтъ вошелъ въ залу, его встрѣтили громкими криками и рукоплесканіями, въ которыхъ приняли участіе и члены городоваго управленія Сити. Въ то же время, Бьютъ былъ сопровождаемъ свистками и бранью черезъ весь Чипсайдъ; думали даже, что жизнь его подверглась бы опасности, если бы онъ не окружилъ своего экипажа сильнымъ отрядомъ боксёровъ. Многіе осуждали образъ дѣйствій Питта въ атомъ случаѣ, видя въ немъ неуваженіе къ королю. Даже самъ Питтъ признавался послѣ, что поступилъ дурно. Въ ато заблужденіе, какъ послѣ въ болѣе серьёзныя заблужденія, ввелъ его буйный и злостный зять его Темпль.

Событія, непосредственно послѣдовавшія за отставкой Питта, возвысили славу его до такой степени, какой она никогда не достигала. Война съ Испаніей оказалась неизбѣжною, какъ онъ и предсказывалъ. Изъ Вестъ-Индіи получено было извѣстіе, что Мартиника взята экспедиціей, которую онъ снарядилъ. Гавана пала, а извѣстно было, что онъ составилъ планъ нападенія на Гавану. Манилья сдалась: предполагали, что онъ замышлялъ нанести ударъ Манильѣ. Американскій флотъ, который онъ намѣревался захватить, вошелъ въ кадикскую гавань съ огромнымъ грузомъ драгоцѣнныхъ камней прежде, чѣмъ Бьютъ успѣлъ убѣдиться во враждебныхъ намѣреніяхъ мадритскаго двора.

Парламентская сессія, слѣдовавшая за удаленіемъ Питта, прошла безъ сильной бури. Лордъ Бьютъ принялъ на себя самую значительную роль въ верхней палатѣ. Онъ сдѣлался статсъ-секретаремъ и въ сущности былъ первымъ министромъ, хотя ни разу не говорилъ передъ публикою, кромѣ какъ съ подмостковъ театра. Вотъ почему всѣ интересовались узнать, какъ онъ исполнитъ свою роль. Члены палаты общинъ собрались у рѣшетки палаты лордовъ и тѣснились у ступеней трона. Всѣ ожидали, что ораторъ падетъ; но даже самые предубѣжденные слушатели должны были сознаться, что

онъ оказался талантливѣе, чѣмъ предполагали. Правда, что многіе смѣялись надъ его дикціею, слишкомъ театральною, надъ его слогомъ, слишкомъ напыщеннымъ. Особенно забавны были слишкомъ долгія паузы, происходившія не отъ колебанія, а изъ аффектаціи—при всякомъ словѣ, на которое онъ хотѣлъ обратить особенное вниманіе; и Чарльзъ Таунзгендъ кричалъ: «Минутный выстрѣлъ!» Впрочемъ, по общему мнѣнію, Бьютъ могъ бы сдѣлаться ораторомъ, способнымъ производить впечатлѣніе, еслибы раньше началъ упражняться въ преніяхъ.

Въ палатѣ общинъ мѣсто вождя было поручено Джорджу Гренвилю. Задача тогда не была трудною, ибо Питтъ не считалъ нужнымъ подымать знамя оппозиціи. Его рѣчи той эпохи отличаются не только даромъ слова, которымъ онъ превосходилъ всѣхъ своихъ соперниковъ, но и умѣренностью и скромностью—качествами, которыхъ часто недоставало его характеру. Когда была объявлена война Испаніи, онъ справедливо требовалъ признанія за нимъ чести предвидѣнія того, что потомъ для всѣхъ сдѣлалось яснымъ, но онъ тщательно воздерживался отъ высокомѣрныхъ и желчныхъ выраженій. Такое воздержаніе было тѣмъ почтеннѣе, что его характеръ, никогда не отличавшійся спокойствіемъ, подвергся тогда тяжкому испытанію и отъ подагры, и отъ клеветы. Придворные избрали тогда такой способъ борьбы, который скоро съ громаднѣйшимъ успѣхомъ былъ обращенъ противъ нихъ самихъ. Половина населенія Грёбъ-Стрита (*) заплатила счетъ своимъ молочницамъ и выкупила изъ залога свои рубашки нападеніями на Питта. Его война въ Германіи, субсидіи, пенсія, полученная имъ, перство жены—все это для голодныхъ стихоплетовъ Флита обратилось въ куски говядины, въ джинъ, въ одѣяла на постели и въ корзины угля для отопленія. Даже въ палатѣ общинъ, во время этой сессіи, онъ подвергся разъ наглому и злостному нападенію, возбудившему негодованіе людей всѣхъ партій; но онъ сносилъ оскорбленія съ величавымъ терпѣніемъ. Въ свои молодые годы, онъ былъ скоръ на отмщеніе тѣмъ, кто нападалъ на него; но теперь, сознавая свои заслуги и мѣсто, которое онъ занималъ во мнѣніи цѣлаго міра, онъ не останавливался на личныхъ оскорбленіяхъ. «Теперь, — говорилъ

(*) Гдѣ жили мелкіе писатели того времени.

онъ при преніяхъ по поводу Испанской войны,—не время для перебранокъ и взаимныхъ обвиненій. Насталъ день, когда каждый англичанинъ долженъ защищать свою страну. Вооружимся всѣ, будемъ дѣйствовать единодушно, забудемъ все, кромѣ общаго дѣла! Я могу служить вамъ примѣромъ: преслѣдуемый клеветой, мучимый болѣзнью, я забываю для общественнаго блага и личныя оскорбленія и недугъ.» Обозрѣвая всю его жизнь, мы склоняемся къ тому мнѣнію, что его геній и добродѣтель никогда не сіяли болѣе чистымъ блескомъ, какъ во время сессіи 1762 г.

Сессія приближалась къ концу, и Бьютъ, поощренный покорностью палаты, рѣшился па другой важный шагъ — стать первымъ министромъ и по имени и на дѣлѣ. Коалиція, которая, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, казалась всемогущею, распалась. Отставка Питта лишила министерство популярности. Ньюкастль былъ чрезвычайно доволенъ паденіемъ своего славнаго товарища, которому онъ завидовалъ и котораго боялся, и не предвидѣлъ, что готовится его собственное паденіе. Онъ старался обольстить себя мыслью, что стоитъ во главѣ правленія; но оскорбленіе за оскорбленіемъ, наносимыя ему, скоро разубѣдили его. Должности, назначеніе на которыя онъ считалъ своимъ правомъ, теперь замѣщались безъ сношенія съ нимъ. Его жалобы только вызывали ясные намеки, что ему пора удалиться. Однажды, когда онъ представлялъ Бьюту права одного прелата изъ виговъ на санъ архіепископа іоркскаго, тотъ сказалъ ему: «Если вы, ваша милость, такъ высоко цѣните этого человѣка, то я удивляюсь, почему вы не дали ему мѣста, когда власть была въ вашихъ рукахъ.» Но старикъ, подобно утопающему, отчаянно хватался за каждую щепку. Дѣйствительно, рѣдко кротость и смиреніе истиннаго христіанина могли равняться съ кротостью и смиреніемъ его терпѣливаго и низкаго честолюбія. Наконецъ, онъ принужденъ былъ понять, что все миновало. Онъ покинулъ дворъ, при которомъ, въ теченіе сорока пяти лѣтъ занималъ высокое положеніе, и скрылъ свой позоръ и сожалѣніе подъ тѣнью клермонтскихъ кедровъ. Бьютъ сдѣлался первымъ лордомъ казначейства.

Фаворитъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ важную ошибку. Невозможно представить себѣ орудіе болѣе годное для его цѣли, чѣмъ то, которое онъ отбросилъ или, лучше сказать, предалъ въ руки враговъ.

Еслибы Ньюкастля оставить разыгрывать роль перваго министра, то Бьютъ спокойно и безопасно могъ бы пользоваться сущностью власти. Постепенное введеніе торіевъ во всѣ отрасли управленія могло быть совершено безъ сильнаго шума, еслибы предводитель великаго вигскаго союза оставался по имени во главѣ правительства. Это было энергически высказано Бьюту лордомъ Мансфильдомъ, человѣкомъ, котораго по справедливости можно назвать отцомъ новѣйшаго торизма, торизма, принаровленнаго къ порядку дѣлъ, при которомъ палата общинъ—самая сильная власть въ государствѣ. Теоріи, ослѣплявшія Бьюта, не могли имѣть вліянія на тонкій умъ Мансфильда. Смѣлость, съ которой Бьютъ вызывалъ на бой могущественные и глубокоукоренившіеся интересы, не нравилось Мансфильду, холодному и робкому отъ природы. Представленія его, впрочемъ, остались тщетными. Бьютъ нетерпѣливо слушалъ совѣты; успѣхъ опьянилъ его, и онъ спѣшилъ поскорѣе стать какъ по внѣшности, такъ и въ дѣйствительности главой администраціи. Онъ отважился на предпріятіе, въ которомъ ширмы были безусловно необходимы не только для успѣха, но даже для личной его безопасности. Онъ нашелъ эти ширмы именно тамъ, гдѣ онѣ были необходимы, и грубо оттолкнулъ ихъ.

Тогда новая правительственная система вступила въ полное дѣйствіе. Еще въ первый разъ со времени вступленія на престолъ Ганноверскаго дома, преимущество было на сторонѣ торіевъ. Самъ первый министръ былъ тори. Лордъ Эгремонтъ, занявшій мѣсто Питта въ должности статсъ-секретаря, былъ тори и сынъ торія. Сэръ Френсисъ Дашвудъ, человѣкъ, способный только къ незначительнымъ ролямъ, малоопытный, извѣстный своею безнравственностью, былъ назначенъ канцлеромъ казначейства, только на томъ основаніи, что онъ тори и былъ когда-то якобитомъ. Придворныя должности были замѣщены по бо́льшей части людьми, которыхъ любимый тостъ еще недавно былъ «за короля за моремъ». Относительное положеніе двухъ національныхъ центровъ учености быстро измѣнилось. Оксфордскій университетъ давно былъ центромъ недовольныхъ. Въ смутныя времена, Гай-Стритъ былъ обставленъ штыками; въ коллегіяхъ производились обыски королевскими посланными. Важные доктора цицероновскимъ тономъ проповѣдывали

измѣну; учащееся юношество пило якобитскіе тосты и пѣло якобитскія пѣсни. Изъ четверыхъ канцлеровъ университета одинъ открыто находился въ службѣ у претендента, а трое остальныхъ были подозрѣваемы въ тайной перепискѣ съ изгнанной династіей. Вотъ почему Кембриджскій университетъ пользовался особенною милостью государей изъ Ганноверскаго дома и былъ признателенъ за это покровительство. Георгъ I обогатилъ его библіотеку, Георгъ II щедро помогалъ Сенатъ-Гаусу. Епископства и деканства отдавались преимущественно его воспитанникамъ. Канцлеромъ его былъ Ньюкастль, глава вигской аристократіи; его оберъ-сенешаломъ былъ Гардвикъ, глава вигскихъ юристовъ; оба его парламентскіе депутата занимали мѣста въ вигскомъ управленіи. Времена перемѣнились. Кембриджскій университетъ былъ принятъ въ Сентъ-Джемсѣ съ холодностью, отвѣтъ на адресъ Оксфордскаго былъ чрезвычайно благосклоненъ и радушенъ.

Лозунгомъ новаго министерства были королевская прерогатива и неподкупность. Государь не долженъ быть игралищемъ одного подданнаго или нѣсколькихъ подданныхъ, соединенныхъ вмѣстѣ. Георгъ III не долженъ быть принуждаемъ принять неугоднаго ему министра, какъ дѣдъ его былъ принужденъ принять Питта. Онъ не обязанъ увольнять тѣхъ, кого хотѣлъ бы наградить, какъ дѣдъ его былъ принужденъ разстаться съ Картеретомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, система подкуповъ, развившаяся въ предшествующее царствованіе, должна прекратиться. Было хвастливо провозглашено, что со вступленія на престолъ Георга III ни избиратели, ни представители не получали ничего изъ секретныхъ суммъ. Освободить Великобританію отъ подкуповъ и олигархическихъ партій, оторвать ее отъ котинентальныхъ союзовъ, окончить кровопролитную и дорого стоющую войну съ Испаніей и Франціей—вотъ благовидныя цѣли, достигнуть которыхъ Бьютъ выразилъ намѣреніе.

Нѣкоторыхъ изъ этихъ цѣлей онъ достигъ. Англія прервала свой германскій союзъ, что стоило ей нарушенія даннаго обѣщанія. Война съ Франціей и Испаніей окончилась миромъ, конечно, почетнымъ и выгоднымъ, но менѣе почетнымъ и выгоднымъ, чѣмъ можно было ожидать послѣ длиннаго и почти непрерывнаго ряда побѣдъ во всѣхъ частяхъ свѣта, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Но во внут-

реннихъ дѣлахъ единственнымъ результатомъ правленія Бьюта было то, что партіи сдѣлались еще ожесточеннѣе, а подкупъ — еще грязнѣе.

Взаимная вражда виговъ и торіевъ начала ослабѣвать послѣ паденія Вальполя и, казалось, совсѣмъ угасла въ концѣ царствованія Георга II. Теперь она воскресла во всей своей силѣ. Правда, что многіе виги еще сохраняли свои мѣста. Герцогъ Бедфордъ подписалъ трактатъ съ Франціей. Герцогъ Девонширъ, хотя далеко не довольный, оставался лордомъ-каммергеромъ. Гренвилль, вождь нижней палаты, и Фоксъ, въ тишинѣ пользовавшійся огромными выгодами своего мѣста въ казначействѣ, считались постоянно рѣзкими вигами. Но большинство партіи, разсѣянное въ странѣ, съ отвращеніемъ глядѣло на новаго министра. Дѣйствительно, не было недостатка въ поводахъ къ успѣшному нападенію на него. Онъ былъ фаворитъ, а фавориты всегда были ненавистны въ странѣ. Еще ни одинъ фаворитъ не стоялъ — единственно только въ силу фаворитства — во главѣ правительства съ тѣхъ поръ, какъ кинжалъ Фельтона поразилъ герцога Боккингама. Послѣ этого событія, самый деспотическій и самый легкомысленный изъ Стюартовъ понялъ необходимость вручить главное завѣдываніе дѣлами страны людямъ, представившимъ доказательства своихъ парламентскихъ или административныхъ способностей. Страффордъ, Фокландъ, Кларендонъ, Клиффордъ, Шафтсбёри, Лодердаль, Данби, Темпль, Галифаксъ, Рочестеръ, Сондерландъ, каковы бы ни были ихъ недостатки, всѣ отличались признанными талантами. Своимъ возвышеніемъ они не обязаны были милости государя; но милостью государя они были обязаны своимъ достоинствамъ. Дѣйствительно, многіе изъ нихъ обратили на себя вниманіе двора способностями и энергіей, выказанными въ оппозиціи. Революція, казалось, навсегда обезпечила страну отъ управленія какого-нибудь Карра или Вилльерза. Теперь однако, личная привязанность короля возвысила человѣка, ничего не понимавшаго въ государственныхъ дѣлахъ, ни разу не открывшаго рта въ парламентѣ, надъ цѣлою толпою отличныхъ ораторовъ, финансеровъ и дипломатовъ. Изъ частнаго человѣка этотъ счастливый любимчикъ сдѣлался вдругъ статсъ-секрета-

ремъ. Свою «дѣвственную» рѣчь (*) онъ произнесъ уже будучи во главѣ администраціи. Масса объяснила этотъ феноменъ самымъ пошлымъ образомъ, и грубѣйшіе нападки на принцессу-мать появились въ памфлетахъ, прибитыхъ на стѣнахъ, въ пѣсняхъ, распѣваемыхъ по улицамъ.

Мало этого, духъ партій, неполитичнымъ вызовомъ пробужденный отъ долгаго сна, поднялъ фурію, еще болѣе дикую, еще болѣе жестокую—духъ народной вражды. Съ ненавистью виговъ къ торіямъ соединилась ненависть англичанъ къ шотландцамъ. Двѣ вѣтви великаго британскаго народа еще не были слиты нераздѣльно. События 1715 и 1745 гг. оставили тяжелое и трудно изгладимое впечатлѣніе. Купцы корнгильскіе жили въ постоянномъ опасеніи видѣть свои конторки и магазины разграбленными голоногими грампіанскими горцами; они помнили ту «черную пятницу», когда получено было извѣстіе, что мятежники въ Дерби; когда лавки въ Сити были закрыты и англійскій банкъ началъ производить платежи шестипенсовыми монетами. Шотландцы, съ другой стороны, припоминали съ естественною злобою строгое наказаніе мятежниковъ, оскорбленія солдатъ, унизительные законы, головы, воткнутыя на Темпль-Барѣ, костры и четвертованія на Кеннингтонъ-Коммонѣ. Фаворитъ какъ будто не хотѣлъ, чтобы англичане забыли, изъ какой части острова онъ явился. Весь югъ поднялъ крикъ, что общественныя должности, армія и флотъ наводнены нолнощскими Друммондами, Эрскинами, Макдональдами и Макгилливреями, которые не говорятъ христіанскимъ языкомъ и только недавно надѣли панталоны, какъ прилично христіанину. Всѣ старыя шутки о холмахъ безъ деревьевъ, дѣвушкахъ безъ чулокъ, людяхъ, питающихся лошадинымъ фуражемъ, ведрахъ, выливаемыхъ изъ четырнадцатаго этажа — были направлены противъ этихъ счастливыхъ искателей приключеній. Къ чести шотландцевъ надо замѣтить, что благоразуміе и гордость мѣшали имъ мстить тѣмъ же оружіемъ. Подобно принцессѣ въ «Арабской сказкѣ», они крѣпко заткнули уши; не обращая вниманія на рѣзкіе крики оскорбленія и, не смотря по сторонамъ, прямо пошли къ источнику золота.

(*) Maiden Speech — называется первая рѣчь, произнесенная ораторомъ въ парламентѣ.

Бьютъ, котораго всегда считали человѣкомъ со вкусомъ и начитаннымъ, принялъ на себя со времени возвышенія роль мецената. Если онъ надѣялся покровительствомъ литературѣ и искусствамъ примирить съ собою общественное мнѣніе, то жестоко ошибся. Дѣйствительно, выборъ лицъ, осыпаемыхъ его милостями, за исключеніемъ Джонсона, нельзя назвать удачнымъ, и публика естественно приписывала выборъ Джонсона болѣе политическимъ предразсудкамъ, чѣмъ литературнымъ достоинствамъ доктора, ибо ничтожный писака, по имени Шеббиръ, который сходился съ Джонсономъ только въ яромъ якобитизмѣ и который стоялъ у позорнаго столба за памфлетъ противъ Революціи, былъ удостоенъ такихъ же знаковъ королевской милости, какъ и составитель *«Англійскаго словаря»* и авторъ поэмы: *«Суетность человѣческихъ желаній»*. Всѣ замѣтили, что шотландецъ Адамъ сдѣланъ былъ придворнымъ архитекторомъ, а шотландецъ Рамсей — придворнымъ живописцемъ и предпочтенъ Рейнольдзу. Маллетъ, шотландецъ, не пользовавшійся высокою литературною славой и извѣстный своимъ безчестнымъ характеромъ, былъ сильно облагодѣтельствованъ дворомъ. Джонъ Гомъ, тоже шотландецъ, за трагедію *«Дугласъ»* получилъ и пенсію и синекуру. Но когда авторъ *«Барда»* и *«Элегіи на сельскомъ кладбищѣ»* [10] явился просить мѣсто профессора, въ жалованьи котораго онъ такъ сильно нуждался и для обязанностей котораго онъ былъ способнѣе всякаго другаго,— ему отказали; мѣсто это занялъ педагогъ, подъ надзоромъ котораго въ сэрѣ Джемсѣ Лоутерѣ, любимомъ зятѣ лорда Бьюта, развились въ такой замѣчательной степени грація и всѣ человѣческія добродѣтели.

Такимъ образомъ, многіе ненавидѣли въ первомъ лордѣ казначейства торія, другіе—фаворита, а иные—шотландца. Всѣ эти враждебныя чувства, исходящія изъ различныхъ источниковъ, скоро слились и цѣлымъ потокомъ устремились на мирный трактатъ. Герцогъ Бедфордъ, заключавшій его, былъ освистанъ на улицѣ. На Бьюта напали, когда онъ ѣхалъ въ экипажѣ и его едва выручилъ отрядъ гвардіи. Онъ едва ли могъ ходить по улицамъ, не переряжаясь въ чужой костюмъ. Джентльменъ, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ, разсказывалъ, что онъ разъ встрѣтилъ графа-временщика у Ковентъ-

[10] Томасъ Грей, котораго элегія была два раза переведена Жуковскимъ.

гарденскаго театра, закутаннаго въ широкій плащъ, со шляпой и парикомъ, надвинутыми на лобъ. Толпа обыкновенно олицетворяла его милость въ ботфортѣ (jackboot)—жалкая игра словъ надъ его имепемъ и титуломъ ([11]). Такой ботфортъ, по большей части вмѣстѣ съ юбкой ([12]), то вѣшали на висѣлицу, то кидали въ огонь. Пасквили на дворъ въ стихахъ и прозѣ, смѣлостью и негодованіемъ превосходившіе все, написанное въ этомъ родѣ, появлялись ежедневно. Вильксъ дерзко и живо сравнивалъ мать Георга III съ матерью Эдуарда III, а шотландца-министра съ граціозпымъ Мортимеромъ. Чорчилль со всею энергіей непависти оплакивалъ судьбу своей страны, наводненной новымъ дикимъ племенемъ, болѣе жестокимъ и свирѣпымъ, чѣмъ пикты или датчане, бѣдные, гордые сыны проказы и голода. Замѣчательно и то незначительное обстоятельство, что въ этомъ году впервые начали вполнѣ выписывать имена тѣхъ важныхъ особъ, на которыхъ нападали. Георга II, обыкновенно, обозначали буквою к (King, король); его министровъ буквами: sir R. W. (Робертъ Вальполь), Mr. P. (Польтни), Duck of N. (герцогъ Ньюкастль), но порицатели Георга III, его матери и лорда Бьюта не выпускали ни одной буквы изъ ихъ именъ.

Предполагали, что лордъ Темпль втайнѣ поощрялъ самыхъ яростныхъ враговъ правительства. Дѣйствительно, тѣ, кто хорошо зналъ его, слѣдили за нимъ, какъ люди слѣдятъ за кротомъ: онъ былъ способенъ къ подземной работѣ. Когда летѣлъ комокъ грязи, можно было предполагать, что Темпль приготовилъ его въ какомъ-нибудь подземномъ лабиринтѣ. Питтъ отвернулся отъ грязныхъ дѣлъ оппозиціи съ такимъ же презрѣніемъ, съ какимъ отворачивался отъ грязныхъ дѣлъ министерства. Онъ величаво высказывалъ повсюду то презрѣніе, съ которымъ смотрѣлъ, какъ его же приверженцы оскорбляли шотландскій народъ, и не пропускалъ случая похвалить мужество и вѣрность, оказанныя полками гайлендеровъ во все продолженіе войны. Но, хотя онъ презиралъ всякое другое оружіе, кромѣ законнаго и честнаго, хорошо было извѣстно, что его открытые удары гораздо опаснѣе ранъ, наносимыхъ изъ-за угла кинжаломъ его зятя.

([11]) Boot—Bute. Jack—уменьшительное отъ John.

([12]) Намекъ на шотландское происхожденіе.

Мужество начало оставлять Бьюта. Засѣданія парламента скоро должны были открыться. Трактатъ долженъ былъ немедленно подвергнуться обсужденію. Было весьма вѣроятно, что Питтъ, великая вигская коалиція и большинство станутъ на одну сторону. Фаворитъ показывалъ пренебреженіе къ тѣмъ средствамъ, при помощи которыхъ предшествующіе министры поддерживали доброе расположеніе палаты. Теперь онъ началъ думать, не былъ ли онъ слишкомъ разборчивъ. Его утопическія грезы разсѣялись. Необходимо стало не только подкупать; но для вознагражденія потеряннаго времени приходилось дѣйствовать безстыднѣе и позорнѣе прежнихъ министровъ. Нужно было обезпечить себѣ большинство какими-бы то-ни-было средствами. Можетъ ли Гренвилль сдѣлать это? Захочетъ ли онъ дѣйствовать? Его твердость и искусство еще не подвергались испытанію въ опасныхъ кризисахъ. Его, обыкновенно, считали скромнымъ послѣдователемъ своего брата Темпля и своего зятя Питта, и предполагали, хотя и не совсѣмъ основательно, что онъ слишкомъ благосклонно расположенъ къ нимъ, и нужно искать помощи въ другихъ. Къ кому же обратиться?

Былъ человѣкъ, твердая и сильная логика котораго нерѣдко выдерживала соперничество съ гордою и страстною рѣчью Питта, котораго талантъ къ интригѣ равнялся таланту къ преніямъ, — котораго смѣлый духъ не отступалъ ни предъ затрудненіемъ, ни предъ опасностью,—который такъ же мало смущался нравственными началами, какъ и страхомъ. Если Генри Фоксъ не отвратитъ угрожающей бури, то никто не въ состояніи сдѣлать этого. Тѣмъ неменѣе дворъ даже въ крайности неохотно бы обратился къ нему. Его всегда считали вигомъ изъ виговъ. Онъ былъ другомъ и ученикомъ Вальполя; онъ долго былъ связанъ тѣсными узами съ герцогомъ Вилліамомъ Кумберландомъ. Торіи ненавидѣли его болѣе, чѣмъ кого-либо другаго. Отвращеніе ихъ къ нему было такъ сильно, что когда, въ послѣднее царствованіе, онъ пытался составить коалицію противъ Ньюкастля, торіи всѣми своими силами поддержали Ньюкастля. Шотландцы ненавидѣли Фокса, какъ друга и повѣреннаго Куллоденскаго побѣдителя. Принцесса-мать имѣла личныя причины не любить Фокса, ибо, по смерти ея супруга, онъ совѣтовалъ покойному королю взять изъ ея рукъ воспитаніе ея сына, наслѣдника

престола. Не задолго до того Фоксъ нанесъ ей обиду, можетъ быть, еще болѣе чувствительную: онъ питалъ честолюбивую, нелишенную нѣкотораго основанія, надежду на то, что его прекрасная свояченица—леди Сарра Леннокcъ сдѣлается англійскою королевой. Замѣчено было, что король, одно время, ежедневно проѣзжалъ близъ Голландъ-Гауса, а леди Сарра, въ маскарадномъ нарядѣ пастушки, собирала траву на лугу, тогда не отдѣлявшемся оградой отъ дороги. По извѣстности роли, которую принялъ на себя Фоксъ въ этой странной любовной исторіи, одинъ только онъ изъ членовъ тайнаго совѣта не былъ приглашенъ на собраніе, на которомъ его величество объявлялъ о своемъ предполагаемомъ бракѣ съ мекленбургскою принцессою. Казалось, что изъ всѣхъ государственныхъ людей того времени съ Фоксомъ менѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ, могъ дѣйствовать за одно, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, Бьютъ—тори, шотландецъ, любимецъ принцессы-матери. Тѣмъ неменѣе, Бьютъ долженъ былъ обратиться къ Фоксу.

У Фокса было много благородныхъ и любезныхъ качествъ, проявлявшихся въ полномъ блескѣ въ частной жизни и возбуждавшихъ въ дѣтяхъ, слугахъ и друзьяхъ любовь къ нему; но, какъ человѣкъ общественный, Фоксъ вовсе не заслуживалъ уваженія. Свойства, общія всей вальполевской школѣ, выразились въ немъ, если не въ самой худшей, то въ самой выпуклой формѣ, ибо парламентскія и административныя способности его придавали болѣе рельефности его недостаткамъ. Мужество, необузданность характера и пренебреженіе къ внѣшности—побуждали его выставлять на видъ то, что люди, столь же нещекотливые, какъ и онъ, прятали подъ покровомъ приличія. Онъ былъ самымъ непопулярнымъ изъ государственныхъ людей своего времени—не потому, что болѣе другихъ грѣшилъ, а потому, что менѣе лицемѣрилъ.

Онъ сознавалъ свою непопулярность, но сознавалъ, какъ сознаютъ люди, сильные духомъ. Онъ сдѣлался не осторожнѣе, а беззаботнѣе, и принималъ негодованіе всей страны съ гордымъ видомъ человѣка, вызывающаго на бой. Онъ былъ отъ природы мягокъ и великодушенъ; но, подстрекаемый и оскорбляемый, онъ сдѣлался свирѣпъ, чѣмъ вовсе не было въ его характерѣ и что изумляло и

огорчало людей, близко знавшихъ его.—Таковъ былъ человѣкъ, къ которому Бьютъ, въ крайности, обратился за помощью.

Фоксъ вовсе не былъ не расположенъ подать помощь. Хотя отъ природы нисколько не завистливый, онъ, безъ сомнѣнія, смотрѣлъ на успѣхъ и популярность Питта съ горькимъ чувствомъ. Онъ считалъ себя равнымъ Питту въ преніяхъ и выше его въ веденіи дѣлъ. На нихъ привыкли смотрѣть, какъ на достойныхъ противниковъ. Долго они крѣпко держались на пути честолюбія и шли не отставая другъ отъ друга. Наконецъ, перевѣсъ оказался на сторонѣ Фокса: Питтъ палъ. Потомъ послѣдовала быстрая перемѣна счастья, какъ въ бѣгѣ, описанномъ Виргиліемъ. Фоксъ оступился въ грязи и не только былъ побѣжденъ, но и размаранъ. Питтъ достигъ цѣли и получилъ призъ. Жалованье казначея могло принудить государственнаго человѣка, потерпѣвшаго неудачу, молча покориться преимуществу своего соперника, но оно не могло успокоить духъ, сознающій въ себѣ великія силы, духъ, впавшій отъ множества оскорбленій въ болѣзненное состояніе. Вотъ почему, лишь только поднялась партія, противившаяся войнѣ и преобладанію великаго военнаго министра, надежды Фокса начали оживляться. Онъ былъ готовъ забыть свою борьбу съ принцессой-матерью, шотландцами, торіями, если только, съ помощью своихъ старыхъ враговъ, онъ можетъ возвратить себѣ потерянное значеніе и вступить въ борьбу съ Питтомъ на равныхъ правахъ.

Вотъ почему союзъ былъ скоро заключенъ. Фокса увѣрили, что если онъ выведетъ правительство изъ затруднительнаго положенія, то получитъ перство, чего онъ давно желалъ. Онъ взялся всѣми позволительными и непозволительными средствами побуждать палату благосклонно принять мирный трактатъ. Вслѣдствіе этого условія онъ сдѣлался вождемъ нижней палаты; Гренвиль, проглотивъ, какъ умѣлъ, обиду, печально принялъ это измѣненіе.

Фоксъ надѣялся своимъ вліяніемъ обезпечить двору искреннюю поддержку нѣкоторыхъ замѣчательныхъ виговъ, бывшихъ личными его друзьями, особенно герцоговъ Комберланда и Девоншира. Онъ скоро разочаровался и увидѣлъ, что ко всѣмъ другимъ затрудненіямъ онъ долженъ еще присоединить оппозицію самаго способнаго изъ принцевъ крови и семейства великаго дома Кавендишей.

Но онъ далъ себѣ слово побѣдить, а къ отступленію онъ былъ неспособенъ. Деликатничать было не время. Бьютъ далъ ему понять, что министерство можетъ быть спасено только употребленіемъ тактики Вальполя въ размѣрахъ, передъ которыми остановился бы самъ Вальполь. Казначейство обратилось въ рынокъ для покупки голосовъ. Сотни членовъ палаты, поочередно, запирались съ Фоксомъ и, каждый, надо полагать, выносилъ оттуда плату за свой позоръ. Лица, имѣвшія возможность получить свѣдѣнія изъ лучшихъ источниковъ, утверждали, что 25000 ф. ст. было роздано въ одно утро. Самая меньшая сумма равнялась банковому билету въ 200 ф. ст.

Устрашеніе было соединено съ подкупомъ. Всюду старались внушить мысль, что король требуетъ повиновенія своей волѣ. Лорды намѣстники нѣсколькихъ графствъ были отставлены. Герцогу Девонширу суждено было сдѣлаться жертвой, судьба которой должна служить предостереженіемъ для другихъ англійскихъ вельможъ. Ни богатство, ни званіе, ни вліяніе, ни безукоризненный характеръ его, ни постоянная преданность его семейства Ганноверскому дому — не могли спасти его отъ грубаго, личнаго оскорбленія. Извѣстно было, что онъ не одобряетъ образа дѣйствій правительства, и потому было рѣшено смирить «князя виговъ», какъ его называла, въ насмѣшку, принцесса-мать. Онъ явился во дворецъ, представиться. «Передайте ему, сказалъ король пажу, что я не хочу видѣть его.» Пажъ колебался.—«Ступайте же, сказалъ король, и передайте именно этими словами!»—Приказаніе было исполнено. Герцогъ бросилъ свой золотой ключъ и вышелъ съ гнѣвомъ. Его родственники, бывшіе на службѣ, немедленно вышли въ отставку. Нѣсколько дней спустя, король велѣлъ принести къ себѣ списокъ членовъ тайнаго совѣта и собственноручно вычеркнулъ имя герцога.

Этотъ поступокъ, хотя и неблагоразумный и недобродушный, показываетъ, по крайней мѣрѣ, присутствіе мужества. Но если высокое положеніе не спасало отъ мщенія двора, то не спасало также и низкое. Преслѣдованіе, въ размѣрахъ, неизвѣстныхъ ни прежде, ни послѣ, свирѣпствовало во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія. Множество скромныхъ и дѣятельныхъ чиновниковъ было лишено куска хлѣба, не потому, чтобы они пренебрегали своими занятіями или дѣйствовали противъ министерства, а просто потому,

что были обязаны своими мѣстами рекомендаціи какого-нибудь нобльмена или джентльмена, который былъ теперь противникомъ мира. Преслѣдованіе распространилось на таможенниковъ, досмотрщиковъ, швейцаровъ и т. п. Одинъ бѣднякъ, получавшій пенсію за мужество въ стычкѣ съ контрабандистами, лишился ея, потому что ему покровительствовалъ герцогъ Графтонъ. Престарѣлая вдова, получившая за заслуги мужа, бывшаго моряка, мѣсто экономки въ одномъ общественномъ заведеніи, лишилась этого мѣста, потому, что, какъ полагали, она была въ свойствѣ съ семействомъ Кавендишей. Общественный ропотъ становился, какъ и надо было полагать, день-ото-дня громче. Но чѣмъ громче онъ раздавался, тѣмъ энергичнѣе продолжалъ Фоксъ идти по избранному пути. Старые друзья его не могли понять, что имъ овладѣло. «Я могу простить Фоксу, говорилъ герцогъ Кумберландъ, его политическую измѣнчивость, но я совершенно сбитъ съ толку его безчеловѣчіемъ: до сихъ поръ, онъ, безъ сомнѣнія, былъ добрѣйшимъ изъ людей.»

Наконецъ, Фоксъ зашелъ такъ далеко, что поднялъ юридическій вопросъ: обязываютъ ли Георга III патенты, подписанные Георгомъ II?—т. е., еслибы его товарищи не поколебались, онъ заразъ изгналъ бы всѣхъ контролеровъ казначейства и объѣздныхъ судей.

Между тѣмъ собрался парламентъ. Министры, болѣе чѣмъ когда-либо ненавидимые народомъ, были увѣрены, что большинство станетъ за нихъ, и имѣли причины расчитывать на успѣхъ въ преніяхъ и подачѣ голосовъ, ибо сильный припадокъ подагры задерживалъ Питта въ комнатѣ. Друзья его старались-было отсрочить пренія о трактатѣ до его выздоровленія, но ихъ предложеніе было отвергнуто. Наступилъ великій день. Пренія уже начались, какъ вдругъ раздался, на дворѣ парламента, громкій крикъ, который все болѣе и болѣе приближался по лѣстницѣ и въ галлереѣ. Дверь отворилась и, посреди рукоплесканій толпы, слуги Питта внесли его на рукахъ. Лицо его было худо и блѣдно, ноги обернуты во фланель, въ рукахъ онъ держалъ костыль. Несшіе Питта оставили его у рѣшетки. Друзья немедленно окружили его, и съ помощью нихъ онъ добрался до своего мѣста близъ стола. Въ такомъ положеніи, онъ $3^1/_2$ часа говорилъ противъ мира. Впродолженіе этого времени, онъ принужденъ былъ постоянно садиться и принимать подкрѣпительныя

лекарства. Легко понять, что голосъ его былъ слабъ, мимика—неудовлетворительна, и самая рѣчь его, хотя мѣстами блестящая и афектная, не могла выдержать сравненія съ лучшими его рѣчами. Но кто помнилъ, что́ онъ сдѣлалъ, и видѣлъ, что́ онъ теперь терпѣлъ, тотъ слушалъ его съ волненіемъ, болѣе сильнымъ, нежели можетъ произвести одно краснорѣчіе. Онъ не могъ дождаться подачи голосовъ и былъ вынесенъ изъ собранія при рукоплесканіяхъ, столь же громкихъ, какъ и тѣ, которыми его встрѣтили.

Огромное большинство одобрило миръ. Восторгъ двора былъ безпредѣленъ. «Теперь, говорила принцесса-мать, сынъ мой настоящій король.» Самъ молодой государь говорилъ, что онъ свободенъ отъ тѣхъ узъ, которыя связывали его дѣда. Объявлено было, что въ одномъ отношеніи онъ всегда будетъ непоколебимъ: ни при какихъ обстоятельствахъ онъ не допуститъ, чтобы вигскіе вельможи, порабощавшіе его предшественника и старавшіеся поработить его самого, снова получили власть.

Это хвастовство было преждевременно. Истинная сила фаворита нисколько не соотвѣтствовала числу голосовъ, которыми онъ могъ бы располагать въ данномъ случаѣ. Скоро онъ снова испыталъ затрудненія. Самою важною статьей бюджета была подать съ сидра. Мѣра эта встрѣтила противодѣйствіе не только въ тѣхъ, кто былъ въ постоянной оппозиціи къ правительству, но и во многихъ изъ его приверженцевъ. Самое имя акциза было постоянно ненавистно торіямъ. Одно изъ главнѣйшихъ преступленій Вальполя, въ глазахъ ихъ, состояло въ его пристрастіи къ этому способу собиранія доходовъ. Тори Джонсонъ опредѣлилъ слово *акцизъ* въ своемъ *«Словарѣ»* такимъ оскорбительнымъ образомъ, что акцизные коммиссары серьёзно считали нужнымъ преслѣдовать автора. Графства, на которыя падала эта новая подать, всегда отличались торійскими мнѣніями. Джонъ Филипсъ, поэтъ англійскихъ виноградниковъ, хвастался тѣмъ, что эти округи постоянно были вѣрны престолу и что каждый садовый ножъ тысячи ихъ садовъ обращался въ мечъ на службу злополучной семьѣ Стюартовъ. Слѣдствіемъ финансоваго плана, предложеннаго Бьютомъ, было то, что джентри и йомены этихъ графствъ соединились со столичными вигами. Герфордширъ и Вустерширъ были объяты пламенемъ. Лондонское Сити, хотя и не такъ

прямо заинтересованное въ дѣлѣ, волновалось, если это возможно еще болѣе. Пренія по этому вопросу нанесли непоправимый вредъ министерству. Дашвудовы финансовыя соображенія были дотого неясны и невѣроятно нелѣпы, что палата встрѣтила ихъ взрывомъ хохота. Онъ имѣлъ достаточно смысла, чтобы понять свою неспособность для занимаемой имъ должности, и воскликнулъ съ комическимъ отчаяніемъ: «что я буду дѣлать? Мальчики станутъ указывать на меня пальцами на улицахъ и кричать: вотъ идетъ самый худшій изъ когда-либо бывшихъ канцлеровъ казначейства.» Джорджъ Гренвиллъ подоспѣлъ къ нему на помощь и энергически говорилъ на свою любимую тему о расточительности, съ которой ведена послѣдняя война. Вслѣдствіе этой расточительности, по его словамъ, необходимы были налоги. Отъ противной партіи онъ требовалъ указанія, какіе налоги она предпочитаетъ; на этомъ вопросѣ онъ остановился и, съ обычной велерѣчивостью, сказалъ: «Пусть они мнѣ укажутъ, съ чего надо взимать налоги? Я говорю, саръ, пусть они укажутъ. Я повторяю это, сэръ; я считаю себя обязаннымъ повторить это: пусть они мнѣ укажутъ.» Къ несчастью для него, Питтъ пришелъ, въ этотъ вечеръ, въ палату и былъ сильно раздраженъ замѣчаніями о войнѣ. Онъ отомстилъ за себя тѣмъ, что произнесъ жалобнымъ голосомъ, подобнымъ голосу Гренвилля, стихъ изъ извѣстной пѣсни: «Gentle shepherd! tell me where?» (13)—«Если, вскричалъ Гренвиллъ, такъ будутъ обходиться съ джентльменомъ....» Питтъ, какъ онъ всегда дѣлалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда желалъ высказать свое презрѣніе, покойно всталъ, поклонился и вышелъ изъ залы, оставивъ своего зятя въ припадкѣ бѣшенства, а всю палату въ припадкѣ хохота. Гренвиллъ надолго сохранилъ за собой названіе: «милаго пастушка».

Но министерству предстояло перенести еще болѣе серьёзныя непріятности. Ненависть торіевъ и шотландцевъ къ Фоксу была неумолима. Только въ минуту крайней опасности рѣшились они признать его своимъ вождемъ. Но отвращеніе къ нему высказалось, лишь только можно было предположить, что кризисъ миновалъ. Одни изъ нихъ нападали на управленіе его казначействомъ, другіе прерывали рѣчь его смѣхомъ и ироническими рукоплесканіями. Онъ

(13) «Милый пастушокъ! скажи мнѣ: гдѣ»?

естественно хотѣлъ выйти изъ положенія, столь непріятнаго, и требовалъ званія пера, которое было обѣщано ему въ награду за услуги.

Ясно было, что въ составѣ министерства должно произойти измѣненіе. Но едвали кто-нибудь, даже изъ лицъ, казавшихся посвященными во всѣ тайны управленія, могъ предсказать то, что дѣйствительно случилось. Къ удивленію парламента и народа, вдругъ было объявлено, что Бьютъ отказался отъ своей должности.

Этотъ странный поступокъ подалъ поводъ къ десяткамъ различныхъ объясненій. Иные приписывали его обдуманному намѣренію, другіе-внезапному страху. Иные говорили, что памфлеты оппозиціи принудили графа оставить свое поприще, другіе утверждали, что онъ хотѣлъ только прекратить войну, а потомъ, достигнувъ цѣли, удалиться. Въ обществѣ онъ объяснялъ свою отставку разстроеннымъ здоровьемъ; людямъ близкимъ онъ говорилъ, что товарищи вовсе не поддерживали его въ палатѣ; въ особенности лордъ Мансфильдъ, введенный имъ въ министерство, нисколько не помогалъ ему въ палатѣ перовъ. Дѣйствительно, лордъ Мансфильдъ былъ слишкомъ проницателенъ, чтобы не видѣть опасность положенія Бьюта, и слишкомъ робокъ, чтобы подвергаться опасности для пользы другаго.

Вѣроятно, что образъ дѣйствій Бьюта въ этомъ случаѣ, какъ это почти всегда бываетъ, опредѣлялся смѣшанными побужденіями. Мы подозрѣваемъ, что управленіе надоѣло ему, ибо это чувство встрѣчается у министровъ гораздо чаще, чѣмъ думаютъ люди, издали смотрящіе на общественную дѣятельность. Весьма естественно, что это чувство овладѣло душой Бьюта. Обыкновенно, государственные люди возвышаются медленно и постепенно. Много трудныхъ годовъ проходитъ прежде, чѣмъ они достигнутъ высшей степени административной лѣстницы. Въ раннюю пору своей дѣятельности, государственный человѣкъ постоянно завлекается тѣмъ, что видитъ людей, стоящихъ выше его. По мѣрѣ своего возвышенія, онъ малопо-малу привыкаетъ къ непріятностямъ жизни, посвященной честолюбію. Когда онъ достигаетъ высшей степени, онъ дѣлается терпѣливымъ къ труду и способнымъ переносить оскорбленія. На своемъ поприщѣ, не смотря на всѣ его неудобства, онъ поддерживается сначала надеждой, потомъ привычкой. Съ Бьютомъ было иначе. ея общественная жизнь его продолжалась немного болѣе двухъ лѣтъ.

Съ того дня, какъ онъ сталъ политическимъ дѣятелемъ, онъ сталъ и кабинетъ-министромъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и по имени и на дѣлѣ онъ былъ главою министерства. Болѣе возвыситься онъ не могъ. Если то, чѣмъ онъ владѣлъ до сихъ поръ, оказалось тщетнымъ обольщеніемъ ума, то теперь ему не оставалось никакой приманки. Онъ пресытился удовольствіями, доставляемыми честолюбіемъ, прежде, чѣмъ познакомился съ приносимыми имъ страданіями. Привычки его были вовсе не таковы, чтобы укрѣпить духъ противъ насмѣшекъ и общей ненависти. Онъ достигъ сорока-восьми лѣтъ въ спокойной жизни, не зная по опыту, что̀ значитъ быть осмѣяннымъ и оклеветаннымъ. Сразу, безъ всякаго приготовленія, долженъ былъ онъ выдержать такой потокъ насмѣшекъ и оскорбленій, какой никогда не проливался на голову одного государственнаго человѣка. Жалованье было теперь для него не важно, ибо, по смерти своего тестя, онъ получилъ громадное состояніе. Всѣ почести, какія онъ могъ получить, онъ получилъ. Ему данъ былъ орденъ Подвязки, а сыну его—званіе пера Англіи. Онъ полагалъ, кажется, также, что, оставляя казначейство, онъ только избѣгаетъ опасности и нападеній, не отрекаясь отъ дѣйствительной власти и сохраняя возможность имѣть въ частной жизни главное вліяніе на умъ короля.

Каковы бы ни были его побужденія, онъ вышелъ въ отставку; Фоксъ удалился въ палату лордовъ, а Джорджъ Гренвиллъ сдѣлался первымъ лордомъ казначеемъ и канцлеромъ казначейства.

Мы полагаемъ, что тѣ, кто такимъ образомъ устроивалъ министерство, имѣли въ виду, чтобы Гренвиллъ былъ игрушкой въ рукахъ Бьюта, ибо Гренвиллъ не былъ вполнѣ извѣстенъ даже тѣмъ, кто долго наблюдалъ за нимъ. Его считали простымъ канцелярскимъ работникомъ: онъ имѣлъ прилежаніе, мелочную точность, формализмъ, скучноватость—всѣ качества, свойственныя этому типу. Но у него были и другія качества, которыя до сихъ поръ еще не проявлялись: всепожирающее честолюбіе, неустрашимое мужество, самоувѣренность, доходящая до заносчивости, и характеръ, не выносящій никакого сопротивленія. Онъ нисколько не былъ расположенъ стать чьей-нибудь игрушкой и не имѣлъ никакой привязанности къ Бьюту—ни личной, ни политической. Дѣйствительно, между этими двумя лицами не было ничего общаго, кромѣ стремленія къ рѣзкому

и непопулярному образу дѣйствій. Ихъ основныя начала были совершенно различны: Бьютъ былъ тори, Гренвилль разсердился бы на того, кто сталъ бы отрицать его притязанія на названіе вига. Онъ болѣе Бьюта былъ склоненъ къ деспотическимъ мѣрамъ, но любилъ деспотизмъ только подъ покровомъ формъ конституціонной свободы. Онъ смѣшивалъ, какъ дѣлали тогда многіе, теоріи республиканцевъ XVII в. съ техникой англійской юриспруденціи, и такимъ образомъ ему удалось соединить анархическія воззрѣнія съ деспотическою практикой. Онъ думалъ, что гласъ народа гласъ Божій; но что единственнымъ законнымъ органомъ для выраженія народной воли былъ парламентъ. Вся власть сосредочивается въ народѣ; но эта власть народа вполнѣ передана парламенту. Ни одинъ оксоніанецъ, даже въ годы, немедленно слѣдовавшіе за Реставраціей, не требовалъ такого униженнаго, неразумнаго поклоненія королю, какое Гренвилль, на основаніи началъ, считаемыхъ чисто-вигскими, требовалъ въ пользу парламента. Но какъ онъ желалъ видѣть парламентъ деспотически преобладающимъ надъ народомъ, точно такъ же онъ требовалъ преобладанія парламента надъ дворомъ. По его понятіямъ, первый министръ, пользующійся довѣренностью палаты общинъ, долженъ быть полатнымъ меромъ. Король не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ Хильперикомъ или Хильдерикомъ, который долженъ считать себя счастливымъ, что ему дозволено пользоваться такимъ прекраснымъ дворцомъ, какъ Сентъ-Джемсъ, и такимъ прекраснымъ паркомъ, какъ виндзорскій.

Такимъ образомъ, мнѣнія Бьюта и Гренвилля были діаметрально противоположны. Личной дружбы тоже не было между этими двумя государственными людьми. Гренвилль былъ по природѣ злопамятенъ. Онъ очень хорошо помнилъ, какъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ былъ принужденъ уступить Фоксу мѣсто вождя въ палатѣ общинъ.

Мы вообще готовы думать, что министерство, во главѣ котораго стоялъ Джорджъ Гренвилль, было самымъ худшимъ изъ министерствъ, управлявшихъ Англіею со времени революціи. Его общественныя дѣйствія можно подвести подъ два разряда: оскорбленіе народной свободы и оскорбленіе достоинства короны.

Онъ началъ съ объявленія войны печати. Джонъ Вилькзъ, членъ парламента за Эйльсбёри, первый подвергся гоненію. Вилькзъ неза-

долго передъ тѣмъ пріобрѣлъ репутацію одного изъ самыхъ развратныхъ, безпощадныхъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ пріятныхъ въ обществѣ лондонскихъ повѣсъ. Онъ былъ человѣкъ со вкусомъ, начитанный и съ привлекательными манерами. Его оживленный разговоръ составлялъ наслажденіе кофеенъ и тавернъ, нравился даже болѣе серьёзнымъ слушателямъ, когда разскащикъ воздерживался отъ повѣствованій о подробностяхъ своихъ любовныхъ похожденій и отъ шутокъ надъ христіанствомъ. Его разорительныя выходки принудили его обращаться за деньгами къ евреямъ. Скоро онъ совершенно разорился и рѣшился попробовать счастья на поприщѣ политическаго авантюриста. Въ парламентѣ онъ не имѣлъ успѣхв. Рѣчь его, хотя оживленная, была слаба и никакъ не могла заставить слушателей забыть безобразіе его лица, которое было такъ велико, что каррикатуристы волею-неволею должны были льстить ему. Какъ писатель, онъ стоитъ выше. Онъ началъ издавать еженедѣльную газету, подъ заглавіемъ «*North-Briton*». Этотъ журналъ, издвввшійся съ остроуміемъ, огромною смѣлостью и безстыдствомъ, имѣлъ значительное количество читателей. Сорокъ-четыре нумера этого журнала появились еще до отставки Бьюта; хотя въ каждомъ нумерѣ были страшные пасквили, журналъ не подвергался преслѣдованію. Сорокъ-пятый нумеръ былъ невиненъ въ сравненіи съ большинствомъ предшествующихъ и, по правдѣ, не заключалъ въ себѣ ничего такого, что могло бы равняться въ энергіи съ руководящими статьями, которыя мы ежедневно находимъ въ «*Times*» или «*Morning-Chronicle*». Но Гренвилль стоялъ тогда во главѣ управленія; администрація была проникнута новымъ духомъ. Прибѣгли къ власти. Правительство не должно было болѣе безнаказанно подвергаться нападенію. Вилькзъ былъ арестованъ, посаженъ по особому предписанію въ Тоуэръ и содержался съ величайшею строгостью. Его бумаги были захвачены и переданы статсъ-секретарю. Эти строгія беззаконныя мѣры вызвали сильный взрывъ общественнаго негодованія, которое скоро перешло въ чувство радости и восторга: судъ общихъ тяжбъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ главный судья Праттъ, объявилъ арестъ незаконнымъ, и заключенный былъ освобожденъ. Эта побѣда надъ правительствомъ съ равнымъ энтузіазмомъ торжествовалась въ Лондонѣ и въ сидровыхъ графствахъ.

Въ то время, какъ министерство становилось день-ото-дня ненавистнѣе народу, оно употребляло всѣ средства, чтобы сдѣлаться ненавистнымъ и двору. Министры ясно высказали королю, что не намѣрены быть креатурами лорда Бьюта и вынудили у короля обѣщаніе, что тайные совѣты не будутъ имѣть къ нему доступа. Скоро однако министры получили поводъ думать, что это обѣщаніе не исполняется. Они сдѣлали представленіе въ выраженіяхъ менѣе почтительныхъ, нежели тѣ, къ какимъ привыкъ государь, и дали ему двѣ недѣли на размышленіе, кого предпочесть, фаворита или министровъ.

Георгъ III былъ сильно смущенъ. За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, онъ съ восхищеніемъ говорилъ о своемъ освобожденіи отъ ига великой вигской коалиціи. Онъ объявилъ даже, что честь не дозволяетъ ему снова принять на службу кого-либо изъ членовъ этой партіи. Теперь онъ замѣтилъ, что промѣнялъ однихъ властителей на другихъ, еще болѣе жесткихъ и повелительныхъ. Въ своей бѣдѣ онъ вспомнилъ о Питтѣ: съ Питтомъ, казалось, можно было сойдтись на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ съ Гренвиллемъ или тою партіею, во главѣ которой стоялъ Ньюкастль.

Гренвилль, возвратясь изъ поѣздки въ деревню, появился въ Боккингамъ-Гаусѣ. При входѣ онъ удивленъ былъ видомъ портшеза, хорошо знакомаго какъ ему, такъ и всему Лондону: портшезъ имѣлъ особое приспособленіе для больной ноги *Великаго Коммонера*. Гренвилль понялъ все: его зять былъ въ то время въ кабинетѣ короля. Бьютъ, оскорбленный тѣмъ, что считалъ недружественнымъ и неблагодарнымъ въ образѣ дѣйствій своихъ преемниковъ, самъ предложилъ пригласить Питта во дворецъ.

Въ два дня Питтъ имѣлъ двѣ аудіенціи. То, что происходило въ первое свиданіе, подавало ему надежду на благопріятный исходъ переговоровъ; но на другой день онъ нашелъ короля менѣе сговорчивымъ. Лучшій, и въ сущности единственный достовѣрный разсказъ объ этомъ свиданіи, былъ слышанъ лордомъ Гардвикомъ изъ устъ самого Питта. Кажется, что Питтъ энергически настаивалъ на необходимости сближенія съ тѣми вождями партіи виговъ, которые имѣли несчастіе заслужить неблаговоленіе короля. Они, говорилъ Питтъ, были постоянными приверженцами Ганноверскаго

дома; ихъ вліяніе сильно; они давно привыкли къ общественнымъ дѣламъ. Если ихъ исключить, то нельзя составить прочнаго министерства. Король не могъ помириться съ мыслью отдать себя въ руки тѣхъ, кого еще недавно изгналъ изъ дворца съ энергическимъ выраженіемъ неудовольствія. «Мнѣ очень жаль, м-ръ Питтъ,—говорилъ онъ,—но я вижу, что дѣло не сдѣлается, тутъ замѣшана моя честь. Я долженъ поддержать свою честь.» — Мы скоро увидимъ, какъ удалось его величеству поддержать свою честь.

Питтъ удалился, и король былъ вынужденъ упрашивать министровъ, которыхъ готовился уволить, остаться въ должности. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ годовъ, Гренвилль, тѣсно сошедшійся теперь съ Бедфордами, былъ повелителемъ двора,—и суровымъ повелителемъ выказалъ онъ себя. Онъ зналъ, что его удерживали въ должности потому только, что не было иного выбора, какъ между нимъ и вигами, а примиреніе короля съ вигами казалось ему невозможнымъ ни въ какомъ случаѣ. Послѣдняя попытка избавиться отъ него вызвала въ немъ негодованіе, и неудача этой попытки освободила его отъ всякихъ опасеній. Онъ никогда не отличался вѣжливостью; теперь онъ началъ говорить такимъ языкомъ, какого со временъ корнета Джойса и президента Брадшо, не приходилось слышать ни одному англійскому королю.

Въ одномъ отношеніи Гренвилль, въ ущербъ справедливости и свободѣ, удовлетворилъ страстямъ двора, удовлетворяя вмѣстѣ съ тѣмъ и своимъ собственнымъ. Началось горячее преслѣдованіе Вилькаа. Онъ написалъ пародію на поэму Попа: *«Опытъ о человѣкѣ»*. Пародія эта, носившая заглавіе: *«Опытъ о женщинѣ»*, сопровождалась комментаріями, имѣвшими цѣлью осмѣять знаменитые комментаріи Варбортона.

Это произведеніе было крайне неприлично; но въ этомъ отношеніи не уступали ему нѣкоторыя изъ произведеній самого Попа, напримѣръ, *«Подражаніе второй сатирѣ первой книги Горація.»* Надобно отдать справедливость Вилькзу: онъ не выдалъ своей грязной поэмы въ свѣтъ, какъ это дѣлалъ Попъ, а только напечаталъ ее, частнымъ образомъ, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ для нѣкоторыхъ изъ своихъ добрыхъ товарищей, которые такъ же мало подвергались опасности испортить свою нравственность чтеніемъ

грязной книги, какъ кожа негра подвергается опасности почернѣть подъ лучами палящаго солнца. Правительственный агентъ, подкупивъ типографа, досталъ бракованный экземпляръ книжки и передалъ его министрамъ. Министры рѣшились наказать Вилькза, по всей строгости законовъ, за оскорбленіе приличій. Какъ мало участія въ этомъ рѣшеніи принимали благочестіе и уваженіе къ нравственности, читатели могутъ судить по тому, что за это дѣло, аа предапіе уголовному суду распутнаго поэта, никто не взялся энергичнѣе лорда Морча, впослѣдствіи герцога Квинсбѣрн. Въ первое же засѣданіе парламента, книжка, пріобрѣтенная такимъ неблаговиднымъ образомъ, была представлена палатѣ лордовъ графомъ Сандвичемъ, получившимъ, по ходатайству герцога Бедфорда, мѣсто статсъ-секретаря. Несчастный авторъ до того времени, пока его соблазнительная поэма не была представлена въ полномъ засѣданіи парламента, ни мало не подозрѣвалъ, чтобы кто-нибудь, кромѣ типографа и нѣсколькихъ развратныхъ товарищей, зналъ объ ея существованіи. Хотя это былъ человѣкъ спокойнаго характера, не охотникъ до борьбы съ опасностями и не слишкомъ щекотливый, но неожиданность, позоръ и возможность конечнаго разаоренія привели его въ отчаяніе. Онъ затѣялъ ссору съ однимъ изъ приближенныхъ лорда Бьюта, дрался на дуэли, былъ серьёзно раненъ и, полуоправившись, бѣжалъ во Францію. Его врагамъ былъ теперь полный просторъ и въ парламентѣ и въ судѣ королевской скамьи. Онъ былъ осужденъ, исключенъ изъ палаты общинъ, поставленъ внѣ покровительства аакововъ. Его сочиненіе предписано было сжечь рукою палача. Толпа, впрочемъ, оставалась преданною ему. Въ глаaaхъ даже многихъ людей нравственныхъ и религіозныхъ преступленіе его казалось легкимъ сравнительно съ преступленіемъ его обвинителей. Въ особенности общее негодованіе возбудилъ образъ дѣйствій Сандвича. Его собственные пороки были извѣстны всѣмъ, и еще за двѣ недѣли предъ тѣмъ, какъ онъ представилъ палатѣ лордовъ *«Опытъ о женщинѣ»*, онъ пьянствовалъ съ Вилькзомъ и распѣвалъ непристойныя пѣсни въ одномъ изъ самыхъ грязныхъ лондонскихъ клубовъ. Вскорѣ послѣ открытія засѣданій парламента на ковентгарденскомъ театрѣ давали оперу *«Нищій»*. Лишь только Макетъ произнесъ слова: «признаюсь, самого меня удивляетъ, что Джемми Твичеръ

свидѣтельствуетъ противъ меня», — въ партерѣ, ложахъ и галлереяхъ раздались такія рукоплесканія, что, казалось, крыша театра готова была провалиться. Съ этого дня Сандвичъ былъ извѣстенъ всѣмъ подъ прозвищемъ Джемми Твичера. Церемонія сожженія «*North Briton'a*» была прервана народнымъ волненіемъ. Констабли были избиты, листки вырваны изъ пламени, и вмѣсто нихъ брошены туда ботфорты и куртки. Вилькзъ началъ процессъ противъ помощника статсъ-секретаря за конфискацію своей газеты. Присяжные приговорили послѣдняго къ уплатѣ тысячи фунтовъ въ вознагражденіе за ущербъ. Но ни эти факты и ни какія другія выраженія общественнаго мнѣнія не могли поколебать Гренвилля. За него былъ парламентъ, а, по его политическимъ убѣжденіямъ, только парламентъ могъ выражать мнѣніе всего народа.

Вскорѣ, однако, онъ нашелъ достаточныя причины опасаться, что парламентъ отпадетъ отъ него. По вопросу о законности предписаній объ арестѣ оппозиція, имѣвшая на своей сторонѣ всѣ здравыя начала, всѣ конституціонные авторитеты и голосъ всего народа, явилась въ значительныхъ силахъ: къ ней примкнули многіе, въ обыкновенномъ порядкѣ не подававшіе голосовъ противъ правительства. При одномъ случаѣ у министерства, въ полномъ собраніи палаты, оказалось большинство только въ четырнадцать голосовъ. Буря, однакожь, пронеслась мимо. Пылъ оппозиціи, Богъ знаетъ отъ какой причины, началъ ослабѣвать въ ту самую минуту когда успѣхъ казался почти вѣрнымъ. Сессія закончилась безъ всякихъ перемѣнъ. Питтъ, котораго краснорѣчіе во всѣхъ главныхъ преніяхъ являлось въ обыкновенномъ своемъ блескѣ и котораго популярность была теперь сильнѣе, нежели когда-нибудь, оставался все еще частнымъ человѣкомъ. Гренвилль, равно ненавидимый при дворѣ и въ народѣ, все еще былъ министромъ.

Лишь только палаты разошлись, Гренвилль принялъ мѣру, которая еще яснѣе, нежели всѣ предшествовавшія его дѣйствія, показала, въ какой степени деспотична, злобна и безстрашна была его натура. Въ числѣ людей, въ обыкновенное время не принадлежавшихъ къ оппозиціи и подававшихъ голосъ вмѣстѣ съ меньшинствомъ по великому конституціонному вопросу объ арестахъ, находился Генри Конуэй, братъ лорда Гертфорда, храбрый солдатъ, спос-

ный ораторъ и благонамѣренный, хотя и не мудрый и не энергичный политикъ. У него отняли теперь полкъ—заслуженную награду за вѣрную и храбрую службу въ двухъ войнахъ. Конфиденціально увѣряли, что этой насильственной мѣрѣ усердно содѣйствовалъ король.

Но какое бы удовольствіе ни доставили королю преслѣдованіе Вилькза или отставка Конвея, несомнѣнно, что отвращеніе его величества къ министрамъ возрастало съ каждымъ днемъ. Гренвилль былъ столько же скупъ на деньги государственныя, какъ и на свои собственныя, и угрюмо отказалъ на просьбу короля израсходовать нѣсколько тысячъ фунтовъ на покупку полей, лежавшихъ къ западу отъ садовъ Боккингамскаго дворца. Вслѣдствіе этого отказа поля вскорѣ покрылись зданіями, и изъ верхнихъ оконъ сотни домовъ можно было наблюдать за королемъ и королевою во время ихъ самыхъ интимныхъ прогулокъ. Но это было еще не самое худшее. Гренвилль былъ столько же щедръ на слова, сколько скупъ на гинеи. Вмѣсто того, чтобъ выражаться ясно, живо, точно, чѣмъ только и можно привлечь вниманіе молодаго, неопытнаго въ дѣлахъ ума, онъ говорилъ въ кабинетѣ короля точно тѣмъ же языкомъ, какъ и въ палатѣ общинъ. Проговоривъ часа два, онъ смотрѣлъ на часы, подобно тому, какъ въ парламентѣ онъ привыкъ смотрѣть на часы, висѣвшіе за кресломъ спикера, извинялся за длинноту своей рѣчи, и затѣмъ продолжалъ говорить еще часъ. Члены палаты общинъ могутъ или слушать оратора, или уйти обѣдать, и они, ни мало не стѣсняясь, пользовались этой привилегіей, когда Гренвилль стоялъ на ногахъ. Но бѣдный молодой король принужденъ былъ, хотя съ досадою, но вѣжливо выслушивать весь этотъ потокъ краснорѣчія. До конца жизни своей онъ говорилъ съ ужасомъ о рѣчахъ Гренвилля.

Къ этому времени относится одно изъ страннѣйшихъ событій въ жизни Питта. Былъ нѣкто сэръ Вилльямъ Пинсентъ, сомерсетширскій баронетъ изъ партіи виговъ; онъ былъ членомъ палаты общинъ во дни королевы Анны, и удалился къ частной, деревенской жизни, когда партія торіевъ, къ концу этого царствованія, получила перевѣсъ въ совѣтѣ королевы. Въ поступкахъ своихъ онъ былъ эксцентрикъ. Его нравственность подвергалась страшнымъ нареканіямъ. Но вѣрность его своимъ политическимъ мнѣніямъ была непоколибима. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ своей уединенной жизни онъ продолжалъ

раздумывать о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя заставили его удалиться съ общественнаго поприща: объ увольненіи вигскаго министерстаа, объ Утрехтскомъ мирѣ, о томъ, какъ союзники насъ оставили. Ему казалось теперь, что существуетъ близкая аналогія между хорошо-памятными ему событіями его юности и событіями, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ послѣдніе годы своей жизни: между отставкою Марльборо и отставкою Питта, между возвышеніемъ Гарли и аозвышеніемъ Бьюта, между трактатомъ, заключеннымъ Сентъ-Джономъ, и трактатомъ, заключеннымъ Бедфордомъ, между непраадами австрійскаго дома аъ 1712 и непраадами бранденбургскаго дома въ 1762 году. Эта мысль такъ крѣпко засѣла аъ умѣ старика, что онъ рѣшился оставить въ наслѣдстао асе свое имущество Питту. Такимъ образомъ, Питтъ неожиданно получилъ почти три-тысячи фунтовъ ежегоднаго дохода. И вся злоба враговъ не могла найдти никакого поаода къ осужденію его въ этомъ дѣлѣ. Никто не могъ назвать его искателемъ наслѣдствъ; никто не могъ обвинить его аъ присвоеніи того, на что другіе имѣли бы болѣе права: онъ въ жизнь саою ни разу не видалъ сэра Виллиама, и сэръ Виллиамъ не оставилъ послѣ себя родственниковъ столь-близкихъ, чтобы они были въ правѣ объявить какія-нибудь притязанія на оставшееся имущество.

Благосостояніе Питта, казалось, процвѣтало; но его здороаье было хуже, нежели когда-либо. Мы не знаемъ, являлся ли онъ хотя одинъ разъ въ парламентѣ въ продолженіи сессіи, начавшейся въ январѣ 1765 года. Нѣсколько мѣсяцевъ онъ провелъ въ самомъ глубокомъ уединеніи, въ Гейзѣ, своей любимой виллѣ, едва передвигаясь отъ кресла къ постели, отъ постели къ креслу, и часто въ саоей наиболѣе-конфиденціальной перепискѣ пользуясь, амѣсто секретаря, услугами своей жены. Нѣкоторые изъ его враговъ распускали слухъ, что это уединеніе его въ такой же степени должно быть приписано аффектаціи, какъ и подагрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни былъ высокъ и блестящъ его характеръ, ему недоставало простоты. Съ талантомъ, который не нуждался въ помощи сценическихъ прикрасъ, и съ умомъ, который, казалось бы, долженъ былъ поставить его выше ихъ, онъ, однакоже, въ продолженіи асей своей жизни прибѣгалъ къ нимъ. Вотъ отчего теперь яапились догадки, что, достигши асего то-

го значенія, которое можетъ быть пріобрѣтено краснорѣчіемъ и великими заслугами, оказанными государству, онъ рѣшился не сбавлять себѣ цѣны частнымъ появленіемъ въ обществѣ, но, подъ предлогомъ болѣзни, окружить себя таинственностью, появляться только въ длинные промежутки и при особенныхъ случаяхъ, а въ остальное время передавать свои верховные приговоры только нѣсколькимъ близкимъ приверженцамъ, которымъ дозволено ходить на поклоненіе къ его ракѣ. Если такова была его цѣль, то нѣкоторое время она была вполнѣ достигнута. Никогда магическое вліяніе его имени не было такъ сильно, никогда страна не смотрѣла на него съ такою суевѣрною почтительностью, какъ въ продолженіи этого года молчанія и уединенія.

Между-тѣмъ, какъ Питтъ находился такимъ-образомъ вдали отъ парламента, Гренвилль предложилъ мѣру, долженствовавшую произвести великую революцію, которой послѣдствія долго будетъ ощущать весь родъ человѣческій. Мы говоримъ о законѣ, налагавшемъ штемпельныя пошлины на сѣвероамериканскія колоніи. Проектъ отлично характеризуетъ своего творца. Въ дѣтищѣ можно найти каждую черту его отца. Робкій государственный человѣкъ отступилъ бы со страхомъ передъ мѣрой, о которой въ то время, когда колоніи далеко еще не были такъ могущественны, Вальполь сказалъ: «Кто рѣшится предложить это, тотъ будетъ много смѣлѣе меня.» Но натура Гренвилля была недоступна страху. Дальновидный государственный человѣкъ почувствовалъ бы, что въ Вестминстерѣ налагать подати на Новую Англію и Ньюйоркъ было дѣломъ, хотя, правда, и непротивнымъ буквѣ узаконеній, или какому-нибудь рѣшенію, содержащемуся въ судебныхъ протоколахъ, но противнымъ принципамъ хорошаго правительства и духу конституціи. Дальновидный государственный человѣкъ почувствовалъ бы также, что даже вдесятеро большій доходъ отъ предложенной имъ американской штемпельной пошлины былъ бы все-таки дорого купленъ, еслибъ, вслѣдствіе его, возникла даже временная распря между метрополіей и колоніями. Но Гренвилль не понималъ различія духа учрежденій отъ буквы законовъ, не имѣлъ понятія о національныхъ интересахъ, исключая тѣхъ, которые выражаются фунтами, шиллингами и пенсами. Что его политика можетъ возбудить глубокое неудовольствіе во всѣхъ

провинціяхъ, начиная отъ береговъ Великихъ Озеръ и до Мексиканскаго Залива, что Франція и Испанія могутъ воспользоваться удобнымъ случаемъ къ мести, что Британская имперія можетъ быть раздроблена, что государственный долгъ, тотъ долгъ, котораго итогомъ онъ постоянно упрекалъ Питта, вслѣдствіе его собственной политики можетъ быть удвоенъ — надъ возможностью всего этого никогда не задумывался этотъ узкій, хотя и острый умъ.

О штемпельномъ актѣ не забудутъ до тѣхъ поръ, пока продлится существованіе земнаго шара. Но въ то время онъ не возбуждалъ въ странѣ такого сильнаго вниманія, какъ другой актъ, теперь почти совершенно позабытый. Король сдѣлался боленъ и распространился слухъ, что его положеніе очень опасно. Его болѣзнь, мы думаемъ, была та же самая, отъ которой, въ послѣдующій періодъ своей жизни, онъ безпрестанно становился неспособнымъ къ отправленію королевскихъ обязанностей. Его наслѣднику было только два года отъ роду. Было какъ-нельзя-болѣе кстати позаботиться объ управленіи государствомъ на случай вступленія на престолъ несовершеннолѣтняго короля. Разсужденія объ этомъ вопросѣ довели распрю между дворомъ и министерствомъ до кризиса. Король желалъ, чтобы ему предоставлено было право назначить регента въ духовномъ завѣщаніи. Министры боялись, или показывали видъ, будто боятся, что въ случаѣ, если это право будетъ предоставлено королю, онъ назначитъ принцессу-мать, или даже, можетъ-быть, графа Бьюта. Они, поэтому, настаивали на томъ, чтобы въ билль были внесены слова, ограничивавшія королевскій выборъ членами королевскаго семейства. Исключивъ такимъ-образомъ Бьюта, они самымъ замѣтнымъ образомъ побуждали короля исключить также и вдовствующую принцессу. Они увѣряли его, что палата общинъ, безъ сомнѣнія, вычеркнетъ ея имя, и этою угрозою вырвали у него принужденное согласіе. Чрезъ нѣсколько дней оказалось, что представленія ихъ, которыми они довели короля до нанесенія такой грубой и публичной обиды своей матери, были не основательны. Друзья принцессы въ палатѣ общинъ предложили вставить ея имя. Министры, соблюдая приличіе, не смѣли нападать на мать своего государя. Они надѣялись, что на помощь къ нимъ явится оппозиція и силою принудитъ ихъ къ тому, на что они охотно были бы готовы согласиться. Но

большинство оппозиціи, которое хотя и ненавидѣло принцессу, но еще болѣе ненавидѣло Гренвилля, смотрѣло съ удовольствіемъ на его затруднительное положеніе и вовсе не хотѣло вывести его изъ этого затрудненія. Вслѣдствіе этого, имя принцессы было внесено въ списокъ лицъ, получившихъ право принять на себя регенство.

Неудовольствіе короля достигло теперь своей высшей степени. Настоящій ударъ казался ему болѣе невыносимымъ, нежели всѣ другіе. Даже союзъ знатныхъ виговъ не могъ обращаться съ нимъ хуже, чѣмъ обращались его настоящіе министры. Въ этомъ горестномъ состояніи онъ раскрылъ всю свою душу предъ своимъ дядею, герцогомъ Комберландомъ. Герцогъ былъ не такой человѣкъ, котораго можно было любить, но принадлежалъ къ числу тѣхъ, которымъ можно довѣряться. Онъ отличался мужественнымъ характеромъ, сильнымъ умомъ и высокимъ чувствомъ чести и долга. Какъ генералъ, онъ принадлежалъ къ замѣчательному разряду полководцевъ, которымъ, мы думаемъ, уже какъ бы суждено проигрывать всѣ битвы и, несмотря на то, все-таки сохранить репутацію храбраго и искуснаго солдата. Такими полководцами были Колиньи и Вильгельмъ III. Намъ можно бы, конечно, прибавить къ этому списку и маршала Сульта. Храбрость герцога Комберланда была такого рода, что отличала его даже въ ряду принцевъ дома, знаменитаго своею храбростью. Хладнокровіе, съ которымъ онъ разъѣзжалъ подъ градомъ пуль и ядеръ, не служило еще высшимъ доказательствомъ его храбрости. Безнадежныя болѣзни, страшныя хирургическія операціи не только не наводили на него ужаса, но даже не разстраивали его. Съ мужествомъ онъ соединялъ добродѣтели, родственныя мужеству. Онъ говорилъ правду, былъ искренъ во враждѣ и дружбѣ и честенъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Но его натура была сурова, и то, что казалось ему справедливымъ, рѣдко смягчалось милостью. Онъ, поэтому, впродолженіе многихъ лѣтъ былъ однимъ изъ самыхъ непопулярныхъ людей въ Англіи. Строгость, съ которою онъ обошелся съ бунтовщиками послѣ битвы при Куллоденѣ, доставила ему прозвище мясника. Его попытка ввести въ англійскую армію, находившуюся тогда въ самомъ безпорядочномъ состояніи, строгую потсдамскую дисциплину, навлекла на него еще болѣе сильное неудовольствіе. Не было такой дурной мѣры, которой бы ему не

приписывали. Многіе достойные люди были такъ нелѣпы, что думали, будто, если онъ будетъ регентомъ во время малолѣтства своихъ племянниковъ, въ Тоуэрѣ снова настанутъ сцены удушенія (14). Подобное настроеніе умовъ, однако, прошло. Герцогъ нѣсколько лѣтъ прожилъ въ уединеніи. Англичане, злобно-расположенные къ шотландцамъ, упрекали теперь его королевское высочество только за то, что онъ оставилъ въ живыхъ значительное количество Камероновъ и Макферсоновъ, которые занимаютъ должности таможенныхъ смотрителей и сборщиковъ податей. Онъ, поэтому, былъ любимъ теперь своими земляками и въ особенности жителями Лондона.

У него было мало причинъ любить короля, и онъ ясно, хотя и ненастойчиво, показывалъ свое нерасположеніе къ той системѣ, которой слѣдовали въ послѣднее время; но у него были высокія и почти романтическія понятія о долгѣ, которымъ, какъ принцъ крови, онъ былъ обязанъ главѣ своего дома. Онъ рѣшился освободить своего племянника отъ ига и, на условіяхъ, равно почетныхъ для обѣихъ сторонъ, содѣйствовать примиренію партіи виговъ съ престоломъ.

Съ такимъ намѣреніемъ онъ отправился въ Гейзъ и былъ допущенъ въ комнату больнаго Питта, потому что Питтъ не хотѣлъ выйти изъ своей комнаты и не хотѣлъ вести переговоровъ чрезъ посредника, чрезъ какое-нибудь лицо низшаго достоинства. Теперь начался длинный рядъ заблужденій для знаменитаго государственнаго человѣка, заблужденій, вовлекшихъ страну въ затрудненія и бѣдствія, даже болѣе серьёзныя, нежели тѣ, отъ которыхъ его геній нѣкогда избавилъ ее. Его языкъ былъ гордъ, неразуменъ, почти непонятенъ. Въ туманѣ неопредѣленныхъ и несовсѣмъ любезныхъ фразъ можно было распознать только то, что онъ въ это время не хотѣлъ вступать въ должность. Истина же, по нашему мнѣнію, заключалась въ слѣдующемъ. Лордъ Темпль, бывшій злымъ духомъ Питта, только-что придумалъ новый планъ политики. Ненависть къ Бьюту и къ принцессѣ-матери, какъ кажется, вполнѣ овладѣла душею Темпля. Онъ разсорился съ своимъ братомъ Джорджемъ за то, что тотъ

(14) Какъ это было съ дѣтьми Эдуарда IV, которыхъ задушили по приказанію ихъ дяди, Ричарда III.

вступилъ въ сношенія съ Бьютомъ и съ принцессой. Теперь же, когда этотъ самый Джорджъ явился врагомъ Бьюта и принцессы, Темпль старался довести дѣло до общаго семейнаго примиренія. Три брата, какъ называли обыкновенно Темпля, Гренвилля и Питта, могли бы составить министерство, не обращаясь за помощью ни къ Бьюту, ни къ партіи виговъ. При такихъ намѣреніяхъ Темпль употребилъ все свое вліяніе, чтобы отклонить Питта отъ принятія предложеній герцога Комберланда. Питтъ не былъ убѣжденъ, но Темпль имѣлъ на него такое вліяніе, какимъ никто никогда не пользовался. Это были старинные друзья, очень близкіе родственники. Если таланты и слава Питта были полезны для Темпля, то въ былыя времена, во времена крайней бѣдности, кошелекъ Темпля былъ полезенъ для Питта. Въ политическихъ принципахъ они никогда не разъединялись. Дважды они вмѣстѣ вступили въ кабинетъ, дважды они вмѣстѣ оставили его. Питтъ не могъ вынести мысли вступить въ должность безъ своего главнаго союзника; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что дѣлалъ дурно, отказываясь служить странѣ въ самую удобную для того минуту. Темный и неудовлетворительный складъ отвѣтовъ, данныхъ имъ на предложенія герцога Комберланда, можетъ быть приписанъ затруднительности и душевному безпокойству человѣка, который не былъ въ мирѣ съ самимъ собою. Говорятъ, что онъ съ грустью сказалъ Темплю:

«Extinxi te meque, soror, populumque, patresque
Sidonios, urbemque tuam.» [18]

Предсказаніе было слишкомъ вѣрно.

Найдя Питта несговорчивымъ, герцогъ Комберландъ посовѣтовалъ королю подчиниться необходимости — удержать Гренвилля и Бедфордовъ. Конечно, не такое было время, чтобы безопасно можно было оставить государственныя должности незанятыми. Неустановившееся положеніе правительства производило общее разслабленіе во всѣхъ отрасляхъ государственной администраціи. Митинги, которые въ другое время были бы безвредны, теперь превратились въ мятежныя сборища и быстро возрастали почти до степени возмуще-

---

(18) «Я сгубилъ, сестра, тебя и себя, народъ сидонскихъ отцовъ и твой городъ.»

ній. Парламентъ былъ блокируемъ спитальфильдскими ткачами. На Бедфордъ-Гаусъ напали со всѣхъ сторонъ разъяренныя толпы черни; его надобно было занять сильнымъ гарнизономъ изъ конницы и пѣхоты. Нѣкоторые приписывали эти безпорядки друзьямъ Бьюта, а другіе приписывали ихъ друзьямъ Вилькза. Но какова бы ни была причина, слѣдствіемъ ихъ было то, что общая безопасность исчезла. При такихъ обстоятельствахъ король не могъ дѣлать выбора. Съ горькимъ чувствомъ оскорбленія онъ извѣстилъ министровъ, что намѣренъ ихъ удержать.

Они отвѣчали на это требованіемъ, чтобы онъ своимъ королевскимъ словомъ обѣщался никогда не призывать въ совѣтъ лорда Бьюта. Обѣщаніе было дано. Тогда они потребовали еще бо́льшаго. Братъ лорда Бьюта, мистеръ Маккензи занималъ доходную должность въ Шотландіи. Мистера Маккензи слѣдовало отставить. Король возразилъ, что эта должность была поручена ему при особенныхъ обстоятельствахъ и что онъ обѣщалъ никогда не отнимать ея, пока живъ. Гренвилль былъ непреклоненъ, и король съ горечью уступилъ.

Парламентская сессія кончилась. Торжество министровъ было полное. Король былъ почти плѣнникомъ, находился почти въ такомъ же положеніи, какъ Карлъ I на островѣ Вайтѣ. Таковы были плоды политики, о которой, только за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, были того убѣжденія, что она навсегда обезопаситъ тронъ отъ необходимости повиноваться наглымъ подданнымъ.

Весьма естественное раздраженіе короля высказывалось въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ словѣ. Въ этомъ затруднительномъ положеніи онъ съ томительной надеждой обратился къ коалиціи виговъ, бывшей нѣкогда предметомъ его страха и ненависти. Герцогъ Девонширъ, съ которымъ поступили съ такою неизвинительною строгостью, умеръ незадолго предъ этимъ, оставивъ наслѣдникомъ послѣ себя несовершеннолѣтняго сына. Король снизошелъ до того, что выразилъ свое прискорбіе о случившемся и пригласилъ молодаго герцога ко двору. Благородный юноша явился въ сопровожденіи своихъ дядей и былъ принятъ съ замѣтною благосклонностью.

Это обстоятельство и многіе другіе подобнаго же рода симптомы

раздражали министровъ. У нихъ въ запасѣ было еще одно оскорбленіе для ихъ государя, оскорбленіе, которое заставило бы его дѣда вытолкать ихъ изъ комнаты. Гренвилль и Бедфордъ потребовали у него аудіенціи и прочли ему длинное представленіе, составленное ими весьма старательно. Это было обвиненіе его величества въ нарушеніи слова и въ грубомъ обращеніи съ своими совѣтниками. О принцессѣ упоминалось въ выраженіяхъ далеко нелестныхъ. Вставлены были намеки на то, что голова Бьюта находится въ опасности. Королю было прямо сказано, что онъ не долженъ вести себя такъ, какъ онъ велъ себя до сихъ поръ; что онъ не долженъ показывать своего неудовольствія на то положеніе, въ которое поставленъ; что онъ долженъ хмуриться на оппозицію и публично оказывать благосклонность своимъ министрамъ. Онъ нѣсколько разъ прерывалъ чтеніе, говорилъ, что прекратилъ всѣ сношенія съ Бьютомъ; но министры, не обращая никакого вниманія на его слова, продолжали чтеніе, и король слушалъ его молча, почти задыхаясь отъ бѣшенства. Когда они окончили чтеніе, онъ сдѣлалъ только движеніе, выражавшее желаніе остаться наединѣ. Впослѣдствіи онъ сознавался, что въ эти минуты былъ почти близокъ къ обмороку.

Доведенный до отчаянія, онъ снова обратился къ герцогу Комберланду, а герцогъ Комберландъ снова обратился къ Питту. Питтъ въ душѣ желалъ принять на себя управленіе государственными дѣлами и въ почтительныхъ выраженіяхъ сознавался, что условія, предлагаемыя королемъ, заключали въ себѣ все, чего только можетъ желать кто-либо изъ подданныхъ. Но Темпль былъ несговорчивъ, и Питтъ, къ крайнему своему прискорбію, объявилъ, что безъ содѣйствія своего зятя онъ не можетъ принять на себя управленіе.

Герцогъ видѣлъ теперь только одно средство освободить своего племянника. Надобно было составить правительство изъ оппозиціонныхъ виговъ, безъ помощи Питта. Трудности казались почти непреодолимыми. Смерть и отступничество сильно разстроили ряды партіи, незадолго предъ тѣмъ господствовавшей въ государствѣ. Тѣхъ, между которыми предстояло дѣлать выборъ герцогу, можно было раздѣлить на два разряда: одни были люди слишкомъ старые для

занятія важныхъ должностей, другіе никогда до сихъ поръ не занимали никакой значительной должности. Кабинетъ предстояло составить изъ разбитыхъ инвалидовъ или изъ незрѣлыхъ рекрутъ.

Это было зло—однакожъ не такое зло, къ которому бы не примѣшивалось ничего хорошаго. Если новые государственные люди изъ партіи виговъ имѣли мало опытности въ дѣлахъ и преніяхъ, то, съ другой стороны, они свободны были отъ заразы той политической безнравственности, которою сильно страдали ихъ предшественники. Продолжительный успѣхъ испортилъ великую партію, изгнавшую Стюартовъ, ограничившую прерогативы короны и обуздавшую нетерпимость іерархіи. Неудача произвела уже спасительное дѣйствіе. Въ день вступленія на престолъ Георга III перевѣсъ вигской партіи кончился, и съ этого дня начинается ея очищеніе. Выдающіеся теперь вожди этой партіи были люди совершенно другаго рода, чѣмъ Сандисъ, Виннингтонъ, чѣмъ сэръ Вилліамъ Іонджъ и Генри Фоксъ. То были люди, достойные стать бокъ-о-бокъ съ Гампденомъ при Чальгровѣ или въ послѣдній разъ обняться съ Росселемъ на эшафотѣ Линкольнзъ-Иннъ-Фильдза. Въ политическую жизнь они внесли тѣ же высокія начала добродѣтели, которыя опредѣляли ихъ частный образъ жизни; они не хотѣли унижаться до того, чтобъ достигать самыхъ благородныхъ и спасительныхъ цѣлей средствами, противными чести и справедливости. Такими людьми были лордъ Джонъ Кавендишъ, сэръ Джорджъ Савиль и другіе, которыхъ мы считаемъ достойными чести называться вторыми основателями вигской партіи, возстановителями ея первоначальной силы и энергіи послѣ полувѣковаго упадка.

Вождемъ этого достойнаго союза былъ маркизъ Роккингамъ, человѣкъ съ блестящимъ состояніемъ, отличнаго ума и незапятнанной репутаціи. Онъ, правда, былъ до такой степени нервенъ, что до конца своей жизни никогда не поднимался, чтобы говорить въ палатѣ лордовъ безъ затрудненія и сильнаго отвращенія. Но, не будучи великимъ ораторомъ, онъ въ значительной степени обладалъ нѣкоторыми изъ качествъ государственнаго человѣка. Онъ умѣлъ выбирать себѣ друзей и владѣлъ въ необыкновенной степени искусствомъ привязывать ихъ къ себѣ самыми чистыми и достойными узами. Непоколебимая вѣрность, съ которою они были преданы ему

впродолженіе многихъ лѣтъ почти безнадежной оппозиціи, еще не такъ удивительна, какъ то безкорыстіе и та деликатность, которыя они показали, когда онъ достигъ власти.

Мы склоняемся въ пользу той мысли, что нѣтъ лучшаго средства разъяснить искусство пользоваться силами партіи и злоупотреблять ею, какъ проведя параллель между двумя сильными коалиціями этого времени, между Роккингамами и Бедфордами. Партія Роккингама была въ нашихъ глазахъ именно тѣмъ, чѣмъ должна быть партія. Она состояла изъ людей, связанныхъ между собою общими мнѣніями, общими государственными цѣлями, взаимнымъ уваженіемъ. Что они желали честными и конституціонными средствами достигнуть власти, въ этомъ они признавались открыто. Но хотя часто и являлись къ нимъ предложенія воспользоваться почестями и доходами, соединенными съ должностью, они упорно отказывались отъ этого, если условія не были согласны съ ихъ принципами. Партія Бедфорда, насколько мы можемъ судить, не имѣла, какъ партія, никакого принципа. Ригби и Сандвичъ нуждались въ общественныхъ деньгахъ и думали, что вдвоемъ могутъ больше получить, нежели поодиночкѣ. Они дѣйствовали поэтому сообща и привлекали къ содѣйствію себѣ людей, болѣе значительныхъ и лучшихъ, нежели сами.

Къ Роккингаму-то теперь и обратился герцогъ Комберландъ. Маркизъ согласился принять на себя казначейство. Ньюкастль, столь долгое время признаваемый главою виговъ, не могъ быть исключенъ изъ министерства; онъ былъ назначенъ хранителемъ малой печати. Весьма почтенный, умный джентльменъ, по имени Доудзвелль, сдѣлался канцлеромъ казначейства. Генералъ Конвей, служившій подъ начальствомъ герцога Комберланда и сильно преданный его королевскому высочеству, сдѣлался статсъ-секретаремъ и вмѣстѣ вождемъ палаты общинъ. Сильный аристократъ изъ виговъ, человѣкъ въ самой цвѣтущей порѣ мужества, отъ котораго въ это время ожидали очень многаго, герцогъ Августъ Графтонъ, былъ назначенъ другимъ статсъ-секретаремъ.

Изъ жившихъ въ то время людей самые дряхлые старики не могли припомнить правительства, столь слабаго ораторскими талантами и опытностью въ дѣлахъ государственныхъ. Господствовало мнѣ-

ніе, что министры останутся у дѣлъ только до тѣхъ поръ, пока соберется парламентъ; но что первый день парламентскихъ преній будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ днемъ ихъ власти. У Чарльза Тоунзгенда спросили: «что думаетъ онъ о новомъ министерствѣ?»— «Это просто люстринъ: красивая лѣтняя матерія», отвѣчалъ онъ: «для зимы она никакимъ образомъ не годится.»

При такомъ положеніи дѣлъ лордъ Роккингамъ имѣлъ достаточно благоразумія оцѣнить и обезпечить себѣ помощь союзника, который съ краснорѣчіемъ, превосходившимъ краснорѣчіе Питта, и съ трудолюбіемъ, приводившимъ въ стыдъ трудолюбіе Гренвилля, соединялъ широту пониманія, до которой ни Питтъ, ни Гренвилль не могли подняться. Молодой ирландецъ прибылъ незадолго предъ этимъ въ Лондонъ искать тамъ счастья. Онъ много писалъ для книгопродавцевъ; но болѣе всего сдѣлался извѣстенъ небольшимъ трактатомъ, въ которомъ съ удивительнымъ искусствомъ подражалъ языку и способу мышленія Болингброка, и болѣе остроумною, нежели основательною теоріей наслажденій, доставляемыхъ изящнымъ. Онъ достигъ также большой извѣстности, какъ собесѣдникъ, к литераторы, сходившіеся ужинать въ «Головѣ Турка», смотрѣли на него какъ на единственнаго человѣка, способнаго въ этомъ отношеніи помѣряться силами съ докторомъ Джонсономъ. Онъ сдѣлался теперь частнымъ секретаремъ лорда Роккингама, и вліяніемъ своего патрона получилъ мѣсто въ парламентѣ. Эти сдѣлки совершились, однакоже, не безъ затрудненій. Герцогъ Ньюкастль, во все вмѣшивавшійся и обо всемъ болтавшій, заклиналъ перваго лорда казначейства быть насторожѣ противъ авантюриста, котораго настоящее имя было О'Буркъ, и который, какъ его милости извѣстно, ни что иное, какъ дикій ирландецъ, якобитъ, папистъ, тайный іезуитъ. Лордъ Роккингамъ отнесся къ этой клеветѣ надлежащимъ образомъ, и партія виговъ была усилена и украшена вступленіемъ въ нее Эдмонда Борка.

Партія, безъ сомнѣнія, нуждалась въ усиленіи, ибо въ это время она понесла невознаградимую потерю. Герцогъ Комберландъ образовалъ министерство и былъ его главною опорою. Его высокое положеніе и великое имя уравновѣшивали въ нѣкоторой мѣрѣ славу Питта. Какъ посредникъ между вигами и дворомъ, онъ занималъ

мѣсто, которое никто другой не могъ занять. Сила характера его восполняла то, что составляло главный недостатокъ въ новомъ министерствѣ. Конвей, въ особенности, при всѣхъ своихъ прекрасныхъ намѣреніяхъ и почтенныхъ дарованіяхъ самый несамостоятельный и нерѣшительный изъ людей, почерпалъ въ совѣтахъ этого твердаго и мужественнаго человѣка ту рѣшимость, которой ему недоставало. Предъ началомъ засѣданій парламента герцогъ скоропостижно умеръ. Всѣ смотрѣли на эту смерть, какъ на знаменіе большихъ тревогъ, и вслѣдствіе этого, равно какъ изъ уваженія къ его личнымъ качествамъ, сильно оплакивали его. Замѣчено, что въ Лондонѣ былъ такой всеобщій и глубокій трауръ, какого никогда не бывало, и что онъ продолжался долѣе, нежели было предписано «*Газетой*».

Между тѣмъ каждая почта изъ Америки приносила тревожныя извѣстія. Жатву, посѣянную Гренвиллемъ, должны были теперь пожать его преемники. Колоніи находились въ состояніи, близкомъ къ возмущенію. Штемпеля были сожжены; сборщики податей облиты дегтемъ и облѣплены перьями. Всѣ сношенія между недовольными провинціями и метрополіею были прерваны. Страхъ овладѣлъ лондонскою биржей. Половинѣ торговыхъ домовъ въ Бристолѣ и Ливерпулѣ угрожало банкротство. Въ Лидсѣ, Манчестерѣ, Ноттингамѣ изъ десяти работниковъ тремъ, какъ говорили, угрожала голодная смерть. Гражданская война, казалось, была близка, и не могло быть сомнѣнія, что, если когда-нибудь произойдетъ разъединеніе въ британскомъ народѣ, Франція и Испанія не замедлятъ принять участіе въ распрѣ.

Открыто было три пути для министровъ. Первый — подкрѣпить оружіемъ штемпельный актъ. Въ пользу этого пути равно склонялись и король и Гренвилль, хотя король и ненавидѣлъ его болѣе, чѣмъ всякое другое живое существо. Натуры обоихъ были деспотичны и упрямы. Они дотого были похожи другъ на друга, что никогда не могли сдѣлаться друзьями, но вмѣстѣ съ тѣмъ они дотого были похожи другъ на друга, что почти на всѣ важные практическіе вопросы смотрѣли съ одной и той же точки зрѣнія. Ни одинъ изъ нихъ не могъ позволить другому управлять собой; но оба они вполнѣ были согласны относительно вопроса, какимъ способомъ лучше всего управлять народомъ.

Второй путь былъ предложенъ Питтомъ. Онъ стоялъ на томъ, что англійскій парламентъ не уполномоченъ конституціей налагать подати на колоніи. Онъ смотрѣлъ, поэтому, на штемпельный актъ какъ на недѣйствительный, какъ на актъ, имѣвшій не болѣе значенія, чѣмъ предписаніе Карла о корабельной подати, или прокламація Іакова, отмѣнявшая дѣйствіе уголовныхъ законовъ. Это воззрѣніе, мы должны сознаться, кажется намъ во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельнымъ.

Между этими двумя крайними путями лежалъ третій. Наиболѣе благоразумные и умѣренные государственные люди той эпохи были того мнѣнія, что британская конституція не положила никакихъ предѣловъ законодательной власти британскаго короля, лордовъ и общинъ надъ всѣмъ британскимъ государствомъ. Парламентъ, думали они, имѣлъ законное право наложить подати на Америку, такъ-какъ парламентъ имѣетъ законное право совершать другаго рода глупости и насилія, конфисковать имущество у всѣхъ купцовъ Ломбардъ-Стрита, или объявить кого угодно виновнымъ въ государственномъ преступленіи, не выслушавъ свидѣтелей и не давая ему средствъ защитить себя. Самый возмутительный актъ конфискаціи, или обвиненія, въ такой же точно мѣрѣ имѣетъ дѣйствительную силу, какъ актъ о терпимости, или Habeas Corpus-Act. Но что касается актовъ о конфискаціи или актовъ обвинительныхъ, то законодатели нѣкотораго рода нравственнымъ долгомъ обязаны систематически обуздывать себя. Подобнымъ же образомъ британское законодательство обязано было удержаться отъ наложенія податей на американскія колоніи. Штемпельнаго акта нельзя защищать не потому, чтобы онъ былъ внѣ предѣловъ конституціонныхъ правъ парламента, но потому, что онъ несправедливъ и не политиченъ, давалъ мало доходовъ и порождалъ много неудовольствій. Это здравое воззрѣніе было принято лордомъ Роккингамомъ и его товарищами и въ продолженіе многихъ лѣтъ было повторяемо Боркомъ въ его рѣчахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя будутъ жить до тѣхъ поръ, пока живъ будетъ англійскій языкъ.

Пришла зима, собрался парламентъ, и положеніе колоній сдѣлалось тотчасъ же предметомъ жаркихъ споровъ. Питтъ, котораго здоровье отъ Батскихъ водъ нѣсколько поправилось, снова явился въ

палатѣ общинъ и съ пылкимъ и страстнымъ краснорѣчіемъ не только порицалъ штемпельный актъ, но даже одобрялъ сопротивленіе Массачузетса и Виргиніи и, должно сознаться, вопреки разуму и всякому авторитету, упорно утверждалъ, что, на основаніи британской конституціи, высшая законодательная власть не имѣетъ права налагать подати. Языкъ Гренвилля, съ другой стороны, былъ похожъ на тотъ, которымъ Страффордъ говорилъ въ совѣтѣ Карла I, когда пришло извѣстіе объ эдинбургскомъ возстаніи противъ литургіи. Колонисты, по его словамъ, измѣнники; кто оправдываетъ ихъ, тотъ не лучше. Фрегаты, мортиры, штыки и сабли—приличнѣйшія средства отъ подобныхъ болѣзней.

Министры заняли посредствующее положеніе: они предложили объявить, что законодательный авторитетъ британскаго парламента надъ всѣмъ государствомъ есть высшій авторитетъ во всѣхъ случаяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложили отмѣнить штемпельный актъ. Противъ первой мѣры возражалъ Питтъ, но она была принята почти единогласно. Отмѣну штемпельнаго акта Питтъ сильно поддерживалъ; но противъ правительства поднялась страшная оппозиція. Гренвилль и Бедфордъ пылали яростью. Темпль, тѣсно соединившійся теперь съ братомъ и отдѣлившійся отъ Питта, былъ не изъ такихъ противниковъ, которыхъ можно было презирать Но не въ этомъ однако заключалось главное зло. Министерство было лишено своей естественной силы; оно принуждено было бороться не только противъ своихъ открытыхъ враговъ, но и противъ тайнаго недоброжелательства короля и нѣкоторыхъ лицъ, которыхъ въ это время начали называть друзьями короля.

Характеръ этой фанціи обрисованъ Боркомъ съ силою и живостью, даже у него необыкновенными. Тѣ, кто знаетъ, какъ сильно втеченіе всей жизни сужденіе его зависѣло отъ страсти, могутъ впасть въ весьма естественное подозрѣніе, что онъ оставилъ намъ скорѣе каррикатуру, нежели изображеніе; однако, во всемъ изображеніи нѣтъ ни одной черты, вѣрность которой не была бы доказана несомнѣнно достовѣрными фактами.

Публика смотрѣла вообще на друзей короля какъ на фанцію, въ которой руководящею силою былъ Бьютъ. Напрасно графъ объявлялъ, что онъ перестадъ заниматься дѣлами политическими, что онъ годъ-

отъ-году болѣе и болѣе удаляется отъ двора, что онъ ѣздилъ на сѣверъ, ѣздилъ въ Римъ. Представленіе о томъ, что какимъ-то непонятнымъ образомъ онъ внушаетъ всѣ мѣры двору, было крѣпко не только въ умахъ толпы, но даже и тѣхъ, которые имѣли полную возможность получать достовѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и которые, поэтому, могли быть выше обыкновенныхъ предразсудковъ. Мы думаемъ, что эти предположенія неосновательны и что, незадолго до отставки Джорджа Гренвилля, онъ прекратилъ всѣ сношенія съ королемъ по дѣламъ политическимъ. Нѣтъ, конечно, никакой надобности предполагать вліяніе Бьюта для объясненія тогдашнихъ событій. Въ 1765 году король не былъ уже тѣмъ несвѣдущимъ и неопытнымъ юношей, которымъ въ 1760 году руководили его мать и камергеръ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ наблюдалъ борьбу партій и ежедневно разсуждалъ о важныхъ государственныхъ вопросахъ съ способными и опытными государственными людьми. Теперь онъ не былъ болѣе куклою въ рукахъ другихъ, но у него сложились довольно рѣшительныя мнѣнія и о людяхъ, и о предметахъ. Весьма естественно, что у него явились высокія понятія о своихъ собственныхъ правахъ, что онъ не могъ выносить оппозиціи и питалъ желаніе, чтобы всѣ общественные дѣятели были разъединены между собою и находились въ зависимости только отъ него одного; весьма естественно было далѣе, что при состояніи, въ которомъ тогда находился политическій міръ, онъ нашелъ достаточно орудій для выполненія своихъ намѣреній.

Такимъ образомъ возникъ и обозначился особый разрядъ пресмыкающихся политиковъ, никогда ни прежде ни послѣ того невиданный въ нашей странѣ. Эти люди отреклись отъ всѣхъ политическихъ связей, исключая тѣхъ, которыя соединяли ихъ съ трономъ; они готовы были при первомъ удобномъ случаѣ сойтись съ какою-угодно партіей, оставить какую-угодно партію, подкопать каждую партію, напасть на каждую партію. Для нихъ всѣ министерства и всѣ оппозиціи были равнозначущи. Они смотрѣли на Бьюта, Гренвилля, Роккингама, Питта безъ особеннаго чувства расположенія и безъ отвращенія. Они были друзьями короля. Должно замѣтить, что эта дружба не вела къ личной интимности. Эти люди никогда не жили съ своимъ повелителемъ, какъ Доддингтонъ жилъ нѣкогда его

отцемъ, или какъ Шериданъ впослѣдствіи жилъ съ его сыномъ. Они никогда не охотились съ нимъ по утрамъ, никогда не играли съ нимъ въ карты по вечерамъ, никогда не ѣли вмѣстѣ съ нимъ жареной баранины, не ухаживали вмѣстѣ съ нимъ за его рѣпою. Только одному или двумъ изъ нихъ случалось видѣть его не въ торжественные дни. Но тѣмъ неменѣе вся факція получала прежде всѣхъ, и самыя точныя, свѣдѣнія о его личныхъ желаніяхъ. Никто изъ этихъ людей не занималъ высокаго мѣста въ администраціи. Они обыкновенно занимали мѣста съ хорошимъ доходомъ, съ ничтожнымъ количествомъ работы и безъ всякой отвѣтственности, и эти мѣста они продолжали удерживать за собою въ то время, пока шесть или семь разъ смѣнялся кабинетъ. Ихъ спеціальнымъ назначеніемъ было не поддерживать министерство противъ оппозиціи, но поддерживать короля противъ министерства. Если его величество бывалъ вынужденъ давать противъ воли согласіе на внесеніе въ парламентъ какого-нибудь билля, который его конституціонные совѣтники считали необходимымъ, то можно было сказать навѣрное, что его друзья въ палатѣ общинъ будутъ говорить противъ билля, будутъ противъ него подавать голосъ, будутъ ставить на пути ему всякаго рода препятствія, совмѣстныя съ парламентскими формами. Если его величество находилъ необходимымъ допустить въ свой кабинетъ статсъ-секретаря, или перваго лорда казначейства, котораго онъ не могъ выносить, то можно было сказать навѣрное, что его друзья не упустятъ ни одного случая повредить такому нелюбимому министру или унизить его. Въ награду за эти услуги король бралъ ихъ подъ свое покровительство. Напрасно отвѣтственные слуги короля жаловались ему, что ежедневно предаютъ ихъ и мѣшаютъ имъ люди, живущіе на хлѣбахъ у правительства. Онъ то оправдывалъ оскорбителей, то извинялъ ихъ, то сознавался, что они заслуживаютъ порицанія, но говорилъ, что потребно время для разсмотрѣнія, можно ли ему отъ нихъ отдѣлаться. Онъ никогда не хотѣлъ ихъ выгнать; и междутѣмъ, какъ все въ государствѣ безпрестанно мѣнялось, этимъ сикофантамъ, казалось, суждено было оставаться вѣчно при своихъ должностяхъ.

Друзьямъ короля было хорошо извѣстно, что хотя его величество и согласился на отмѣну штемпельнаго акта, но онъ далъ это согла-

сіе съ весьма недовольнымъ видомъ, и что хотя онъ ревностно благопріятствовалъ вигамъ, когда они, въ крайнемъ его положеніи и по его усердной просьбѣ, взяли на себя освободить его отъ невыносимаго ига, но онъ нисколько не перемѣнилъ прежнихъ своихъ предубѣжденій противъ своихъ освободителей. Предъ министрами вскорѣ открылось, что, между-тѣмъ какъ съ фронта имъ предстоитъ бороться со всѣми силами могущественной оппозиціи, съ тыла на нихъ нападаетъ многочисленная толпа тѣхъ самыхъ людей, которыхъ они считали своими союзниками.

Тѣмъ неменѣе лордъ Рокингамъ и его приверженцы рѣшительно шли впередъ съ своимъ биллемъ объ отмѣнѣ штемпельнаго акта. На ихъ сторонѣ были всѣ промышленные и торговые интересы въ государствѣ. Въ преніяхъ правительство нашло могущественную поддержку. Двое великихъ ораторовъ и государственныхъ людей, принадлежавшихъ къ двумъ различнымъ поколѣніямъ, поочередно пускали въ ходъ всѣ свои силы, защищая билль. Палата общинъ слушала Питта въ послѣдній разъ, а Борка въ первый, и находилась въ сомнѣніи, которому изъ нихъ слѣдуетъ вручить пальму первенства въ краснорѣчіи. Безъ сомнѣнія, это былъ блестящій закатъ и блестящій восходъ.

Нѣкоторое время исходъ дѣла казался сомнительнымъ. По нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ министры были сильно стѣснены. При одномъ случаѣ не менѣе двѣнадцати друзей короля, все люди должностные, подали голоса противъ правительства. Напрасно лордъ Рокингамъ дѣлалъ представленія королю: его величество сознавался, что было достаточно причинъ жаловаться, но изъявлялъ надежду, что кроткими средствами можно привести этихъ противниковъ въ лучшее настроеніе духа. Если же они будутъ упорствовать въ своемъ дурномъ поведеніи, то онъ ихъ отставитъ.

Наконецъ насталъ рѣшительный день. Галлерея, сѣни, совѣстный судъ, ступеньки лѣстницы были наполнены купцами изъ всѣхъ большихъ портовыхъ городовъ острова. Пренія продолжались далеко за полночь. При подачѣ голосовъ министры получили значительное большинство. Страхъ гражданской войны и вопли всѣхъ торговыхъ городовъ королевства превозмогли соединенныя силы двора и оппозиціи.

При полусвѣтѣ занимавшагося февральскаго утра отворились двери палаты общинъ, и вожди враждебныхъ партій показались предъ толпой. Конвей былъ принятъ съ громкими рукоплесканіями. Но когда вышелъ Питтъ, глаза всѣхъ устремились на него. Всѣ шляпы полетѣли вверхъ. Громкіе и продолжительные крики восторга сопровождали его до экипажа и толпа поклонниковъ слѣдовала за нимъ до самаго дома. Затѣмъ вышелъ Гренвилль. Какъ-скоро его узнали, поднялась цѣлая буря свистковъ и проклятій. Онъ съ яростью бросился на толпу и схватилъ одного человѣка за горло. Окружавшіе были въ большомъ безпокойствѣ. Еслибъ началась схватка, то никто не могъ сказать, чѣмъ бы она кончилась. Къ-счастью, человѣкъ, котораго онъ схватилъ такимъ образомъ, сказалъ только: «Если я не смѣю свистать, сэръ, то, надѣюсь, мнѣ позволительно смѣяться», и засмѣялся Гренвиллю въ лицо.

Большинство было столь рѣшительное, что всѣ члены парламента, стоявшіе въ оппозиціи министерству, за исключеніемъ одного, были готовы пропустить билль безъ всякихъ дальнѣйшихъ споровъ. Но всѣ увѣщанія и представленія были отвергнуты Гренвиллемъ. Его неукротимый духъ подъ тяжестью общественной ненависти только разгорячался сильнѣе и сильнѣе; онъ упорно велъ борьбу до конца. При заключительномъ чтеніи билля онъ велъ рѣзкій споръ съ своимъ зятемъ—послѣдній изъ многочисленныхъ рѣзкихъ споровъ между ними. Питтъ энергически громилъ человѣка, который желалъ окунуть горностаеву мантію британскаго короля въ крови британскаго народа. Гренвилль возражалъ съ своимъ обыкновеннымъ безстрашіемъ и рѣзкостью. «Еслибъ теперь, сказалъ онъ, можно было еще наложить подать, то я наложилъ бы ее. За тѣ бѣдствія, къ которымъ она повела бы, отвѣчаетъ мой обвинитель. Его расточительность сдѣлала ее необходимою; высказанныя имъ мнѣнія противъ конституціонныхъ правъ короля, лордовъ и общинъ сдѣлали ее вдвойнѣ необходимою. Я не завидую тѣмъ восторженнымъ крикамъ, съ которыми его встрѣчаютъ. Я горжусь свистками. Еслибъ надобно было сдѣлать снова то же самое, я сдѣлалъ бы.»

Отмѣна штемпельнаго акта была главною мѣрою правительства лорда Рокингама. Но это правительство заслуживаетъ похвалы за то, что положило конецъ двумъ стѣснительнымъ обычаямъ, которые,

въ дѣлѣ Вилькза, привлекли общее внимвніе и вызвали неудовольствіе публики. Подъ вліяніемъ министровъ палата общинъ приняла два закона: однимъ, которымъ отмѣнялось постановленіе объ арестахъ, другой, которымъ запрещалась конфискація газетъ по дѣламъ о пасквиляхъ.

Для прочной славы лорда Роккингама должно прибавить, что въ длинномъ ряду годовъ, его администрація была первая, имѣвшая достаточно честности и мужества, чтобы удерживаться отъ подкупа парламентскихъ членовъ. Враги обвиняли его и его друзей въ слабости, въ высокомѣріи, въ служеніи духу партіи; но даже клевета никогда не осмѣливалась связать его имя съ подкупомъ.

Къ сожалѣнію, это правительство, одно изъ лучшихъ, бывшихъ когда-либо въ нашей странѣ, было вмѣстѣ съ тѣмъ и одно изъ самыхъ слабыхъ. Друзья короля, при каждомъ удобномъ случаѣ, нападали на министровъ и мѣшали имъ. Если они въ такихъ случаяхъ обращались къ королю, то это вело только къ новымъ обѣщаніямъ и новымъ отговоркамъ. Его величество былъ убѣжденъ, что тутъ существуютъ какія-нибудь недоразумѣнія. Лордъ Роккингамъ пусть лучше самъ переговоритъ съ джентльменами. При слѣдующемъ проступкѣ они будутъ уволены. Слѣдующій проступокъ скоро совершался, и его величество продолжалъ лукавить. «Это слишкомъ дурно; это вполнѣ отвратительно, говорилъ онъ; но что за дѣло до этого? скоро парламентъ будетъ отсроченъ.» Онъ желаетъ дать виновнымъ еще возможность исправиться. Если въ ближайшую сессію они не измѣнятъ своего поведенія, то въ защиту ихъ онъ не скажетъ ни слова. Онъ ужъ рѣшилъ, что задолго до начала новой сессіи лордъ Роккингамъ не будетъ министромъ.

Мы пришли теперь къ той эпохѣ въ нашей исторіи, которую, при всемъ нашемъ удивленіи къ генію и многимъ благороднымъ качествамъ Питта, не можемъ излагать безъ особенной скорби. Мы вѣримъ, что въ это время въ его власти было даровать побѣду партіи виговъ или друзьямъ короля. Что-бы оставалось дѣлать двору, еслибъ Питтъ тѣсно соединился съ лордомъ Роккингамомъ? Тогда возможно было бы одно изъ двухъ: или виги, или Гренвилль, и не могло быть сомнѣнія въ томъ, каковъ будетъ выборъ короля. Онъ помнилъ еще съ крайнею горечью—и имѣлъ еще основаніе помнить—

о томъ рабствѣ, отъ котораго освободилъ его дядя, и около этого времени сказалъ съ сильною раздражительностью, что скорѣе согласится видѣть въ своемъ кабинетѣ дьявола, нежели Гренвилля.

И что могло бы помѣшать Питту соединиться съ лордомъ Роккингамомъ? Относительно всѣхъ наиболѣе важныхъ вопросовъ мнѣнія ихъ были одинаковы; они равно порицали миръ, штемпельный актъ, постановленія объ арестахъ, конфискацію газетъ. Пункты, въ которыхъ они расходились, были немногочисленны и неважны. Въ честности, въ безкорыстіи, въ ненависти къ подкупамъ они были похожи одинъ на другаго. Личные ихъ интересы не могли сталкиваться. Они засѣдали въ различныхъ палатахъ, и Питтъ всегда говорилъ, что ничто не можетъ заставить его вступить въ должность перваго лорда казначейства.

Если былъ упущенъ удобный случай образовать коалицію, благодѣтельную для государства и честную для всѣхъ участниковъ, то въ этомъ не слѣдуетъ обвинять вигское министерство. Министры держали себя относительно Питта съ такою почтительностью, которая, еслибъ не была слѣдствіемъ искренняго уваженія и заботливости объ общественныхъ интересахъ, съ достаточнымъ основаніемъ могла бы назваться рабскою. Они безпрестанно давали понять ему, что если онъ рѣшится примкнуть къ ихъ рядамъ, то они готовы принять его не какъ союзника, но какъ вождя. Они доказали свое уваженіе къ нему, возведя въ званіе пера человѣка, пользовавшагося въ то время значительною долею его довѣрія, главнаго судью Пратта. Что же такое отдѣляло тогда Питта отъ виговъ? Что, съ другой стороны, было общаго между нимъ и друзьями короля? отчего онъ отдался ихъ цѣлямъ, онъ, никогда не обязанный ничѣмъ лести или интригѣ, онъ, краснорѣчіе и независимый духъ котораго держали въ страхѣ два поколѣнія рабовъ и наемниковъ, и который дважды энтузіазмомъ удивлявшагося ему народа былъ, противъ воли короля, поставленъ во главѣ управленія?

Къ сожалѣнію, дворъ привлекъ къ себѣ Питта, правда, не тѣми недостойными средствами, которыя употреблялись въ дѣло, когда надобно было соблазнить такихъ людей, какъ Ригби и Веддерборнъ, но тѣми приманками, на которыя поддается натура, благородная въ

самыхъ заблужденіяхъ своихъ. Король поставилъ себѣ задачею обольстить единственнаго человѣка, который могъ столкнуть виговъ и, однакожъ, не отдать управленія въ руки Гренвилля. Похвалы, любезности, обѣщанія расточаемы были предъ идоломъ народа. Онъ, и только онъ одинъ, можетъ положить конецъ раздорамъ партій, можетъ съ презрѣніемъ отнестись ко всѣмъ могущественнымъ партіямъ въ странѣ, къ вигамъ и торіямъ, къ Роккингамамъ, Бедфордамъ и Гренвиллямъ, ко всѣмъ имъ вмѣстѣ. Подобнаго рода льстивыя рѣчи произвели сильный эффектъ, ибо хотя умъ Питта былъ возвышенный и мужественный, хотя его краснорѣчіе часто съ поразительнымъ эффектомъ боролось противъ двора, хотя его правительственная теорія была почерпнута изъ школы Локка и Сидни, но онъ постоянно смотрѣлъ на лицо государя съ глубокимъ уваженіемъ. Какъ скоро онъ становился лицомъ къ лицу съ королевскою властью, его воображеніе и его чувствительность брали перевѣсъ надъ его принципами. Его вигизмъ таялъ и испарялся, и, на это время, онъ дѣлался торіемъ стараго ормондовскаго закала. Съ другой стороны, онъ нисколько не противился идеѣ помочь дѣлу разложенія всѣхъ политическихъ партій. Собственное его значеніе въ государствѣ находилось въ полной независимости отъ всѣхъ партій. Онъ, поэтому, расположенъ былъ смотрѣть на нихъ съ неудовольствіемъ и находилъ слишкомъ мало различія между скопищами мошенниковъ, собравшихся единственно съ цѣлью грабежа, и собраніями почтенныхъ людей для содѣйствія великимъ общественнымъ цѣлямъ. У него не было настолько проницательности, чтобы замѣтить, что энергическія усилія, поднятыя имъ для уничтоженія всѣхъ партій, поведутъ только къ утвержденію перевѣса одной, и именно самой дурной изъ нихъ и самой ненавистной.

Можно сомнѣваться въ томъ, увлекся ли бы онъ въ такое заблужденіе, еслибъ его духъ находился въ полнотѣ своихъ здоровыхъ и свѣжихъ силъ. Но дѣло въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ онъ былъ въ ненормальномъ состояніи раздраженія. До сихъ поръ еще не возникало подозрѣній, что онъ находится въ такомъ болѣзненномъ состояніи. Его краснорѣчіе никогда не выказывалось въ бо́льшемъ блескѣ, какъ въ продолженіе послѣднихъ преній. Только впослѣдствіи стали припоминать множество обстоятельствъ, которыя были спо-

собны возбудить подозрѣнія. Его привычки постепенно становились болѣе и болѣе эксцентричными; онъ, подобно Валленштейну, началъ бояться всякаго слишкомъ сильнаго шума. Будучи всегда самымъ нѣжнымъ отцомъ, онъ въ это время не могъ выносить голоса своихъ собственныхъ дѣтей и въ Гейзѣ расходовалъ значительныя суммы на покупку домовъ только для того, чтобъ сосѣди не мѣшали ему своимъ шумомъ. Затѣмъ онъ продалъ Гейзъ и купилъ виллу въ Гампстидѣ, гдѣ снова началъ скупать дома направо и налѣво. Издержками онъ, безъ сомнѣнія, въ эту эпоху своей жизни соперничалъ съ богатѣйшими изъ завоевателей Бенгала и Танджора. Въ Бортонъ-Пинсентѣ онъ приказалъ засадить кедрами значительное пространство земли. Для этой цѣли достаточнаго количества кедровъ нельзя было найти въ Сомерсетширѣ; ихъ, поэтому, набрали, сколько могли, въ Лондонѣ и отвезли въ повозкахъ. Наняты были работники, смѣнявшіе другъ друга поочередно, и работа шла даже ночью при свѣтѣ факеловъ. Не было человѣка воздержнѣе Питта, однакожъ, для кухни своей онъ расходовалъ такъ много, что это могло возбудить удивленіе даже въ эпикурейцахъ: постоянно было заготовлено по нѣскольку обѣдовъ, потому что вкусъ его былъ капризенъ и прихотливъ, и, когда бы ни захотѣлось ему ѣсть, надобно было, чтобы обѣдъ тотчасъ же являлся на столѣ. Мы могли бы привести и другія обстоятельства, которыя, будучи разсматриваемы въ отдѣльности, имѣютъ ничтожное значеніе, но взятыя вмѣстѣ и приведенныя въ соотношеніе съ послѣдующими его странными поступками оправдываютъ наше убѣжденіе, что его разсудокъ уже находился въ болѣзненномъ состояніи.

Вскорѣ послѣ закрытія засѣданій парламента, лордъ Рокингамъ получилъ увольненіе. Онъ удалился, сопровождаемый вѣрною толпою друзей, которыхъ постоянству и честности даже сами враги принуждены были отдать должное. Ни одинъ изъ нихъ не пожелалъ и не получилъ пенсіона или синекуры, ни даже права выжидать ихъ. Подобное безкорыстіе было тогда явленіемъ рѣдкимъ между людьми государственными. Ихъ глава, при всемъ томъ, что былъ человѣкъ не съ блестящими талантами, пріобрѣлъ себѣ почетное имя, до послѣднихъ поръ остававшееся чистымъ. Несмотря на трудности, казавшіяся почти непреодолимыми, онъ устранилъ большія злоупотре-

бленія и отклонилъ гражданскую войну. Впослѣдствіи, спустя шестьнадцать лѣтъ, въ тяжелое и страшное время, онъ снова былъ призванъ спасти государство, стоявшее почти на краю гибели вслѣдствіе такого же коварства и такого же упорства, которыя затрудняли и наконецъ сокрушили его первое министерство.

Питтъ сажалъ въ то время свои кедры въ Сомерсетширѣ, какъ собственноручное письмо короля призвало его ко двору. Онъ тотчасъ поспѣшилъ въ Лондонъ. Болѣзненное состояніе его духа и тѣла усилилось вслѣдствіе той быстроты, съ которою онъ ѣхалъ; достигнувъ цѣли своей поѣздки, онъ занемогъ лихорадкою. Больной, онъ имѣлъ свиданіе съ королемъ въ Ричмондѣ и взялся составить министерство.

Питтъ находился въ положеніи человѣка, принужденнаго вести щекотливые и трудные переговоры. Въ письмахъ къ женѣ онъ жалуется, что конференціи, въ которыхъ онъ долженъ былъ принимать участіе, разгорячаютъ его кровь и ускоряютъ біеніе пульса. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что его тонъ даже съ тѣми, которыхъ содѣйствіе онъ желалъ пріобрѣсти, былъ настойчивъ и деспотиченъ. Нѣкоторыя изъ записокъ, написанныхъ имъ въ это время, сохранились до сихъ поръ; онѣ написаны въ такомъ тонѣ, что самъ Людовикъ XIV постыдился бы употребить его въ письмѣ къ какому-нибудь французскому дворянину.

Въ своей попыткѣ разстроить всѣ партіи Питтъ встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія. Нѣкоторые виги, которыхъ дворъ охотно желалъ бы отвлечь отъ лорда Роккингама, отвергли всѣ предложенія. Бедфорды были совершенно готовы разорвать свою связь съ Гренвиллемъ; но Питтъ не желалъ согласиться на предлагаемыя ими условія. Темпль, котораго Питтъ сначала хотѣлъ поставить во главѣ казначейства, явился непреклоннымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время охлажденіе между зятьями, такъ долго и такъ тѣсно связанными между собою по вопросамъ политическимъ, усиливалось все болѣе и болѣе. Питтъ сердился на Темпля за его оппозицію при отмѣнѣ штемпельнаго акта. Темпль сердился на Питта за то, что онъ отказался пристать къ семейной лигѣ, которая теперь была самымъ любимымъ планомъ въ Стоу. Наконецъ графъ предложилъ раздѣлить поровну власть и вліяніе въ парламентѣ и хотѣлъ на этомъ

условіи пожертвовать своимъ братомъ Джорджемъ. Питтъ нашелъ требованіе чрезмѣрнымъ и положительно отказался принять его. Затѣмъ послѣдовалъ сильный споръ. Каждый изъ родственниковъ оставался вѣрнымъ своему характеру. Въ душѣ Темпля поднялась злоба; душа Питта наполнилась презрѣніемъ. Темпль видѣлъ въ Питтѣ самаго ненавистнаго изъ лицемѣровъ и предателей. Питтъ говорилъ въ другомъ тонѣ, можетъ быть, еще болѣе оскорбительномъ. Темпль, по его словамъ, былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ единственное право на извѣстность заключается въ томъ, что они владѣютъ обширнымъ садомъ съ большими прудами, съ значительнымъ количествомъ павильоновъ и увеселительныхъ домиковъ. Счастливой своей связи съ великимъ ораторомъ и государственнымъ человѣкомъ онъ обязанъ значеніемъ въ государствѣ, котораго никогда не пріобрѣлъ бы одними собственными талантами. Это значеніе вскружило ему голову: онъ вообразилъ себѣ, что можетъ составлять министерства и управлять государствами. Очень прискорбно видѣть разсудительнаго человѣка въ подобномъ заблужденіи.

Не смотря на всѣ эти затрудненія, министерство составилось въ томъ видѣ, въ какомъ желалъ король, министерство, въ которомъ расположились весьма комфортабельно всѣ друзья его величества и въ которомъ, за исключеніемъ друзей его величества, не было и четырехъ человѣкъ, привыкшихъ дѣйствовать вмѣстѣ. Люди, ни разу не подававшіе вмѣстѣ голосовъ, теперь засѣдали въ совѣтѣ за однимъ столомъ. Должность казначея была раздѣлена между двумя лицами, которыя никогда не обмѣнялись между собою словомъ. Большая часть важнѣйшихъ должностей была занята или личными приверженцами Питта, или членами послѣдняго министерства, которыхъ убѣдили остаться на своихъ мѣстахъ послѣ отставки лорда Роккингама. Къ первому разряду принадлежали Праттъ, теперь лордъ Камденъ, получившій большую печать, и лордъ Шельборнъ, назначенный однимъ изъ государственныхъ секретарей. Къ послѣднему разряду принадлежали герцогъ Графтонъ, сдѣлавшійся первымъ лордомъ казначейства, и Конвей, удержавшій свое прежнее положеніе въ правительствѣ и въ палатѣ общинъ. Чарльзъ Таунзгендъ, принадлежавшій къ каждой партіи и ни объ одной незаботившійся, сдѣлался канцлеромъ казначейства. Питтъ самъ былъ объявленъ

первымъ министромъ, но отказался взять на себя какую-нибудь должность съ портфелемъ. Ему пожалованъ былъ титулъ лорда Чатама и ввѣрена была тайная печать.

Почти нѣтъ надобности говорить, что паденіе, полное и позорное паденіе этой сдѣлки не должно быть приписываемо недостатку способностей въ тѣхъ людяхъ, которыхъ мы назвали. Ни у одного изъ нихъ не было недостатка въ способностяхъ, и четверо изъ нихъ, самъ Питтъ, Шельборнъ, Камденъ и Таунзгендъ, были люди высокихъ умственныхъ дарованій. Слабость заключалась не въ матеріялахъ, но въ принципѣ, по которому эти матеріялы были вмѣстѣ сложены. Питтъ смѣшалъ эти несоединимые элементы въ томъ полномъ убѣжденіи, что онъ будетъ въ силахъ сдерживать ихъ въ совершенномъ повиновеніи себѣ и въ совершенной гармоніи между собою. Мы скоро увидимъ, какъ удался опытъ.

Въ тотъ самый день, когда новый первый министръ совершилъ обрядъ цалованія руки, его покинули три четверти той популярности, которою онъ такъ долго пользовался безъ всякаго соперничества и которой онъ былъ одолженъ значительною частью своего авторитета; поднялись сильные крики не противъ той части его поведенія, которая дѣйствительно заслуживала строгаго порицанія, но противъ поступка, въ которомъ мы не можемъ видѣть ничего достойнаго осужденія. Принятіе имъ перства произвело общій взрывъ негодованія. Конечно, никогда званіе пера не было пріобрѣтено болѣе достойнымъ образомъ, и никогда не было государственнаго человѣка, болѣе нуждавшагося въ томъ отдыхѣ, который доставляетъ верхняя палата. Питтъ становился старъ; его состарили скорѣе болѣзни, чѣмъ годы. Съ величайшей опасностью для своей жизни онъ исполнялъ при нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ свои обязанности въ парламентѣ. Въ продолженіе сессіи 1764 года онъ не былъ въ силахъ принять участіе ни въ одномъ преніи. Ночная работа, правительственныя занятія въ палатѣ общинъ становились для него дѣломъ невозможнымъ. Его желаніе перейти, при подобныхъ обстоятельствахъ, въ менѣе занятое и менѣе шумное собраніе было весьма естественно и благоразумно. Народъ, однако же, не обращалъ вниманія на всѣ эти соображенія. Тѣ самые люди, которые отличались наибольшею любовью и наибольшимъ почтеніемъ къ «великому ком-

монеру», разразились теперь самою громкою бранью противъ вновь пожалованнаго лорда. До сихъ поръ Лондонъ, при всѣхъ перемѣнахъ судьбы былъ ему вѣрно преданъ. Когда граждане Лондона узнали, что его вызвали изъ Сомерсетшира, что онъ имѣлъ въ Ричмондѣ тайное совѣщаніе съ королемъ и что онъ будетъ первымъ министромъ, они были внѣ себя отъ радости. Начались приготовленія къ великому празднеству и къ всеобщей иллюминаціи. Фонари были дѣйствительно разставлены вокругъ Монумента, когда «*Лондонская Газета*» объявила, что предметъ всего этого энтузіазма сдѣлался графомъ. Внезапно былъ отмѣненъ праздникъ; фонары были сняты. Газеты подняли вопль упрека. Памфлеты, пропитанные клеветой и грубыми остротами, наполнили лавки всѣхъ книгопродавцевъ, и изъ этихъ памфлетовъ самые желчные были написаны подъ руководствомъ злобнаго Темпля. Вошло въ моду теперь сравнивать двухъ Вилліамовъ, Вилліама Пультни и Вилліама Питта. Оба—говорили тогда—своимъ краснорѣчіемъ и притворнымъ патріотизмомъ пріобрѣли огромное вліяніе въ палатѣ общинъ и въ цѣлой странѣ; обоимъ поручено было преобразовать правительство; оба, находясь на высшей ступени власти и популярности, были соблазнены блескомъ графской короны; оба сдѣлались лордами и оба, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлались предметомъ отвращенія и насмѣшекъ народа, который, за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ, смотрѣлъ на нихъ съ чувствомъ любви и уваженія.

Крики противъ Питта имѣли, казалось, серьёзное вліяніе на внѣшнія отношенія нашей страны. Его имя до сихъ поръ дѣйствовало магически на Версаль и Сентъ-Ильдефонсо. Англичане, путешествовавшіе на континентѣ, замѣчали, что ничѣмъ лучше нельзя было заставить замолчать хвастливыхъ французовъ, какъ намекнувъ на возможность возвращенія къ власти мистера Питта: въ одно мгновеніе въ комнатѣ, наполненной людьми, воцарялось глубокое молчаніе; у всѣхъ подпимались плечи и вытягивались лица. Теперь каждый иностранный дворъ, узнавъ, что онъ снова призванъ къ власти, къ сожалѣнію, узналъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ не владѣетъ болѣе сердцами своихъ согражданъ. Переставъ возбуждать любовь на своей родинѣ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, пересталъ возбуждать страхъ внѣ ея предѣловъ. Имя Питта было нѣкогда чарующимъ именемъ. Наши посланники напрасно старались теперь заколдовать кого-нибудь именемъ Чатама.

Трудности, представившiяся Питту, возрастали съ каждымъ днемъ вслѣдствiе того деспотическаго обращенiя, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ окружавшимъ. Лордъ Роккингамъ, во время министерской смѣны, дѣйствовалъ съ большою умѣренностью, выразилъ надежду, что новое правительство будетъ дѣйствовать въ смыслѣ принциповъ прежняго правительства, и даже самъ старался отклонить многихъ изъ своихъ друзей отъ выхода въ отставку. Такъ Сондерзу и Кеппелю, двумъ отличнымъ флотскимъ капитанамъ, онъ присовѣтовалъ остаться въ адмиралтействѣ, гдѣ сильно нуждались въ ихъ услугахъ. Герцогъ Портландъ остался лордомъ—камергеромъ, а лордъ Бесборо почтмейстеромъ. Но въ три мѣсяца лордъ Чатамъ нанесъ этимъ людямъ столько оскорбленiй, что они, раздраженные, вышли въ отставку. Въ самомъ дѣлѣ, его тонъ, покорный въ тайномъ совѣтѣ предъ королемъ, былъ въ то же время невыносимъ своею тираннiей въ засѣданiяхъ совѣта министровъ. Его товарищи были простыми его клерками по дѣламъ флота, финансовъ и дипломатiи. Какъ ни былъ кротокъ Конвей, но при одномъ случаѣ и его поставили въ необходимость замѣтить, что такого языка, какимъ выражается лордъ Чатамъ, до тѣхъ поръ не слыхали къ западу отъ Константинополя, и только съ трудомъ могъ отговорить его Горацiй Вальполь отъ выхода въ отставку и отъ присоединенiя къ знамени лорда Роккингама.

Брешь, образовавшуюся въ правительствѣ съ отпаденiемъ отъ него столькихъ людей изъ партiи Роккингама, Чатамъ думалъ завалить приверженцами Бедфорда; но съ ними онъ не могъ поступать такъ, какъ поступалъ съ другими партiями. Напрасно онъ предлагалъ значительныя выгоды одному или двумъ членамъ партiи, въ надеждѣ отдѣлить ихъ отъ остальныхъ: ихъ можно было привлечь къ себѣ, но не иначе, какъ привлечь всѣхъ вмѣстѣ. Конечно, одно время было нѣкоторое колебанiе и нѣкоторое разъединенiе между ними; но подъ конецъ превозмогли совѣты хитраго и рѣшительнаго Ригби. Они положили стоять крѣпко за одно, и прямо объявили Чатаму, что онъ долженъ взять ихъ всѣхъ, или же онъ не получитъ ни одного изъ нихъ. Исходъ дѣла доказалъ, что въ это время они были умнѣе всякой другой партiи въ государствѣ. Спустя нѣсколь-

ко мѣсяцевъ они были въ состояніи предписывать свои собственныя условія.

Самою важною государственною мѣрою въ министерствѣ лорда Чатама было его знаменитое вмѣшательство въ дѣла хлѣбной торговли. Жатва была очень дурна; цѣны на съѣстные припасы повысились, и онъ счелъ необходимымъ принять на себя отвѣтственность за наложеніе запрещенія на вывозъ хлѣба. Когда парламентъ собрался, оппозиція напала на эту мѣру, какъ на противную конституціи; министры защищали ее, какъ вызванную крайнею необходимостью. Наконецъ, постановлено было вознаградить всѣхъ тѣхъ, кто потерпѣлъ отъ этого запрещенія.

Первыя слова, произнесенныя лордомъ Чатамомъ въ палатѣ лордовъ, были направлены въ защиту его образа дѣйствій при этомъ случаѣ. Онъ говорилъ съ спокойствіемъ, умѣренностью и достоинствомъ, вполнѣ соотвѣтствовавшими характеру того собранія, къ которому слова его были обращены. Вторая рѣчь, произнесенная имъ о томъ же предметѣ, была менѣе удачна. Къ аристократическимъ связямъ онъ отнесся презрительно, съ такимъ высокомѣріемъ, къ которому перы не привыкли; говорилъ онъ въ такомъ тонѣ и съ такими жестами, которые скорѣе были у мѣста въ многочисленномъ и шумномъ собраніи, чѣмъ въ той спокойной корпораціи, которой онъ теперь сдѣлался членомъ. Затѣмъ послѣдовали краткія пренія, и прямо было сказано, что ему не позволятъ отзываться съ презрѣніемъ о старой англійской аристократіи.

Мало-по-малу становилось ясно, что онъ страдалъ разстройствомъ ума. Его вниманіе было обращено на территоріальныя пріобрѣтенія Остъ-Индской Компаніи, и онъ рѣшился все это великое дѣло представить на разсмотрѣніе парламента. Однакожъ онъ не хотѣлъ переговорить объ этомъ дѣлѣ ни съ однимъ изъ своихъ товарищей. Напрасно Конвей, которому поручено было веденіе дѣлъ въ палатѣ общинъ, и Чарльзъ Таунзгендъ, лицо отвѣтственное по управленію финансами, просили его бросить какой-нибудь лучъ свѣта на то, что онъ имѣетъ въ виду: отвѣты Чатама были загадочны и темны. Онъ долженъ уклоняться отъ всякихъ разсужденій съ ними; онъ не нуждается въ ихъ помощи; онъ назначилъ лицо, которое должно проводить его мѣры въ палатѣ общинъ. Это былъ ольдер-

менъ Бекфордъ, членъ парламента, вовсе не принадлежавшій къ правительству, не имѣвшій значенія въ палатѣ и не заслуживавшій его, шумливый, гордый своимъ богатствомъ и необразованный демагогъ, котораго уличное лондонское произношеніе и дурно-выговариваемые обрывки изъ латинскихъ авторовъ служили предметомъ насмѣшекъ для газетъ. Легко можно представить себѣ, что этотъ странный поступокъ возбудилъ волненіе во всемъ политическомъ мірѣ. Сити было взволновано. Остъ-Индская Компанія взывала къ непоколебимости и вѣрному исполненію хартій. Боркъ гремѣлъ противъ министровъ. Министры смотрѣли другъ на друга и не знали, что имъ говорить. Посреди этой тревоги лордъ Чатамъ объявилъ, что у него припадокъ подагры и удалился въ Батъ. Спустя нѣсколько времени было объявлено, что ему лучше, что онъ скоро все приведетъ въ порядокъ. Былъ назначенъ день прибытія его въ Лондонъ. Но, пріѣхавъ въ гостинницу «Замка» въ Марльборо, онъ тамъ остановился, заперся въ комнатѣ и остался въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Кто проѣзжалъ по этой дорогѣ, не могъ не изумляться многочисленности его свиты. Лакеи и конюха, одѣтые въ его фамильную ливрею, наполняли всю гостинницу, одну изъ огромнѣйшихъ въ Англіи, и толпились по улицамъ маленькаго города. Дѣло объяснялось просто: больной настоялъ на томъ, чтобы во время его пребыванія всѣ слуги и конюха въ гостинницѣ носили его ливрею.

Его товарищи были въ отчаяніи. Герцогъ Графтонъ предложилъ было отправиться въ Марльборо, чтобы посовѣтоваться съ оракуломъ. Но ему дали знать, что лордъ Чатамъ долженъ уклоняться отъ всѣхъ дѣловыхъ разговоровъ. Между тѣмъ, всѣ партіи, не стоявшія у государственнаго кормила, партіи Бедфорда, Гренвилля, Рокингама, соединились въ оппозиціи разстроенному правительству при подачѣ голосовъ относительно поземельной подати. Онѣ были поддержаны почти всѣми представителями графствъ и имѣли на своей сторонѣ значительное большинство. Со времени паденія сэра Роберта Вальполя министерство въ первый разъ потерпѣло такое важное пораженіе въ палатѣ общинъ. Министерство, подверженное извнѣ такимъ жестокимъ нападеніямъ, было разъединено внутри разногласіемъ мнѣній. Его составъ не основывался ни на какомъ принципѣ. Съ самаго начала только авторитетъ Чатама могъ удерживать отъ схватокъ

враждебные элементы, изъ которыхъ состояли ряды. Этотъ авторитетъ былъ теперь далеко, и все пришло въ движеніе. Конвей, храбрый солдатъ, но въ дѣлахъ гражданскихъ самый робкій и нерѣшительнѣйшій изъ людей, боялся досадить королю, боялся подвергнуться насмѣшкамъ и оскорбленіямъ въ газетахъ, боялся, что его сочтутъ мятежникомъ, если онъ выйдетъ въ отставку, боялся, что его сочтутъ корыстолюбивымъ, если останется, боялся всего, боялся наконецъ, что узнаютъ, что онъ всего боится; Конвей, какъ воланъ, перелеталъ то въ ту, то въ другую сторону, отъ Горація Вальполя, который хотѣлъ сдѣлать его первымъ министромъ, къ лорду Джону Кавендишу, который хотѣлъ привлечь его на сторону оппозиціи. Чарльзъ Таунзендъ, человѣкъ съ блестящими талантами, съ шаткими правилами, съ безграничнымъ тщеславіемъ и высокомѣріемъ, не хотѣлъ подчиняться ничьему контролю. Еще не раскрылась вся полнота его дарованій, его честолюбія и надменности, ибо онъ постоянно преклонялся предъ геніемъ и гордымъ характеромъ Питта; но теперь Питтъ оставилъ палату общинъ и, казалось, отказывался отъ должности перваго министра; теперь всѣ преграды разступались предъ Таунзендомъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Чатамъ, наконецъ, возвратился въ Лондонъ. Впрочемъ, оставайся онъ въ Марльборо, дѣла все-таки шли бы не хуже: онъ никого не хотѣлъ видѣть, онъ не хотѣлъ говорить, не хотѣлъ высказывать своихъ мнѣній объ общественныхъ дѣлахъ. Герцогъ Графтонъ усердно просилъ впустить его для переговоровъ къ Питту на одинъ часъ времени, на полчаса, на пять минутъ: ему отвѣчали, что это невозможно. Самъ король нѣсколько разъ снисходилъ до представленій, до просьбъ. «Вашъ долгъ,—писалъ онъ,—ваша собственная честь требуютъ, чтобъ вы сдѣлали усиліе.» Отвѣты на всѣ эти представленія были обыкновенно написаны рукою леди Чатамъ подъ диктовку лорда, ибо онъ былъ не въ силахъ держать перо въ рукѣ. Онъ повергается къ ногамъ короля; онъ проникнутъ сознаніемъ королевской доброты, которая такъ ясно доказана несчастнѣйшему изъ людей, онъ умоляетъ продлить еще на нѣкоторое время снисхожденіе; онъ теперь еще не можетъ заниматься дѣлами, онъ не можетъ видѣть своихъ товарищей. Менѣе всего онъ можетъ вынесть напряженіе при свиданіи съ его величествомъ.

Многіе были недалеки отъ подозрѣній, что онъ напускалъ на себя болѣзнь. Онъ сдѣлалъ, говорили они, большую ошибку и сознаналъ это. Его огромная популярность, высокая слава его, какъ государственнаго человѣка, погибли навсегда. Упоенный гордостью, онъ взялъ на себя задачу, превышавшую его силы. Теперь онъ не видитъ впереди себя ничего, кромѣ бѣдствій и униженій, и оттого онъ притворился больнымъ съ цѣлью избѣжать огорченій, которымъ противостоять недостаетъ у него мужества. Это подозрѣніе, хотя и получало нѣкоторое вѣроятіе отъ той слабости, которая была самымъ рѣзкимъ недостаткомъ его характера, но, безъ сомнѣнія, было неосновательно. Еще прежде, нежели онъ сдѣлался первымъ министромъ, его разсудокъ, какъ мы сказали, находился въ болѣзненномъ состояніи; а теперь присоединились физическія и нравственныя причины, вполнѣ разстроившія его умственныя способности. Подагра, служившая мученіемъ всей его жизни, была подавлена сильными врачебными средствами. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ, будучи еще мальчикомъ, въ Оксфордѣ, онъ почувствовалъ признаки этой болѣзни, провелъ онъ теперь нѣсколько мѣсяцевъ безъ мученій; но его руки и ноги поправились въ ущербъ его нервамъ. Онъ впалъ въ меланхолію, сдѣлался капризенъ, раздражителенъ. Затруднительное положеніе государственныхъ дѣлъ, тяжкая отвѣтственность, на немъ лежавшая, сознаніе собственныхъ ошибокъ, ссоры его товарищей, дикіе крики, поднятые его порицателями, совершенно разстроили его ослабѣвшій духъ. Одно только, говорилъ онъ, можетъ спасти его: ему слѣдуетъ снова купить Гейзъ. Согласіе на это было коекакъ исторгнуто у новаго владѣльца просьбами и слезами леди Чатамъ, и ея супругъ сдѣлался нѣсколько покойнѣе. Но когда напоминали ему о дѣлахъ, онъ, нѣкогда самый гордый и самый смѣлый изъ людей, велъ себя какъ истерическая дѣвушка, дрожалъ съ головы до пятокъ и разражался потокомъ слезъ.

Его товарищи нѣкоторое время поддерживали въ себѣ убѣжденіе, что здоровье его скоро поправится и что онъ выйдетъ изъ своего заключенія; но цѣлые мѣсяцы уходили одинъ за другимъ, а онъ все оставался въ своемъ таинственномъ уединеніи, и, насколько можно было узнать, впадалъ въ самое глубокое умственное разстройство. Наконецъ перестали и надѣяться на него и бояться его; и хотя онъ

все еще былъ номинально первымъ министромъ, товарищи его, нисколько не стѣсняясь, принимали мѣры, которыя—имъ было достовѣрно извѣстно—діаметрально-противоположны его мнѣніямъ и чувствамъ, соединялись съ тѣми, кого онъ преслѣдовалъ, увольняли тѣхъ, кого онъ въ особенности уважалъ, и, несмотря на сильныя выраженія, въ которыхъ онъ недавно говорилъ о штемпельномъ актѣ, наложили подати на колоніи.

Послѣ того, какъ онъ провелъ въ мрачномъ уединеніи почти годъ и девять мѣсяцевъ, король получилъ нѣсколько строчекъ, написанныхъ рукою леди Чатамъ. Въ нихъ заключалась написанная со словъ лорда просьба о томъ, чтобъ король дозволилъ ему отказаться отъ званія хранителя малой печати. Послѣ нѣкотораго учтиваго, для вида сдѣланнаго сопротивленія, отказъ былъ принятъ. На самомъ же дѣлѣ Чатамъ въ это время уже былъ забытъ всѣми, онъ какъ-будто лежалъ уже въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

Наконецъ тучи, собравшіяся надъ его умомъ, разразились и прошли. Подагра возвратилась и освободила его отъ болѣе жестокой болѣзни; нервы снова укрѣпились; расположеніе духа сдѣлалось покойно. Онъ какъ-будто проснулся отъ тяжкаго сна. Это было очень странное выздоровленіе. Всѣ привыкли говорить о немъ, какъ о покойникѣ; и когда онъ въ первый разъ явился при дворѣ, всѣ пришли въ изумленіе, какъ-будто предъ ними предстало привидѣніе. Съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ видѣли его въ обществѣ, прошло болѣе двухъ лѣтъ съ половиною.

И у него, съ своей стороны, были причины придти въ изумленіе. Міръ, въ который онъ теперь вступалъ, не былъ похожъ на тотъ міръ, который онъ оставилъ. Министерство, имъ образованное, не подверглось измѣненіямъ въ цѣломъ своемъ составѣ; но столько членовъ его оставило и столько новыхъ членовъ въ него вступило, что онъ едва могъ узнать свое собственное созданіе. Чарльзъ Таунзгендъ умеръ. Лордъ Шельборнъ былъ уволенъ. Конвей впалъ въ полное ничтожество. Герцогъ Графтонъ попалъ въ руки къ Бедфордамъ. Бедфорды оставили Гренвилля, заключили миръ съ королемъ и съ друзьями короля и были допущены къ должностямъ. Лордъ Нортъ былъ канцлеромъ казначейства и быстро возрасталъ въ своемъ значеніи. Корсика была безъ борьбы отдана Франціи. Споры

съ американскими колоніями снова оживились. Произведены были новые общіе выборы. Вилькзъ возвратился изъ изгнанія и, несмотря на то, что былъ лишенъ покровительства законовъ, былъ избранъ представителемъ Миддльсексшира; толпа была на его сторонѣ; дворъ упорно желалъ погубить его и собирался ради жалкой мести поколебать самыя основы конституціи. Палата общинъ, присвоивъ себѣ авторитетъ, который по праву принадлежалъ только всей законодательной власти, объявила Вилькза неспособнымъ засѣдать въ парламентѣ; но что не впустили его въ парламентъ, этого одного еще не считали достаточнымъ: другой долженъ былъ войти въ него. Такъ-какъ миддльсекскіе землевладѣльцы упорно отказывались выбрать представителя, угоднаго двору, то за нихъ выбрала себѣ члена сама палата. Это было не единственное, можетъ-быть, не самое позорное доказательство закоренѣлой испорченности двора. Раздраженные упорною оппозиціею роккингамовской партіи, друзья короля рѣшились у одного знатнаго дворянина изъ партіи виговъ отнять его частную собственность и, въ своей низкой злобѣ, настаивали на этомъ до тѣхъ поръ, пока, изъ отвращенія и стыда, не возстало противъ этого ихъ же собственное рабское большинство. Неудовольствіе распространилось во всемъ народѣ и было поддерживаемо возбудительными средствами, которыя рѣдко волнуютъ общественное мнѣніе. Юніусъ выступилъ въ поле, забилъ въ прахъ сэра Вилліама Драпера; почти надорвалъ сердце Блакстона и до того разбилъ репутацію герцога Графтона, что его милость почувствовалъ утомленіе отъ своей должности и началъ тосковать по тѣнистымъ рощамъ Юстона. Не было ни одного принципа внѣшней, внутренней и колоніяльной политики, дорогаго сердцу Чатама, котораго бы въ теченіе того времени, когда его духъ находился въ затмѣніи, не нарушило министерство, имъ же образованное.

Остальные годы его жизни прошли въ безплодной борьбѣ противъ роковой политики, которую его заставили принять подъ свою защиту, когда онъ могъ нанести ей смертельный ударъ. Его усилія возстановили его славу, но мало принесли пользы его родинѣ.

Онъ нашелъ двѣ партіи, дѣйствовавшія противъ правительства, партію своего зятя, Гренвиллей, и партію лорда Роккингама. По вопросу о миддльсекскихъ выборахъ эти партіи дѣйствовали вмѣстѣ;

но во множествѣ другихъ важныхъ вопросовъ онѣ далеко расходились и въ дѣйствительности между ними было не менѣе взаимной вражды, нежели вражды ко двору. Гренвилли, въ продолженіе многихъ лѣтъ, преслѣдовали Роккингамовъ цѣлымъ рядомъ желчныхъ памфлетовъ. Такъ шло дѣло долго, прежде нежели Роккингамы рѣшились отплатить тѣмъ же. Но одна гнусная брошюра, написанная подъ вліяніемъ Гренвилля и носившая заглавіе «Положеніе Народа», истощила ихъ терпѣніе. Боркъ взялъ на себя защиту и месть за своихъ друзей и выполнилъ свою задачу съ удивительнымъ искусствомъ и силою. На всѣхъ пунктахъ онъ былъ побѣдителемъ и никогда не наносилъ онъ болѣе полнаго пораженія, какъ въ томъ случаѣ, когда подвелъ итоги къ тѣмъ сухимъ и мелочнымъ вопросамъ о статистическихъ и финансовыхъ подробностяхъ, въ которыхъ заключалась главная сила Гренвилля. Дѣловой труженикъ, даже на собственномъ своемъ полѣ, имъ самимъ избранномъ, оказался совершенно не въ силахъ поддерживать борьбу противъ великаго оратора и философа. Когда Чатамъ снова явился, Гренвилля все-еще корчило отъ недавняго позора и жгучей боли, нанесенныхъ этою заслуженною карою. Сердечное согласіе между двумя вѣтвями оппозиціи было невозможно, и нелегко могъ Чатамъ соединиться съ которой-либо изъ нихъ. Его чувства, несмотря на множество нанесенныхъ и полученныхъ оскорбленій, притягивали его къ партіи Гренвилля; ибо онъ отличался сильными семейными привязанностями, и его натура, какъ ни была надменна, никогда не была способна ожесточиться, а теперь, вслѣдствіе страданій, была расположена къ мягкимъ чувствамъ. Но отъ родственниковъ его отдѣляло рѣзкое различіе въ мнѣніяхъ по вопросу о колоніяльныхъ податяхъ. Несмотря на то, настало примиреніе. Онъ посѣтилъ Стоу; онъ пожалъ руку Джорджу Гренвиллю, и виги-землевладѣльцы боккингамширскіе, за своими публичными обѣдами, выпили много стакановъ вина въ честь союза трехъ братьевъ.

По мнѣніямъ своимъ Чатамъ стоялъ несравненно ближе къ партіи Роккингама, нежели къ своимъ родственникамъ; но между нимъ и Роккингамами лежала пропасть, которую нелегко было перейти. Онъ нанесъ этой партіи глубокое оскорбленіе, и, оскорбляя ее, въ то же время глубоко оскорбилъ свою страну. Когда вѣсы колебались меж-

ду ними и дворомъ, онъ всю силу своего генія, своей славы, своей популярности бросилъ на чашку дурной правительственной системы. Къ этому должно прибавить, что многіе изъ значительныхъ членовъ этой партіи все-еще сохранили горькое воспоминаніе о жесткости и презрѣніи, съ которыми онъ обходился съ ними въ то время, когда вступилъ въ управленіе дѣлами. Ясно изъ памфлетовъ и рѣчей Борка и еще болѣе ясно изъ его частныхъ писемъ и изъ бесѣдъ, что онъ смотрѣлъ на Чатама съ чувствомъ, весьма недалекимъ отъ ненависти. Чатамъ, безспорно, сознавалъ свои ошибки и желалъ ихъ загладить; но его дружественныя предложенія, сдѣланныя, хотя и съ искренностью и даже съ непривычнымъ смиреніемъ, были вначалѣ приняты лордомъ Роккингамомъ съ холодною и строгою сдержанностью. Только мало-по-малу сношенія между двумя государственными людьми сдѣлались вѣжливы и даже дружественны. Но прошлое никогда не было вполнѣ забыто.

Чатамъ, однакожъ, не стоялъ одинокъ: вокругъ него собралась партія, слабая по числу, но сильная великими и разнообразными талантами. Лордъ Камденъ, лордъ Шельборнъ, полковникъ Барре и Доннигъ, впослѣдствіи лордъ Ашбортонъ, были главными членами этой партіи.

Нѣтъ основаній думать, чтобы въ слѣдовавшее за этимъ время и до своей предсмертной болѣзни Чатамъ страдалъ разстройствомъ умственныхъ способностей. Почти до конца жизни онъ говорилъ все съ тѣмъ же краснорѣчіемъ. Его слушали все съ тѣмъ же восторгомъ. Но это не было краснорѣчіе, къ которому привыкла палата лордовъ. Эта отрывочная и страстная, но несовсѣмъ послѣдовательная, декламація, въ которой онъ превосходилъ всѣхъ и которую онъ украшалъ взглядами, выраженіями голоса и жестами, достойными Гаррика и Тальмы, была не на мѣстѣ въ маленькой залѣ, гдѣ слушателями часто были три или четыре сонливые прелата, три или четыре старые судьи, въ теченіе многихъ лѣтъ пріобрѣвшіе привычку не обращать вниманія на ораторское искусство и смотрѣть только на факты и доказательства, и три или четыре беззаботные и надменные фешёнебельные джентльмена, которыхъ все, что имѣло видъ энтузіазма, возбуждало къ презрительной насмѣшкѣ. Въ палатѣ общинъ брошенный имъ взглядъ, движеніе его руки по временамъ стра-

шали Моррея; но въ палатѣ перовъ самый горячій его пылъ и паѳосъ производили меньшее дѣйствіе, нежели умѣренность, разсудительность, ясный порядокъ и спокойное достоинство, отличавшія рѣчи лорда Мансфильда.

По вопросу о миддльсекскихъ выборахъ всѣ три вѣтви оппозиціи дѣйствовали сообща. Ни въ одной палатѣ, ни одинъ ораторъ не защищалъ этого конституціоннаго дѣла — въ чемъ теперь не можетъ быть никакихъ сомнѣній—съ такимъ жаромъ и краснорѣчіемъ, какъ Чатамъ. Прежде чѣмъ этотъ вопросъ пересталъ занимать общественное мнѣніе, умеръ Джорджъ Гренвилль. Его партія быстро разложилась и въ скоромъ времени большая часть его приверженцевъ явилась на министерскихъ скамьяхъ.

Еслибъ Джорджъ Гренвилль прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ долѣе, то дружественныя связи между нимъ и его зятемъ, которыя, послѣ нѣсколькихъ годовъ охлажденія и непріязни, были возобновлены недавно, по всей вѣроятности снова расторглись бы насильственно: распря между Англіей и сѣверо-американскими колоніями приняла теперь мрачный и угрожающій видъ. Угнетеніемъ было вызвано сопротивленіе, сопротивленіе сдѣлалось предлогомъ новыхъ угнетеній. Предостереженія всѣхъ величайшихъ, современныхъ той эпохѣ, государственныхъ людей прошли безъ всякой пользы для властолюбиваго двора и для ослѣпленнаго народа. Скоро колоніяльный сенатъ выступилъ противъ британскаго парламента; затѣмъ колоніяльная милиція скрестила свои штыки съ британскими полками. Наконецъ, весь государственный порядокъ разстроился. Два милліона англичанъ, которые, за пятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, были такъ же вѣрны своему государю и такъ же гордились честью своей страны, какъ жители Кента или Іоркшира, торжественнымъ актомъ провозгласили свое отдѣленіе отъ англійскаго государства. Нѣкоторое время казалось, что инсургенты будутъ бороться съ ничтожнымъ успѣхомъ противъ огромныхъ финансовыхъ и военныхъ средствъ метрополіи; но бѣдствія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, скоро разогнали иллюзіи національнаго тщеславія: большое британское войско, истощенное, проголодавшееся, со всѣхъ сторонъ тревожимое враждебнымъ населеніемъ, было принуждено сложить оружіе. Всѣ правительства, доведенныя Англіею въ предшествовавшую войну до

явнаго униженія и въ продолженіе многихъ лѣтъ злобившіяся при воспоминаніяхъ о Квебекѣ, Минденѣ, Моро, теперь съ восторгомъ увидѣли, что насталъ для нихъ день мщенія. Франція признала независимость Соединенныхъ Штатовъ, и не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что ея примѣру вскорѣ послѣдуетъ Испанія.

Чатамъ и Роккингамъ дѣйствовали единодушно, противясь во всѣхъ пунктахъ роковой политикѣ, приведшей государство въ такое опасное положеніе. Но ихъ пути разошлись теперь. Лордъ Роккингамъ думалъ и, какъ доказали послѣдствія, думалъ весьма справедливо, что взбунтовавшіяся колоніи должны будутъ навсегда отдѣлиться отъ государства и что единственнымъ слѣдствіемъ продленія войны на американскомъ континентѣ будетъ разъединеніе силъ, которыя желательно по-возможности сосредоточить. Еслибъ были оставлены безнадежныя попытки подчинить англійской власти Пенсильванію и Виргинію, то легко можно было бы избѣгнуть войны противъ дома Бурбоновъ, или же, если эта война была неизбѣжна, ее можно бы вести съ бо́льшимъ успѣхомъ и бо́льшей славой. Мы даже отчасти могли бы вознаградить себя за потерянное насчетъ нашихъ внѣшнихъ враговъ, начавшихъ войну въ надеждѣ поживиться отъ насъ, вслѣдствіе нашихъ домашнихъ раздоровъ. Поэтому лордъ Роккингамъ и его приверженцы думали, что для Англіи въ то время не было ничего лучшаго, какъ поступить слѣдующимъ образомъ: признать независимость Соединенныхъ Штатовъ и обратить всѣ свои силы противъ европейскихъ враговъ.

Чатамъ, повидимому, долженъ былъ бы принять ту же самую точку зрѣнія. Пока Франція не принимала никакого участія въ нашей распрѣ съ колоніями, онъ говорилъ безпрестанно и съ величайшей энергіей, что невозможно покорить Америку, и, не впадая въ нелѣпость, онъ не могъ бы доказывать теперь, что легче побѣдить Францію и Америку вмѣстѣ, нежели одну Америку. Но у него страсти преобладали надъ сужденіемъ и закрыли ему глаза предъ собственною его непослѣдовательностью. Именно тѣ самыя обстоятельства, по которымъ отдѣленіе колоній являлось неизбѣжнымъ, дѣлали для него это отдѣленіе вполнѣ невыносимымъ. Распаденіе государства казалось ему менѣе пагубнымъ и унизительнымъ, если оно произойдетъ вслѣдствіе домашнихъ раздоровъ, нежели въ томъ

случаѣ, когда къ этому принудитъ иноземное вмѣшательство. Его кровь кипѣла отъ чувства униженія его отечества. Все, что унижало его страну въ средѣ другихъ народовъ, онъ принималъ за оскорбленіе, нанесенное лично ему самому. И это чувство было весьма естественно: онъ сдѣлалъ ее столь великою, онъ такъ гордился ею, и она такъ гордилась имъ. Онъ припоминалъ, какъ, болѣе двадцати лѣтъ назадъ, въ день скорби и страха, когда ея владѣнія были отъ нея оторваны, когда флагъ ея былъ обезчещенъ, она призвала его на спасеніе свое. Онъ вспоминалъ о внезапной и славной перемѣнѣ, произведенной его энергіей, о длинномъ рядѣ тріумфовъ, о тѣхъ дняхъ, когда народъ приносилъ ему благодарность, о тѣхъ ночахъ, когда въ честь его горѣли огни. Волнуемый подобными воспоминаніями, онъ рѣшился отстать отъ тѣхъ, кто совѣтовалъ признать независимость колоній. Что онъ заблуждался — это, по нашему мнѣнію, съ трудомъ можетъ быть оспориваемо самыми жаркими его поклонниками. Въ самомъ дѣлѣ, трактатъ, которымъ, нѣсколько лѣтъ спустя, была признана республика Соединенныхъ Штатовъ, былъ дѣломъ самыхъ преданныхъ его приверженцевъ и его любимаго сына.

Герцогъ Ричмондъ предложилъ подать адресъ королю противъ дальнѣйшаго продолженія непріязненныхъ дѣйствій съ Америкою. Чатамъ нѣкоторое время, вслѣдствіе усилившагося болѣзненнаго разстройства, не присутствовалъ въ парламентѣ. Онъ рѣшился при этомъ случаѣ явиться на своемъ мѣстѣ и объявить, что его мнѣнія совершенно расходятся съ мнѣніями партіи Роккингама. Онъ находился въ состояніи сильнаго раздраженія; понадобилась даже помощь врача. Его сильно уговаривали успокоиться и остаться дома, но удержáть его не было возможности. Его сынъ, Виллiамъ, и зять, лордъ Магонъ, сопровождали его въ Вестминстеръ. Онъ отдохнулъ въ комнатѣ канцлера до тѣхъ поръ, пока начались пренія, и тогда, опираясь на двухъ своихъ молодыхъ родственниковъ, дотащился до своего мѣста. Малѣйшія подробности этого дня запомнились и заботливо переданы памяти потомства. Онъ кланялся, какъ было замѣчено, съ величайшею учтивостью тѣмъ перамъ, которые привстали, чтобъ дать дорогу ему и его опорамъ. Костыль свой онъ держалъ въ рукахъ. Одѣтъ онъ былъ, по обыкновенію, въ богатый

бархатный кафтанъ. Ноги были обернуты въ фланель. Парикъ его былъ такъ великъ и лицо его такъ исхудало, что нельзя было распознать ни одной его черты, исключая высокаго изгиба его носа и глазъ, въ которыхъ все-еще сохранялся блескъ прежняго огня.

Когда герцогъ Ричмондъ кончилъ говорить, Чатамъ всталъ. Нѣкоторое время голоса его нельзя было разслышать; наконецъ звуки сдѣлались явственны и дикція оживилась. По временамъ его слушатели ловили мысль или выраженіе, напоминавшія имъ Вилліама Питта; но ясно было, что то уже не былъ Вилліамъ Питтъ: онъ терялъ нить своей рѣчи, останавливался, повторялъ одни и тѣ же слова по нѣскольку разъ и былъ дотого разсѣянъ, что, говоря объ актѣ о престолонаслѣдіи, не могъ припомнить имени курфирстины Софьи. Палата слушала въ торжественномъ молчаніи и съ видомъ глубокаго уваженія и сожалѣнія. Въ залѣ царствовала такая глубокая тишина, что слышно было бы паденіе носоваго платка. Герцогъ Ричмондъ возражалъ съ большою мягкостью и приличіемъ; но въ то время, какъ онъ говорилъ, замѣтили, что старикъ сдѣлался безпокоенъ и раздражителенъ. Герцогъ сѣлъ. Чатамъ всталъ снова, приложилъ руку къ груди и упалъ, въ припадкѣ апоплексіи. Три или четыре лорда, сидѣвшіе возлѣ, поддержали его въ паденіи. Палата разошлась въ смущеніи. Умирающій былъ перенесенъ въ жилище одного изъ парламентскихъ чиновниковъ и такъ поправился, что былъ въ силахъ вынести поѣздку въ Гейзъ. Въ Гейзѣ, послѣ томленій, продолжавшихся нѣсколько недѣль, онъ скончался на семидесятомъ году. На смертномъ одрѣ до послѣдней минуты за нимъ ухаживали съ самой заботливой нѣжностью его жена и дѣти, и онъ вполнѣ заслуживалъ ихъ попеченій: слишкомъ часто надменный и деспотичный съ другими, къ нимъ онъ былъ добръ до нѣжности. Въ продолженіе своей жизни онъ внушалъ страхъ своимъ противникамъ на политическомъ поприщѣ, даже и самые союзники смотрѣли на него скорѣе со страхомъ, нежели съ любовью. Но никакой страхъ, казалось, не примѣшивался къ тому расположенію, которое внушала маленькому кружку въ Гейзѣ его нѣжность, постоянно выражавшаяся въ тысячѣ привлекательныхъ формъ.

У Чатама, во время его смерти, въ обѣихъ палатахъ парламента

не было и десяти личныхъ приверженцевъ. Половина государственныхъ людей той эпохи покинула его вслѣдствіе его заблужденій, а другая половина—вслѣдствіе его стараній загладить свои ошибки. Послѣдняя его рѣчь была въ одно и то же время нападеніемъ на политику, которой слѣдовало правительство, и на политику, которую предлагала оппозиція. Но смерть возвратила ему прежнее мѣсто въ сердцахъ его согражданъ. Кто можетъ слышать безъ волненія о паденіи того, что было такъ велико и стояло такъ долго? Самыя обстоятельства его смерти принадлежатъ, кажется, скорѣе трагической сценѣ, нежели дѣйствительной жизни. О великомъ государственномъ человѣкѣ, обремененномъ годами и почестями, приведенномъ въ зданіе сената сыномъ, подававшимъ рѣдкія надежды, и сраженномъ въ полномъ собраніи въ то время, когда онъ напрягалъ свой слабый голосъ, чтобы возбудить падавшій духъ своей страны,—нельзя не вспоминать безъ особеннаго уваженія и сочувствія. Всѣ враги его замолкли отъ страха; замолкъ даже голосъ справедливаго и умѣреннаго осужденія. Ни о чемъ-другомъ не вспоминали, какъ о высокомъ геніи, незапятнанной честности, безспорныхъ заслугахъ того, кого уже не было болѣе. Въ этомъ одномъ пунктѣ всѣ партіи были между собою согласны. Торжественныя похороны и памятникъ были присуждены ему съ общимъ энтузіазмомъ. Долги покойника были заплачены. Особенныя попеченія были приняты о его семействѣ. Лондонское Сити просило, чтобы останки великаго человѣка, котораго оно такъ долго любило и уважало, покоились подъ сводомъ его великолѣпнаго собора; но просьба явилась слишкомъ поздно: уже все было приготовлено для погребенія его въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

Хотя люди всѣхъ партій соединились въ рѣшеніи назначить посмертныя почести Чатаму, но прахъ его провожали въ могилу почти исключительно противники правительства. Знамя лордства Чатама несъ полковникъ Барре, въ сопровожденіи герцога Ричмонда и лорда Роккингама. Боркъ, Савиль и Доннингъ держали покровъ. Въ похоронной процессіи участвовалъ лордъ Кamденъ. Погребальное шествіе велъ молодой Вилліамъ Питтъ. Спустя болѣе двадцати-семи лѣтъ, въ столь же мрачное и опасное время, его собственное изнуренное тѣло и растерзанное сердце были съ такою

же великолѣпною обстановкою положены въ ту же самую освященную землю.

Чатамъ покоится недалеко отъ сѣверныхъ дверей храма, на мѣстѣ, которое съ тѣхъ поръ было присвоено государственнымъ людямъ, подобно тому, какъ другой конецъ того же предѣла назначенъ для поэтовъ. Тамъ лежатъ Мансфильдъ, второй Вилліамъ Питтъ, Фоксъ, Граттанъ, Каннингъ и Вильберфорсъ. Нѣтъ другаго кладбища, на которомъ бы такъ много великихъ гражданъ лежало на такомъ тѣсномъ пространствѣ. Высоко надъ этими почтенными могилами поднимается величественный памятникъ Чатама, и его изображеніе, художественно исполненное, своимъ орлинымъ взглядомъ и поднятою рукою, все-еще какъ будто взываетъ Англію къ мужеству и презрѣнію своихъ враговъ. Поколѣніе, воздвигшее этотъ памятникъ, уже исчезло. Пришло время, когда поспѣшныя и безъ надлежащей оцѣнки составленныя сужденія, господствовавшія у современниковъ о его характерѣ, могутъ быть спокойно провѣрены исторіей. И хотя исторія, въ предостереженіе пылкимъ, надмѣннымъ и смѣлымъ натурамъ, замѣтитъ его многочисленныя заблужденія, но по здравомъ соображеніи, она же признаетъ, что среди знаменитыхъ людей, которыхъ останки лежатъ рядомъ съ его прахомъ, едва ли кто-нибудь оставилъ по себѣ имя болѣе незапятнанное, и ни одинъ не оставилъ имени болѣе блестящаго.

ФРАНСИСЪ АТТЕРБЁРИ.

(Декабрь, 1853.)

Франсисъ Аттербёри, который занимаетъ видное мѣсто въ политической, церковной и литературной исторіи Англіи, родился въ 1662 году въ Миддльтонѣ, чтб въ Боккингамширѣ, гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ. Франсисъ воспитывался въ Вестминстерской школѣ, откуда перешелъ въ коллегію Христовой церкви съ запасомъ знаній, въ сущности довольно скуднымъ, но который онъ въ продолженіе своей жизни выказывалъ такъ осмотрительно и искусно, что поверхностные наблюдатели считали его познанія громадными. Его способности, вкусъ и бойкій, высокомѣрный и повелительный характеръ много способствовали его быстрому отличію въ Оксфордѣ. Здѣсь, 20-ти лѣтъ отъ роду, онъ издалъ первое свое произведеніе: переводъ въ латинскихъ стихахъ прекрасной поэмы: *«Авессаломъ и Ахитофель»*. Ни слогъ, ни стихосложеніе молодаго студента не подходили къ произведеніямъ временъ Августа. Его сочиненія на англійскомъ языкѣ были гораздо удачнѣе. Въ 1687 году, онъ сдѣлался извѣстнымъ въ числѣ прочихъ способныхъ людей, писавшихъ въ защиту Англиканской церкви, гонимой тогда Іаковомъ II и оклеветанной отступниками, измѣнившими ей изъ-за личныхъ выгодъ. Между этими отступниками никого не было дѣятельнѣе и зловреднѣе Обадіи Вокера, начальника университетской коллегіи, въ которой онъ завелъ подъ покровительствомъ короля станокъ для печатанія сочиненій противъ установленной религіи. Одно изъ этихъ сочиненій, вѣроятно написанное самимъ Вокеромъ,

было исполнено парекапій на Мартина Лютера. Аттербёри взялся защищать великаго саксонскаго реформатора и выполнилъ эту задачу замѣчательнымъ образомъ. При внимательномъ разборѣ его отвѣта Вокеру, противоположность между слабостью доказательствъ и оборонительныхъ доводовъ и силою его краснорѣчія и нападковъ становится поразительна. Паписты были дотого взбѣшены сарказмами и бранью молодаго полемика, что стали кричать объ измѣнѣ и обвиняли его въ томъ, что онъ косвенно называлъ короля Іакова Іудой.

Послѣ революціи, Аттербёри поспѣшилъ присягнуть въ вѣрности новому правительству, хотя былъ воспитанъ въ правилахъ несопротивленія и страдательнаго повиновенія. Въ непродолжительномъ времени онъ былъ посвященъ въ священники. Онъ неоднократно говорилъ проповѣди въ Лондонѣ съ такимъ краснорѣчіемъ, что пріобрѣлъ извѣстность и вскорѣ удостоился чести быть назначеннымъ королевскимъ капеланомъ. Но обыкновеннымъ мѣстомъ его пребыванія былъ Оксфордъ, гдѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ академическихъ дѣлахъ, руководилъ классическими занятіями студентовъ своей коллегіи и былъ главнымъ совѣтникомъ и помощникомъ декапа Ольдрича, богослова, который для насъ по преимуществу памятенъ своими кантатами, но для современниковъ имѣлъ значеніе какъ ученый, тори и высокоцерковникъ. Однимъ изъ неказистыхъ обыкновеній Ольдрича было занятіе самыхъ способныхъ юношей его коллегіи изданіемъ греческихъ и латинскихъ книгъ. Въ числѣ прилежныхъ и способныхъ мальчиковъ, произведенныхъ, къ ихъ собственному несчастію, въ учителя филологіи, между тѣмъ какъ имъ слѣдовало довольствоваться ролью учениковъ, былъ Чарльзъ Бойль, сынъ графа Оррери и племянникъ Роберта Бойля, извѣстнаго естествоиспытателя. Задачею, выпавшею на долю Чарльза Бойля, было приготовленіе новаго изданія ничтожнѣйшей книги, когда-либо существовавшей. Между греками и римлянами, которые занимались реторикой какъ искусствомъ, существовала мода сочинять посланія и рѣчи отъ имени знаменитыхъ мужей древности. Нѣкоторыя изъ этихъ поддѣлокъ написаны съ такимъ утонченнымъ вкусомъ и ловкостью, что отличить ихъ отъ оригиналовъ составляетъ высшую задачу критики. Другія же исполнены такъ слабо и грубо, что врядъ

ли введутъ въ заблужденіе свѣдущаго школьника. Лучшій образецъ, дошедшій до насъ, есть рѣчь въ защиту Марцелла, такое подражаніе краснорѣчію Туллія, что самъ Туллій прочелъ бы его съ удивленіемъ и восторгомъ. Худшій образецъ представляетъ собраніе писемъ, будто-бы написанныхъ Фаларисомъ, который управлялъ Агригентомъ слишкомъ за 500 лѣтъ до Рождества Христова. Внутренняя и внѣшняя очевидность поддѣлки этихъ писемъ поразительна. Когда они сдѣлались извѣстными въ XV столѣтіи, вмѣстѣ съ другими гораздо лучшими сочиненіями, они были признаны подложными Полиціаномъ, величайшимъ ученымъ Италіи, и Эразмомъ, величайшимъ ученымъ по сю сторону Альпъ. Дѣйствительно, такъ же трудно было бы убѣдить любаго образованнаго англичанина, что одинъ изъ «Ramblers» Джонсона былъ написанъ Вилліамомъ Воллесомъ, какъ убѣдить человѣка, подобнаго Эразму, что педантическое упражненіе, на легкомъ и искусственномъ аттическомъ діалектѣ временъ Юліана, было посланіемъ, писаннымъ коварнымъ и свирѣпымъ дорійцемъ, жарившимъ живыхъ людей задолго до существованія хотя бы одной прозаической книги на греческомъ языкѣ. Хотя коллегія Христовой церкви могла справедливо гордиться многими хорошими латинистами, замѣчательными англійскими писателями и еще бо́льшимъ количествомъ свѣдущихъ и свѣтскихъ людей, чѣмъ какое-либо другое академическое заведеніе, въ ней не было однако ни одного человѣка способнаго различить произведенія, относящіяся ко временамъ младенчества греческой литературы, отъ сочиненій періода ея паденія. Познанія вожаковъ этого прославленнаго общества были такъ поверхностны, что они пришли въ восторгъ отъ статьи, написанной сэромъ Вилліамомъ Темплемъ въ похвалу древнихъ писателей. Теперь покажется страннымъ, чтобы даже важныя общественныя заслуги, вполнѣ заслуженная популярность и изящный слогъ Темпля могли спасти такое пустое сочиненіе отъ всеобщаго презрѣнія. Его похвалы книгамъ, вызывавшимъ самое сильное увлеченіе, доказываютъ, что онъ вовсе не зналъ этихъ книгъ. Дѣйствительно, онъ не умѣлъ прочесть ни строки на томъ языкѣ, на которомъ онѣ были написаны. Въ числѣ многихъ другихъ несообразностей онъ говорилъ, что письма Фалариса древнѣйшія и лучшія въ мірѣ. Все, что бы ни написалъ Темпль, обращало вниманіе публики.

Люди, никогда до тѣхъ поръ не слыхавшіе о посланіяхъ Фаларпса, стали ими интересоваться. Ольдричъ, очень мало знакомый съ греческимъ языкомъ, основываясь на словахъ Темпля, вовсе его незнавшаго, заставилъ Бойля приготовить новое изданіе этого рѣдкаго сочиненія, бывшаго такъ долго подъ спудомъ и вдругъ сдѣлавшагося предметомъ всеобщаго вниманія.

Изданіе было приготовлено съ помощью Аттербёри, бывшаго наставникомъ Бойля, и нѣкоторыхъ другихъ членовъ коллегіи. Оно вышло такимъ, какимъ можно было ожидать его отъ людей, взявшихся за изданіе подобной книги. Примѣчанія были достойны текста; латинскій переводъ стоилъ греческаго оригинала. Эта книга была бы забыта по прошествіи мѣсяца, еслибъ, по поводу одной рукописи, не возникло недоразумѣніе между юнымъ издателемъ и замѣчательнѣйшимъ ученымъ, когда-либо жившимъ въ Европѣ со времени возрожденія наукъ, съ Ричардомъ Бентли. Рукопись эта хранилась у Бентли. Бойль желалъ получить ее для сличенія съ другими экземплярами. Какой-то сплетникъ - книгопродавецъ увѣдомилъ его, что Бентли отказалъ дать рукописи, что̀ было совершенно ложно, и прибавилъ, что Бентли отзывался презрительно о письмахъ, приписываемыхъ Фаларису, и о критикахъ, вдающихся въ обманъ такими поддѣлками, что̀ было совершенно справедливо. Бойль, задѣтый за живое, отозвался въ предисловіи о невѣжливости Бентли съ горькой ироніей. Бентли отмстилъ за себя въ коротенькой статьѣ, въ которой доказывалъ, что письма подложны, и что новое ихъ изданіе лишено всякаго достоинства, но о самомъ Бойлѣ онъ отзывался очень лестно, какъ о молодомъ человѣкѣ, подающемъ большія надежды и по своей похвальной любознательности, достойномъ лучшихъ наставниковъ.

Эта небольшая статья была причиною грозы, дотолѣ невиданной въ исторіи литературы. Бентли сдержанно отозвался о Бойлѣ, но оказалъ неуваженіе къ коллегіи Христовой церкви; воспитанники же этого заведенія, гдѣ бы они ни были разсѣяны, имѣли къ нему ту же привязанность, какую питаетъ шотландецъ къ своей родинѣ, или іезуитъ къ своему ордену. Вліяніе ихъ было значительно. Они владычествовали въ Оксфордѣ, были сильны въ адвокатскихъ корпораціяхъ и въ медицинской коллегіи, имѣли значеніе въ

парламентѣ и въ литературныхъ и великосвѣтскихъ кружкахъ Лондона. Они единогласно положили отмстить за оскорбленную честь своей коллегіи и уничтожить дерзкаго кембриджскаго педанта. Бѣдному Бойлю было это не подъ силу, и онъ отклонился отъ этой обязанности, которая была возложена на его наставника Аттербёри.

Отвѣтъ Бентли, подъ которымъ стоитъ имя Бойля, въ сущности такъ же мало принадлежалъ ему, какъ письма, возбудившія этотъ споръ, Фаларису: теперь онъ читается лишь любопытными, и по всей вѣроятности никогда не будетъ перепечатанъ, но въ свое время онъ пріобрѣлъ громкую извѣстность. Его можно было найти не только въ кабинетахъ литераторовъ, но и на столахъ самыхъ блестящихъ гостиныхъ Сого-Сквера и Ковентъ-Гардена. Даже львы и львицы того времени, Вильдеры и леди Льюрвелли, Мирабеллы и Миллламанты, поздравляли другъ друга съ успѣхомъ веселаго молодаго человѣка, который такъ легко владѣлъ своею ученостью и писалъ съ игривостью и тактомъ объ аттическомъ діалектѣ и анапестическомъ размѣрѣ, о сицилійскихъ талантахъ и терикліискихъ чашахъ, и такъ ловко издѣвался надъ дерзкимъ докторомъ. Одобреніе толпы было вполнѣ заслужено. Книга эта—дѣйствительно образцовое произведеніе Аттербёри и даетъ болѣе высокое мнѣніе о его способностяхъ, чѣмъ какое-либо изъ подписанныхъ имъ сочиненій. Онъ заблуждался какъ въ главномъ, основномъ вопросѣ, такъ и во всѣхъ побочныхъ; его знаніе языка, литературы и исторіи Греціи не равняется даже элементарнымъ знаніямъ новичковъ, ежегодно поступающихъ въ Оксфордъ или Кембриджъ, и нѣкоторыя ошибки скорѣе заслуживаютъ розогъ, нежели возраженія; но поэтому-то произведеніе его и представляетъ для свѣдущаго читателя такъ много живаго интереса. Все его достоинство заключается въ чрезмѣрныхъ недостаткахъ. Это самый замѣчательный примѣръ искусства блистать формою безъ содержанія. Ничего нѣтъ мудренаго, говоритъ дворецкій Мольерова Скупаго, приготовить великолѣпный обѣдъ, истративъ много денегъ: настоящій великій поваръ тотъ, кто можетъ устроить пиръ не истративъ ни гроша. Ничего не было удивительнаго, что Бентли прекрасно писалъ о древней хронологіи и географіи, о развитіи греческаго языка и происхожденіи греческой драмы. Но совершенно удивитель-

но то, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Аттербёри считали человѣкомъ лучше разсуждавшимъ объ этихъ предметахъ, нежели Бентли. Правда, что защитникъ коллегіи Христовой церкви имѣлъ все содѣйствіе, какое только могли оказать ему знаменитѣйшіе члены этого общества: участіе Смольриджа отозвалось въ блестящемъ остроуміи, участіе Френда и другихъ—въ очень плохихъ археологическихъ и филологическихъ свѣдѣніяхъ. Но большая часть книги была написана самимъ Аттербёри: все чужое было имъ пересмотрѣно и исправлено; и общій характеръ книги носитъ отпечатокъ его ума, чрезвычайно богатаго полемическими средствами и коротко знакомаго со всѣми уловками выказывать ложь правдой и невѣжество знаніемъ. У него было мало золота; но это малое количество онъ обращалъ въ тончайшіе листки, которыми покрывалъ такую обширную поверхность, что бѣглый взглядъ принималъ блестящую груду негоднаго матеріала за безцѣнный массивный слитокъ. Всѣ аргументы, какіе только были у него, онъ представлялъ въ наилучшемъ свѣтѣ. Гдѣ ихъ недоставало, тамъ онъ говорилъ личности, иногда серьёзныя, большею же частью смѣшныя, но всегда мѣткія и остроумныя. Но серьёзенъ ли онъ былъ или веселъ, разсуждалъ или насмѣхался, слогъ его всегда отличался чистотой, изяществомъ и легкостью.

Борьба партій была въ самомъ разгарѣ; но — несмотря на то, что Бентли былъ вигомъ, а коллегія Христовой церкви — твердынею торизма—виги равно одобряли книгу Аттербёри. Гартъ обругалъ Бентли и превознесъ Бойля въ словахъ, которыя теперь не вспоминаются безъ смѣха. Свифтъ въ своей *«Битвѣ Книгъ»* съ большимъ юморомъ вводитъ Бойля, облеченнаго въ броню—даръ всѣхъ боговъ, и руководимаго Аполлономъ, въ лицѣ друга, имя котораго не указано, но легко приходитъ каждому на умъ. Юноша, такимъ образомъ вооруженный и съ такимъ покровительствомъ, легко одерживаетъ побѣду надъ своимъ невѣжливымъ и хвастливымъ врагомъ. Бентли же поддерживало сознаніе неизмѣримаго превосходства, и ободряли голоса того незначительнаго числа людей, которые могли быть истинными судьями въ этой борьбѣ. «Никто не можетъ такъ вѣрно охарактеризовать человѣка, какъ онъ самъ», справедливо и благородно сказалъ онъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ готовилъ отвѣтъ,

который никогда не потеряетъ цѣны и интереса, пока гдѣ-либо на свѣтѣ будутъ изучать словесность древней Греціи. Этотъ отвѣтъ доказалъ не только, что письма Фалариса подложны, но и то, что Аттербёри, несмотря на все свое остроуміе, краснорѣчіе и полемическія способности, самый дерзкій изъ нахаловъ, писавшихъ о томъ, чего сами не смыслятъ. Но Аттербёри остался равнодушенъ передъ этимъ изобличеніемъ. Онъ былъ занятъ споромъ о предметахъ гораздо важнѣе и живѣе законовъ Залевка и Харонда. Ожесточеніе религіозныхъ партій доходило до крайнихъ предѣловъ. Вся нація раздѣлялась на высокоцерковниковъ и низкоцерковниковъ. Большинство духовенства держало сторону высокоцерковниковъ, большинство же архіепископовъ короля Вильгельма склонялось къ латитудинаризму. Между обѣими партіями возникъ споръ по поводу предѣловъ власти нижней палаты конвокаціи. Аттербёри съ жаромъ бросился въ передовые ряды высокоцерковниковъ. Тѣ, которые окинутъ обширнымъ и безпристрастнымъ взглядомъ всю его карьеру, не повѣрятъ въ искренность его религіозной ревности. Но характеромъ его обусловливалась необходимость — быть рьянымъ дѣятелемъ той партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Онъ защищалъ подлинность подложной книги единственно изъ-за того, что она была изданіемъ коллегіи Христовой церкви; онъ теперь стоялъ за духовенство противъ свѣтской власти — просто потому, что самъ былъ духовнымъ лицомъ, и за священство противъ епископства — лишь отъ того, что самъ былъ еще только священникомъ. Онъ отстаивалъ притязанія своего сословія во многихъ трактатахъ, написанныхъ съ большимъ остроуміемъ, ловкостью, бойкостью и язвительностью. Въ этой полемикѣ, равно какъ и въ первой, его противники, своими познаніями по предмету спора, имѣли большое превосходство надъ нимъ; но и въ этотъ разъ, какъ въ первый, онъ дѣйствовалъ на толпу бойкою настойчивостью, сарказмами, декламаціей и преимущественно ему свойственной уловкой—выказывать небольшую дозу учености такъ, чтобы она казалась значительною. Присвоивъ себѣ въ публикѣ репутацію бо́льшаго знанія по части классическихъ наукъ, чѣмъ Бентли, онъ теперь присвоилъ себѣ въ области богословія бо́льшій авторитетъ, чѣмъ Вэкъ или Гибсонъ. Все духовенство смотрѣло на него, какъ на самаго способнаго и отважнаго бойца, когда-

либо защищавшаго ихъ права противъ олигархіи архіепископовъ. Нижняя палата конвокаціи постановила принести ему благодарность за его заслуги; въ оксфордскомъ университетѣ, онъ получилъ степень доктора богословія; а вскорѣ послѣ восшествія на престолъ Анны, когда торіи стали во главѣ правительства, онъ былъ назначенъ карлайльскимъ деканомъ.

Вскорѣ послѣ его повышенія, партія виговъ получила перевѣсъ въ государствѣ. Отъ этой партіи онъ не могъ ожидать для себя никакой выгоды. Шесть лѣтъ прошли безъ всякой перемѣны въ судьбѣ его. Наконецъ, въ 1710 году, преслѣдованія, направленныя противъ Сачверелля, произвели страшный взрывъ фанатизма между высокоцерковниками. Въ подобную минуту Аттербёри не могъ оставаться въ тѣни. Его необыкновенная преданность своей партіи, его безпокойный и честолюбивый характеръ, его рѣдкія способности къ агитаціи и полемикѣ снова получили обширное поприще дѣятельности. Онъ принималъ главное участіе въ составленіи той искусной и изящной рѣчи, которую произнесъ обвиненный богословъ предъ палатою лордовъ и которая представляетъ поразительную противоположность съ пошлою и неприличною проповѣдью, удостоенною чести обвиненія. Въ продолженіе смутныхъ и тревожныхъ мѣсяцевъ послѣ процесса, Аттербёри былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ памфлетистовъ, возбуждавшихъ націю противъ вигскаго министерства и вигскаго парламента. Когда произошла перемѣна въ министерствѣ и парламентъ былъ распущенъ, благодарности посыпались на него градомъ. Нижняя палата конвокаціи избрала его своимъ предсѣдателемъ. По смерти его стараго друга и патрона Ольдрича, королева назначила его деканомъ коллегіи Христовой церкви. Несмотря на то, что коллегія предпочла бы болѣе кроткаго наставника, онъ былъ принятъ со всевозможными почестями. При входѣ въ залу, его привѣтствовали поздравительною латинскою рѣчью; онъ отвѣчалъ увѣреніемъ въ самой горячей преданности къ достопочтенному заведенію, въ которомъ получилъ воспитаніе, и очень любезно привѣтствовалъ своихъ будущихъ подчиненныхъ. Но не въ его натурѣ было—сдѣлаться кроткимъ и справедливымъ начальникомъ. Оставленный имъ карлайльскій капитулъ былъ полонъ раздора. При его поступленіи въ коллегію Христовой церкви, тамъ господство-

валъ совершенный миръ; но его деспотическій и безпокойный характеръ, въ три мѣсяца, привелъ и ее въ положеніе одинаковое съ капитуломъ. Преемникомъ его по обоимъ деканствамъ былъ человѣколюбивый и образованный Смольриджъ, кротко жаловавшійся на состояніе, въ которомъ они оба были оставлены. «Аттербёри предшествуетъ мнѣ и вездѣ все поджигаетъ. Я хожу вслѣдъ за нимъ, съ ведромъ воды.» Враги Аттербёри говорили, что онъ возведенъ въ епископы за то, что былъ дурной деканъ. Во время его управленія, коллегія Христовой церкви была въ смятеніи: возникли неприличныя ссоры, стали слышаться позорныя слова; и опасенія, что факультетъ торіевъ погибнетъ благодаря тиранніи торійскаго доктора, не были лишены основанія. Онъ былъ вскорѣ переведенъ въ рочестерское епископство, въ то время соединенное съ вестминстерскимъ деканствомъ. Ему предстоялъ рядъ высшихъ должностей, потому что, хотя въ средѣ епископовъ было много способныхъ личностей, не было никого равнаго или подходящаго къ нему по парламентскимъ талантамъ. Еслибъ его партія удержалась во главѣ власти, онъ навѣрное возвысился бы до архіепископства кентербёрійскаго. Чѣмъ блистательнѣе были его надежды, тѣмъ болѣе онъ имѣлъ основанія опасаться воцаренія династіи, извѣстной своимъ пристрастіемъ къ партіи виговъ. Безъ всякаго сомнѣнія, онъ находился въ числѣ тѣхъ политикановъ, которые надѣялись еще при жизни Анны подготовить событія такъ, чтобы послѣ ея кончины безъ затрудненія обойти актъ о порядкѣ престолонаслѣдія и возвести на престолъ претендента. Скоропостижная смерть ея разсѣяла замыслы заговорщиковъ. Аттербёри, полный рѣшимости, умолялъ своихъ союзниковъ провозгласить Іакова III королемъ и предлагалъ сопровождать герольдовъ въ полномъ своемъ облаченіи. Но онъ встрѣтилъ нерѣшительность въ самыхъ отважныхъ дѣятеляхъ своей партіи, и, говорятъ, воскликнулъ, употребивъ выраженія, не подобавшія отцу церкви, что изъ-за ихъ трусости самое лучшее дѣло и самыя драгоцѣнныя минуты пропали безвозвратно. Онъ подчинился тому, чего не могъ предотвратить: присягнулъ въ вѣрности Ганноверскому дому, служилъ во время коронаціи съ полнымъ внѣшнимъ усердіемъ и всячески старался пріобрѣсть расположеніе королевской фамиліи. Но его искательства были встрѣчены холоднымъ пре-

зрѣніемъ. Нѣтъ на свѣтѣ существа болѣе мстительнаго, нежели гордецъ, который безполезно унижался. Аттербёри сдѣлался самымъ упорнымъ и дѣятельнымъ врагомъ правительства. Въ палатѣ лордовъ его ясное, колкое и оживленное краснорѣчіе, сопровождаемое изящнѣйшимъ выговоромъ и пріемами, постоянно возбуждало вниманіе и восторгъ даже враждебнаго большинства. Самые замѣчательные протесты въ журналахъ перовъ были его произведеніемъ, и въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ ядовитыхъ памфлетовъ, призывавшихъ англичанъ къ возстанію за отечество, противъ союзниковъ, пришедшихъ изъ-за моря, чтобы грабить и притѣснять ихъ, критики легко узнали его слогъ. Когда въ 1715 году вспыхнулъ бунтъ, онъ отказался подписать актъ, въ которомъ епископы Кентербёрійской провинціи изъявляли свою преданность протестантской династіи. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ выборахъ, преимущественно въ Вестминстерѣ, гдѣ, какъ деканъ, онъ имѣлъ большое вліяніе, и былъ даже сильно заподозрѣнъ однажды въ возбужденіи черни противъ виговъ-избирателей.

Находясь долгое время въ тайныхъ сношеніяхъ съ изгнаннымъ домомъ, онъ съ 1717 года началъ прямо переписываться съ претендентомъ. Первое письмо этой корреспонденціи сохранилось. Аттербёри въ этомъ письмѣ гордится тѣмъ, что въ теченіе многихъ лѣтъ онъ не упускалъ ни одного подобнаго случая быть полезнымъ якобитамъ. «Я ежедневно возсылаю молитвы—пишетъ онъ—о низпосланіи вамъ успѣха. Да продлитъ Господь жизнь мою до этого дня, и да лишитъ онъ меня жизни, когда я не буду всѣми силами способствовать приближенію этого дня.» Не надо забывать, что писавшій эти строки обязанъ былъ, какъ пастырь церкви, служить образцомъ строгой честности; что онъ неоднократно присягалъ на вѣрность дому Брауншвейгскому; что онъ участвовалъ въ возложеніи короны на главу Георга I, и что онъ отрекся отъ Іакова III «безусловно и искренно, какъ добрый христіанинъ.»

Пріятно обратиться отъ общественной дѣятельности Аттербёри къ его частной жизни. Его безпокойный духъ, утомленный заговорами и измѣнами, требовалъ по временамъ отдыха, который онъ находилъ въ семейныхъ привязанностяхъ и въ кругу знаменитѣйшихъ людей. О женѣ его извѣстно не много; но между нимъ и

дочерью существовала необыкновенно тѣсная и нѣжная привязанность. Кротость его обращенія въ небольшомъ кругу друзей казалась почти невѣроятною тѣмъ, кто зналъ его лишь по сочиненіямъ и рѣчамъ. Прелесть его тихой бесѣды была въ незабвенныхъ стихахъ воспѣта однимъ изъ друзей его. Классическія познанія Аттербёри были не велики, но онъ былъ отличнымъ знатокомъ англійской литературы; его поклоненіе геніяльности было такъ сильно, что брало перевѣсъ даже надъ его политическими и религіозными антипатіями. Его страсть къ Мильтону, смертельному врагу Стюартовъ и церкви, была такъ глубока, что многимъ торіямъ казалась преступною. Въ печальную ночь, когда Аддисонъ былъ похороненъ въ часовнѣ Генриха VII, воспитанники вестминстерской школы замѣтили, что Аттербёри служилъ съ особеннымъ чувствомъ и торжественностью. Однако, какъ и слѣдовало ожидать, знаменитый торійскій епископъ оказывалъ предпочтеніе тѣмъ изъ своихъ товарищей, которыхъ политическія убѣжденія имѣли хоть слабый оттѣнокъ торизма. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ со Свифтомъ, Арбютнотомъ и Гейемъ. Задушевнымъ другомъ его былъ Прайоръ; но какое-то недоразумѣніе по поводу общественныхъ вопросовъ впослѣдствіи совершенно разлучило ихъ. Попъ нашелъ въ Аттербёри не только восторженнаго поклонника, но и самаго вѣрнаго, безстрашнаго и умнаго совѣтника. Поэтъ этотъ былъ частымъ посѣтителемъ епископскаго дворца подъ тѣнистыми вязами Бромли, и, глядя на хозяина его, согбеннаго подъ тяжестью лѣтъ, прикованнаго подагрой къ кресламъ и, повидимому, посвятившаго себя литературѣ, нимало не подозрѣвалъ, что въ глубинѣ его души таились преступные и опасные замыслы противъ правительства.

Духъ якобитовъ былъ подавленъ событіями 1715 года. Онъ снова ожилъ въ 1721 г. Неудача проэкта компаніи Южнаго моря, паническій страхъ на денежномъ рынкѣ, банкрутство значительныхъ торговыхъ домовъ, повсемѣстное раззореніе въ королевствѣ произвели всеобщее неудовольствіе. Въ подобный моментъ возстаніе могло, казалось, имѣть большой успѣхъ. Планъ возмущенія былъ слѣдующій: намѣревались устроить баррикады на лондонскихъ улицахъ, овладѣть Тоуэромъ и Банкомъ, арестовать короля Георга, его семейство и главныхъ его полководцевъ и министровъ и провозгласить королемъ Іакова.

Но планъ заговора дошелъ до свѣдѣнія герцога Орлеанскаго, регента Франціи, бывшаго въ дружеснихъ сношеніяхъ съ Ганноверскимъ домомъ. Онъ предостерегъ англійское правительство. Нѣкоторыхъ зачинщиковъ заключили въ тюрьму; между ними былъ и Аттербёри. Ни одинъ епископъ англійской церкви не былъ арестованъ, съ того достопамятнаго дня, когда рукоплесканіе и молитвы всего Лондона сопровождали семерыхъ епископовъ къ воротамъ Тоуэра. Оппозиціонная партія питала надежду на возможность возбудить въ народѣ энтузіазмъ, подобный изступленію ихъ отцовъ, кидавшихся въ Темзу, чтобы получить благословеніе Санкрофта. Въ окнахъ магазиновъ были выставлены картины, изображавшія героическаго исповѣдника въ его заключеніи. На улицахъ распѣвали стихотворенія въ честь его. Мѣры, принятыя противъ его сношеній съ сообщиками, представлялись жестокостью, достойною темницъ инквизиціи. Появлялись сильныя воззванія къ духовенству. Неужели они могли спокойно допустить такое оскорбленіе, нанесенное ихъ сану? Какъ могли терпѣть они, чтобы съ самымъ способнымъ, краснорѣчивымъ ихъ собратомъ, человѣкомъ, такъ часто возстававшимъ за ихъ права противъ свѣтской власти, обращались какъ съ самымъ отверженнымъ негодяемъ? Волненіе было сильно, но оно было нѣсколько смягчено умѣреннымъ и искуснымъ письмомъ къ духовенству, по всей вѣроятности произведеніемъ епископа Гибсона, который пользовался благосклонностью Вальполя и въ скоромъ времени былъ сдѣланъ министромъ духовныхъ дѣлъ.

Аттербёри въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ содержался въ строгомъ заточеніи. Онъ продолжалъ такъ осторожно вести переписку съ изгнанною фамиліею, что хотя доказательства его виновности были достаточны, чтобы произвести полное моральное убѣжденіе, но не были настолько явны, чтобы оправдать законное преслѣдованіе. Его можно было сломить только биллемъ о наказаніяхъ и штрафахъ (¹). Партія виговъ, въ то время рѣшительно господствовавшая въ обѣихъ палатахъ, была совершенно готова поддержать такой билль. Многіе ревностные члены этой партіи горячо хлопотали о повтореніи порядка, котораго держались въ дѣлѣ сэра

(¹) См. т. 1, стр. 142.

Джона Фенвика, и объ изданіи смертнаго приговора епископу. Кадоганъ, въ то время командовавшій арміей, храбрый воинъ, но необузданный политикъ, говорятъ, воскликнулъ съ увлеченіемъ: «Бросьте его въ Тоуэрѣ на разтерзаніе львамъ». Но Вальполь, болѣе сдержанный и человѣчный, всегда возставалъ противъ пролитія крови, и вліяніе его восторжествовало. При собраніи парламента, обвиненія противъ епископа были представлены комитетамъ обѣихъ палатъ. Комитеты признали его виновнымъ. Въ нижней палатѣ, приговоръ, признававшій его измѣнникомъ, прошелъ двойнымъ большинствомъ голосовъ. Тогда былъ внесенъ билль, приговорившій его къ лишенію духовнаго сана и къ изгнанію на вѣчныя времена изъ Англіи, съ воспрещеніемъ всякому британскому подданному входить съ нимъ въ сношеніе безъ особаго разрѣшенія короля.

Этотъ билль былъ принятъ нижней палатой безъ затрудненія. Хотя епископъ и былъ приглашенъ для своей защиты, но онъ предпочелъ предоставить оправданіе тому собранію, котораго былъ членомъ. Въ палатѣ лордовъ пренія были горячи. Молодой герцогъ Вартонъ, извѣстный своими способностями, развратомъ и непостоянствомъ, защищалъ Аттербёри съ большимъ эффектомъ; и голосъ самого Аттербёри раздался въ послѣдній разъ среди враждебныхъ ему слушателей, такъ часто внимавшихъ ему со смѣшаннымъ чувствомъ отвращенія и восторга. Онъ приводилъ мало защитительныхъ свидѣтелей, и эти немногіе не принесли ему большой пользы. Въ числѣ ихъ былъ Попъ. Отъ него требовали доказательства, что, во время пребыванія его въ Бромлійскомъ дворцѣ, все время епископа было посвящено литературнымъ и домашнимъ занятіямъ, и не оставалось досуга для заговоровъ. Но Попъ, совершенно не привыкшій говорить публично, такъ растерялся, что — какъ самъ впослѣдствіи признавался — далъ два или три промаха, хотя ему пришлось сказать не болѣе десяти словъ.

Въ верхней палатѣ билль окончательно былъ принятъ большинствомъ 83-хъ голосовъ противъ 43. Епископы, исключая одного, были на сторонѣ большинства. Ихъ поведеніе навлекло строгое порицаніе лорда Баторста, горячаго приверженца Аттербёри и ревностнаго тори. «Дикіе индѣйцы—говорилъ онъ—никогда не даютъ пощады, потому что у нихъ существуетъ повѣрье, что къ нимъ перехо-

дитъ храбрость и ловкость каждаго соперника, котораго они уничтожатъ. Можетъ быть, враждебность высокопреосвященныхъ пастырей церкви къ ихъ собрату объясняется подобнымъ же чувствомъ.»

Аттербёри простился съ людьми, которыхъ онъ любилъ, съ достоинствомъ и нѣжностью, свойственными лучшему человѣку. Онъ часто повторялъ три прекрасныхъ стиха своего любимаго поэта:

«Some natural tears he dropped, but wiped them soon:
The world was all before him, where to chuse
His place of rest, and Providence his guide.» (²)

При разставаніи съ Попомъ, онъ подарилъ ему библію, и сказалъ съ недостаткомъ чистосердечія, неподобающимъ человѣку, изучавшему библію съ пользой: «Если вы когда-нибудь узнаете, что у меня было что-либо общее съ претендентомъ, то позволяю вамъ сказать, что наказаніе мое вполнѣ заслужено.» Попъ въ то время дѣйствительно думалъ, что епископъ страдаетъ безвинно. Арбютнотъ, кажется, былъ того же мнѣнія. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Свифтъ въ *«Путешествіи въ Лапуту»* съ большой злобой поднялъ насмѣхъ улики, которыми удовлетворились обѣ палаты парламента. Вскорѣ, однакожъ, самые пристрастные друзья сосланнаго епископа перестали подтверждать его невинность и довольствовались сожалѣніями и извиненіемъ того, чего не могли болѣе защищать. Послѣ недолговременнаго пребыванія въ Брюсселѣ, онъ окончательно поселился въ Парижѣ, гдѣ сталъ во главѣ выходцевъ-якобитов , нашедшихъ тамъ убѣжище. Претендентъ звалъ его пріѣхать въ Римъ, гдѣ онъ жилъ, окруженный своимъ quasi-дворомъ, подъ непосредственнымъ покровительствомъ папы. Но Аттербёри, сознавая, что епископъ Англиканской церкви былъ бы крайне неумѣстенъ въ Ватиканѣ, отклонилъ его приглашеніе. Но онъ могъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, льстить себя мыслью, что Іаковъ высоко цѣнилъ его. Переписка между господиномъ и его слугой была самая дѣятельная. Заслуги Аттербёри были признаваемы съ горячностью, его совѣты принимались съ уваженіемъ, и онъ былъ, по-

(²) «Онъ проронилъ нѣсколько искреннихъ слезъ, но утеръ ихъ съ поспѣшностью: предъ нимъ разстилался весь міръ, гдѣ ему предстояло избрать себѣ мѣсто покоя, и провидѣніе было его руководителемъ.»

добно Болингброку, первымъ министромъ короля — безъ королевства. Но новый любимецъ нашелъ, также какъ и предшественникъ его, что поддерживать призракъ власти странствующаго и нищенствующаго принца такъ же тяжело, какъ служить дѣйствительной власти въ Вестминстерѣ. Хотя у Іакова не было ни земель, ни доходовъ, ни арміи, ни флота, между его придворными было болѣе интригъ и заговоровъ, нежели между приверженцами его счастливаго соперника. Аттербёри скоро догадался, что его совѣтами пренебрегаютъ и даже не довѣряютъ имъ. Глубокое оскорбленіе было нанесено его самолюбію. Онъ покинулъ Парижъ и поселился въ Монпелье, гдѣ, совершенно покинувъ политику, вполнѣ посвятилъ себя литературѣ. На шестомъ году ссылки онъ такъ сильно занемогъ, что дочь его, тоже очень слабая здоровьемъ, рѣшилась всѣмъ пожертвовать, чтобы еще разъ взглянуть на отца. Получивъ дозволеніе отъ англійскаго правительства, она отправилась моремъ до Бордо, но прибыла туда въ такомъ положеніи, что продолжать путешествіе могла только въ лодкѣ или на носилкахъ. Отецъ ея, не смотря на свои недуги, поѣхалъ къ ней навстрѣчу изъ Монпелье; а она съ нетерпѣніемъ, часто предвѣщающимъ близкую кончину, спѣшила къ нему. Сопровождавшіе ее лица напрасно умоляли ееѣ хать не такъ быстро. Она отвѣчала, что каждый часъ ей дорогъ, что единственное желаніе ея—увидать отца своего и потомъ умереть. Отецъ и дочь встрѣтились въ Тулузѣ, обнялись, онъ самъ причастилъ ее Св. Таинъ, и она благодарила Бога, что имъ удалось провести вмѣстѣ одинъ день, прежде чѣмъ разлучиться навѣки. Въ ту же ночь она умерла.

Много нужно было времени, чтобы опомниться отъ столь тяжкаго удара, даже и для такого сильнаго характера, какъ Аттербёри. Какъ скоро онъ пришелъ въ себя, въ немъ снова пробудилась потребность дѣятельности и борьбы: горе, располагающее нѣжныя натуры къ уединенію, бездѣйствію и задумчивости, возбуждаетъ, напротивъ, къ дѣятельности натуры безпокойныя. Претендентъ, тупой и склонный къ ханжеству, понялъ, что онъ неблагоразумно поступилъ, оттолкнувъ отъ себя человѣка, который, несмотря на то, что былъ еретикомъ, своими способностями и дарованіями былъ поставленъ во главѣ якобитовъ. Онъ подластился къ епископу, и безъ боль-

шихъ затрудненій убѣдилъ его возвратиться въ Парижъ и снова сдѣлаться призрачнымъ министромъ призрачнаго монарха. Но его долговременная жизнь, полная событій и волненій, приближалась къ концу. Однакожъ онъ сохранилъ до послѣдней минуты всю бодрость и проницательность ума. На девятомъ году своего изгнанія онъ узналъ, что Ольдмиксонъ, безчестный и злобный писака, подобный тѣмъ, которые спасены отъ забвенія *«Дунсіадою»*, обвинилъ его, вмѣстѣ съ другими членами коллегіи Христовой церкви, въ искаженіи Кларендоновой *«Исторіи Революціи»*. Обвиненіе это въ отношеніи Аттербёри не имѣло ни малѣйшаго основанія, потому что онъ не былъ въ числѣ издателей этой книги и никогда не видалъ ея до напечатанія. Онъ напечаталъ короткое оправданіе, могущее служить образцемъ ясности, умѣренности и достоинства. Одинъ экземпляръ этого небольшаго сочиненія онъ послалъ претенденту, съ письмомъ, замѣчательнымъ по его краснорѣчію и изяществу. Невозможно мнѣ было писать на подобную тему, говорилъ старецъ, не вспоминая о сходствѣ моей судьбы съ судьбою Кларендона. Оба были единственными англійскими подданными, подвергшимися, по приговору парламента, изгнанію изъ отечества и воспрещенію сношеній съ друзьями. Но этимъ только и ограничивалось сходство. Одинъ изъ изгнанниковъ имѣлъ счастье дѣятельно участвовать въ возстановленіи королевскаго дома. Все же, что выпало на долю другаго, было—защищать права этой династіи до послѣдней минуты жизни. Нѣсколько недѣль спустя послѣ сочиненія этого письма, Аттербёри скончался; ему только-что исполнилось 70 лѣтъ.

Тѣло его было привезено въ Англію и погребено съ крайнею скромностью въ склепѣ Вестминстерскаго Аббатства. За гробомъ его шло только трое провожатыхъ. Надъ его могилой нѣтъ никакой надписи. Не стоитъ сожалѣть о томъ, что эпитафія, которою Попъ почтилъ память своего друга, не красуется на стѣнахъ національнаго кладбища: ничего худшаго не могъ сочинить и Колли Сибберъ.

Желающіе имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія объ Аттербёри могутъ легко почерпнуть ихъ изъ его проповѣдей и полемическихъ статей, изъ отчета парламентскихъ дѣйствій противъ него, напечатаннаго въ сборникѣ государственныхъ процессовъ, изъ пяти томовъ его переписки, изданной г. Никольсомъ, и изъ перваго тома до-

кументовъ Стюартовъ, изданныхъ г. Гловеромъ. Очень снисходительный, но тѣмъ неменѣе интересный очеркъ политической карьеры епископа находится въ прекрасной *«Исторіи Англіи»* лорда Магона.

ДЖОНЪ ДРАЙДЕНЪ.

(Январь, 1828.)

«*The Poetical Works of John Dryden*». In 2 vols. University Edition. London, 1826.
«*Поэтическія произведенія Джона Драйдена*». 2 тома. Университетское изданіе. Лондонъ, 1826.

Голосъ общества отвелъ Драйдену передовое мѣсто во второмъ ряду нашихъ поэтовъ — мѣсто не маловажное въ столь богатомъ спискѣ знаменитыхъ именъ. Считается даже, что изъ немногихъ превосходившихъ его геніемъ никто не имѣлъ болѣе обширнаго и постояннаго вліянія на національный образъ мыслей и способъ выраженій. Жизнь его совпала съ періодомъ, въ теченіе котораго совершился великій переворотъ въ общественныхъ склонностяхъ, и въ этомъ переворотѣ онъ игралъ роль Кромвелля. Безъ разбора становясь во главѣ самыхъ неистовыхъ движеній на этомъ поприщѣ, онъ сдѣлался неограниченнымъ ихъ руководителемъ. Попирая ногами законы, онъ пріобрѣлъ авторитетъ законодателя. Выступивъ какъ самый дерзновенный и непочтительный мятежникъ, поднялся онъ до достоинства признаннаго властителя. Онъ началъ свою карьеру самыми неистовыми насиліями. Онъ окончилъ ее въ спокойствіи установленной державности, какъ создатель новаго кодекса, какъ корень новой династіи.

Впрочемъ о Драйденѣ, какъ почти о каждомъ человѣкѣ, отличавшемся на литературномъ или политическомъ поприщахъ, можно сказать, что путь, которымъ онъ слѣдовалъ, и дѣйствіе, которое онъ

произвелъ, меньше зависѣли отъ его личныхъ свойствъ, нежели отъ обстоятельствъ, въ которыя онъ былъ поставленъ. Люди, съ толкомъ читавшіе исторію, знаютъ лживость тѣхъ панегириковъ и обвиненій, которые приписываютъ отдѣльнымъ личностямъ совершеніе великихъ нравственныхъ и умственныхъ переворотовъ, ниспроверженіе установившихся системъ и запечатлѣніе вѣка новымъ характеромъ. Различіе между людьми вовсе не такъ велико, какъ предполагаетъ суевѣрная масса. Но тѣ же чувства, которыя приводили древній Римъ къ боготворенію популярнаго императора, а новый Римъ къ причтенію набожнаго прелата къ лику святыхъ, заставляютъ людей дорожить иллюзіями, дающими имъ предметъ для обожанія. По закону внутренней связи явленій, отъ дѣйствія котораго не совсѣмъ изъяты даже умы строго регулированные разумомъ, бѣдствіе располагаетъ насъ къ ненависти, а счастіе—къ любви,—даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда некому приписать причины того или другаго. Раздражительность больнаго обращается даже на тѣхъ, кто облегчаетъ его страданія. Хорошее настроеніе человѣка, упоеннаго успѣхомъ, часто выказывается и въ отношеніяхъ къ врагамъ. Въ такомъ же родѣ чувства удовольствія и восхищенія, порождаемыя созерцаніемъ великихъ событій, создаютъ себѣ объектъ тамъ, гдѣ его не находятъ. Такимъ образомъ нисходятъ народы до безсмысленностей египетскаго идолопоклонства, покланяются чурбанамъ и гадамъ, Сачверелямъ и Вилькзамъ. Они даже падаютъ ницъ передъ божествомъ, которому сами дали форму, вызывающую ихъ обожаніе, и которое, не бывъ ими обработано, оставалось бы безобразной массой. Они увѣряютъ себя, что созданы тѣмъ, что сами создали. И дѣйствительно, вѣкъ создаетъ людей, а не люди вѣкъ. Великіе умы дѣйствуютъ, правда, на общество, которое ихъ сдѣлало тѣмъ, что они есть: но это только уплата съ процентами того, что получено. Мы превозносимъ Бэкона и насмѣхаемся надъ Ѳомою Аквинскимъ. Но еслибы ихъ положенія были перемѣнены, Бэконъ могъ бы быть Doctor Angelicus, тончайшимъ изъ аристотельянцевъ между схоластиками, а доминиканецъ вывелъ бы, можетъ быть, науки изъ дома ихъ рабства. Еслибъ Лютеръ родился въ X столѣтіи, онъ не совершилъ бы реформаціи. Еслибъ онъ вовсе не родился, то все-таки очевидно, что XVI столѣтіе не могло

пройти безъ великаго раскола въ церкви. Вольтеръ во времена Людовика XIV былъ бы, вѣроятно, подобно большинству литераторовъ того времени, ревностнымъ янсенистомъ, замѣчательнѣйшимъ изъ защитниковъ дѣйствительной благодати, жестокимъ противникомъ шаткой нравственности іезуитовъ и неразумныхъ постановленій Сорбонны. Еслибъ Паскаль выступилъ на свое литературное поприще, когда знанія были болѣе распространены, а злоупотребленія въ то же время болѣе сильны, когда церковь была оскверняема Искаріотомъ Дюбуа, когда дворъ былъ запятнанъ оргіями Каннльяка, а нація отдана въ жертву плутнямъ Ло; еслибъ онъ видѣлъ династію публичныхъ женщинъ, пустую казну и биткомъ-набитый гаремъ, армію, страшную только для тѣхъ, кого она должна бы охранять, духовенство, какъ-разъ настолько религіозное, чтобы быть нетерпимымъ,—еслибъ онъ видѣлъ все это, онъ, быть можетъ, какъ всякій геніальный человѣкъ во Франціи, проникнулся бы чрезмѣрнымъ предубѣжденіемъ противъ монархіи и христіанства. Остроуміе, разбивавшее софизмы Эсковара, страстное краснорѣчіе, защищавшее сестеръ Поръ-Рояля, умственная отвага, не падавшая даже предъ авторитетомъ папы, могли бы возвысить его до патріаршаго достоинства философской церкви. Долго спорили, кому принадлежитъ честь открытія дифференціальнаго исчисленія—Ньютону или Лейбницу. Теперь всѣми признано, что эти великіе люди сдѣлали это открытіе въ одно и то же время. Математика достигла той степени, что—хотя бы ни тотъ, ни другой не существовали—самый принципъ черезъ нѣсколько лѣтъ долженъ былъ бы неизбѣжно кого-нибудь натолкнуть на себя. Такъ въ наше время теорія ренты, повсюду принятая нынѣ политико-экономами, была изложена, почти въ одно и то же мгновеніе, двумя писателями, не бывшими вовсе въ сношеніяхъ между собой. Предшествовавшіе мыслители долго блуждали вокругъ нея, и, можетъ статься, сдѣлалось уже невозможнымъ для самаго невнимательнаго изслѣдователя пройти мимо этой теоріи, не замѣтивъ ея. Мы склоняемся къ предположенію, что то же самое справедливо относительно всякаго значительнаго приращенія къ капиталу человѣческихъ знаній: что мы безъ Коперника стали бы коперниканцами; что Америка была бы открыта и безъ Колумба, что и безъ Локка мы имѣли бы вѣрную тео-

рію о происхожденіи человѣческихъ идей. Общество имѣетъ, конечно, своихъ великихъ и своихъ маленькихъ людей, какъ земля имѣетъ горы и долины. Но умственныя неровности, такъ же какъ и неровности на поверхности земнаго шара, составляютъ такое ничтожное отношеніе къ массѣ, что при изслѣдованіи ея великихъ переворотовъ могутъ быть безопасно опущены. Солнце освѣщаетъ высоты, находясь еще ниже горизонта, и истина открывается высокими умами немного раньше, нежели она становится очевидною массѣ. Вотъ мѣра ихъ превосходства. Они первые принимаютъ и отражаютъ свѣтъ, который, безъ ихъ содѣйствія, въ короткое время долженъ бы сдѣлаться видимымъ для людей, стоящихъ гораздо ниже ихъ.

То же замѣчаніе примѣняется къ изящнымъ искусствамъ. Законы, отъ которыхъ зависитъ прогрессъ и упадокъ поэзіи, живописи и скульптуры, дѣйствуютъ едвали съ меньшей точностью, нежели тѣ, которые управляютъ періодическимъ возвращеніемъ жара и холода, плодородія и неурожая. Тѣ, кто, повидимому, руководятъ чувствомъ изящнаго въ обществѣ, вообще только обгоняютъ общество въ направленіи, которое это чувство принимаетъ самостоятельно. Безъ точной оцѣнки законовъ, на которые мы указали, заслуги и недостатки Драйдена не могутъ быть безошибочно взвѣшены. Мы хотимъ поэтому изложить здѣсь то, что понимаемъ подъ этими законами.

Времена, въ которыя созданы были образцовыя произведенія фантазіи, отнюдь не были временами, въ которыя чувство изящнаго было бы наиболѣе чисто. Кажется, что творческая способность и критическая способность не могутъ существовать одновременно въ ихъ полнѣйшемъ развитіи. Причины этого явленія не трудно указать.

Правда, что человѣкъ, наиболѣе способный разобрать машину на части и наиболѣе ясно понимающій, какимъ образомъ всѣ колеса и пружины содѣйствуютъ достиженію общей цѣли, — что такой человѣкъ будетъ наиболѣе способенъ построить другую машину подобныхъ же свойствъ. Во всѣхъ отрасляхъ физическихъ и нравственныхъ наукъ, допускающихъ полный анализъ, человѣкъ, способный произвести разложеніе, будетъ способенъ произвести и соединеніе. Но анализъ поэзіи, который можетъ произвести критика, бываетъ необходимо неудовлетворителенъ. Одинъ элементъ постоянно ускользаетъ отъ изслѣдованія критики, и это именно тотъ элементъ,

который дѣлаетъ поэзію поэзіею. Въ какомъ-нибудь описаніи природы, напримѣръ, разсудительный читатель легко найдетъ нескладный образъ. Но ему окажется невозможнымъ объяснить, въ чемъ состоитъ искусство писателя, который въ нѣсколькихъ словахъ такъ живо изображаетъ какое-нибудь мѣсто, что оно дѣлается столь же знакомымъ читателю, какъ еслибы онъ съ малолѣтства жилъ тамъ. Между тѣмъ какъ другой писатель, употребляющій тѣ же матеріалы, ту же зелень, ту же воду, тѣ же цвѣты, не допускающій никакой неточности, не вводящій ничего, что можетъ быть признано положительно лишнимъ, не опускающій ничего, что можетъ быть признано положительно нужнымъ, произведетъ не больше эффекта, какъ объявленіе о великолѣпной квартирѣ и прекрасномъ паркѣ. Возьмемъ другой примѣръ: крупныя черты характера Готспура бросаются въ глаза поверхностному читателю. Мы тотчас понимаемъ, что его мужество блестяще, его жажда славы сильна, его живость чрезвычайна, его нравъ беззаботенъ, своеволенъ и дерзокъ; что онъ отдается своему настроенію, вовсе не заботясь о томъ, чье чувство онъ оскорбляетъ своимъ легкомысліемъ и чью вызываетъ вражду. Вотъ что даетъ критика. Но все-еще недостаетъ чего-то. Человѣкъ можетъ имѣть всѣ эти свойства и всякія другія свойства, которыя самый тщательный изслѣдователь можетъ ввести въ опись добродѣтелей и пороковъ Готспура,—и этотъ человѣкъ все-таки не будетъ Готспуромъ. Все, что мы сказали о немъ, можетъ одинаково быть сказано и о Фоконбриджѣ. Однако въ устахъ Фоконбриджа большая часть рѣчей Готспура были бы неумѣстна. Въ жизни подобныя вещи встрѣчаются постоянно. Мы замѣчаемъ большое различіе между людьми, которыхъ, еслибъ намъ нужно было описать, мы описали бы почти въ тѣхъ же выраженіяхъ. Еслибъ мы попробовали изложить выработанныя характеристики обоихъ, мы едвали были бы способны отмѣтить какое-нибудь существенное различіе между ними, — и мы все-таки подходимъ къ обоимъ съ совершенно различными чувствами. Мы не можемъ представить ихъ себѣ употребляющими одинаковые выраженія и жесты. Положимъ, что зоологъ хотѣлъ бы дать описаніе животнаго—дикобраза, напримѣръ—людямъ, никогда его не видавшимъ. Дикобразъ, сказалъ бы онъ, принадлежитъ къ роду mammalia и къ виду glires; онъ имѣетъ волоса на мордѣ;

имѣетъ два фута длины; онъ имѣетъ четыре пальца на переднихъ лапахъ и пять на заднихъ, два переднихъ зуба и восемь коренныхъ. Туловище его покрыто волосомъ и иглами. Еслибъ все это было сказано, составилъ ли бы себѣ кто-нибудь изъ слушателей точное понятіе о дикобразѣ? Составили ли бы себѣ хоть двое изъ нихъ одинаковое понятіе? Могли бы существовать безчисленныя породы животныхъ, обладающихъ всѣми указанными свойствами и все-таки совершенно несхожія между собой. Какъ описаніе нашего натуралиста относится къ дѣйствительному дикобразу, такъ относятся и замѣчанія критика къ поэтическимъ образамъ. То, что она такъ несовершенно разлагаетъ, она не въ состояніи совершенно возсоздать. Произвести Отелло или Макбета возстановленіемъ столь недостаточнаго анализа, очевидно, такъ же невозможно, какъ анатому создать живаго человѣка изъ частей тѣла, находящихся въ анатомической залѣ. Въ обоихъ случаяхъ жизненный принципъ ускользаетъ отъ тончайшихъ инструментовъ и исчезаетъ въ тотъ самый моментъ, когда коснутся его мѣстонахожденія. Поэтому-то тѣ, кто, разсчитывая на свои критическія способности, пускаются въ поэзію, даютъ намъ не образы, а описи свойствъ. Ихъ характеры суть аллегоріи, не хорошіе и дурные люди, а основныя добродѣтели и смертные грѣхи. Мы попадаемъ между знакомыми нашего стараго друга Christian: то мы встрѣчаемся съ Mistrust и Timorous, то съ м-мъ Hate-good и м-мъ Love-lust, то съ Prudence, Piety и Charity. (¹)

Что критической способности не достаточно для того, чтобы образовать поэта, — это всѣми признано. Но почему въ подобномъ случаѣ слѣдовало бы удерживаться отъ поэзіи — не въ такой мѣрѣ очевидно: дѣло въ томъ, что поэзія требуетъ не аналитическаго, а вѣрующаго склада ума. Тѣ лучше ее чувствуютъ и лучше пишутъ, которые забываютъ, что имѣютъ дѣло съ искусствомъ; для которыхъ его подражанія, какъ и дѣйствительности, служившія подражаніямъ, составляютъ не предметъ знанія, а предметъ слезъ и смѣха, вражды и симпатіи; которые находятся подъ слишкомъ сильнымъ вліяніемъ иллюзіи, чтобы дивиться генію, создавшему ее; ко-

(¹) См. т. 2, ст. «Боніанъ».

торые слишкомъ боятся за Улисса въ пещерѣ Полифема, чтобы думать о томъ, хороша ли или дурна игра словъ съ Улиссомъ; которые, когда плачутъ и проклинаютъ вмѣстѣ съ Лиромъ, забываютъ, что существовалъ когда-либо такой человѣкъ, какъ Шекспиръ. Придавая вѣру созданіямъ воображенія, человѣкъ дѣлается поэтомъ. Обращаясь съ этими созданіями, какъ съ обольщеніями, и возможно подробно разлагая ихъ на ихъ элементы, человѣкъ дѣлается критикомъ. Въ тотъ моментъ, какъ становится замѣтною ловкость художника, чары искусства рушатся.

Этими соображеніями объясняются нелѣпости, въ которыя впадали величайшіе писатели, когда они пытались дать общія правила для искусства или произносить сужденія о сочиненіяхъ другихъ. Они не привыкли анализировать то, что чувствуютъ: поэтому они постоянно относятъ ощущенія свои къ причинамъ, которыя ни въ малѣйшей степени не содѣйствовали произведенію этихъ ощущеній. Они чувствуютъ удовольствіе въ чтеніи книги. Они никогда не берутъ въ соображеніе, что это удовольствіе есть, можетъ быть, слѣдствіе идей, вызванныхъ въ ихъ собственномъ умѣ какимъ-нибудь незначительнымъ выраженіемъ, попавшимъ въ первое звено цѣпи мыслей; что они сами придали произведенію автора красоты, которымъ дивятся.

Сервантисъ составляетъ отраду всѣхъ классовъ читателей. Всякій школьникъ зачитываетъ до лоскутьевъ плохіе переводы его романа и знаетъ впалыя щеки странствующаго рыцаря и толстыя щеки оруженосца такъ же хорошо, какъ физіономіи товарищей своихъ игръ. Самые опытные и строгіе судьи дивятся совершенству искусства, которое исторгаетъ неистощаемый смѣхъ величайшимъ изъ человѣческихъ страданій, ни разу не нарушая должнаго ему благоговѣнія; дивятся той тонкости красокъ, которая дѣлаетъ характеръ необычайно смѣшнымъ, не нарушая его цѣны, прелести или достоинства. Въ *«Донъ-Кихотѣ»* есть нѣсколько разсужденій о законахъ поэзіи и драматургіи. Ни одно мѣсто въ цѣломъ произведеніи не носитъ болѣе глубокаго слѣда труда и вниманія, и ни одно мѣсто въ любомъ изъ извѣстныхъ намъ произведеній не поравняется ничтожествомъ и безцвѣтностью съ этими мѣстами. Въ наше время они едвали нашли бы себѣ мѣсто въ литературномъ отдѣлѣ «Morning

Post». Всякаго читателя *«Божественной Комедіи»* должно было поражать благоговѣніе, которое выражаетъ Данте къ писателямъ, стоящимъ гораздо ниже его. Онъ не смѣетъ поднять глазъ въ присутствія Брунетто, всѣ произведенія котораго не стоятъ худшей изъ его ста пѣсенъ. Онъ не осмѣливается стать на ряду съ надутымъ Стаціемъ. Его благоговѣніе предъ Виргиліемъ есть чистое идолопоклонство. Еслибъ оно вызывалось изящнымъ, блестящимъ гармоническимъ слогомъ римскаго поэта, оно не было бы совершенно неосновательно; но Данте цѣнитъ *«Энеиду»* болѣе какъ авторитетное произведеніе по всѣмъ вопросамъ философіи, нежели какъ созданіе воображенія. Самыя пошлыя мѣста считаетъ онъ непогрѣшимѣйшими изреченіями оракула и безднами глубокомыслія. Онъ характеризуетъ своего руководителя какъ море всяческой мудрости, какъ солнце, которое оживляетъ всякій жалкій видъ. Какъ онъ судитъ о Виргиліи, такъ судили итальянцы XIV столѣтія о немъ; они гордились имъ; они превозносили его; они чеканили медали съ его изображеніемъ; они ссорились за честь обладанія его останками; они содержали профессоровъ для объясненія его сочиненій. Но то, чему они дивились, было не могучее воображеніе, вызвавшее къ бытію новый міръ и освоившее умственное око и ухо человѣка со всѣми видами и звуками этого міра. Они мало говорили о тѣхъ страшныхъ и тѣхъ прелестныхъ созданіяхъ, предъ которыми съ восторгомъ останавливаются позднѣйшіе критики: о Фаринатѣ, поднявшемъ свое гордое и невозмутимое чело изъ вѣчнаго пламени; о львиномъ спокойствіи Сорделло; о свѣтѣ, распространяющемся отъ небесной улыбки Беатриче. Они превозносятъ своего великаго поэта за его поверхностное знаніе древней литературы и исторіи, за его логику и теологію, за его нелѣпую физику и еще болѣе нелѣпую метафизику, — за все, кромѣ того, чѣмъ онъ особенно отличался. Подобно глупцу въ сказкѣ, разрушившему свое жилище, отыскивая золото, которое, какъ онъ видѣлъ во снѣ, сокрыто было подъ фундаментомъ, — разрушаютъ они одно изъ величайшихъ произведеній человѣческаго генія, ища въ немъ скрытыхъ сокровищъ мудрости, которыя существуютъ только въ ихъ собственныхъ дикихъ сновидѣніяхъ. Лучшія мѣста мало цѣнились, покуда не были унижаемы до какой-нибудь уродливой аллегоріи. Болѣе громкое одобреніе вызывалось настан-

леніями о судьбѣ и свободной волѣ, нежели тѣми ужасными строками, которыя открываютъ тайны башни голода, или той полуразсказанной, столь страстной и полной плача повѣстью о грѣховной любви.

Мы не хотимъ сказать, чтобы современники Данте читали съ меньшимъ волненіемъ, нежели ихъ потомки, объ Уголино, блуждающемъ среди обезображенныхъ труповъ своихъ дѣтей, или о Франческѣ, вздрагивающей при трепетномъ поцѣлуѣ и роняющей роковую книгу. Мы далеки отъ этого. Мы думаемъ, что они меньше насъ любовались этими вещами, но сильнѣе чувствовали ихъ. Мы можетъ быть скажемъ, что они чувствовали слишкомъ сильно, чтобъ восхищаться ими. Переходъ народа отъ варварства къ цивилизаціи производитъ перемѣну сходную съ той, какая является при переходѣ человѣка отъ дѣтства къ зрѣлому возрасту. Кто не вспоминаетъ съ сожалѣніемъ то время, когда читалъ впервые *«Робинзона Крузо»*? Тогда, правда, читатель былъ не въ состояніи оцѣнить силы писателя; онъ даже не зналъ и не заботился о томъ, имѣла ли книга автора. Онъ, вѣроятно, не считалъ ее и вполовину столь изящной, какъ какую-нибудь высокопарную болтовню Макферсона о чернобровомъ Фольдатѣ или бѣлогрудой Стрипадонѣ. Теперь онъ цѣнитъ Фингала и Темору только за ихъ свидѣтельство о томъ, какъ мало нужно доказательствъ разсказу, чтобы пріобрѣсти вѣру и съ какими ничтожными качествами книга можетъ сдѣлаться популярною. О романѣ Дефо онъ теперь самаго высокаго мнѣнія. Онъ узнаетъ руку мастера въ тысячѣ чертъ, которыхъ не замѣчалъ прежде. Но хотя онъ понимаетъ достоинства разсказа лучше, чѣмъ прежде, онъ далеко не такъ интересуется имъ. Ксури, Пятница и миловидный Поль, шлюпка съ парусомъ-баранье-плечо и лодка, которую нельзя было стащить на воду, палатка съ ея оградою и и ея лѣстницами, гороженникъ козлятъ и пещера, гдѣ околѣлъ старый козелъ, не могутъ уже никогда сдѣлаться для него такими дѣйствительностями, какими были. Тѣ дни, когда любимая книга заставляла его дѣлать тачки и стулья, рыть пещеры и строить шалаши,— не могутъ уже никогда возвратиться. Таковъ законъ нашей природы. Наше сужденіе зрѣетъ; наше воображеніе увядаетъ. Мы не можемъ одновременно наслаждаться цвѣтами весны жизни и плодами ея

осени, радостями серьёзныхъ изслѣдованій и пріятныхъ заблужденій. Мы не можемъ одновременно быть передъ сценой и за кулисами. Мы не можемъ наслаждаться зрѣлищемъ, когда слѣдимъ за движеніемъ веревокъ и блоковъ, управляющихъ имъ.

Глава, въ которой Фильдингъ описываетъ состояніе Партриджа въ театрѣ, такъ освѣщаетъ наше положеніе, что мы не можемъ не привести оттуда нѣсколькихъ мѣстъ.

«Партриджъ повѣрилъ м-ру Гаррику тамъ, гдѣ отказалъ въ вѣрѣ Джонсу, и впалъ въ такую дрожь, что колѣна его стучали одно объ другое. Джонсъ спросилъ его, въ чемъ было дѣло и не боялся ли онъ воина на сценѣ. «О! сэръ, отвѣчалъ тотъ, я вижу теперь, что все такъ, какъ вы говорили мнѣ. Я ничего не боюсь, потому что знаю, что все это игра; да еслибъ онъ и былъ дѣйствительно духомъ, онъ не могъ бы ничего сдѣлать человѣку въ такомъ отдаленіи и въ такомъ большомъ обществѣ:—а все-таки, если я испугался, я испугался не одинъ.» —«Какъ, кто? воскликнулъ Джонсъ. Не думаешь ли ты, что есть здѣсь еще трусъ, кромѣ тебя?»—«Ну, вы можето меня называть трусомъ, если хотите; но если тотъ маленькій человѣкъ на сценѣ не испуганъ, то я въ жизни никогда не видалъ испуганнаго человѣка.»...... Онъ сидѣлъ съ открытымъ ртомъ и съ глазами, уставленными частью на духа, частью на Гамлета; тѣ же ощущенія, какія слѣдовали одно за другимъ въ Гамлетѣ, повторялись и въ немъ...

«Мало случилось затѣмъ замѣчательнаго въ продолженіе представленія, подъ конецъ котораго Джонсъ спросилъ Партриджа: который изъ актеровъ нравился ему больше. «Конечно, король», отвѣчалъ онъ, повидимому нѣсколько недовольный вопросомъ: —«Значитъ, м-ръ Партриджъ, замѣтила м-съ Миллеръ, вы не сходитесь во мнѣніи съ городомъ: всѣ согласны въ томъ, что Гамлетъ исполняется лучшимъ актеромъ, какой когда-либо былъ на сценѣ.»—«Онъ лучшій актеръ! воскликнулъ Партриджъ съ презрительной улыбкой; я могъ бы самъ такъ же хорошо съиграть. Я увѣренъ, что еслибъ увидѣлъ привидѣніе, я выглядѣлъ бы такъ же, какъ онъ, и дѣлалъ бы то же, что онъ. А потомъ, въ этой сценѣ—какъ вы ее назвали—между нимъ и матерью, гдѣ онъ по-вашему такъ хорошо игралъ,—право, всякій человѣкъ, т. е. всякій хорошій человѣкъ, у котораго была бы такая мать, сдѣлалъ бы совершенно то же. Я знаю, что вы только шутите со мною; но серьёзно, сударыня, хотя я никогда не бывалъ въ театрѣ въ Лондонѣ, я видѣлъ представленія въ провинціи, и королемъ я доволенъ: онъ ясно произноситъ каждое слово и вдвое громче, нежели тотъ. Всякій скажетъ, что это актеръ.»

Въ этомъ прекрасномъ отрывкѣ Партриджъ представленъ весьма плохимъ театральнымъ критикомъ. Но никто изъ смѣющихся надъ нимъ не обладаетъ и десятой долей его чувствительности къ сценическому таланту. Онъ удивляется неумѣстно, но дрожитъ умѣстно. Именно потому, что онъ такъ раздраженъ игрою Гаррика, ставитъ онъ его ниже натянутаго, кричащаго актера, который играетъ короля. Мы слышали, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Испаніи и Португаліи, актеръ, искусно передающій порочный характеръ, вмѣсто того, чтобы вызвать рукоплесканія зрителей, бываетъ безпощадно ошиканъ и закиданъ. То же самое было бы и въ Англіи, еслибъ мы могли хоть на минуту подумать, что передъ нами стоятъ Шейлокъ или Яго. Пока драматическое искусство въ Аѳинахъ было на степени дѣтства, оно производило подобное же дѣйствіе на пылкихъ и богатыхъ воображеніемъ зрителей. Говорятъ, они порицали Эсхила за то, что онъ до изступленія пугалъ ихъ своими фуріями. Геродотъ повѣствуетъ, что когда Фринихъ поставилъ свою трагедію *«Паденіе Милета»*, они приговорили его къ штрафу въ 1000 драхмъ за мученія, причиненныя имъ такимъ патетическимъ зрѣлищемъ. Они смотрѣли на него не какъ на великаго художника, а какъ на человѣка, причинившаго имъ страданія. Пробуждаясь отъ скорбнаго впечатлѣнія, они обращались съ авторомъ произведенія, какъ обращались бы съ гонцомъ, доставившимъ имъ пагубныя и тревожныя вѣсти, которыя оказались бы впослѣдствіи ложными. Такъ же точно и дитя вскрикиваетъ съ ужасомъ при видѣ человѣка въ уродливой маскѣ. Оно видѣло, можетъ быть, какъ надѣвалась маска. Но его воображеніе слишкомъ сильно относительно разума, и дитя проситъ, чтобы маска была снята.

Мы дѣйствовали бы такимъ же образомъ, еслибъ чувства печали и ужаса, порождаемыя въ насъ произведеніями фантазіи, доходили до дѣйствительныхъ мученій. Но въ насъ эти волненія бываютъ сравнительно слабы. Они рѣдко имѣютъ вліяніе на нашъ апетитъ или на нашъ сонъ. Мы остаемся достаточно спокойны, чтобы выслѣдить причины этихъ волненій и оцѣнить силы, которыя производятъ ихъ. Наше вниманіе скоро отвлекается отъ образовъ, вызвавшихъ наши слезы, къ искусству, помощью котораго эти образы были избраны и сопоставлены. Мы рукоплещемъ

собственной нашей проницательности и чувствительности, — и затѣмъ совершенно довольны. Однако, хотя мы и полагаемъ, что съ развитіемъ утонченности въ націяхъ мыслительныя силы возрастаютъ на счетъ воображенія, — мы признаемъ все-таки, что это правило имѣетъ многія кажущіяся исключенія. Исключенія эти мы считаемъ не болѣе какъ кажущимися. Люди разсуждали, напримѣръ, лучше во времена Елисаветы, нежели во времена Эгберта; но они писали и лучшіе стихи. Мы должны дѣлать различіе между поэзіею, какъ умственнымъ актомъ, и поэзіею, какъ родомъ литературнаго произведенія. Если мы возьмемъ ее въ послѣднемъ смыслѣ, ея совершенство будетъ зависѣть не только отъ силы воображенія, но и отъ средствъ, которыя оно употребляетъ. Поэтому, поэзія можетъ, въ извѣстной степени, возрастать тогда, когда поэтическая способность убываетъ. Живость картины, представляемой читателю, не находится въ строгой пропорціи къ живости прототипа, существующаго въ умѣ автора. Въ другихъ искусствахъ это ясно видно. Еслибъ человѣкъ, одаренный отъ природы всѣмъ геніемъ Кановы, попытался изваять статую, безъ всякихъ свѣдѣній о способахъ употребленія ваяла или безъ знакомства съ анатоміею человѣческаго тѣла, — онъ произвелъ бы вещь, въ сравненіи съ которой шотландскій горецъ—вывѣска табачной лавки, заслуживалъ бы удивленія. Еслибъ непосвященный Рафаэль вздумалъ писать картину — вышла бы только пачкотня; да знатоки и говорятъ, что первыя произведенія Рафаэля не многимъ лучше того. Однако, ктó можетъ приписать это недостатку фантазіи? Кто можетъ сомнѣваться, что юность великаго художника протекла среди идеальнаго міра прекрасныхъ и величественныхъ формъ? Или кто захочетъ приписать разницу, являющуюся между его первыми грубыми опытами и его великолѣпнымъ *Преображеніемъ*, — перемѣнѣ въ складѣ его ума? Въ поэзіи, какъ въ живописи и ваяніи, необходимо, чтобы тотъ, кто подражаетъ, былъ хорошо знакомъ съ тѣмъ, чему намѣренъ подражать, и былъ бы свѣдущъ въ техникѣ своего искусства. Геній не снабдитъ его словаремъ; онъ не подскажетъ ему, какое слово наиболѣе точно соотвѣтствуетъ его идеѣ и наиболѣе полно передаетъ ее другимъ; онъ не сдѣлаетъ его великимъ описательнымъ поэтомъ, если онъ не всматривался внимательно въ ликъ природы, или великимъ драма-

тургомъ, пока онъ серьёзно не прочувствовалъ и не наблюдалъ вліяніе страстей. Поэтому знаніе и опытъ нужны не для того, чтобы укрѣпить воображеніе, которое ни у кого не бываетъ такъ сильно, какъ у людей неспособныхъ къ мышленію—у дикихъ, дѣтей, сумасшедшихъ и сновидцевъ; знаніе и опытъ нужны для того, чтобы сдѣлать художника способнымъ къ передачѣ своихъ концепцій другимъ.

Въ эпоху варварства воображеніе господствуетъ деспотически. Воспріимчивость къ сверхъестественному такъ сильна, что часто одолѣваетъ всѣ другія страсти души, всѣ другія ощущенія тѣла. Въ началѣ, впрочемъ, фантастическое остается неразвитымъ, скрытымъ сокровищемъ, безсловесною поэзіею, невидимою живописью, нѣмою музыкою, сномъ, котораго наслажденія и муки извѣстны лишь сновидцу, горемъ, про которое только сердце знаетъ, радостью, о которой ни одна чужая душа не вѣдаетъ. Техника, помощью которой мысли передаются отъ одного лица другому, еще груба и несовершенна. Умы раздѣляетъ глубокая пропасть. Подражательныя искусства не существуютъ или стоятъ на низкой степени развитія. Но дѣйствія человѣческія вполнѣ доказываютъ, что сила, служащая источникомъ этихъ искусствъ, болѣзненно дѣятельна. Она не проявляется еще какъ вдохновеніе поэта или скульптора, но порождаетъ собою радости дня, ужасы ночи, и служитъ обильнымъ источникомъ дикихъ суевѣрій. Она превращаетъ облака въ колоссальныя фигуры и завыванья вѣтра въ заунывные голоса. Созданныя подъ ея вліяніемъ понятія кажутся безусловнѣе и несомнѣннѣе любаго изъ образовавшихся помощью наглядности. Она получаетъ въ глазахъ нашихъ такую же вѣру, какую мы придаемъ нашимъ ощущеніямъ. Такъ израненный арабъ не видѣлъ ничего, кромѣ черныхъ очей и зеленой чадры манящей его гуріи. Воинъ сѣвера въ предсмертныхъ мукахъ улыбался при мысли о медѣ Валгаллы.

Какъ мы уже сказали, первыя произведенія фантазіи бѣдны и грубы не вслѣдствіе недостатка геніяльности, а вслѣдствіе недостатка матеріяла. Фидій ничего бы не создалъ изъ стараго дерева и рыбьей кости, или Гомеръ—изъ ново-голландскаго языка.

Однако вліяніе этихъ первыхъ произведеній фантазіи—несмотря на все ихъ несовершенство, громадно. Всѣ ихъ недостатки восполнялись воспріимчивостью тѣхъ, для кого предназначались эти произ-

веденія. Каждому извѣстно, какое удовольствіе доставляетъ маленькой дѣвочкѣ деревянная кукла въ какихъ-нибудь шесть пенсовъ. Другаго общества ей не нужно. Дѣвочка напьчитъ ее, одѣваетъ и разговариваетъ съ нею цѣлый день. Ни одинъ взрослый не можетъ почувствовать и половины того же удовольствія, любуясь напримѣръ прелестными куклами Чантри. Точно такъ же, на дикарей скудныя пѣсни ихъ бардовъ дѣйствуютъ гораздо сильнѣе, нежели величайшія произведенія поэзіи на народъ болѣе цивилизованный.

Съ теченіемъ времени способы, посредствомъ которыхъ дѣятельность воображенія проявляется, становятся совершеннѣе. Способности вымысла въ новомъ поколѣніи не болѣе, нежели въ предъидущемъ. Мы твердо убѣждены, что ихъ даже стало меньше. Но онѣ производятъ лучшія созданія фантазіи. Такимъ образомъ, съ извѣстнаго періода, уменьшеніе поэтическихъ способностей больше нежели вознаграждается улучшеніемъ всѣхъ средствъ и примѣненій, въ которыхъ нуждаются эти способности. Тогда настаетъ короткій періодъ блестящаго и полнѣйшаго совершенства. А затѣмъ, отъ причинъ, противъ которыхъ тщетно было бы бороться, поэзія начинаетъ приходить въ упадокъ. Успѣхи языка, сначала благопріятные, становятся гибельными для нея и вмѣсто того, чтобы вознаграждать упадокъ воображенія, ускоряютъ этотъ упадокъ и дѣлаютъ его очевиднѣе. Когда искатель приключеній арабской сказки смочилъ одинъ изъ своихъ глазъ влагой, заключавшейся въ волшебной склянкѣ, всѣ земныя сокровища, какъ далеко они ни были разсѣяны, какъ глубоко ни были сокрыты, явились его взору. Но повторивши опытъ надъ обоими глазами, онъ ослѣпъ. Чѣмъ очарованный элексиръ оказался для тѣлеснаго зрѣнія, тѣмъ оказывается языкъ для очей фантазіи. Сначала, онъ вызываетъ цѣлый міръ блестящихъ иллюзій, но становясь слишкомъ богатымъ, совершенно уничтожаетъ зрительную способность.

По мѣрѣ развитія ума, символы, служившіе для передачи образовъ, замѣняютъ самые образы. Цивилизованные люди думаютъ, также какъ торгуютъ, не наличнымъ, но посредствомъ фиктивнаго капитала. При этихъ обстоятельствахъ науки развиваются быстро и въ числѣ другихъ критика; но поэзія, въ высшемъ значеніи этого слова, исчезаетъ. Тогда наступаетъ дряхлость изящныхъ искусствъ, второе

дѣтство, столь же слабое, какъ первое, и гораздо болѣе безнадежное. Это вѣкъ критической поэзіи, поэзіи изъ вѣжливости, поэзіи, въ которой участвуютъ гораздо болѣе память, мышленіе и умъ, нежели фантазія. Мы охотно соглашаемся, что многія произведенія этого рода превосходны; не будемъ спорить съ тѣми, которые считаютъ ихъ болѣе цѣнными, чѣмъ великія поэмы перваго періода. Мы только утверждаемъ, что они принадлежатъ другому роду сочиненій и созданы другой способностью.

Есть нѣкоторое утѣшеніе въ мысли, что эта критическая школа поэзіи развивается, вмѣстѣ съ критикой, какъ наукой, и что эта наука критики, подобно всѣмъ другимъ наукамъ, постоянно стремится къ совершенству. По мѣрѣ умноженія опытовъ лучше понимаются правила.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, напр. въ Англіи, былъ промежутокъ между паденіемъ творческой и возникновеніемъ критической школы, періодъ одряхлѣнія воображенія и младенчества вкуса. Подобное революціонное междуцарствіе бываетъ обезображено всякаго рода крайностями.

Первая побѣда изящнаго вкуса одерживается надъ надутостью и пустословіемъ, уродующимъ подобную эпоху. Но критика еще очень несовершенна. Случайное долго смѣшиваютъ съ существеннымъ. Общія теоріи извлекаются изъ отрывочныхъ фактовъ. Сколько часовъ можетъ продолжаться пьеса, сколько уподобленій позволяется эпическому поэту помѣстить въ первой книгѣ его поэмы, можетъ ли пьеса, признанная имѣющей начало и конецъ, остаться безъ середины, — и подобные ребяческіе вопросы занимали прежде вниманіе французскихъ и даже англійскихъ литераторовъ. Въ подобныхъ обстоятельствахъ, поэты выказывали всю узкость и слабость критики, которая ввела въ моду ихъ манеру. Правда, робость предохраняетъ ихъ отъ оскорбительной нелѣпости. Но они постоянно жертвуютъ естественностью и здравымъ смысломъ произвольнымъ уставамъ вкуса. Въ своемъ усердіи избѣжать «mala prohibita» безсмысленнаго кодекса, они постоянно впадали въ «mala in se». Правда, ихъ великіе предшественники были такіе же дурные критики, какъ и они сами, или еще хуже ихъ; но, какъ мы старались доказать, эти предшественники вдохновлялись способностью, независимою отъ критики, и потому писали хорошо, обсуждая плохо.

Постепенно, взгляды людей на литературу становились раціональнѣе и шире. Анализъ поэзіи, который, какъ мы заметили, долженъ былъ сначала быть несовершеннымъ, приближается ближе и ближе къ точности. Достоинства дивныхъ образцовъ предъидущихъ вѣковъ получаютъ справедливую оцѣнку. Холодныя произведенія позднѣйшаго времени ставятся въ уровень ихъ достоинствамъ. Появляются увлекательныя и остроумныя подражанія великимъ художникамъ. Поэзія отчасти возрождается; для нея настаетъ бабье лѣто, которое, приходя послѣ засухи и увяданія, пріятно напоминаетъ намъ о роскошной природѣ іюня. Собирается вторая жатва, хоть взойдя на изнуренной землѣ она и не такъ богата, какъ первая. Такъ въ наше время Монти удачно подражалъ слогу Данте; а многіе изъ нашихъ даровитыхъ соотечественниковъ уловили нѣчто изъ вдохновенія Елисаветинскаго вѣка. Но никогда Италія не произведетъ другаго «*Ада*», а Англія другаго «*Гамлета*». На красоты новѣйшихъ подражаній мы смотримъ съ тѣми же чувствами, съ какими смотримъ на цвѣты въ вазахъ для украшенія столичныхъ гостинныхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, мы смотримъ на нихъ съ удовольствіемъ, быть можетъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что, находясь въ чуждомъ для нихъ мѣстѣ, они напоминаютъ намъ о далекихъ странахъ, гдѣ цвѣтутъ въ самобытномъ изобиліи. Но въ нихъ недостаетъ соку, свѣжести и цвѣту. Или, заимствуя другую иллюстрацію изъ сказокъ Шехеразады, мы сравнимъ писателей этой школы съ ювелирами, которымъ поручили кончить недодѣланное окно Алладинова дворца. Все, что могли сдѣлать искусство и деньги, было сдѣлано. Всѣ драгоцѣнные камни дворца и базара были употреблены въ дѣло. Однако художники, не смотря на все свое мастерство, на все усердіе и на громадность своихъ средствъ, не произвели ничего, могущаго выдержать сравненіе съ чудесами, созданными въ одну ночь духомъ высшаго разряда.

Мы думаемъ, что исторія всѣхъ знакомыхъ намъ литературъ подтверждаетъ изложенные нами принципы. Въ Греціи, мы видимъ, какъ поэтическая школа, полная фантазіи, постепенно исчезаетъ, замѣняясь критической. За Эсхиломъ и Пиндаромъ слѣдуетъ Софоклъ; за Софокломъ Эврипидъ; за Эврипидомъ версификаторы александ-

рійской школы. Изъ послѣднихъ, одинъ Өеокритъ оставилъ пьесы, заслуживающія чтенія. Блескъ и причудливость страны чудесъ въ старинной комедіи, страны, богатой такою роскошью и яркостью красокъ, населенной такими фантастическими образами и звучащей попеременно то музыкой, полной сладкой мелодіи, то громкимъ хохотомъ эльфовъ, исчезли навсегда. Образцовыя произведенія новой комедіи извѣстны намъ изъ латинскихъ переводовъ необыкновеннаго достоинства. Изъ этихъ переводовъ и изъ выраженій древнихъ критиковъ ясно, что оригиналы отличались прелестью и граціей, что они искрились умомъ и обиловали увлекательнымъ чувствомъ; но что творческая сила исчезла навсегда. Юлій Цезарь называлъ Теренція полу-Менандромъ,—вѣрное доказательство, что Менандръ не составлялъ и четвертой части Аристофана.

Римская литература была просто продолженіемъ греческой. Ученики двинулись отъ той точки, до которой, въ теченіе многихъ поколѣній, достигли ихъ учители. Такимъ образомъ, они почти совсѣмъ не имѣли періода своеобразнаго творчества. Единственные латинскіе писатели, сочиненія которыхъ выказываютъ бóльшую силу фантазіи, это Лукрецій и Катуллъ. Августовскій вѣкъ не произвелъ ничего равнаго ихъ прекраснымъ страницамъ.

Во Франціи, за привилегированнымъ шутомъ, подъ шапкой съ погремушками и пестрымъ плащемъ котораго таилось больше геніяльности, чѣмъ сколько ея заключалось въ салонахъ Ninon и m-me Жофренъ, послѣдовали писатели, чопорные и скучные, какъ церемоніймейстеры.

Въ итальянской и испанской поэзіи тоже произошла перемѣна. Но нигдѣ этотъ переворотъ не совершался полнѣе и рѣшительнѣе, какъ въ Англіи. Тотъ же самый человѣкъ, который, будучи мальчикомъ, хлопалъ своими трепетными руками при первомъ представленіи *«Бури»*, могъ, не отличаясь необыкновеннымъ долговѣчіемъ, дожить до чтенія первыхъ сочиненій Прайора и Аддисона. Мы полагаемъ, что перемѣна, рано или поздно, должна была совершиться. Но она ускорила свой ходъ и измѣнила характеръ вслѣдствіе политическихъ происшествій этого времени и особенно двухъ событій — закрытія театра во время Республики и реставраціи дома Стюартовъ.

Мы сказали, что критическія и поэтическія способности не только раздѣльны, но почти несовмѣстны. Положеніе нашей литературы въ царствованія Елисаветы и Іакова I служитъ рѣзкимъ подтвержденіемъ этого замѣчанія. Величайшія произведенія фантазіи, видѣнныя свѣтомъ, создались въ это время. Между тѣмъ народный вкусъ былъ до крайности дуренъ. Аллитераціи, игра словъ, антитетическія формы выраженій, расточаемыя тамъ, гдѣ нѣтъ соотвѣтствующаго контраста между выраженными мыслями, натянутыя аллегоріи, педантическіе намеки,—короче, все жеманное и неестественное въ манерѣ и сущности, составляло то, что считалось тогда хорошимъ сочиненіемъ. Рѣчи адвокатовъ, проповѣдниковъ и государственнаго совѣта были изуродованы такими отвлеченностями, которыхъ постыдились бы риѳмующіе пастухи итальянской академіи. Король игралъ словами, сидя на тронѣ. Конечно, мы можемъ утѣшиться мыслью, что онъ былъ глупъ. Но съ нимъ заодно игралъ словами и канцлеръ, сидя на шерстяномъ мѣшкѣ; а канцлеръ былъ Францисъ Бэконъ. Не стоитъ упоминать о Сидни и цѣломъ племени эвфуистовъ; потому что самъ Шекспиръ, величайшій изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ, поэтовъ, впадаетъ въ такую же ошибку, когда хочетъ быть особенно краснорѣчивымъ. Пока онъ отдается полету своей фантазіи, его произведенія—не только самыя обаятельныя, самыя высокія, но и самыя безукоризненныя въ свѣтѣ. Но какъ скоро на сцену выступаютъ его критическія способности, онъ нисходитъ до одного уровня съ Коули, или, лучше сказать, онъ дѣлаетъ дурно то, что Коули дѣлалъ хорошо. Все дурное въ его сочиненіяхъ—дурно изысканно и преднамѣренно. Для того, чтобы его творенія были совершенны, недостаетъ только, чтобы онъ не заботился о томъ, хороши они, или дурны. Подобно ангеламъ Мильтона, онъ падаетъ «отъ напряженія и усерднаго полета.» У него природное стремленіе вверхъ. Для того, чтобы парить, нужно только, чтобы онъ не хлопоталъ о томъ, чтобъ не упасть. Онъ напоминаетъ американскаго касика, который, обладая безмѣрнымъ количествомъ металловъ, въ образованныхъ обществахъ считающихся за самые драгоцѣнные, совершенно не сознавалъ ихъ цѣнности и отдавалъ сокровища, дороже царскихъ коронъ иныхъ странъ, за какую-нибудь блестящую и изы-

скапную, но никуда негодную бездѣлушку, пуговицу накладнаго серебра или ожерелье изъ цвѣтныхъ стеколъ.

Мы старались показать, что съ распространеніемъ знаній и развитіемъ ума подражательныя искусства приходятъ въ упадокъ. Поэтому мы должны ожидать, что порча поэзіи начинается въ образованныхъ классахъ общества. Такъ почти всегда и случается. Немногія великія произведенія фантазіи, появившіяся въ критическій вѣкъ, почти безъ исключенія принадлежатъ необразованнымъ людямъ. Такъ въ то время, когда знать переводила французскіе романы, а университеты воспѣвали смерть королей въ стихахъ, говорившихъ о тритонахъ и фавнахъ, проповѣдникъ изъ мѣдниковъ создалъ «*The Pilgrim's Progress*». Такъ, пахарь взволновалъ разсказомъ о приключеніяхъ Тома О'Шантера поколѣніе, считавшее Битти и Гейли великими поэтами. Даже въ послѣднюю половину царствованія Елисаветы модная поэзія выродилась. Она сохраняла только кой-какіе слѣды фантазіи предъидущей эпохи но не была еще подчинена правиламъ изящнаго вкуса. Мадригалы и сонеты окончательно заразились аффектаціей. Смѣшныя высокопарности и беззвучные размѣры Донна были во время Іакова любимыми образцами сочиненій въ Вайтголлѣ и Темплѣ. Но если придворная литература пришла въ упадокъ, зато народная процвѣтала. Святилищемъ музъ сдѣлались театры, посѣщаемые классомъ, вкусъ котораго былъ не лучше вкуса достопочтенныхъ и удивительно добрыхъ лордовъ, восхищавшихся метафизическими любовными стихами, но который сохранилъ воображеніе во всей его свѣжести и силѣ; который могъ ошибочно раздавать похвалу и порицаніе, но слезы и смѣхъ котораго никогда не обманывались. Зараза, исказившая лирическую и дидактическую поэзію, только слегка коснулась драмы. Между тѣмъ, какъ аристократы и ученые сравнивали глаза съ зажигательными стеклами, и слезы съ земными глобусами, скромность съ энтимемой, отсутствіе съ циркулемъ и безнадежную страсть съ сороковою степенью наслѣдства, множество зрителей, добрыхъ и простосердечныхъ, какъ хозяинъ и хозяйка Флетчерова Ральфа, насмотрѣвшись на Юлію, опиравшуюся на балконъ, или Миранду, улыбавшуюся надъ шахматной доской, возвращались домой и плакали, покуда не засыпали.

Ни одинъ родъ вымысла не дѣйствуетъ на насъ такъ обаятельно, какъ старая англійская драма. Даже ея низшія произведенія обладаютъ такимъ очарованіемъ, какого мы не находимъ ни въ какомъ другомъ родѣ поэзіи. Это самое прозрачное зеркало, въ какое когда-либо смотрѣлась природа. Созданія великихъ аѳинскихъ драматурговъ производятъ дѣйствіе великолѣпныхъ статуй, задуманныхъ могучей фантазіей, отшлифованныхъ съ крайней тонкостью, воплощающихъ идеи непостижимаго величія и красоты, но холодныхъ, блѣдныхъ и безжизненныхъ, безъ краски на щекахъ, безъ выраженія въ глазахъ. Во всѣхъ драпировкахъ, фигурахъ и лицахъ, въ любовникахъ и тиранахъ, вакханкахъ и фуріяхъ—та же самая мраморная холодность и мертвенность. Большая часть характеровъ французской сцены походятъ на восковыхъ джентльменовъ и лэди, въ окнѣ парикмахера, нарумяненныхъ, завитыхъ и расфранченныхъ, но которыхъ поза дотого натянута, а стоячіе глаза выражаютъ такое полнѣйшее отсутствіе всякаго смысла, что не производятъ даже минутной иллюзіи. Только въ англійскихъ пьесахъ находимъ мы теплоту, мягкость и реальность живописи. Мы знаемъ тутъ душу мужчинъ и женщинъ, какъ знаемъ лица мужчинъ и женщинъ Вандика.

Превосходство этихъ сочиненій происходитъ въ значительной степени отъ двухъ особенностей, которыя критики французской школы считаютъ недостатками: изъ смѣси комедіи и трагедіи и изъ длины и размѣровъ дѣйствія. Первое необходимо, чтобы сдѣлать драму вѣрнымъ представленіемъ свѣта, въ которомъ смѣющіеся и плачущіе постоянно сталкиваются, въ которомъ каждое событіе имѣетъ свою серьёзную и смѣшную сторону. Послѣднее даетъ намъ возможность короче познакомиться съ характерами, съ которыми мы не въ состояніи усвоиться въ теченіе короткаго срока, требуемаго отъ поэта правиломъ о единствахъ. Въ этомъ отношеніи, творенія Шекспира — чудеса искусства. Въ пьесѣ, которую можно прочесть вслухъ въ три часа, характеръ постепенно раскрывается предъ нами во всей своей глубинѣ. Мы видимъ, какъ онъ измѣняется съ перемѣною обстоятельствъ. Рѣзвый юноша развивается въ политичнаго и воинственнаго государя. Тороватый и доброжелательный филантропъ превращается въ мизантропа, ненавидящаго и презирающаго человѣческій родъ. Очищающая скорбь дѣлаетъ тирана задумчивымъ

моралистомъ. Ветеранъ-полководецъ, отличающійся хладнокровіемъ, проницательностью и самообладаніемъ, гибнетъ въ борьбѣ между любовью, сильной какъ смерть, и ревностью, жестокой какъ могила. Храбрый и честный подданный шагъ-за-шагомъ доходитъ до крайностей человѣческой испорченности. Мы слѣдимъ за его поступательнымъ ходомъ по этому пути, начиная отъ перваго мерцанія незаконнаго честолюбія до цинической скорби и мученій совѣсти, не смягчаемой раскаяніемъ. Однако, въ этихъ пьесахъ нѣтъ неестественныхъ переходовъ. Ничто не упущено; ничто не переполнено. Какъ ни велики перемѣны, какъ ни узки границы, въ которыхъ онѣ выказываются, онѣ такъ же мало поражаютъ насъ, какъ постепенныя измѣненія знакомыхъ лицъ, которыя мы видимъ каждый вечеръ и каждое утро. Волшебная ловкость поэта напоминаетъ Дервиша въ *«Зрителѣ»*, который сжалъ событія семи лѣтъ въ единый моментъ, пока король держалъ свою голову подъ водой.

Достойно замѣчанія, что въ то время, о которомъ мы говоримъ, пьесы людей, даже не отличавшихся особенною геніальностью, какъ напримѣръ Джонсона, стояли гораздо выше всѣхъ произведеній фантазіи въ другихъ отдѣлахъ литературы. Поэтому, хотя мы заключаемъ, что отъ причинъ, уже изслѣдованныхъ нами, наша поэзія должна была необходимо придти въ упадокъ, но все-таки думаемъ, что еслибы внѣшнія причины не ускорили исполненія ея участи, она могла бы умереть тихой смертью,—что драма поддержала бы жизнь генія, пока онъ замѣнился бы, до нѣкоторой степени, чувствомъ изящнаго,—что между вѣкомъ высокаго творчества и вѣкомъ увлекательнаго подражанія едвали существовалъ бы промежутокъ. Творенія Шекспира, которыя не раньше половины XVIII столѣтія получили сколько-нибудь справедливую оцѣнку, могли бы, въ теченіе послѣдней половины XVII ст., быть признанными образцами превосходства; а за нимъ и великими писателями Елисаветинской эпохи почти непосредственно послѣдовало бы поколѣніе поэтовъ, равныхъ тѣмъ, которые украшаютъ нашъ собственный вѣкъ.

Но пуритане изгнали фантазію изъ послѣдняго ея убѣжища. Они запретили театральныя представленія и заклеймили цѣлое поколѣніе драматурговъ названіемъ враговъ нравственности и религіи. Въ писателяхъ, порицаемыхъ ими, есть много дурнаго; но намъ кажется

весьма сомнительнымъ, чтобы мѣры, принятыя ими для прекращенія зла, были лучшими, и надо полагать, что они сами усумнились въ этомъ, когда, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, увидѣли, что нечистый духъ, изгнанный ими, вернулся въ старое жилище съ семью другими, еще болѣе гнусными духами.

Уничтоженіе драмы доставило модной поэтической школѣ, школѣ, лишенной истины чувства и музыкальности версификаціи, лишенной силы предъидущаго и правильности позднѣйшаго вѣка, неоспоримое преобладаніе. Уродливое остроуміе, развитая до болѣзненности способность быстро схватывать аналогіи и сходство между вещами, повидимому совершенно противоположными,— вотъ въ чемъ заключались почти всѣ ея права на восхищеніе. Соклингъ умеръ. Мильтонъ былъ погруженъ въ теологическія и политическія пренія. Если Воллеръ и отличался отъ школы Коули, то отличался къ худшему. Поэзіи въ немъ было такъ же мало, какъ и въ этой школѣ, а остроумія гораздо меньше, и вялость его стиховъ стòитъ шероховатости коулійцевъ. Только въ Денгамѣ замѣтны были слабые проблески лучшей манеры.

Какъ ни низко было положеніе нашей поэзіи во время междоусобной войны протектората, но ей предстояло еще болѣе глубокое паденіе. До сихъ поръ наша литература была своеобразна; въ умственномъ, какъ и въ географическомъ, отношеніи мы были островитянами. Перевороты въ нашихъ вкусахъ, подобно переворотамъ въ нашемъ правительствѣ, совершались безъ вмѣшательства иноземцевъ. Еслибъ это положеніе вещей продолжалось, то тѣ же самые здравые принципы логики, которые, около этого времени, съ небывалымъ успѣхомъ примѣнялись ко всѣмъ отраслямъ философіи, привели бы нашихъ предковъ къ основательному кодексу критики. Проявлялись уже рѣзкіе признаки улучшенія. Наша проза наконецъ очистилась отъ той затѣйливой высокопарности, которая все-еще искажала почти всѣ стихотворныя произведенія. Парламентскіе дебаты и дипломатическая корреспонденція этого, полнаго событіями, періода много способствовали реформѣ. Въ подобныя хлопотливыя времена положительно необходимо писать и говорить коротко и толково. Еще больше, быть можетъ, помогли нелѣпости пуританства. Въ то время, когда отвратительный слогъ, уродующій сочиненія Галля и лорда Бэкона, былъ почти всеобщимъ, появилась изумительная кни-

га—англійская библія, книга, которая, если все другое, написанное на нашемъ языкѣ погибнетъ, одна можетъ показать всю громадность его красоты и мощи. Уваженіе переводчиковъ къ оригиналу мѣшало имъ прибавлять отвратительныя украшенія, бывшія тогда въ модѣ. Основа перевода принадлежала, разумѣется, болѣе раннему вѣку. Фамильярность, съ какою пуритане, при всѣхъ почти случаяхъ, употребляли фразы изъ Священнаго Писанія, безъ сомнѣнія, была очень смѣшной, но имѣла хорошіе результаты. Это былъ искусственный языкъ, но онъ изгонялъ еще болѣе вопіющую искусственность.

Высшій родъ поэзіи, по большей части, зависитъ отъ обстоятельствъ, регулирующихъ слогъ прозаическихъ сочиненій. Но относительно того низшаго рода поэзіи, который слѣдуетъ за первымъ, дѣло происходитъ совершенно иначе. Черезъ нѣсколько лѣтъ, здравый смыслъ и очищенный вкусъ, искоренившіе аффектацію въ нравственныхъ и политическихъ трактатахъ, при естественномъ ходѣ вещей произвели бы подобную же рефому въ сонетѣ и въ одѣ. Строгость побѣдоносныхъ сектаторовъ смягчилась. Господствующая религія никогда не бываетъ аскетической, и правительство потворствовало театральнымъ представленіямъ. Вліяніе Шекспира почувствовалось еще разъ. Но приближались болѣе мрачные дни. На нашу литературу легло иностранное иго. Карлъ, окруженный товарищами своего изгнанія, вернулся управлять націей, которая не должна бы изгонять его, или разъ изгнавши, не должна бы принимать его назадъ. Всякій лишній годъ, проведенный имъ между иностранцами, дѣлалъ его болѣе и болѣе неспособнымъ управлять своими соотечественниками. Во Франціи онъ видѣлъ строптивыхъ судей укрощаемыми, а королевскую прерогативу, хотя и употребляемую въ дѣло иностраннымъ духовнымъ во имя ребенка, побѣждающею всякую оппозицію. Это зрѣлище, естественно, нравилось принцу, для фамиліи котораго оппозиція парламента была такъ гибельна. Вѣжливость была его единственнымъ хорошимъ качествомъ. Оскорбленія, перенесенныя въ Шотландіи, научили его цѣнить это качество. А изнѣженность и апатія характера способствовали развитію его до высшей степени. Изящество и живость французскихъ манеръ очаровали Карла. Съ политическими правилами и общественными нравами своего любимаго народа

онъ принялъ его литературные вкусы и, сидя на тронѣ, скоро ввелъ эти вкусы въ моду, частью своимъ непосредственнымъ покровительствомъ, а еще болѣе той презрѣнной политикой, которая, на время, сдѣлала Англію послѣдней изъ націй и подняла Людовика XIV на такую высоту могущества и славы, какой не достигалъ еще ни одинъ французскій государь.

Для того, чтобъ понравиться Карлу, въ наши театральныя пьесы впервые были введены риѳмы. Такимъ образомъ, англійской драмѣ, только-что оправлявшейся отъ слабости, нанесенъ былъ ударъ, который оказался бы смертельнымъ и во всякое другое время. Обѣ отвратительныя манеры, туземная и наносная, теперь то боролись, то сливались попеременно. Надутая пошлость новаго слога смѣшивалась съ замысловатой нелѣпостью стараго; а эта смѣсь производила нѣчто, чего свѣтъ никогда не видалъ прежде, и чего—надѣемся—никогда не увидитъ опять, нѣчто, рядомъ съ чѣмъ отвратительныя нелѣпости всѣхъ другихъ вѣковъ представляются въ выгодномъ свѣтѣ,—нѣчто, чему люди, пытавшіеся представить это въ каррикатурѣ, принуждены были невольно льстить,—чему трагедія Бейза служитъ еще благопріятнымъ образчикомъ. Чтó лордъ Дорсетъ замѣтилъ Эдварду Говарду, можно сказать почти всѣмъ его соотечественникамъ:

«As skilful divers to the bottom fall
«Swifter than those who can not swim at all;
«So, in this way of writing without thinking,
«Thou hast a strange alacrity in sinking» (²)

Отъ этого упрека должны быть изъяты нѣсколько умныхъ свѣтскихъ людей, и между ними самъ Дорсетъ. Хотя отнюдь не великіе поэты, и даже не хорошіе версификаторы, они всегда писали толково, а иногда и остроумно. Дѣйствительно, ничто такъ разительно не доказываетъ до какого жалкаго положенія дошла литература, какъ громадное превосходство мелкихъ стихотвореній, беззаботно набросанныхъ на бумагу людьми этого класса, надъ изысканными произведеніями почти всѣхъ авторовъ по профессіи. Господствующій

(²) «Подобно тому, какъ искусные водолазы идутъ ко дну скорѣе, чѣмъ тѣ, которые вовсе не умѣютъ плавать, ты съ этой манерой писать, не думая, удивительно способенъ быстро падать.»

вкусъ былъ до того дуренъ, что успѣхъ писателя былъ въ обратной пропорціи съ его трудомъ и желаніемъ достигнуть совершенства. Исключеніе надо сдѣлать въ пользу Ботлера, который обладалъ умомъ и начитанностью Коули и умѣлъ пользоваться ими, чего Коули не умѣлъ никогда. Полное знаніе хорошаго разговорнаго англійскаго языка еще рѣзче отличаетъ его отъ другихъ писателей того времени. Что касается до *«Гондиберта»* (³), то пусть его разбираютъ тѣ, кто въ состояніи его прочесть. Фантазія угасла. Вкусъ развратился. Поэзія, изгнанная изъ дворцовъ, коллегій и театровъ, нашла пріютъ въ убогомъ жилищѣ, гдѣ великій человѣкъ, рожденный не во-время, опозоренный, нищій, больной и слѣпой, все-таки сохранялъ незапятнанную репутацію и геній, достойный лучшихъ временъ.

Въ Мильтонѣ все чудесно, но чудеснѣе всего то, что въ вѣкъ, неблагопріятный для поэзіи, онъ написалъ величайшую изъ новѣйшихъ эпическихъ поэмъ. Можетъ быть, это слѣдуетъ приписать отчасти его слѣпотѣ. Извѣстно, что воображеніе наиболѣе дѣятельно, когда внѣшній міръ скрытъ предъ нами. Во снѣ его иллюзіи вполнѣ обманчивы. Онѣ производятъ весь эффектъ дѣйствительности. Въ темнотѣ, его видѣнія всегда отчетливѣе, чѣмъ при свѣтѣ. Это долженъ былъ испытать каждый, кто тѣшился такъ-называемой постройкой воздушныхъ замковъ. Мы знаемъ художниковъ, которые, прежде чѣмъ попытаются нарисовать на память лицо, закрываютъ глаза, чтобы лучше представить себѣ черты и выраженіе этого лица. Поэтому, мы расположены думать, что недугъ Мильтона оберегалъ его геній отъ вліянія столь неблагопріятныхъ временъ. Какъ бы то ни было, а его творенія пользовались сначала очень малой популярностью. Пренебреженіе къ нему современниковъ было ка́рой за его превосходство надъ ними. Его великая поэма стала изучаться и доставлять наслажденіе только тогда, когда писатели гораздо ниже его, своей раболѣпной угодливостью общественному вкусу, настолько вошли въ милость, что могли приняться за реформу послѣдняго.

Самымъ даровитымъ изъ нихъ былъ Драйденъ. Въ толпѣ авторовъ, въ первые годы царствованія Карла II, домогавшихся извѣстности, всякаго рода нелѣпостью и аффектаціей, онъ быстро сдѣлал-

(³) Поэма Давенанта.

ся самымъ замѣтнымъ. Никто не имѣлъ такого вліянія на свой вѣкъ. Причина этого очевидна. Ни на кого вѣкъ не имѣлъ такого вліянія. Онъ быть можетъ величайшій изъ поэтовъ, названныхъ нами критическими; и въ его литературной карьерѣ выразилась, въ уменьшенномъ объемѣ, цѣлая исторія той школы, которой онъ принадлежалъ: шероховатость и крайности въ ея младенчествѣ, приличіе, грація, полный достоинства здравый смыслъ и умѣренный блескъ въ возмужалости. Фантазія Драйдена находилась въ состояніи оцѣпенѣнія, пока не пробудилась разсудкомъ. Онъ началъ затѣйливыми параллелями и пустой болтовней. Онъ постепенно пріобрѣлъ энергію сатирика, серьёзность моралиста и восторгъ лирическаго поэта. Въ его книгахъ можно видѣть въ миньятюрѣ переворотъ, совершавшійся въ англійской литературѣ, отъ временъ Коули до Скотта.

Его жизнь раздѣляется на двѣ части. Нельзя съ точностью опредѣлить общія границы ихъ, но общую черту можно провести довольно вѣрно. 1678-й г. мы готовы обозначить годомъ важной перемѣны въ его манерѣ. Въ предъидущихъ годахъ появились нѣкоторые изъ его панегириковъ двору—его «*Annus Mirabilis*» и большая часть театральныхъ пьесъ, всѣ риѳмованныя трагедіи. Послѣдующему періоду принадлежатъ его лучшія драмы: «*All for Love*», «*The Spanish Friar*» и «*Sebastian*»,—сатиры, переводы, дидактическія поэмы, басни и оды.

О небольшихъ пьесахъ, посвященныхъ канцлерамъ и принцамъ, врядъ ли слѣдуетъ говорить. Величайшая выгода, извлекаемая изящными искусствами изъ распространенія знаній, заключается въ томъ, что покровительство частныхъ лицъ перестаетъ быть нужнымъ. Нѣкоторые писатели повидимому все-еще жалѣютъ о вѣкѣ покровительства. Но только дурные писатели имѣютъ на это основаніе. Это всегда вѣкъ общаго невѣжества. Когда десять тысячъ читателей жадно ждутъ выхода книги, то маленькая контрибуція со стороны каждаго изъ нихъ составитъ блестящій гонораріи для автора. Когда же литература — роскошь для немногихъ, каждый изъ этихъ немногихъ долженъ платить дорого. Еслибъ, напримѣръ, какому-нибудь богачу понадобилась эпическая поэма, ему пришлось бы вполнѣ содержать поэта, точно такъ же, какъ въ отдаленной деревнѣ, человѣку, нуждающемуся въ одной бараньей котлеткѣ, приходится иногда брать цѣлаго барана, — чего ни-

когда не случается тамъ, гдѣ общее требованіе на котлеты велико. Но люди, которые платятъ высокую цѣну за удовлетвореніе своему вкусу, захотятъ, чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворялось и ихъ тщеславіе. Лесть доходитъ до безстыдныхъ размѣровъ; а привычка къ лести почти неизбѣжно приводитъ за собой ложный вкусъ въ литературныхъ трудахъ. Ея языкъ состоитъ изъ гиперболическихъ общихъ мѣстъ, оскорбительныхъ по своей пошлости, еще болѣе оскорбительныхъ по своей нелѣпой крайности. Ни въ какой другой школѣ не усвоивается такъ легко привычка переступать границы естественной скромности. Писатель, найдя, что преувеличеніе пріятно и необходимо въ одномъ случаѣ, употребляетъ его во всѣхъ остальныхъ. Поэтому, нѣтъ ничего страннаго, что прежнія панегирическія стихотворенія Драйдена состояли изъ напыщенностей и пустоты. Въ нихъ бездна отвлеченностей, введенныхъ въ моду его непосредственными предшественниками. Но по языку и версификаціи онъ былъ уже выше ихъ.

«*Annus Mirabilis*» выказываетъ большое богатство выраженій и тонкій слухъ къ героическому размѣру. Но этимъ и кончаются его достоинства. Не только оно не имѣетъ никакого права на названіе поэтическаго, но скорѣе кажется сочиненіемъ человѣка, который никогда ни при какихъ обстоятельствахъ не могъ бы написать поэтическаго произведенія. Лучшая часть этой поэмы—ея жеманныя сравненія. Пышныя плевелы представляютъ все-таки болѣе ободряющій видъ чѣмъ полное безплодіе. Въ цѣломъ длинномъ произведеніи врядъ ли найдется хоть одинъ стансъ, въ которомъ бы видно было участіе фантазіи. Оно не создано, а сочинено. Оно состоитъ не изъ образовъ, а изъ логическихъ выводовъ. Мы представимъ одинъ примѣръ, и примѣръ выгодный: четверостишіе, похваленное Джонсономъ. Драйденъ описываетъ морское сраженіе съ голландцами.

«Amidst whole heaps of spices lights a ball;
And now their odours armed against them fly.
Some preciously by shattered porcelain fall,
And some by aromatic splinters die.» (¹)

¹) «Въ груду пряностей падаетъ ядро; и вооруженные ароматы летятъ противъ нихъ. Одни падаютъ подъ обломками драгоцѣннаго фарфора; а другіе умираютъ отъ ароматическихъ осколковъ.»

Поэтъ долженъ ставить своихъ читателей, насколько это возможно, въ положеніе дѣйствующихъ лицъ или зрителей. Его разсказъ долженъ возбуждать чувства, подобныя тѣмъ, какія возбудило бы само событіе. Такъ ли это здѣсь? Кто во время морской битвы будетъ думать о цѣнѣ китайскаго фарфора, разбивающаго голову матроса, или объ ароматѣ осколка, раздробляющаго его ногу? Эти нескладныя вещи введены въ разсказъ не актомъ фантазіи, сразу вызывающей всю сцену предъ умственныя очи, но тяжелымъ размышленіемъ надъ сюжетомъ, перевертываньемъ его во всѣ стороны, — выслѣживаніемъ фактовъ въ самыхъ отдаленныхъ ихъ послѣдствіяхъ. Правда, что Гомеръ постоянно употребляетъ эпитеты, которые не всегда бываютъ кстати. Ахиллесъ—быстроногъ, даже и тогда, когда сидитъ. Улиссъ — многотерпѣливъ, когда ему нечего терпѣть. Каждое копье бросаетъ длинную тѣнь, каждый волъ имѣетъ загнутые рога, а каждая женщина—высокую грудь, даже когда эти частности не идутъ къ дѣлу. Въ нашихъ старинныхъ балладахъ преобладаетъ та же манера. Золото всегда красно, а дамы всегда веселы, хотя ни что не зависитъ отъ цвѣта золота и настроенія дамъ. Но эти прилагательныя не болѣе, какъ прибавленія. Въ силу обычая они сливаются со своимъ существительнымъ. Если они и придаютъ какой-нибудь колоритъ, то колоритъ столь легкій, что онъ вовсе не измѣняетъ общаго эффекта. Совсѣмъ не то въ четверостишіи, приведенномъ нами изъ Драйдена. Слова «*preciously*» и «*aromatic*» («драгоцѣнный и ароматическій») обращаютъ все наше вниманіе на себя, и образъ битвы разсѣевается въ одну секунду. Все стихотвореніе напоминаетъ намъ Лукана, и еще худшую часть Лукана, напримѣръ, его битву въ марсельской бухтѣ. Описаніе двухъ флотовъ во время ночи, быть можетъ, единственное мѣсто, которое слѣдуетъ освободить отъ этого упрека. Если Мильтонъ, провозгласивъ Драйдена хорошимъ риемачемъ, но не поэтомъ, составилъ это мнѣніе по «*Annus Mirabilis*», онъ, разумѣется, былъ правъ. Но Драйденъ былъ, какъ мы уже сказали, одинъ изъ тѣхъ писателей, у которыхъ эпоха фантазіи не предшествуетъ, но слѣдуетъ за эпохой размышленія и наблюдательности.

Его театральныя пьесы, особенно риемованныя, представляютъ отличный сюжетъ для желающихъ изучать патологическую анатомію

драмы. Онъ былъ совершенно лишенъ таланта изображать дѣйствительныхъ людей. Даже та гораздо низшая способность составлять характеры изъ элементовъ, на которые можетъ разложить ихъ несовершенный процессъ нашего разума, была въ немъ очень слабо развита. Его людей даже нельзя назвать хорошими олицетвореніями; это плохо разсортированныя собранія качествъ. Правда, порой онъ схватываетъ очень грубое и рѣзкое отличіе и даетъ намъ не портретъ, но сильную каррикатуру, въ которой какая-нибудь особенность выдается, а все прочее остается безъ вниманія, напримѣръ: маркизъ Гранби у воротъ гостинницы, извѣстный намъ только по своей лысинѣ, или Вилькзъ, который потому только Вилькзъ, что косъ. Это лучшіе образчики его искусства, потому что большая часть его картинъ, подобно турецкимъ коврамъ, повидимому имѣетъ единственною цѣлью ни на что не походить ни на небесахъ горѣ, ни на землѣ низу, ни въ водахъ подъ землею.

Послѣдняя манера употребляется имъ главнымъ образомъ въ трагедіяхъ, первая въ комедіяхъ. Всѣ комическіе характеры безусловно отвратительны и ничтожны. Лица у Этереджа и Ванбро довольно дурны. У Смоллета они, можетъ быть, еще хуже. Но они нисколько не подходятъ къ Селадонамъ, Вильдблодамъ, Вудоллямъ и Родофилямъ Драйдена. Пороки послѣднихъ выдаются еще рѣзче отъ какого-то свирѣпаго, ожесточеннаго безстыдства, съ которыми ничего нельзя сравнить. Ихъ любовь—скотское вожделѣніе; ихъ дружба—братство плутовъ. Дамы, кажется, созданы нарочно для того, чтобы служить достойными соучастницами подобныхъ джентльменовъ. Обманывая и оскорбляя своихъ старыхъ отцовъ, онѣ, можетъ быть, и не переступаютъ привилегіи, съ незапамятныхъ временъ предоставленной героинямъ. Но онѣ плутуютъ въ картахъ, воруютъ денежныя шкатулки, продаютъ свою любовь съ молотка, обманываютъ своихъ друзей, ругаютъ своихъ соперницъ и зазываютъ своихъ любовниковъ площаднымъ языкомъ. Надо помнить, что это не лакеи и горничныя, не Маскарилы и Нерины, но признанные герои и героини, которые являются представителями хорошаго общества и которые, подъ конецъ пятаго акта, женятся и живутъ потомъ очень счастливо. Чувственность, низость и злоба ихъ натуръ не выкупаются ни однимъ качествомъ противоположнаго рода, ни од-

ной чертой доброты, даже ни однимъ честнымъ взрывомъ искренней ненависти и мщенія. Мы видимъ міръ, гдѣ нѣтъ ни человѣчности, ни правдивости, ни чувства стыда, міръ, который всякій добродушный человѣкъ охотно промѣнялъ бы на общество мильтоновскихъ дьяволовъ. Но какъ скоро мы вступаемъ въ область трагедіи, то находимъ большую перемѣну. Здѣсь нѣтъ недостатка въ возвышенныхъ чувствахъ. Метастазіо превзойденъ въ его собственной области. Сама Скюдери превзойдена. Намъ представляютъ людей, въ поступкахъ которыхъ мы не можемъ доискаться побужденій, о чувствованіяхъ которыхъ мы можемъ составить себѣ такую же неясную идею, какъ о шестомъ чувствѣ. Мы покинули расу существъ, любовь которыхъ была такъ же деликатна и горячъ, какъ страсть какого-нибудь ольдермена къ супу изъ черепахъ. Мы очутились среди существъ, любовь которыхъ чисто безкорыстное ощущеніе, преданность, доходящая до пассивнаго повиновенія, религія, подобная религіи квіетистовъ, не подерживаемая ни надеждой, ни страхомъ. Мы видимъ только деспотизмъ безъ силы, и жертвы безъ вознагражденія.

Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ *«Ауренгзебѣ»*, Аримантъ, правитель Агры, влюбляется въ свою плѣнницу Индамору. Она съ презрѣніемъ отталкиваетъ его любовь; но увѣряетъ, что воспользуется своей властью надъ нимъ. Онъ грозитъ разгнѣваться. Она холодно отвѣчаетъ:

«Do not: your anger, like your love, is vain:
Whene'er I please, you must be pleased again.
Knowing what power I have your will to bend,
I'll use it; for I need just such a friend.» (⁸)

Это не пустая угроза. Индамора скоро приноситъ письмо, адресованное къ сопернику Ариманта, приказываетъ ему прочесть его, спрашиваетъ, находитъ ли онъ его достаточно нѣжнымъ, и наконецъ повелѣваетъ ему самому отнести это письмо. Можно ожидать, что подобная

(⁸) «Полно; вашъ гнѣвъ, какъ и любовь, будутъ тщетны; когда мнѣ вздумается, вы опять будете довольны. Зная, какую власть я имѣю надъ вашей волей, я буду пользоваться этой властью, потому что мнѣ нуженъ именно твой другъ.»

жестокость вызвала бы сопротивленіе. Дѣйствительно, Аримантъ рѣшается протестовать:

«This fatal paper rather let me tear,
Than, like Bellerophon, my sentence bear.» (⁶)

Отвѣтъ ея безподобенъ:

«You may; but twill not be your best adwice;
'Twill only give me pains of writing twice.
You know you must obey me, soon or late.
Why should you vainly struggle with your fate?» (⁷)

Бѣдный Аримантъ, кажется, того же мнѣнія. Онъ бормочетъ что-то на счетъ судьбы и свободной воли и уходитъ съ любовной запиской.

Въ *«Индійскомъ Императорѣ»*, Монтезума даритъ Альмеріи въ знакъ своей любви гирлянду, и предлагаетъ сдѣлать ее своей королевой. Она отвѣчаетъ:

«I take this garland not, as given by you;
But as my merit's and my beauty's due;
As for the crown which you, my slave, possess,
To share it with you would but make me less.» (⁸)

Взамѣнъ такихъ доказательствъ нѣжности, ея поклонникъ соглашается убить двухъ своихъ сыновей и благодѣтеля, къ которому питаетъ самую жаркую благодарность. Линдарака, въ *«Покореніи Гренады»* принимаетъ такой же надменный тонъ, говоря съ Абдельмелехомъ. Онъ жалуется, что она улыбается его сопернику.

(⁶) «Дайте мнѣ скорѣе разорвать эту роковую бумагу, чѣмъ, подобно Беллерофону, нести свой приговоръ.»

(⁷) «Можете, но это безполезно; оно принесетъ мнѣ лишній трудъ писать вторично. Вы знаете, что рано или поздно, а должны исполнить мою волю; зачѣмъ же напрасно бороться противъ судьбы?»

(⁸) «Я беру эту гирлянду, не какъ подарокъ отъ тебя, но какъ должную дань моему достоинству и красотѣ; что касается до короны, которою ты, мой рабъ, владѣешь, то раздѣлить ее съ тобою значило бы умалить мои достоинства.»

«*Lynd.* And when did I my power so far resign,
That you should regulate each look of mine?
Abdel. Then, when you gave your love, you gave that power.
Lynd. 'Twas during pleasure—'tis revoked this hour.
Abdel. I'll hate you, and this visit is my last.
Lynd. Do, if you can: you know I hold you fast.» (*)

Что эти мѣста нарушаютъ всякую историческую правдоподобность, что эти аффектированныя чувства, высказываемыя только европейскими рыцарями, перенеслись въ Мексику и Агру, это еще не важно. Мы ничего не имѣемъ противъ условнаго свѣта, противъ иллирійскаго пуританина или богемской приморской гавани. Пока дѣйствующія лица хороши, мы мало заботимся о фонѣ. Сэръ Джошуа Рейнольдзъ говорилъ, что занавѣсы и гардины въ исторической картинѣ должны быть не бархатныя или бумажныя: должна просто быть драпировка. Тотъ же принципъ прилагается и къ поэзіи и роману. Самое главное—правдоподобность характера; правдоподобность мѣстности и времени вещи второстепенныя. Пуффъ могъ сказать актеру, чтобы онъ выворачивалъ носки, и напомнить ему, что Гаттонъ былъ большимъ танцоромъ. Мы желали бы, чтобы въ наше время, писатель, совершенно отличный отъ Пуффа, не забывалъ такъ часто человѣческой природы, описывая бездѣлки мебельной лавки, моднаго магазина и кухоннаго искусства.

Мы порицаемъ Драйдена не за то, что дѣйствующія лица его драмъ не мавры и американцы, но за то, что они не мужчины и не женщины,—не потому, что любовь, какую онъ представляетъ не могла существовать въ гаремѣ или вигвамѣ, но потому, что она нигдѣ не могла существовать. Какова любовь его героевъ, таковы и всѣ другія ихъ чувства. Всѣ ихъ качества, мужество, великодушіе, гордость

(*) «*Линд.* А я настолько отказалась отъ моей власти, чтобы отдать въ ваше распоряженіе даже и взгляды мои?

Абдель. Отдавая свою любовь, вы отдали и эти взгляды.

Линд. Только на время удовольствія,—и теперь беру ихъ назадъ.

Абдель. Я возненавижу васъ, и это посѣщеніе послѣднее.

Линд. Да, если можете; вы знаете, я крѣпко держу васъ.»

принимаютъ такіе же колоссальные размѣры. Справедливость и осторожность—добродѣтели, которыя могутъ существовать только въ умѣренной степени, а доведенныя до крайностей, измѣняютъ и сущность и имя. Поэтому, Драйденъ совершенно лишаетъ своихъ любимцевъ справедливости и осторожности. Не имѣя возможности снабдить ихъ этими качествами безъ мѣры, онъ и не хлопочетъ о нхъ снабженіи ими. Его тираны и плуты тѣ же герои, только измѣненные нѣсколькими штрихами, подобными тѣмъ, которыми честное лицо сэра Роджера Коверли преобразовывается въ голову сарацина. Сквозь морщины и усмѣшку все-таки проглядываютъ основныя черты.

Эти нелѣпости поражаютъ насъ больше всего въ трагн-комедіяхъ. Двѣ расы людей, или скорѣе ангелы и обезьяны представляются намъ вмѣстѣ. Въ одной сценѣ мы встрѣчаемъ только грубыхъ, самолюбивыхъ, безстыдныхъ, лживыхъ и развратныхъ людей обоего пола, которые — надо полагать — въ наказаніе за свою испорченность, обязаны говорить только прозой. Но какъ скоро мы встрѣчаемся съ народомъ, говорящимъ стихами, то ужъ знаемъ, что попали въ общество, которое привело бы въ восторгъ Катоса и Мадедону Мольера, въ общество, гдѣ Ороондатъ показался бы слишкомъ холоднымъ любовникомъ, а Клелія чрезчуръ большой кокеткой.

Такъ какъ Драйденъ не могъ сдѣлать свои пьесы интересными посредствомъ того, что составляетъ особенное превосходство драмы, то необходимо было замѣнить это чѣмъ-нибудь другимъ. Онъ и замѣнялъ эти свойства въ своихъ комедіяхъ, иногда умомъ, а чаще интригами, переодѣваніями, путаницею лицъ, перекрестными діалогами, спасеніями отъ грозныхъ опасностей, смущающими тайнами и неожиданными открытіями. Такимъ образомъ ему удалось, по крайней мѣрѣ, сдѣлать эти пьесы очень забавными.

Въ своихъ трагедіяхъ онъ полагался, и не совсѣмъ безъ основанія, на свой слогъ и версификацію. По всей вѣроятности, это и было причиною, что онъ такъ охотно принялъ и такъ не охотно покинулъ обыкновеніе писать риѳмованныя пьесы. Все неестественное кажется менѣе неестественнымъ въ такого рода стихахъ, чѣмъ въ строфахъ, болѣе подходящихъ къ обыкновенному разговору; а въ умѣньи писать героическіе стихи еще никто не ровнялся съ Драйденомъ. Безполезно приводить аргументы противъ моды, признан-

ной теперь всѣми за дурную. Но замѣчательно, что хотя Драйденъ и не имѣлъ того таланта, который ярче всего выказывается въ бѣлыхъ стихахъ, и былъ лучшимъ писателемъ героическихъ стихотвореній на нашемъ языкѣ, — однако пьесы, которыя со времени ихъ перваго появленія считались лучшими, написаны бѣлыми стихами.

Надо признаться, что даже худшія изъ риѳмованныхъ трагедій содержатъ хорошія описанія и великолѣпную реторику. Но, съ другой стороны, если мы оставимъ безъ вниманія ихъ драматическія несообразности, а станемъ разсматривать ихъ только относительно языка, то и тогда насъ постоянно отталкиваютъ мѣста такого рода, что трудно понять, ка́къ они могли написаться какимъ-нибудь авторомъ, и выноситься какими-нибудь слушателями: это высокопарности, въ которыхъ неистовая горячность языка составляетъ странный контрастъ съ жалкой смиренностью мысли. Авторъ сложилъ всю вину на слушателей и отозвался тѣмъ, что, писавши эти пьесы, онъ считалъ ихъ достаточно дурными, чтобы понравиться. Эта защита недостойна даровитаго человѣка, и сверхъ того это не защита. Отвей нравился безъ высокопарностей; того же достигнулъ бы и Драйденъ, еслибъ обладалъ талантомъ Отвея. Дѣло въ томъ, что Драйденъ имѣлъ наклонность къ напыщенности, которую вліяніе времени и размышленія хотя и сгладило, но не уничтожило совершенно. Она проявлялась въ пьесахъ, не назначавшихся для развлеченія грубой театральной черни.

Нѣкоторые снисходительные критики представляли этотъ недостатокъ доказательствомъ геніяльности, расточительностью безграничнаго богатства, своенравіемъ безконечной мощи. Намъ кажется, что оно имѣетъ больше сходства съ мишурой бѣдности, со спазмами и конвульсіями слабости. Нѣтъ сомнѣнія, что у Драйдена не больше фантазіи, чѣмъ у Гомера, Данте или Мильтона, которые однако никогда не впадаютъ въ этотъ порокъ. Напыщенная дикція Эсхилла и Исаіи столько же походитъ на дикціи Альманзора и Максимина, какъ выпуклость мускула на опухоль нарыва. Первая—симптомъ здоровья и крѣпости, вторая — слабости и болѣзни. Если Шекспиръ бываетъ высокопарнымъ, то не тогда, когда увлекается впередъ фантазіей, а когда затягиваетъ свою фантазію; когда его умъ ослабѣваетъ

на минуту, когда онъ, какъ говорили объ Эврипидѣ, походитъ на льва, который возбуждаетъ въ себѣ ярость, подхлестывая себя своимъ же хвостомъ. Что̀ бывало съ Шекспиромъ отъ случайнаго истощенія силъ, бывало съ Драйденомъ отъ постояннаго безсилія. Онъ, подобно своему товарищу Ли, обладалъ разсудномъ настолько, чтобы оцѣнить великихъ поэтовъ предъидущаго вѣка, но не настолько, чтобы избѣгнуть конкурренціи съ ними. Онъ прочувствовалъ ихъ смѣлое и дикое величіе и дивился ему. Что оно принадлежало другому вѣку, а не тому въ которомъ онъ жилъ, и требовало другихъ дарованій, а не тѣхъ, которыми владѣлъ онъ, что, стремясь сравниться съ нимъ, онъ тратилъ, въ безнадежной попыткѣ, силы, которыя могли бы доставить ему преобладаніе на иномъ поприщѣ — это онъ поздно понялъ. Какъ плутоватые энтузіасты, французскіе пророки, домогались вдохновенія, поддѣлывая корчи, обмороки и удушье, принимая это за признаки вдохновенія, такъ и онъ пытался, притворными припадками поэтической ярости, вызвать истинный пароксизмъ; и подобно имъ, за свои труды не получилъ ничего кромѣ уродливости.

Горацій очень удачно сравниваетъ тѣхъ, которые, въ его время, подражали Пиндару, съ юношей, старавшимся подняться на восковыхъ крыльяхъ на небо и испытавшимъ позорное и гибельное паденіе. Удивительный здравый смыслъ Горація предохранилъ его отъ этой ошибки и надоумилъ его заняться обработкой стиля, въ которомъ онъ могъ отличиться. Драйденъ не обладалъ такимъ самопознаніемъ. Онъ видѣлъ, что величайшіе поэты имѣли наибольшій успѣхъ, когда уносились за обыкновенныя границы, и что какое-то необъяснимое счастье предохраняло ихъ отъ паденія, даже тогда, когда они стояли на краю безсмыслицы. Онъ не замѣтилъ, что они руководились и поддерживались силой, въ которой ему было отказано. Они писали, что̀ внушала имъ фантазія, и находили отвѣтъ въ фантазіи другихъ. Онъ, напротивъ, усидчиво и путемъ мышленія и аргументаціи, доработывался до обдуманной дичи, до раціональнаго бѣснованія.

Любуясь рисунками, приложенными къ изданію *«Фауста»*, мы всегда сильно поражались однимъ изъ нихъ, на которомъ чародѣй и искуситель представлены ѣдущими во весь опоръ. Демонъ сидитъ на своемъ бѣшеномъ конѣ такъ же безпечно, какъ будто отдыхаетъ

въ креслѣ. Чтобы онъ могъ такъ держаться въ сѣдлѣ, показалось бы невозможнымъ всякому, не знающему, что его сверхъестественное происхожденіе обезпечиваетъ его отъ всякой опасности. Напротивъ, посадка Фауста—совершенство верховой ѣзды. Поэты перваго класса могутъ безъ всякой опасности писать такъ же отчаянно, какъ Мефистофель скачетъ. Но Драйденъ, хотя и былъ допущенъ къ сообщенію съ высшими духами, хотя и былъ вооруженъ частью ихъ могущества и владѣлъ нѣкоторыми изъ ихъ тайнъ, все-таки принадлежалъ къ другой расѣ. Съ его стороны было бы безуміемъ приниматься за то, на что они могли рѣшиться, не подвергаясь риску. Необходимо было, чтобы его поддерживали вкусъ и критика.

Мы дадимъ нѣсколько примѣровъ. Ничто не можетъ быть прекраснѣе описанія Гектора у греческихъ стѣнъ.

«....Ринулся Гекторъ великій,
Грозенъ лицемъ, какъ бурная ночь; и сіялъ онъ ужасно
Мѣдью, которой одѣянъ былъ весь; и въ рукахъ потрясалъ онъ
Два копія; не сдержалъ бы героя никто, кромѣ бога,
Въ мигъ, какъ въ ворота влетѣлъ онъ; огнемъ его очи горѣли.
Тамъ онъ Троянамъ приказывалъ, къ толпищу ихъ обратяся,
На стѣну быстро взлѣзать; и ему покорились Трояне:
Ринулись всѣ, и немедленно — тѣ подымались на стѣну,
Тѣ наводняли ворота. Кругомъ побѣжали Ахейцы
Къ чернымъ своимъ кораблямъ; и кругомъ поднялася тревога.»

Какія смѣлыя выраженія! Но какъ они полны значенія! Какъ они живописны! Гекторъ представляется намъ встающимъ во всей силѣ и ярости! Мракъ ночи на его челѣ, огонь, пламенѣющій въ его взорахъ, дротики и блестящіе доспѣхи, могучій и стремительный бѣгъ въ ворота и по зубчатой стѣнѣ, топотъ и безконечный ревъ толпы, — все является передъ нашими глазами, все дѣйствительно.

Драйденъ описалъ очень сходное событіе въ «*Максиминѣ*» и употребилъ всѣ усилія, чтобъ быть возвышеннымъ, какъ видно изъ слѣдующихъ строфъ:

«There with a forest of their darts he strove,
And stood, like Capaneus, defying Jove;
With his broad sword the boldest beating down,
Till Fate grew pale, lest he should win the town,

And turn'd the iron leaves of its dark book
To make new dooms, on mend what it mistook.» ([10])

Какъ восхитительны образы волшебнаго сна въ «*Бурѣ*» и въ «*Снѣ въ Лѣтнюю Ночь*»; Аріель, несущійся сквозь сумерки на крыльяхъ летучей мыши и высасывающій вмѣстѣ съ пчелою медъ изъ цвѣточныхъ чашечекъ, или маленькія прислужницы Титаніи, которыя гонятъ пауковъ отъ постели королевы! Драйденъ спрведливо сказалъ, что

«Shakspeare's magic could not copied be.
Within that circle none durst walhe but he.» ([11])

Хорошо было бы, еслибъ онъ самъ не осмѣливался переступать за заколдованную черту и навлекать на себя участь, подобную той, какою, по стариннымъ преданіямъ, наказывалось такое самоувѣренное вмѣшательство. Слѣдующія строчки составляютъ часть пѣсни его фей:

«Merry, merry, merry we sail from the East,
Half-tippled at a rainbow feast.
In the bright moonshine, whill winds whiste loud,
Tivy, tivy, tivy, we mount and we fly;
All racking along in a downy white cloud;
And lest our leap from the sky prove too far,
We slide on the back of a new falling star,
And drop from above
In a jelly of love.» ([12])

([10]) «Здѣсь онъ боролся съ цѣлымъ лѣсомъ ихъ стрѣлъ и стоялъ подобно Капанею, кидающему вызовъ Зевсу, своимъ широкимъ мечемъ смѣлѣйшихъ побивая, пока судьба не поблѣднѣла отъ страха, что онъ возьметъ городъ, и не перевернула желѣзный листъ своей мрачной книги, чтобъ записать новый приговоръ или исправить ошибку.»

([11]) «Волшебству Шекспира нельзя подражать, никто кромѣ его не долженъ вступать въ этотъ кругъ.»

([12]) «Весело, весело, весело мы плывемъ съ Востока, полупьяные отъ пира радуги, при свѣтломъ мѣсячномъ сіяніи, подъ громкій свистъ вѣтровъ, мы быстро быстро, быстро поднимаемся и летимъ, то сбираясь на бѣлое пушистое облако, то—чтобъ наши прыжки не слишкомъ далеко унесли насъ отъ неба—мы скользимъ на спинѣ падающей звѣзды и опускаемся сверху въ элексиръ любви.»

Это еще очень выгодные образцы. Тѣ, кто желаютъ имѣть невыгодные, могутъ прочесть предсмертныя рѣчи Максимина и сравнить ихъ съ послѣдними сценами «*Отелло*» или «*Короля Лира*».

Еслибъ Драйденъ умеръ до истеченія перваго изъ періодовъ, на которые мы раздѣлили его литературную жизнь, его репутація стояла бы немного выше репутаціи Ли или Давенанта, — это самое большее, чего онъ могъ бы ожидать. Онъ былъ бы извѣстенъ только какъ писатель, расточившій на сюжеты, бывшіе ему не по силамъ, дарованія, которыя, при надлежащемъ употребленіи, пріобрѣли бы ему отличіе; котораго дикція и версификація бывали порой очень хороши; но всѣ сочиненія котораго были испорчены ложнымъ вкусомъ и грубо-небрежными ошибками. Можетъ быть, немногіе изъ его прологовъ и эпилоговъ запомнились бы и цитировались бы иногда. Въ этихъ маленькихъ пьесахъ, онъ рано высказалъ тѣ дарованія, которыя впослѣдствіи сдѣлали его величайшимъ изъ новѣйшихъ сатириковъ. Но въ теченіе второй половины своей жизни онъ постепенно оставлялъ драму. Его пьесы появляются съ долгими промежутками. Онъ отказался отъ риѳмованныхъ трагедій. Его языкъ становился не такъ надутъ, характеры не такъ преувеличены. Конечно онъ не создалъ ни одного правильнаго изображенія человѣческой природы; но пересталъ стряпать чудовищныя химеры, подобныя тѣмъ, какими изобилуютъ его прежнія произведенія. Кое-гдѣ попадаются мѣста, достойныя лучшихъ вѣковъ британскаго театра. Стиль, требуемый драмою, измѣняется съ каждой перемѣной характера и положенія. Писатель, могущій измѣнять свой слогъ сообразно съ этимъ, великій драматургъ. Но тотъ, кто достигъ совершенства въ одной манерѣ, будетъ только, когда эта манера кстати, казаться великимъ драматургомъ; подобно тому, какъ стрѣлки остановившихся часовъ правильно показываютъ время одинъ разъ въ день. Иногда встрѣчается сцена торжественныхъ преній. Простой реторикъ можетъ написать ее не хуже величайшаго изъ драматурговъ. Мы признаемся, что для насъ рѣчь Семпронія въ «*Катонѣ*» очень близко подходитъ къ тому, какой можно было ожидать отъ Шекспира. Но когда сенатъ распускается, и мы видимъ, что любовники и любовницы, герой, плутъ и орудіе плута, всѣ продолжаютъ ораторствовать тѣмъ же слогомъ, то видимъ раз-

ницу между человѣкомъ, могущимъ написать пьесу, и человѣкомъ, умѣющимъ написать рѣчь. Такимъ же образомъ остроуміе, талантъ описательный и повѣствовательный можетъ на время прослыть за драматическій. Драйденъ былъ безподобнымъ діалектикомъ въ стихахъ. Онъ сознавалъ свое могущество, гордился имъ, и авторы «*Rehearsal*» справедливо обвиняли его въ злоупотребленіи этой силой. Его воины и принцессы любятъ разбирать пункты любовной казуистики, которая привела бы въ восторгъ парламентъ любви. Они часто пускаются въ еще болѣе глубокіе вопросы, разсуждаютъ о философской необходимости и началѣ зла.

Впрочемъ, бывали случаи, положительно требовавшіе именно этого таланта. Тогда Драйденъ былъ дѣйствительно на своемъ мѣстѣ. Всѣ лучшія сцены, написанныя имъ, принадлежатъ къ этому разряду. Онѣ происходятъ между мужчинами, потому что герои Драйдена, подобно многимъ другимъ джентльменамъ, никакъ не могутъ говорить разумно, находясь въ обществѣ дамъ. Всѣ подобныя сцены ведутъ къ тому, чтобы изобразить господство разсудка надъ пылкой страстью. Передъ нами два дѣйствующихъ лица; одно изъ нихъ горячій и страстный человѣкъ, другое—возвышенный, холодный и разумный. Спокойный и раціональный характеръ постепенно пріобрѣтаетъ перевѣсъ. Его запальчивый спутникъ сначала воспламеняется до ярости его упреками, потомъ побѣждается его покойной ровностью, убѣждается его доводами и успокоивается его убѣжденіями. Такъ происходитъ дѣло между Гекторомъ и Троиломъ, между Антоніемъ и Вентидіемъ, и между Себастіаномъ и Дораксомъ. У самого Шекспира нѣтъ ничего равнаго этимъ сценамъ въ подобномъ же родѣ, исключая ссоры между Брутомъ и Кассіемъ, которая стóитъ всѣхъ трехъ, вмѣстѣ взятыхъ.

За нѣсколько лѣтъ до своей смерти, Драйденъ совершенно перестаъ писать для сцены. Онъ съ самымъ блестящимъ и рѣшительнымъ успѣхомъ повелъ свое дарованіе по новому пути. Развившійся вкусъ постепенно пробуждалъ его творческія способности. Первыя мѣста въ поэзіи были недоступны для него, но онъ домогался и обезпечилъ за собой самое почетное изъ числа вторыхъ. Его фантазія напоминала крылья страуса. Она помогала ему бѣгать, но не парить.

Пытаясь взлетѣть высоко, онъ становился смѣшнымъ; но оставаясь въ нижнихъ слояхъ онъ перегонялъ всѣхъ соперниковъ.

Всѣ природные и пріобрѣтенные таланты Драйдена дѣлали его способнымъ основать хорошую критическую школу поэзіи. Дѣйствительно, своими реформами онъ далеко опередилъ свой вѣкъ. Послѣ его смерти, наша литература пошла назадъ; и необходимо было цѣлое столѣтіе, чтобы опять поставить ее на ту точку, до которой онъ довелъ ее. Здравая основательность его ума, обширныя, хотя не глубокія, ананія, остроуміе, едвали уступавшее остроумію самыхъ замѣчательныхъ послѣдователей Донна, серьёзное, рѣшительное и властительное краснорѣчіе не могли спасти его отъ позорнаго паденія, въ качествѣ соперника Шекспиру, но подняли гораздо выше Буало. Его ананіе англійскаго языка было громадно. Съ нимъ умерла тайна старинной поэтической дикціи—искусства производить сильный эффектъ обыкновенными словами. Въ слѣдующемъ столѣтіи оно потерялось окончательно, какъ потерялся готическій родъ живописи на стеклѣ, и скудно замѣнился многотрудными, мозаичными подражаніями Мазона и Грея. Съ другой стороны, Драйденъ былъ первымъ писателемъ, подъ искуснымъ руководствомъ котораго ученый словарь перешелъ въ естественные и пріятные стихи. Въ этотъ отдѣлъ, онъ имѣлъ такой же полный успѣхъ, какой имѣлъ его современникъ Гиббонсъ въ сходномъ предпріятіи, а именно — рѣзьбѣ самыхъ изящнѣйшихъ цвѣтовъ изъ сердцевины дуба. Самыя грубыя и угловатыя части языка дѣлались гибкими подъ его прикосновеніемъ. Версификація его, представляя первый образецъ той чистоты и точности, которая такъ высоко цѣнилась послѣдующими поколѣніями, являетъ, въ то же время, послѣдніе примѣры благородства, свободы, разнообразія паузъ и каданса. Его риѳмованныя трагедіи, какъ онѣ ни были ничтожны сами по себѣ, по крайней мѣрѣ исполнили назначеніе безсмысленныхъ стиховъ, онѣ научили его разнообразію мелодій, допускаемыхъ героическими куплетами. Новые сюжеты давали мало мѣста надутости, составлявшей его преобладающій порокъ, а развившійся вкусъ мало-по-малу совсѣмъ вытѣснилъ ее.

Онъ, какъ мы уже сказали, обладалъ, въ высшей степени, способностью логическаго разсужденія стихами; и эта способность была

теперь особенно полезна для него. Его логику не вездѣ можно назвать основательной. Относительно критическихъ пунктовъ, онъ разсуждаетъ всегда остроумно, и—когда бывалъ расположенъ быть честнымъ—правильно. Но теологическіе и политическіе вопросы, обсуждаемые имъ въ стихахъ, были именно такіе, въ которыхъ онъ наименѣе смыслилъ. Поэтому, его аргументы часто не имѣютъ цѣны. Но способъ ихъ изложенія — выше всякой похвалы. Слогъ ясенъ. Предметы слѣдуютъ одни за другими въ самомъ удачномъ порядкѣ. Возраженія поставлены такимъ образомъ, чтобы на нихъ сосредоточивался весь огонь отвѣтовъ. Обороты, замѣняющіе техническія фразы, вездѣ ясны, отчетливы и точны. Иллюстраціи, въ одно и то же время, украшаютъ и уясняютъ мысль. Искристыя эпиграммы Коули и простоватая болтливость комическихъ итальянскихъ поэтовъ попеременно употребляются, самымъ удачнѣйшимъ образомъ, для приданія эффекта очевидному и ясности темному.

Его литературная вѣра была католическая, доходившая до вольнодумства, не отъ недостатка проницательности, но отъ наклонности легко удовлетворяться. Онъ чутко распознавалъ малѣйшую искру достоинства; онъ былъ снисходителенъ даже къ грубымъ ошибкамъ, если онѣ сопровождались какимъ-нибудь искупающимъ талантомъ. Если онъ выражался рѣзко, то ради какой-нибудь случайной цѣли — чтобы поддержать аргументъ, или помучить противника. Никогда столь искусный критикъ не былъ менѣе разборчивъ. Онъ любилъ старинныхъ поэтовъ, особенно Шекспира. Онъ дивился остроумію, столь дико употребляемому во-зло Донномъ и Коули. Среди всеобщаго безмолвія, онъ отдавалъ справедливость памяти Мильтона. Онъ восхвалялъ до небесъ ученическія строфы Аддисона. Постоянно видя только хорошую сторону предмета, онъ восхищался крайностями ради изобрѣтательности, на которую, по его мнѣнію, онѣ указывали; извинялъ аффектацію изъ-за остроумія; терпѣлъ даже посредственность ради исправности, сопровождавшей ее.

Вѣроятно, скорѣе этому складу ума, чѣмъ тѣмъ, болѣе позорнымъ, причинамъ, которыя приводилъ Джонсонъ, должны мы приписать преувеличенія, искажающія панегирики Драйдена. Надо признаться, что ни одинъ писатель не довелъ до такихъ размѣровъ лесть посвященія. Но мы подозрѣваемъ, что это было не раболѣпство изъ

корыстныхъ видовъ, а изліяніе переполненной души, — души, удивительно способной восторгаться, — души, уменьшавшей проступки и увеличивавшей добродѣтели и одолженія. Самое подобострастное изъ его стихотвореній то, въ которомъ онъ посвящаетъ «*The State of Innocence*» Маріи Моденской. Джонсону кажется страннымъ, чтобы кто-нибудь могъ говорить подобныя вещи, не презирая самого себя. Но онъ не замѣтилъ, что той же самой книгѣ предпослана похвала Мильтону, которая никакъ не могла быть пріятной двору Карла II. Много лѣтъ спустя, когда вигскіе принципы большею частью торжествовали, Спратъ не согласился поставить памятникъ Джону Филипсу въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, — потому что въ эпитафіи случайно упоминалось имя Мильтона. Стѣны церкви, объявилъ онъ, не должны оскверняться именемъ республиканца! Драйденъ и по принципамъ, и изъ интересовъ былъ приверженцемъ двора. Но ничто не могло сдѣлать его нечувствительнымъ къ совершенству. Мы не расположены строго судить его, потому что то же самое настроеніе духа, которое подсказало ему заплатить такую великодушную дань памяти поэта, ненавидимаго его патронами, увлекло его въ нелѣпыя крайности, при описаніи принцессы, отличавшейся блестящей красотой и очаровательностью обращенія.

Это характеръ достойный любви, но не характеръ великаго человѣка. Гдѣ есть возвышенность характера, тамъ бываетъ и высокомѣріе. Только въ романахъ и на надгробныхъ плитахъ встрѣчаемъ мы людей, снисходительныхъ къ недостаткамъ другихъ и безпощадныхъ къ своимъ собственнымъ, и Драйденъ, во всякомъ случаѣ, не принадлежилъ къ образцамъ такой добродѣтели. Его христіанская любовь простиралась въ высшей степени щедро на другихъ, но начиналась, разумѣется, съ него самого. Онъ не совсѣмъ былъ лишенъ вкуса. Его критическія сочиненія несравненно выше всѣхъ, появлявшихся до сихъ поръ въ Англіи. Они написаны вообще скорѣе съ цѣлью оправдать его собственныя поэмы, чѣмъ изложить общія правила. Поэтому онъ часто пытается обмануть читателя софизмами, которыми врядъ ли могъ самъ обмануться. Его приговоры — не приговоры судьи, а приговоры адвоката, и часто адвоката за неправое дѣло. Однако, въ самомъ актѣ ложнаго толкованія литератур-

ныхъ законовъ онъ высказываетъ, какъ хорошо понимаетъ эти законы. Но онъ постоянно дѣйствовалъ вопреки своему знанію. Его прегрѣшенія были сознательными прегрѣшеніями. Онъ уповалъ, что все дурное простится ему ради хорошаго, а это хорошее онъ не старался улучшать. Онъ не былъ, подобно большей части людей, достигнувшихъ отличія, недоволенъ даже своими лучшими произведеніями. Онъ не ставилъ недосягаемаго образца совершенства, созерцаніе котораго могло бы совершенствовать и стыдить его. Его путь не сопровождался недостижимымъ миражемъ превосходства, вѣчно отступающимъ и вѣчно преслѣдуемымъ. Небрежность другихъ не возбуждала въ немъ отвращенія, и онъ распространялъ эту терпимость и на себя. Его умъ былъ неряшливъ: онъ страстно любилъ пышность, но былъ равнодушенъ къ чистотѣ. Поэтому, большая часть его сочиненій выказываютъ неопрятное великолѣпіе восточнаго богача, покрытаго вшами и бриллiантами, грязнымъ бѣльемъ и безцѣнными соболями. Время и мысль значительно уничтожили въ его поэмахъ этотъ недостатокъ, происходящій отъ аффектаціи. Но безпечность свою онъ сохранилъ до конца. Если въ старости онъ не такъ часто ошибался отъ небрежности, то только потому, что вслѣдствіе долгой привычки писать ему легче было итти по истинному пути. Въ его лучшихъ пьесахъ мы находимъ фальшивыя риѳмы, тріолеты, въ которыхъ третья строка кажется просто лишней, и, уничтожая мелодію, ничего не прибавляетъ къ смыслу, — исполинскіе александрійскіе стихи въ четырнадцать и шестнадцать слоговъ, и обрѣзанные стихи, пріискать товарища или окончаніе для которыхъ онъ никогда не заботился.

Таковы красоты и недостатки, въ изобиліи попадающіеся въ послѣднихъ сочиненіяхъ Драйдена. Болѣе вѣрную и полную оцѣнку го природныхъ и пріобрѣтенныхъ способностей, достоинствъ и погрѣшностей его стиля можно составить изъ *«Hind and Panther»*, скорѣе, чѣмъ изъ всѣхъ другихъ сочиненій. Какъ дидактическая поэма, она гораздо выше *«Religio Laici»*. Сатирическія части, особенно характеръ Борнета врядъ ли уступаютъ лучшимъ страницамъ въ *«Absalom and Achitophel»*. Сверхъ того, въ ней попадаются черты нѣжности, тѣмъ болѣе трогательной, что она скромна, основа-

тельна, мужественна, и напоминаетъ намъ лучшія сцены его трагедій. Версификація понижается и повышается въ удачный унисонъ съ сюжетомъ, а богатство языка кажется безграничнымъ. Однако, безвечность, замѣтная въ постройкѣ завязки, и безчисленныя несообразности, въ которыя онъ впадаетъ ежеминутно, значительно уменьшаютъ удовольствіе, доставляемое такимъ разнообразіемъ превосходныхъ мѣстъ.

Въ *«Absalom and Achitophel»* онъ попалъ на новую и богатую жилу, которую разработывалъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Старинные сатирики — были подданными деспотическаго правительства. Они принуждены были удерживаться отъ политическихъ темъ и сосредоточить свое вниманіе на слабостяхъ частной жизни. Правда, иногда имъ позволялось затрогивать общественныхъ дѣятелей,

«Quorum Flaminia legitur cinis atque Latina».

Такъ обезсмертилъ Ювеналъ тѣхъ подобострастныхъ сенаторовъ, которые собрались рѣшать судьбу достопамятнаго палтуса. Его четвертая сатира часто напоминаетъ намъ о великой политической поэмѣ Драйдена; но сатира Ювенала написана только послѣ паденія Домиціана, и въ ней недостаетъ того особеннаго букета, который принадлежитъ только современности. Гнѣвъ простоялъ такъ долго, что хотя сущность его не перемѣнилась, но броженіе, первая пѣна утратилась. Буало подвергался такого же рода стѣсненіямъ, и еслибъ былъ свободенъ отъ всякой узды, то былъ бы не чета нашему соотечественнику.

Выгодою, которую Драйденъ извлекалъ изъ сути своего предмета, онъ пользовался, насколько это было возможно. Его манера доведена почти до совершенства. Стиль Горація и Буало годенъ только для легкихъ сюжетовъ. Французъ пытался, правда, обратить въ стихи теологическія разсужденія *«Провинціальныхъ Писемъ»*, но очень неуспѣшно. Блескъ Попа холоденъ. Пылкость Персія не имѣетъ блеска. Великолѣпная версификація и остроумныя комбинаціи рѣдко гармонируютъ съ выраженіями глубокаго чувства. Только въ Драйденѣ и Ювеналѣ мы находимъ жаръ и блескъ вмѣстѣ. Этимъ великимъ сатирикамъ удалось сообщить горячность своихъ чувствъ самымъ негорючимъ матеріаламъ и озарить всю массу ослѣпительнымъ и истребительнымъ пламенемъ. Конечно, мы не можемъ безъ сожа-

ленія вспомнить роли, принятой Драйденомъ въ спорахъ этого періода. Безъ сомнѣнія, безуміе и злоба свирѣпствовали съ обѣихъ сторонъ. Но на одной сторонѣ стояла свобода, а на другой деспотизмъ. Впрочемъ, на этомъ пунктѣ мы не будемъ долго останавливаться. Въ сраженіи при Талаверѣ, французскія и англійскія войска пріостановили на минуту бой, чтобы напиться изъ протекавшей между ними рѣки. Черпалки переходили отъ непріятеля къ непріятелю безъ всякихъ опасеній и оскорбленій съ той или другой стороны. Такъ и мы желали бы лучше помочь нашимъ политическимъ противникамъ напиться вмѣстѣ съ нами изъ источника этого умственнаго удовольствія, долженствующаго быть общимъ для всѣхъ, чѣмъ мутить и осквернять его взрывами несвоевременной вражды.

«Macflecnoe» ниже *«Absalom and Achitophel»* только по сюжету. По исполненію, первое произведеніе даже выше. Но величайшимъ твореніемъ Драйдена было послѣднее — ода на день Св. Цециліи. Это — образцовое произведеніе второклассной поэзіи, и занимаетъ какъ разъ мѣсто подъ великими образцами перваго класса.

Сравнивая ее съ немощными неистовствами героическихъ трагедій, мы можемъ измѣрить успѣхъ, сдѣланный Драйденомъ. Онъ научился избѣгать слишкомъ дерзновеннаго соревнованія съ высшими умами, держаться въ отдаленіи отъ надутости и нелѣпости, не рѣшаться на выраженія, которыя не представляютъ отчетливой идеи для его собственнаго ума. Тутъ нѣтъ той «ясной темноты» слога, въ которую онъ прежде облекалъ свои сочиненія и которая можетъ удаться только великимъ поэтамъ. Все опредѣлено, полно значенія и живописно. Первыя его сочиненія можно сравнить съ исполинскими работами тѣхъ китайскихъ садовниковъ, которые пытались соперничать съ природой, образовать водопады страшной высоты и съ оглушительнымъ шумомъ, поднять обрывистые хребты горъ и подражать, въ искусственныхъ плантаціяхъ, обширности и мраку первобытныхъ лѣсовъ. Онъ покинулъ эту манеру, но не усвоивалъ и голландскаго вкуса, которымъ щеголялъ Попъ и который заключался въ правильныхъ клумбахъ и прямоугольныхъ дорожкахъ. Онъ скорѣе походилъ на нашихъ Кентовъ и Броуновъ, которые, подражая великимъ очертаніямъ пейзажа и далекіе отъ соперничества съ ними, совѣщались съ геніемъ мѣстно-

сти, помогая природѣ и тщательно скрывая свое искусство, производили, не Шамуни и Ніагару, но Стоу или Гагли (¹²).

Вообще же. мы сожалѣемъ, что Драйденъ не исполнилъ своего намѣренія написать эпическую поэму. Конечно, она не была бы первоклаcнымъ произведеніемъ. Она не могла бы соперничать съ *«Иліадой»*, *«Одиссеей»* и *«Потеряннымъ Раемъ»*, но стала бы выше произведеній Аппполонія, Лукана или Стація и не ниже *«Освобожденнаго Іерусалима»*. По всей вѣроятности, это было бы сильное повѣствованіе, оживленное частицей духа старинныхъ балладъ, богатое блестящими описаніями и перевитое прекрасной декламаціей и изслѣдованіями. Для Драйдена опасность могла бы заключаться въ томъ, что онъ сталъ бы мѣтить слишкомъ высоко, останавливаясь, напримѣръ, чрезчуръ долго на своихъ ангелахъ царства и пускаясь въ соперничество съ тѣмъ великимъ писателемъ, которому такъ безподобно удалось передать намъ виды и звуки иного міра. Мильтону — и одному только Мильтону—извѣстна была тайна громадныхъ пропастей, сѣрнаго потока, огненнаго океана, дворцовъ падшихъ властителей, дворцовъ, блиставшихъ сквозь вѣчную тѣнь, тихой пустыни зелени и благовонія, въ которой вооруженные ангелы охраняли сонъ первыхъ любящихъ; ему одному была извѣстна тайна адамантоваго портика, яшмоваго моря, сафироваго пути, разукрашеннаго розами небесными, и безконечныхъ рядовъ херувимовъ, блиставшихъ алмазами и золотомъ. Совѣтъ, турниръ, процессія, соборъ, наполненный людьми, лагерь, гауптвахта — вотъ предметы для Драйдена.

Но намъ нѣтъ возможности обозрѣть всѣ произведенія, написанныя Драйденомъ. Тѣмъ менѣе станемъ мы долѣе размышлять о такихъ, которыя онъ могъ бы написать. Вообще, о немъ должно сказать, что онъ былъ человѣкъ съ обширнымъ талантомъ, которымъ онъ часто злоупотреблялъ, и со здравымъ сужденіемъ, указаніями котораго онъ часто пренебрегалъ; человѣкъ, который отличался только въ одной изъ низшихъ областей своего искусства, но отличался

(¹²) Имѣнья Боккингама и Литльтона.

въ ней необыкновенно, и который — при большей независимости ума, большемъ стремленіи къ совершенствованію и большемъ самоуваженіи — достигъ бы въ своемъ дѣлѣ положительнаго превосходства.

КОНЕЦЪ ПЯТАГО ТОМА.

ВАЖНѢЙШІЯ ПОГРѢШНОСТИ:

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Читай:*
17	1	были-бы	были
33	17	Понтійскихъ	Понтинскихъ
49	16	поддаются	не поддаются
59	17	можемъ	можетъ
64	18	привильными	правильными
73	16	отыскивалъ	отыскивала
86	31	номожность	возможность
92	5	ужаснымъ	угрюмымъ
94	29	которой	о которой
108	14	испугала	испугалъ
136	4	разсужалъ	разсуждалъ
162	4	Бкрдфорда	Бедфорда
179	25	отстрочить	отсрочить
182	36	ея	Вся
184	20	полатнымъ	палатнымъ
192	3	частнымъ	частымъ
215	2	лорда	графа
231	5	предѣла	придѣла
254	8	несхожія	несхожихъ
268	28	усвоиться	освоиться
277	22	которыми	которымъ
282	28	оно	онъ
286	33	тому	той

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

5-го ТОМА.

Б.

В.

Г.

1/20

Ф.

Ц.

Ч.

Ш.

REGIONE LAZIO
SOPRINTENDENZA
A
BENI LIBRARI
ASSESSORATO CULTURA

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

Примѣчанія, означенныя цифрами, принадлежатъ русскому изданію, буквами — автору, а звѣздочками — заимствованы изъ американскаго, нѣмецкаго и др. изданій Маколея.

